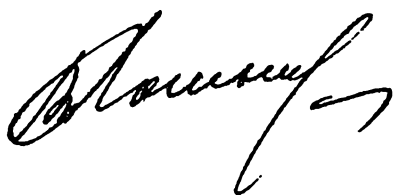

ВЛАДИМИР
ЛОГИНОВ

КРИМИНАЛА
РАССКАЗЫ
И ОЧЕРКИ

Эта книга о том, что могло бы случиться по вероятности и необходимости и что произошло в действительности... став фактом истории моей великой и несчастной Страны...

A handwritten signature in black ink, which appears to be the name 'Владимир' (Vladimir) followed by a stylized surname, likely 'Путин' (Putin). The signature is written in a cursive, flowing style.

ВЛАДИМИР
ЛОГИНОВ

ад КРИМИНАЛА

РАССКАЗЫ
И ОЧЕРКИ

"МИСТИКОС" "АДАМАНТЪ"
Москва 1993

ББК 84Р7
Л 69

Библиотека альманаха "Ш П И О Н"

Логинов В.М.

- Л 69 Ад криминала: Рассказы и очерки. — М.:
Мистикос, Издательское товарищество
"Адамантъ", 1993. — 432с.
ISBN — 5-900483-01-0
ISBN — 5-86103-002-2

Автор — член Союза писателей России — побывал в Армении и Азербайджане, Тбилиси и Дубоссарах, Чечне и Осетии. Был под обстрелами и в заложниках...

Что толкает человека к преступлению? Каковы истоки обоюдного национального озверения? Какова душа дьявола? Ответы на эти вопросы дает В. Логинов в своих лучших рассказах и очерках.

"Ад криминала" — увлекательная книга о современной России, ее преступниках и героях.

- Л 4702010201-001 Без объявл.
9Е1(03)-93

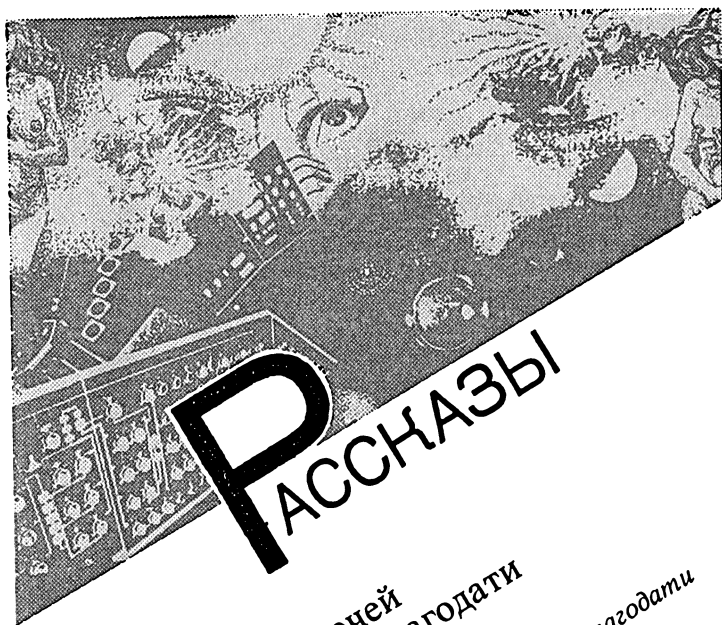
ISBN — 5-900483-01-0

© Логинов В.М., 1993

- Л 4702010201-002 Без объявл.
1Г4(03)-93

ISBN — 5-86103-002-2

© Издательское товарищество
"Адамантъ", 1993

Рассказы

...Закон предтеч
был и слугой Благодати
и истине...

Слово о Законе и Благодати
митрополита Илариона

ЗАКОН НЕВОЛИ

Многое и великое дано нам через закон,
пророков и прочих писателей,
следовавших за ними...

*Из предисловия к греческому переводу
"Книги премудростей Иисуса,
сына Сирахова"*

1. МАЛЬЧИК С БОРОДОЙ

...Опыт убивает жизнь. Он опустошает и омертвляет душу. Накопление опыта — это старение и умирание, охлаждение и окоченение. Это приближение к тайне и познание ее. Но это такое познание, которое нельзя обратить в жизнь, опрокинуть в ее движение. Он, этот великий опыт, не может быть обращен ни в добро, ни в зло.

Каждому из нас необходимо разное земное время для полного приобретения этого опыта. И как только мы завладеваем им — мы уходим в другую жизнь, законы которой, очевидно, противоположны этой. И там начинается все сначала — постижение другого опыта, антипода земному.

Человек лишь тогда и живет по-настоящему, когда приобретает опыт. В страданиях, заблуждениях и прозрениях — его развитие и становление...

С такими мыслями умирал от истощения старый молодой поэт Иван Чудаков. Старый потому, что к нему уже явился этот опыт-могильщик, молодой потому, что ему было всего тридцать шесть лет. Увядающие женщины называли его мальчиком с бородой, ибо он всегда был наивен как дитя, а после двадцати отпустил бороду и с той поры не брился.

Жизнь Ивана предопределяла судьба. Она властно и жестоко заставляла его ошибаться для того, чтобы он извлекал из этих частых и драматических ошибок как можно больше опыта. Судьба гнала его как прокажен-

ного, совсем не позволяя передохнуть. Она распалая его страсти, разжигала воображение, подхлестывала ум. И он несся как метеорит, сгорая и клубясь. И чем быстрее он мчался, тем ярче и светлее оставался его свет на земле. Иногда он падал от изнеможения и жаждал смерти, которая представлялась ему счастьем, поскольку освобождала от этой дикой гонки. Но судьба не позволяла умирать. Она тихо переживала остановку и снова гнала — за опытом, который, накапливаясь, делал свое черное дело: охлаждал душу поэта и быстро старил его. И вот, наконец, опыт перелился через край своей чаши, которая все открывает и все закрывает. Поэт не имел права жить. Но и умирать не хотел.

Обессиленный и измученный, он лежал в маленькой комнатке коммунальной квартиры, принадлежавшей его давней знакомой. Иван всю жизнь скитался по углам и никогда не имел собственного жилья. Правда, к нему он и не стремился, потому что знал, что на земле он гость да и проживет недолго. Поразительное дело: о себе он знал абсолютно все. Знал, что ошибется, и ошибался, знал, что влюбится и обзаведется детьми, а потом их потеряет. Так и случалось. Но он не мог жить иначе. Он был так устроен, этот несчастный мальчик с бородой.

Его не печатали целых пятнадцать лет, но он писал и знал, что рано или поздно его все равно будут печатать. Он был готов к тому, что никогда не увидит своими глазами ни одной своей печатной строки. Но вдруг увидел и несколько не удивился. Его "открыли" в тридцать пять и за год напечатали почти половину пятнадцатилетних трудов. Ему дали хорошую работу, поставили на ноги и распрямили крылья. Но он не удержался и упал. Упал потому, что пришел опыт. И поэт понял, что сгорел. Быстро и рано. Тогда он запил...

Русская водка — неизбежная спутница опыта. Они любят друг друга, и она во всем помогает ему. Казалось, что с поэтом все кончено. Но неожиданно случилось так, что Водка влюбилась в мальчика с бородой и весь свой яд обратила в лекарство. Ведь не случайно во времена страшных эпидемий, уносивших тысячи человеческих жизней, ее называли Водой Жизни. И этой Водой Жизни она стала для поэта. А потом во имя любви к нему прокляла себя. Запой оборвался, мальчик с бородой не умер. Он остался жить с опытом...

Странная началась жизнь. Тридцать седьмой год... Или первый его второй жизни. Он был беспомощен и слаб, как ребенок, а должен был работать, как муж-

чина в расцвете лет. У него обнаружилась куча детей, которых надо было кормить и одевать, а он не мог прокормить даже самого себя. Наконец, у него не было никакого жилья. Предстояло начинать с нуля, но для этого тоже не было никаких сил. И тогда он решил...

Он решил продать свой опыт. Но, увы, его никто не покупал. Правда, наконец один покупатель все же явился. Им был симпатичный мужчина лет сорока, с зелеными глазами. Он подошел к нему на улице и протянул руку как старый добрый приятель. Поэт сразу все понял и тут же согласился. Писать с опытом уже нельзя было ни строчки — из-под пера выходило нечто холодное и мертворожденное. Опыт отнял талант, лишил живого слова и творческого горения.

Зеленоглазый друг повел поэта в большое серое здание. Там к его голове подключили множество датчиков с проводами и в удобном кресле задвинули в компьютер. Сколько времени Иван находился в этой адской машине — не помнил. Но вышел на улицу уже другим человеком. Шаги его были уверенны, голова чиста — ни одной мысли, никаких сомнений.

Он даже почувствовал себя счастливым. Женщины и дети улыбались ему, старики почтительно провожали взглядом. Что-то изменилось. Иван ощутил прилив сил и какую-то власть над людьми. Они представлялись ему шахматными фигурками, которые можно двигать по доске как заборгорассудится. Дома он даже попытался начать поэму о воскресшем Христе и об ощущении им своего могущества после смерти. Радостном состоянии и спокойном умиротворении...

Но тут явилась новая беда. Он с ужасом обнаружил, что не может спать. Очевидно, во время манипуляций в компьютере (когда он продавал свой опыт) был задет тот участок мозга, который регулирует бодрствование и сон. Промучившись три дня без сна, поэт пошел в большой серый дом к зеленоглазому другу. Но тот куда-то исчез, а в подвалах дома монтировалось оборудование швейного кооператива. Так, без опыта и без сна, Иван явился в специальную комиссию по проблемам человека и рассказал обо всем, что с ним произошло.

На него завели личную учетную карточку, поставили на учет в психоневрологическом диспансере и велели зайти через неделю. Возвращаясь домой, Иван остановил взгляд на рекламном щите, призывающем посетить древнерусскую живопись. Афиша была скромной, но выполнена тонко и талантливо. Он купил билет и обо-

шел полупустые залы, останавливаясь у икон, внешне ничем не примечательных, пристально всматривался в женские лики и младенческие глаза. Ни Спас, ни Никола, ни Георгий Победоносец не задерживали его внимания. Возвращаясь к выходу, он все чаще останавливал глаза на нимбах и крыльях святых. Что это? Необходимый антураж или символ невидимого для слепого духа? А может, официальный штамп, подчеркивающий исключительные свойства личности?

Ночью он, наконец, заснул и увидел удивительный сон. Иван пребывал в мире, сотворенном лучшими иконописцами: те же краски, те же лики, те же крылья и нимбы. Просто поразительно. Проснувшись, он предположил, что древние иконописцы — не выдумщики и не фантазеры, а подлинные сверхреалисты, но мира другого, недоступного простому человеку. У одного из русских философов его когда-то потрясла в общем-то банальная мысль: попытка представить загробную жизнь — это воспоминание о рае. И таким воспоминанием о существующем рае казались ему и сон, и творчество иконописцев.

Но кому и когда открываются картины того мира? Ясно, что далеко не всем и тогда, когда, видимо, подтачиваются нравственные устои жизни, когда сама жизнь под угрозой и извращается до дикой альтернативы ее нормального облика. А что такое идеал? Не есть ли это обыкновенная норма подлинного бытия личности? И что такое творчество? Не есть ли это высшее интимное действие, порожденное страстной тоской по совершенству?

С этого дня он решил заняться живописью. На новые, пахнущие типографской краской купюры, переданные ему зеленоглазым другом в день продажи опыта, Иван купил этюдник, краски, складной стульчик и большой зонт. Теперь он едва ли не каждым утром уезжал за город и уходил в лес, подыскивая уютную солнечную полянку. Но его холсты походили на сплошную разноцветную мазню, к которой и у него самого душа не лежала.

2. АНТЕК И АФОБИЯ

Но вот однажды, в один из теплых воскресных дней, когда Иван расположился на чудной поляне под раскидистым дубом, случилось необычное.

Сначала у него закружилась голова, потом перед

внутренним оком возникло множество радужных кругов. Они лопались как мыльные пузыри, рождая светящиеся шарики, которые мгновенно взлетали вверх и исчезали. Он чувствовал, что теряет сознание. Обхватив руками ствол дерева, поэт опустился на землю. И тут увидел...

Шагах в тридцати от него плавно легло на траву удивительное сооружение — меняющий форму и размер серебристый аппарат. Он казался то очень большим, то совсем крошечным. Почти то же происходило и с поэтом: трава у его ног то вырастала до высоты деревьев, и он чувствовал себя букашкой, то сам он раздувался до размеров мостового крана, и дуб за его спиной превращался в хрупкий саженец. Сколько времени происходили эти странные метаморфозы — определить было невозможно. Но вот вроде бы все выровнялось, и аппарат принял строгую форму, похожую на наложенные друг на друга тарелки метров шесть — восемь в диаметре.

Вскоре из него вышли люди. Их было двое — среднего роста, в черных, похожих на спортивные костюмы, одеждах. Они не спеша направились к дубу, за которым в страхе притаился Иван. Шли они удивительно изящно, словно пританцовывая, движения рук и ног были легки и раскованны. Но лица! Стоило только взглянуть на них, чтобы понять: эти люди не земляне! И тут он увидел еле заметное золотистое сияние над их головами.

Когда незнакомцы приблизились, Иван изумился: мужчина и женщина. Причем оба были невероятно красивы, но вот только как живые мертвецы. Женщина с фигурой и лицом Венеры с картины Боттичелли улыбалась, словно заводная кукла. Она-то и заговорила первой.

— Здравствуй, мил человек! Извините, что потревожили вас. — Замечательная дикция неестественно сочеталась с неподвижным лицом, словно женщина говорила из динамика магнитофона. Но все же это был живой голос, и поэт знал по своему большому и не до конца проданному опыту, что теоретически так может сказать женщина, пережившая трагедию или находящаяся на грани жизни и нежизни.

— Здравствуйте, — тихо ответил он. — Вы ко мне?

— К вам, товарищ, — подтвердил мужчина, и Ивану стало не по себе: у него был суровый холодный голос.

И тут Иван понял: эти люди знают все языки земли — их языковая память запрограммирована. В русской программе для подобающей ситуации был заложен именно такой ответ. На душе у него стало полегче — хоть о чем-то догадался.

— У вас есть ко мне какое-то дело? — спросил пришельцев Иван и поднялся с земли.

— Есть, сударь, — приблизилась к нему женщина. — Но давайте сначала познакомимся. — Она протянула свою тонкую розовую руку и назвалась: — Афобия.

— Иван, — поэт поцеловал ее руку; она была очень теплой и ласково обожгла губы. Потом он пожал руку мужчине, назвавшемуся Антеком. Рука Антека по ощущению была обыкновенной мужской рукой. Только во время рукопожатия чуть заметный нимб над его головой вспыхнул еще ярче.

— Надеюсь, вы понимаете, что мы из другого мира, — дипломатично заговорил Антек. — И намерены просить вас, Иван, оказать нам небольшую услугу.

— А в чем дело?

— Мы приглашаем вас к себе в гости. Совсем ненадолго. Но, если вам понравится, живите у нас сколько хотите. Даже можете стать невозвращенцем. Вот только здесь у вас будет статус бесследно исчезнувшего...

— Уж не в загробный ли мир? — попытался улыбнуться Иван.

— Боже упаси. Никак нет, гражданин. Мы с Афобией живые люди, только обитаем на другой земле, земле, созданной умом и руками человека.

— Искусственной, значит?

— Ну что-то вроде этого.

— А почему именно я удостоился вашего внимания? Кто я такой? Ничем не выдающийся человек...

— Ну, как вам сказать? Именно такой нам и нужен. Вы — средний представитель своей цивилизации, так сказать, ее тип. А мы, видите ли, ведем большую научную работу, и нам важно знать... В общем, не хотите — дело ваше. Мы пригласим другого.

— И сколько это займет времени?

— Я думаю, что сегодня вечером вы вернетесь домой с этюдов как ни в чем не бывало.

— Что ж, тогда я согласен, — твердо ответил Иван и почувствовал легкое прикосновение Афобиных рук.

Когда они подошли к аппарату, Антек предупредил:

— Будут небольшие физические перегрузки, и я бы советовал вам принять небольшую дозу пси-излучения.

Иван согласно кивнул и, осторожно забравшись в аппарат, сел на указанное ему место. Тут же кресло под ним распрямилось, потом прогнулось и сошлось краями. Он оказался завернутым в оригинальный "спальный мешок". Но руками и ногами можно было двигать как

угодно — "мешок" эластично растягивался без особых усилий. Такое уникальное кресло ему очень понравилось.

Потолок аппарата представлял собою прозрачную полусферу, охваченную снаружи едва видимыми языками голубого пламени. Впечатление такое, будто "тарелку" облили спиртом и подожгли.

Пока устраивались и "заворачивались" в кресла его новые неземные друзья, он успел кое-что рассмотреть внутри аппарата. Однако ничего сногшибательного здесь не было. Какие-то неуклюжие выступы черного цвета, изгибы из блестящего материала и всевозможные педали, сделанные будто бы из каучука. Все это походило на маленький спортивный зал из снарядов по неведомому виду спорта или кабинет лечебной медицины, обставленный приспособлениями для нейрохирургических больных.

Антек быстро "завернулся", а Афобия все медлила. Она соединила в полукруг несколько выступов, придвинула к своему креслу-"мешку" большие педали и сняла с себя черную кофту, которая в ее руке мгновенно сжалась до размеров спущенного воздушного шарика. Но не это удивило Ивана, а ее нагота — чертовски соблазнительная, если бы не грудь... негритянки. А может, это была краска или что-нибудь другое.

Ничуть не стесняясь мужчин, Афобия надела на соски груди блестящие колпачки, густо утыканные серебристыми иголками, и села на свое место. Когда она "завернулась", Иван почувствовал приятное опьянение и решил, что это действует то пси-излучение, о котором говорил Антек. Однако все было так интересно, что он мысленно приказал себе запомнить как можно больше деталей явления, очевидцем и участником которого был, и прежде всего постараться зафиксировать время. Но едва он успел об этом подумать, отрывая взгляд от прекрасной головы Афобии, как понял, что они уже летят.

— Господи, где же Земля?! — растерянно прошептал он, вглядываясь в черный купол над головой, усеянный звездами так невероятно красиво, что казался цветущим вишневым садом в лунную ночь. Вот уж поистине не думал он, что красоту космическую можно сравнить с потрясающими картинами девственной весны на Земле!

— Вон Земля, — ответил Антек своим электронным голосом, указав на голубое яблоко слева от него, куда меньшее по размеру Луны, видимой с Земли в окрестностях Млечного Пути.

"Что это: фантастика или сон?" — изумился Иван и

провалился в полузабытье.

Позже он не раз пытался определить, сколько же они были в полете. Прикидывал и так и эдак. Получалось около часа земного времени. Конечно, он не знал тогда, что все трое вместе с аппаратом были уменьшены до минимальных размеров — почти недоступных человеческому глазу — всего в несколько микрон. Но это было позже. А сейчас его привел в чувство Антек и указал глазами на плавающий в черной бездне странный предмет.

— Вот и наша Антропия, — пояснил он.

Да, это была искусственная планета, похожая на хитроумную игрушку-головоломку для коллоквиумов по аналитической геометрии. И нельзя было понять, где в ней внешняя сторона, а где внутренняя: несколько ленточек, соединенных в кольца, концы которых будто бы склеены обратными сторонами и переплетены между собой в некую модель атома, ядро которого светилося в нем маленьким тусклым светлячком.

Когда аппарат снижался над Антропией, Иван был потрясен красотой рукотворной планеты. Все на ней было так гармонично, что хотелось плакать. Так прекрасна бывает Земля из окна самолета на высоте в несколько километров. Но вот посадка... Золотистые нимбы над головами его спутников пропали.

Их встретил невысокий человек такого же неопределенного возраста, как Антек, и крепко пожал руки.

— Спасибо, что отважились посетить нас, — приветствовал он Ивана, слегка улыбаясь. Затем взял его под руку и повел по песчаной дорожке к длинному зданию с плоской белой крышей.

3. РАЗГОВОР С АТАНАСОМ

Когда Иван оказался в большой светлой комнате, из стен которой росли диковинные цветы, а воздух был чист и приятен, к нему подошел встретивший его у аппарата мужчина, назвавшийся Атанасом, и, сев на удобный диванчик у стены, стал расспрашивать:

— Что вы думаете о своей цивилизации?

— Она направлена, — быстро ответил Иван.

— Куда и кем?

— На умирание. А кем — не знаю. Но то, что направлена, — я в этом уверен.

— Почему вы так думаете?

— За последние две тысячи лет ее движение предо-

пределялось влиянием выдающихся личностей. Незамеченных личностей, родившихся, говоря языком теологии, по провидению.

— А что вы думаете о людях вообще?

— Ну что? Это организованные животные. Продукт эволюции.

— Какую роль в их жизни играет нравственное начало?

— Очень незначительную.

— А какую должно играть, по вашему мнению?

— Главную.

— И в чем вы видите причину этому?

— В природе человека. Она очень несовершенна.

— Значит, эволюция пошла по ложному пути?

— Может, и так. Но сами люди бессильны изменить свою природу, а если и пытаются что-то сделать, то делают это варварски примитивным способом по грубейшим и нелепейшим схемам.

— Что, на ваш взгляд, необходимо, чтобы выправить природное несовершенство человека?

— Влияние извне. Но есть еще и другой путь...

— Как вы себе представляете это влияние? Всемирный потоп, ядерная катастрофа, переоценка ценностей?..

— Все это было. Необходимо вернуться к биологическому нулю и исправить ошибку в эволюции. Вам это ничего не стоит. Ведь вы можете манипулировать временем как угодно. А здесь нужно задействовать всего два вектора — прошлое и будущее.

— А если человечество станет еще хуже?

— Даже нормальный баланс добра и зла я считаю безнравственным. А зло, как вам известно, у нас доминирует. Что может быть хуже?

— Доминанта добра, — резко возразил Атанас. — Это уже будет мир бесплотных теней, а не человеческая жизнь.

— Но что же делать?

— Вот я вас и спрашиваю: что сделать, чтобы сохранить землянина полноценным человеком и исправить ошибку эволюции, как вы изволили выразиться?

— Вам видней.

— Нет уж. Мы далеко. И именно вам лучше знать, что творится в вашем собственном доме и почему он так плох.

— Одна из причин этой дисгармонии — в воле к власти, жажде власти, упоении властью.

— Некто из ваших писателей утверждал, что власть питается покорностью, как огонь соломой.

— Это верно отчасти. Покорность, как и склонность

к самосохранению, обусловлена генетически, ибо человек смертен и век его очень короток.

— Биологический век?

— Да. И вы же сами утверждаете, что он есть единственное условие полноценной человеческой жизни. Поэтому я засомневался в вас, ибо не знаю вас. Может, вы дьяволы, а может, и антиподы им! Скажите, зачем интервьюировать меня? Какие цели и задачи вы ставите перед собой? Какой источник энергии используете для своего расцвета?

— Ну что ж, коли вы так дерзки и неуравновешенны, я вам с удовольствием кое-что проясню. Ваши категории добра и зла, а также теологические понятия — из области в а ш е г о мифа, конечно, не в прямом смысле этого слова. В русском языке слова, обозначающего тот или другой эон, нет. Так что простите, если весь этот понятийный аппарат я буду называть земологическим. И эти земологические категории почти неприемлемы для нас. Ну, разве что за редким исключением. Поскольку вы удачно выразились по поводу биолого-эволюционного нуля, то, думаю, ход моих мыслей вам будет понятен. Наши с вами эволюции — лишь две веточки большой кроны дерева взрыва галактики. Мы эволюционировали в тысячи раз быстрее вас и очень быстро истожили родную планету. Она нас вскормила, вырастила, а сама рассыпалась в прах, подобно истлевшему в земле зерну пшеницы, из которого вырос крепкий и сочный колос...

— Осирис? Умирающий и воскресающий?.. — догадался Иван.

— Да. Тот самый египетский Осирис. Осирия рассыпалась в пыль, сейчас мы с большим трудом определяем ее бывшую орбиту. Но мы создали Антропию. Средняя продолжительность жизни антропинянина — десять-двенадцать тысяч земных лет. По вашим временным рамкам мы почти бессмертны. И поверьте, мы здорово устаем жить, и почти никто из нас не умирает своей смертью. Мы уходим по причине биологической усталости, нам в тягость бессмертие. Наша молодость длится всего две-три тысячи лет. Потом мы утрачиваем эмоции, словно застываем, отключившись от времени, и поддерживаем свою жизнь биоэнергией. То есть, говоря примитивным русским языком, перекачиваем кровь молодых цивилизаций в наши жилы.

— Значит, вы племя вампиров и вурдалаков?

— Пусть будет так. Мне нечего скрывать, потому что

вы все равно забудете этот разговор, как, впрочем, и сам визит к нам.

— И сколько вы погубили цивилизаций?

— А какая разница? Главное в том, что мы выжили и опередили практически всех из нашего дерева-взрыва. Потом, не забывайте, что ведь вы тоже питаетесь своими младшими братьями.

— Так вот откуда эсхатологическая направленность нашей цивилизации! — воскликнул Иван и вскочил на ноги. — Вы высасываете из нас все живородные соки! — Он сжал кулаки и бросился на собеседника, но в это мгновение Атанас вдруг превратился в небольшую крысу и шмыгнул в угол. Иван обомлел. Овладев собой, он решил было броситься на эту тварь и затоптать ее, но крыса пропала, а стена комнаты тем временем раздвинулась, и к нему подошла Афобия.

Женщина была в белоснежном костюме с мерцающей фиолетовой розой на груди. Теперь она уже не пританцовывала и не улыбалась. Сев на место Атанаса, она взяла Ивана за руку и тихо сказала:

— А ты отчаянный человек. И возможно, тебе надолго придется задержаться у нас. Во всяком случае, Атанасу ты очень понравился, хотя и не годишься для того эксперимента, ради которого мы сюда притащили тебя. Ты слишком умен и смел, а такие земляне нам нужны.

— Кому это вам? — огрызнулся Иван. — И кто вы такие? Вот ты в первую очередь! Кто ты?!

Афобия улыбнулась, и так прекрасно, что бедный поэт растерялся.

— А я ведь твоя землячка, — ласково ответила она и прижалась к его плечу.

— Как землячка?

— Да очень просто. Землянка или землячка — одно и то же. И даже царского рода.

— Как — царского?

— Я дочь царя Соломона. И меня просто-напросто украли...

— Ну?

— Хватит нукать! — Афобия резко встала и взяла его за руку. — Пойдем ко мне домой. Теперь я твоя опекунша и буду воспитывать как ребенка.

4. У ДОЧЕРИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Афобия жила неподалеку от Центра исследований ци-

визаций. У нее был небольшой домик, окруженный несколькими раскидистыми деревьями, на ветках которых висели удивительные плоды, похожие на баранки. Не заходя в дом, она сорвала несколько таких "баранок" и протянула Ивану.

— Попробуй наши мпаны, таких на Земле нет. Это лимонные бананы...

— Послушай, Афобия, — взял у порога руку женщины Иван. — Почему вы говорите на каком-то диалекте греческого языка?

— А ты знаешь греческий? — удивилась она.

— Да как сказать? Разбираю...

— Это языковая основа Антропии. Нечто вроде вашего эсперанто, но в отличие от последнего — очень живая и подвижная.

— И вы пишете на ней?

— Да, конечно. Но поэтов и писателей как таковых у нас нет. Они не нужны нам.

— А как же эстетическое наслаждение?

— Господи! Так ведь сколько всего прекрасного на других языках, в том числе и на языках Земли! Читайте и наслаждайтесь!

Когда они вошли в дом, который был весь заставлен цветами, удобной мягкой мебелью, а вместо пола росла обыкновенная земная трава, Ивану сразу же захотелось снять башмаки. Трава была теплой, будто разогретая солнцем, и росла действительно из земли.

Афобия провела его в комнату, где были три ванны, наполненные подкрашенными водами: голубой, лиловой и молочной. В молочной вода пузырилась, очевидно, со дна подавался воздух.

— Сначала сюда, — указала хозяйка на бурлящее "молоко", — потом в голубую и лишь затем — в третью. Халат на вешалке. Выйдешь в угловую дверь направо. Да, время нахождения в каждой из ванн должно быть примерно одинаковым. Ну вроде бы все, — она улыбнулась и вышла.

Забравшись в первую ванну, Иван с ужасом обнаружил, что стал весь белым, будто окунулся в водоземлюсионную краску. Опасаясь, что краска не смоеется, он быстренько перебрался в голубую, но здесь его ждала неожиданность пострашнее: тело стало черным. Стуча от испуга зубами, он плюхнулся в лиловую, и сго как жаром обдало. Потом блаженство овладело мышцами рук и ног: красок как не бывало, а кожа распарилась и натянулась. "Воды жизни, прямо как в

сказке", — подумал он и выбрался на мягкий коврик.

Халат, который он надел на себя, был почему-то холодным и колким, а цвет его переливался океанским перламутром. Поправив волосы и влажные клоки бороды, Иван вышел в указанную дверь.

Здесь, на большой белой шкуре, в прозрачном пеньюаре сидела Афобия с большим гребешком в руках. Рядом с нею на столике лежала все так же мерцающая фиолетовая роза.

— Ну иди, я тебя причешу, — ласково позвала она.

Иван, подойдя к ней, встал на колени, не сводя глаз с чуть прикрытой пеньюаром груди. Они действительно были черными, как и часть тела ниже живота. "Что это — купальный костюм или врожденные родимые отметины?" — терялся он в догадках.

— Не смотри так на это, — сказала она, расчесывая ему бороду. — Так надо.

— Но объясни! — не удержался Иван.

— Как-нибудь потом.

— И это нельзя снять?

— Нет.

Причесав его, она поднялась на ноги и позвала с собой.

— Я покажу тебе комнату притчей моего отца. Так я назвала ее, и думаю, что тебе она понравится:

Они прошли небольшой коридорчик и оказались в квадратной комнатенке с песчаным полом и волнообразным голубым потолком. Правый угол был уставлен подушками, у открытого окна небольшой столик, и рядом с ним два мягких кресла, спинки которых удобно изогнуты. Цветов в отличие от других помещений здесь не было.

Они сели, и Афобия заломила на своей фиолетовой розе два лепестка. Тотчас на стенах зажглись слова. Это были Соломоновы притчи на русском языке:

Не соревнуй человеку, поступающему
насильственно, и не избирай ни одного
из путей его.

Человек, сбившийся с пути разума,
водворится в собрании мертвецов.

Иван даже вскочил от неожиданности. Соломон был его любимым ветхозаветным писателем. Когда-то он знал наизусть всю "Песнь песней" и часто с большим наслаждением погружался в Премудрости. Но к Притчам относился спокойно и даже с некоторой иронией. Однако теперь в нем проснулась врожденная жажда к мудрости,

встрепенулась душа, истосковавшаяся по чувственной страсти к уму и мысли. Он всегда писал философскую лирику и был глубоко убежден, что создан лишь для нее и не для чего более. Обойдя стены с Притчами, Иван остановился перед Афобией. Глаза его светились.

— Это моя маленькая тихая радость, — еле слышно сказала Афобия. — С тех пор как мы расстались с отцом, прошло около трех тысяч земных лет, но книги его... они всегда при мне, — она переложила с ладони на ладонь свою фиолетовую розу. — Они меня утешают больше, чем прямые беседы с ним.

— Как беседы? Ты что — вызываешь его дух?

— Нет, Ванечка. Я еще не сказала тебе, что здесь мы воскрешаем особи. У нас огромная человекотека. Впрочем, ты можешь сам пообщаться с кем-нибудь из умерших землян, но только через прозрачную перегородку.

— Значит, они у вас как в лагере строгого режима?

— Да, они очень опасны, ибо вещество воскресения, которое создает видимый облик, иногда ведет себя просто непредсказуемо. И если опоздаешь на какой-то миг поставить защиту, то сам уйдешь по ту сторону. Мы столько умниц потеряли, когда создавали человекотеку, что страшно вспомнить.

— Я все мог допустить, но только не это, — помолчав, пробормотал Иван и опустился в кресло. — Был у нас философ Федоров, который мечтал о восстании предков, но чтобы видеть это наяву!.. Кстати, вот эти притчи напоминают концептуальный осколок великой гуманистической теории...

— Да. Мой отец был одним из мудрейших мужей Земли. А эту группу я выбрала именно для тебя. Подумай над ней хорошенько, а после сна мы встретимся с тобой. Пора уже отдыхать. Ведь у нас нет ночей, и мы ложимся спать по мере усталости и спим столько, сколько нужно для отдыха или работы во сне.

— У вас вечный день?

— Да. У Антропии нет вращения вокруг оси, да и самой оси нет. — Она поднялась и подошла к окну. Штора упала, подушки мягко легли на пол, маленький тусклый огонек замерцал в изголовье. — Если не сможешь заснуть, позови меня! — И быстро вышла.

5. АВЛАБИЯ-ПОРНА

Прошло немного времени, в пересчете на земное не-

многим больше недели — Иван ложился спать около десяти раз. Два раза заходил Антек, и они долго говорили. Антек сокрушался, что Иван не годился для эксперимента, и винил во всем Афобию, ибо это она положила глаз на лесного художника и уговорила взять с собой именно этого человека. Он просил Ивана не спорить с Атанасом и соглашаться на все ради скорейшего возвращения на Землю. Иван отвечал уклончиво, но больше молчал.

Однажды вместе с Афобией пришла хрупкая девушка Авлабия. Она была очень весела и то и дело гладила и щипала Ивана. Афобия усмехалась, глядя на ее игры. Может, это была ревность, а может, и зависть к ее возрасту, — Авлабия была во много раз моложе хозяйки дома.

Дня через два по антропическому циклу Авлабия снова явилась к Ивану, когда он лежал в постели, и страстно отдалась ему. Землянин был очень подавлен случившимся, но устоять не смог. Заметив его смятение, Авлабия принялась утешать:

— Пусть не мучает тебя совесть, я переспала с тобой по любовной страсти, а Афобия ублажает тебя по заданию.

— Но я не сплю с ней.

— Тем более. Да и она уже старая.

— Как — старая? Она не может быть женщиной физиологически?

— Может, но ее эротика законсервирована.

— Этот черный купальник?

— Да. Только это не купальник, а искусственный заменитель человеческой кожи, который замораживает половые органы и молочные железы на очень длительное время.

— А что это за колпачки с иголками, которые она надевала на соски в полете?

— Это амоприемник с антеннами для сбора энергии блуждающих эротических лучей. Они аккумулируются в этом "купальнике" и подпитывают сексуальные функции.

— Вот оно что! Вот почему она вечно молодая!

— Она больше всех из наших разведчиц болтается в молодых цивилизациях и столько собирает "меду", что ее грудь распухает до невероятных размеров, а живот, — как на вашем девятом месяце беременности. У нее даже прозвище есть — Ненасытная Мелисса.

— То есть пчела?

— И если бы только пчела. Она главный эродонор

Антропии и держит в зависимости сотни женщин, страдающих от сексуальной недостаточности, или, как говорят у вас, фригидности.

— И тебя?

— Нет. Я файманка и могла бы в этом деле переплюнуть Афобию. Но не по душе мне это занятие. В нем есть что-то мерзкое...

— А что значит файманка?

— Файма — моя родина. Она примерно такая же, как и твоя Земля, но в Сиррахической системе. Ты должен знать, что Сиррах — альфа созвездия Андромеды.

— И чем ты занимаешься здесь?

— Проституцией. А кличка моя — Порна или Пор-нея.

Иван обалдел. Он еще толком не успел оклематься на новой планете, как попал в объятия проститутки. Что же будет дальше? Его вышвырнут, как собаку, или переработают на мыло. Надо каким-нибудь способом избавиться от этой неземной шлюхи, а то, чего доброго, Афобия заявится — и тогда хоть в петлю полезай...

Но Авлабия-Порна и не думала уходить. Она так распалила его своими ласками, что он совсем голову потерял и, наверное, долго бы не пришел в себя, если бы не увидел вошедшую хозяйку.

Афобия улыбнулась, глядя на обнаженные тела, и, достав из стенки склянку с красной жидкостью, налила полный стакан.

— Выпей, Геракл, — протянула она землянину угощение. — Наша девушка толк в мужиках знает.

Зардевшись от смущения, Иван выпил стакан до дна. Это было великолепное виноградное вино. Оно сразу ударило в голову и облегчило душу.

— У Порны самая завидная профессия на Антропии, — продолжала хозяйка. — Она работает в собственное удовольствие да еще и творчески. Эх, если бы я была помоложе...

— Ты и так не старая, — рассмеялась Авлабия. — А клиента ты выловила роскошного! Отдай его мне, я с ним жить буду.

— Ну уж раскатала губы! — хохотнула Афобия, как разбитная бабенка с одесского Привоза. — Мне за него уже и так шею намылили, что до конца своих дней не расхлебаюсь. Если бы не заслуги Мелиссы Ненасытной, погнали бы меня поганой метлой из Центра. Да только крепко я держу Атанасову шайку в кармане. Все их порнушки-девчушки без меня, как рыбешки без во-

дички. Ну, топай, Авлабия. Завтра придешь, — в ее голосе чувствовались повелительные интонации, и Иван понял, что Авлабия-Порна явилась не случайно, что все это сделано с ведома разведчицы — иудейки и, несомненно, преследовало какую-то цель. Только вот какую?

Когда файманка удалилась, хозяйка расхохоталась и достала свой фиолетовый цветок. Заломив лепестки, она зажгла на стенах все те же Притчи.

6. ИВАН ЧУДАКОВ

Видимо, пора подробнее рассказать о судьбе поэта, вывезенного в Антропию.

Родился он в провинциальном южном городке России на берегу Азовского моря в большой семье скромного бухгалтера совхоза, двадцать лет подряд проносившего черные нарукавники и столько же времени прописавшего одним пером под названием "уточка". Мать Ивана была тихой донской казачкой, женщиной терпеливой и трудолюбивой. В семье было семеро детей — три девочки и четыре мальчика, а Иван был последним ребенком, которого вырастили старшие сестры и братья.

К тому времени, как Иван закончил школу, родители умерли, старшие сестры вышли замуж, двое братьев служили в армии, один сидел в тюрьме...

Сначала он уехал в Таганрог и поступил в техникум. Бросив его через год, стал студентом политехнического института в Ленинграде. Но и здесь его постигла неудача — не поладил с преподавателями кафедры общественных наук, был исключен с курса и подался на Дальний Восток, а оттуда — на Чукотку, в геологическую партию. Потом были Новороссийск, Одесса, Минск, Рига.

Женился три раза и три раза разводился. В общей сложности у него было пятеро детей: трое от каждой из жен и двое усыновленных. Причина развода в каждом из случаев была почти одинакова: отсутствие денег, всепоглощающая страсть к поэтическому творчеству, не приносившему никаких доходов, и очень болезненный "комплекс Отелло" — ревность к женам, доводившая его порою до умопомешательства. Конечно, женщин этих красавицами назвать было нельзя, но каждая из них была по-своему миловидна и обаятельна. Иногда, в минуты просветления, Иван очень горевал по поводу своего недуга, но поделать с собой ничего не мог — слишком

коварна и страшна была эта болезнь. Однако ему все же удавалось избежать трагического конца. Он находил в себе силы развестись и уйти.

Тем временем его поэтические упражнения принесли свои плоды, он был оценен специалистами и принят в Институт поэзии, философии и искусства, который блестяще окончил. Как он жил все эти студенческие годы — для него самого оставалось загадкой. Может, спасала довольно солидная именная стипендия, может, подработки на стройках и в различных цехах — ведь у него была куча специальностей. Во всяком случае, курс обучения он закончил великолепно, получил степень, хорошую работу и приобрел некоторую известность в своих кругах. А потом настал тот опыт, который и довел его жизнь до последней черты...

Последние два года он не жил ни с одной из женщин, опасаясь, что болезнь может поставить в его жизни последнюю точку. Однако, что это был за "комплекс Отелло", — следует рассказать поподробнее.

От природы Иван был человеком чистым и ранимым. Он не принимал той действительности, которая окружала его, и действительности прежде всего брачно-семейной. Наблюдая сотни браков, он видел несколько типичных разновидностей этого института. Вообще, сама идея брака была им настолько обожествлена, что он не допускал никаких аномалий.

Любовь до гроба, даже жертвенная, — вот что лежало в основе его концепции. И не дай Бог измена! Для Ивана это было преступлением перед человечеством и, по его убеждению, должно было караться смертной казнью. Никаких прощений! Никаких компромиссов в этом вопросе! Вопреки и здравому смыслу жизни, и вековым традициям, и всему эволюционному опыту. Он задумал поломать само представление супругов о какой-либо возможности развода, ухода, переигровки. Для современного человека это выглядит безумием и первобытной дикостью, но для Ивана — это и было золотой жилой всей системы его нравственных представлений о человеке. От дисгармонии действительного и желаемого он глубоко страдал. Как от невыносимой физической боли. (Это был его принципум контрадикционис*.) С кем он ни пытался говорить по этому поводу, то слышал почти всегда одно: "Се ля ви, старик, такова жизнь". Что значит "такова жизнь"?.. Словом, он был страшно

* Закон противоречия в логике.

одинок в своих мыслях и болезненных переживаниях на этот счет. И ему уже давно было впору идти и сдаваться в сумасшедший дом, где бы закололи, запичкали, затоптали и скрутили в бараний рог. Но он все медлил, все пытался оттянуть время, ожидая поддержки, хотя бы извне. Как вразумить людей не делать зла и боли самым близким своим? Как докричаться до них?..

Когда Афобия стала зажигать на стенах Притчи отца, он остановил ее и попросил дать ему полный текст книги на русском языке. Его просьба была исполнена, и когда хозяйка получила текст обратно, то была странно удивлена, увидев подчеркнутые карандашом строки.

7. ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВНОСТЬ

А подчеркнуто было вот что:

Не внимай лстивой женщине: ибо мед источают уста чужой жены, и мягче еля речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдо-острый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней.

Кто же прелюбодействует с женщиной, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это: побои и позор найдет он, и бесчестие его не изгладится, потому что ревность — ярость мужа, и не пощадит он в день мщенья, не примет никакого выкупа...

Афобия тихо рассмеялась.

— Пожалуй, каждый отбирает те мысли отца, которые ему ближе всего. На мой взгляд, это самые слабые притчи, поскольку противоречат человеческой природе. Особенно природе женщины. Я просто поражаюсь: до чего же мужчины ограничены! — И она прочитала двестише по-латыни.

— Похоже на "Сатиры" Ювенала, — угадал Иван.

— Умница! — воскликнула женщина, и роза заиграла в ее тонких нежных руках. — Читай русский перевод.

Иван взглянул на светящуюся стену.

Наложи засов, держи ее взаперти; но кто устережет самих сторожей? Твоя жена хитроумна и начнет с них.

А на другой стене хозяйка написала:

Каковы плоды изнурительной заботы о целомудрии женщины? Ибо, сколь бы справедливой ни была наша страсть уберечь его, нужно выяснить, приносит ли она нам хоть чуточку пользы? Найдется ли среди нас хоть один, кто рассчитывал бы, что при любых стараниях ему удастся связать женщин по рукам и ногам?

— Я буду с тобой спорить, — после некоторого молчания заговорил Иван. — Во-первых, что такое "хитроумность"? Я считаю, что ум и хитрость — вещи несовместимые. Хитрость — это патология ума, извращенный ум. И допускаю, пожалуй, единственную форму хитрости. Это когда ум помогает правому и слабому одолеть неправого, но сильного. Но лучше, если бы нужды в такой хитрости никогда не было.

— Ты хотел сказать хитроумности, — поправила его Афобия.

— Да. Хотя мне кажется, что и хитрость и хитроумность — одно и то же. Ведь глупый человек хитрым быть не может, так как и не может быть хитроглупости. А что касается Ювенала, то он мне очень несимпатичен. И "Сатиры" его я не люблю, как и любое, пусть даже талантливое, зубоскальство. Хитроумная жена, начинающая со сторожей, не имеет права называться женой. И бессмысленно ее запирасть. Это уже будет явление по ту сторону нравственности и морали. Теперь о Монтене. В его комментарии к Ювеналу высветилось самое худшее, что в нем присутствовало: утилитаризм с одной стороны и безрассудный полет мысли — с другой. "Перо, брошенное на ветер", — кажется, так он называл свой метод. Ведь говоря о страсти уберечь целомудрие, он задается вопросом: "Приносит ли она нам хоть чуточку пользы?" Я считаю этот вопрос не только безнравственным, но даже преступным по отношению к жизни. Культ чистой девы в русском народе — один из самых великих культов, это культ Богородицы и Девы Марии. С ним связан напрямую генетический код нации, утрата которого повлечет за собой гибель народа.

— Ох уж эти русские! Они совсем помешались на охране нравственных традиций. Отсюда и ваша дикая жестокость! И, кстати сказать, твоя патологическая ревность!

— С моей ревностью давно все ясно. Ты была права, когда говорила о природе женщины, которую мы будто бы не учитываем. Корень зла — это злое и невоздерж-

жанное сердце, как сказали бы наши теологи. Провоцирующее начало в святая святых, игра с огнем, наконец, безответственность в самом ответственном вопросе, — вот, пожалуй, истоки, порождающие эту болезнь, которая и не болезнь вовсе, а мученический крест. Почему наши горе-доктора присобачили к ревности эпитет "патологическая"? Чтобы оправдать развращенную природу женщины? Конечно, для большинства людей, смирившихся с грязью жизни и принявших ее как данность, протестующий против нравственной мерзости будет казаться сумасшедшим. Страдание души, как бы назвал я ревность, — это дыхание любви, а любовь — начало жизни. Случается, когда и любовь называют патологической, а вслед за этим ненормальной признают и саму жизнь. Вот такая цепочка. И ведет она к вещам страшным...

— На земле есть прекрасный тормоз — институт прощения и покаяния. Он уравнивает. Неужели ты хочешь нарушить эту гармонию?

— Я бы хотел создать новую.

— Даже тот, кто хотел создать мир негибнущим, умер и не достиг своей надежды. А ты мечтаешь о высшей гармонии в погибающем мире!

— Ревность не должна быть патологической, — упрямо настаивал Иван. — Это на руку провокаторам. Мы должны эволюционировать в нравственной жизни. Злые и невосдержанные сердца нуждаются в очищении и переориентации.

— А как быть с гретхенфраге? — лукаво поддела его Афобия.

— Здесь я пока бессилен, — тихо ответил Иван. — Но думаю, что на него даст ответ гениальная инженерия. Надо только немного подождать.

— Ждите. Вы народ терпеливый. А мы будем действовать.

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Очнулся он от удара виском о корневище дуба, вылезшее из земли. Очевидно, его усадили, прислонив к стволу дерева, но он упал. Приподняв голову, Иван увидел над лесом заходящее солнце, а справа — удаляющиеся фигуры Антека и Афобии. Вот они подошли к аппарату, скрылись в нем, и вот все исчезло. Они его возвратили, как и обещали...

Иван встал на ноги, которые казались ватными. Кружилась голова, и слегка подташнивало. Надо было как можно скорее выбираться на станцию и уезжать из этого проклятого места. Бросив этюдник со стульчиком, он пошел, не разбирая дороги, спотыкаясь и бранясь.

В электричке ему стало полегче. За спиной играли в карты, впереди пел под аккомпанемент гитары волосатый парень. Рядом, уткнувшись в газеты, сидели пожилые люди. Казалось бы, ничего особенного. Но он ощущал на себе чей-то пристальный взгляд. Хотя ему уже было все равно, что с ним будет, факт слежки действовал угнетающе. А может, это инерция психики после пребывания на Антропии? Но нет. В этом деле он никогда не ошибался. И сейчас не ошибся, увидав на освещенном перроне вокзала зеленоглазого друга, которому он когда-то продавал свой опыт. Совпадений быть не могло, и поэтому он сам пошел навстречу старому знакомому.

Зеленоглазый улыбнулся и протянул руку.

— С возвращением, — поприветствовал он Ивана. — Вас ждет Иннокентий Алексеевич. Но время еще есть, и мы немного пройдемся.

— А кто такой Иннокентий Алексеевич?

— Председатель комиссии по проблемам человека. Мы получили кое-какую информацию о вашем пребывании на Антропии. У нас там есть свои люди. И председатель вами доволен. Кроме того, вы сейчас получите ордер на отдельную квартиру и другую работу. Правда, условия сверхсекретные, и поэтому нужно оформить соответствующие документы.

— А если я откажусь?

— Это исключено. Да вы и не откажетесь.

— Почему?

— Потому, что вам дороги судьбы России и славянской цивилизации.

— А по состоянию здоровья?

— Подлатаем, подкормим. Мы все работаем на износ. У нас нет альтернативы, поскольку силы не равны. Вы видели их?

— Да, я все понял.

— Ну, тогда садитесь вон в ту машину, и вас отвезут к Иннокентию Алексеевичу. До встречи. — Он пожал руку и исчез в темноте.

Иван сел в красные "Жигули" и вскоре оказался у подъезда гостиницы "Собор". Водитель вручил ему пропуск в пятьдесят второй номер на шестом этаже.

Иннокентий Алексеевич оказался простым мужиком невысокого роста, с типичным рязанским лицом и седеющей головой. Он разлил по стаканам бутылку коньяка и развернул закуску, купленную в буфете. Наблюдая за его спокойными и ловкими руками, Иван расслабился. Он сразу понял, что перед ним добрый и умный человек. Одним словом — свой. В людях Иван уже не ошибался. Пока все шло так, как и следовало идти, и другого он не ожидал.

— Ну, Иван, за твоё вступление в касту жрецов Белого Света, — поднял стакан Иннокентий Алексеевич. — Удачи тебе, Белый маг Чудаков!

— Спасибо, — чокнулся с ним Иван и выпил до дна.

— Значит, старичок, будем морить вурдалаков? — скорее утвердительно, чем вопросительно, проговорил Иннокентий Алексеевич, пододвигая Чудакову закуску.

— Как прикажете, — улыбнулся поэт.

— Ну и прекрасно. Как там поживает крыса Атанас?

— Я с ним общался всего один раз, да и то он сбежал.

— Они трусливые, Иван. Вообще все потустороннее, что призвано страшить и зачастую страшит, на самом деле само себя боится. И жуть как боится. Сохраняют витальную энергию. Они никогда не прилагают волевых усилий, не растрачивают эмоций и не рискуют. Мир призраков и теней... Но кровушку нашу пьют, ох как пьют! Да ты и закусывай, не стесняйся.

— И что же я должен делать? — напрямую спросил Иван.

— Выявлять их агентуру!

— Каким образом?

— Ну, у них тоже своя иерархия. На самой нижней ступеньке те, кого можно опознать по морде. У них на лицах — печать испуга. Положим, как у начинающего пойманного вора: глазки бегают, сам в смятении и так далее. Ступенька повыше — те наглые, глядят открыто, внешне уверенны, ну как бармены или вышибалы. Третий слой — интеллигенция. Этих можно выявить путем анализа их практической деятельности. Они как пустоты или ядовитые цветы. Словом, паразитируют на всем живом. Ну и четвертый — самый скрытый. Эти могут десятками лет делать вид, что приносят пользу, и иногда приносят. Но какой-то мизер, поскольку вынашивать и рожать не способны. Так, по мелочам. Они даже в штате моей комиссии есть.

— Но как же вы их терпите?

— Они нам нужны, потому что мы их иногда ис-

пользуем для схватки со своими же. Чтобы себя не дискредитировать. Да и чтоб феогелян не подставлять. Ты еще не был на Феогелии?

— Нет.

— Там наши. Если бы не их помощь, мы бы уже давно исчезли с лица земли.

— Значит, идет космическая война?

— Еще какая, Иван. Тем ребятам очень ведь нелегко, отдавать, как ты знаешь, всегда намного тяжелее, чем брать. Строить не разрушать...

Они еще долго говорили. Потом Иннокентий оставил Ивану ключи от номера и ушел. Было за полночь, и возвращенец уснул как убитый.

9. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Спустя два месяца, осенью 199... года, когда Иван вроде бы обжился в своей однокомнатной квартире на пятом этаже, у него дома стали происходить странные вещи. Как-то он, вернувшись из продуктового магазина, удивился: окно в комнату было распахнуто. Может, сам открывал и забыл закрыть? Нет, он был очень аккуратен и перед выходом из квартиры всегда все тщательно проверял. Через дверь проникнуть не могли, потому что, уходя, он всегда включал сигнализацию. Проверив, все ли на месте, Иван успокоился, но утром обнаружил у себя на столе записку:

Откажись от сотрудничества в КПЧ,
иначе тебе будет очень плохо.

Твоя покровительница.

Текст был напечатан на листе, вложенном в его машинку. Все это было сделано ночью, в его присутствии, и тот, кто это сделал, находился в квартире, и не исключено, что был сейчас рядом с ним. Почему же он ведет себя так тихо? А, ну понятно. Хозяин крепко спал, поскольку выпил на ночь четвертинку водки вместо снотворного. В последнее время Ивана снова одолевала бессонница, и он спасался от нее Водой Жизни, но при этом понимал, что, пристрастившись к такому опасному снотворному, может угробить свое здоровье окончательно. "Но где наша не пропадала!" — горько усмехался поэт и старался лишь оберегать себя от запоя.

— Так кто ты, покровительница? — громко спросил

Иван. — Может, дашь мне время на размышление? Я хочу подумать!

Но ему никто не ответил. Тогда он вложил в машинку чистый лист, написал свою просьбу и, одевшись, выехал в центр города.

Выйдя из метро на площади Высоцкого, Иван позвонил зеленоглазому:

— Миша, я получил предупреждение. Что мне делать?

— Где получил? — спокойно спросил тот.

— У себя дома. На листе в пишущей машинке.

— Ясно. Жди меня у памятника. Буду минут через двадцать.

Иван зашел в книжный магазин и направился в отдел поэзии. Здесь, на стенде новинок, увидел свою вторую книгу. Взял и раскрыл на двадцатой странице.

Я былинных окликаю великанов,
отдаю в их богатырские объятья
и заботу, и охрану мирных пашен,
и надежду на сияющий рассвет...

Только быть моя былинная
не вечна,
только сила богатырская иссякнет,
и на смену исполинам

придут орды
обуянных хищной жадностью уродцев.
Эти карлики не станут жарить мясо
человечье на кострах и хороводить,
мир они оденут пестрой мишурой
и сожрут его в свой мутный час

похмелья...*

"Боже, какая безнадега... — подумал Иван. — И это я писал пятнадцать лет назад? Я уже тогда знал свою участь. Но теперь я так не напишу никогда... Вообще ничего не напишу..."

— Сколько у вас экземпляров этой книжки? — спросил он продавщицу.

— Та, что на витрине, и еще одна. Будете брать?

— Да. А в каком количестве вы ее получили?

— Штук двадцать дня три назад.

"Интересно, значит, я уже стал довольно известным, если меня так разбирают", — подумал Чудаков и, расплатившись за книжки, вышел на улицу.

У памятника Высоцкому он сел на лавочку и закурил. Снова раскрыл книжку. Но тут подошел зеленоглазый, сел рядом и попросил огоньку.

* Чурилов А. Из рукописи книги "Иероглифы ржавчины".

— Ну, что тебе написали?

Иван протянул ему листок.

— И как ты думаешь, кто это?

— Черт его знает! Может, Афобия, а может, кто другой.

— Вот тебе эта штука. — Миша протянул прибор величиной со спичечный коробок. — Называется "Анти-гипнотический датчик "Око". Включение — синяя кнопка, выключение — красная. Парализация психики колдуньи — вот это колесико, как резистор у приемника. С помощью этой штуки с колдуньей можно делать все что угодно. Выясни, кто послал, зачем и что она вообще знает. Прибор держи в кармане. Сейчас ты ее просто не видишь. Но лучше всего завести собаку или кошку, если она их, конечно, не умертвит. Просто имей в виду на будущее. Животные космогипнозу не поддаются. Удачи тебе. Завтра позвонишь. — Он выбросил окурок и поднялся со скамейки.

Домой Иван вернулся вечером. "Око" включать не спешил. Поджарил яичницу, сделал салат. Поужинав, прошел в комнату и включил прибор. Покровительницы в квартире не было.

10. АВЛАБИЯ И "КРАСНЫЕ ГЛАЗА"

Она явилась ночью, когда Иван засыпал. Услышав шорох, он нащупал под подушкой датчик и включил его. Авлабия стояла у его стола, склонившись над машинкой. Никакой одежды на ней не было. Иван крутнул резистор: женщина вскрикнула и словно вспыхнула — ее тело охватило мерцающее сияние.

Он зажег торшер и сел на тахте.

— Здравствуй, Порна. Давно тебя не видел, — спокойно начал Иван, слегка подкручивая колесико резистора. — Что ты здесь делаешь?

Авлабия сжалась от испуга, ежась с ноги на ногу.

— Я хотела прийти к тебе во сне, — пролепетала она. — Я немножко поторопилась, потому что соскучилась.

— А записку ты писала?

— Я.

— Кто тебе велел это сделать?

— Я сама. Потому что люблю тебя и боюсь за тебя.

— Чего боишься?

— Ты погибнешь. Они умертвят тебя...

— Врешь ты все! Тебя послали! — Иван крутнул колесико "Ока" почти до отказа, и Авлабия завертелась перед ним, как на сковороде.

— Выключи эту штуку, и я все расскажу! — взвизгнула она. — Я сниму сережки!

Иван нажал красную кнопку. Женщина исчезла, но тут же появилась левая половина ее тела, а потом и все остальное. Над головой ее мерцал едва заметный золотистый венец. Она положила на стол маленькие сережки и бросилась перед ним на колени.

— Я люблю тебя, Иван! Только верь мне!

— Прежде объясни, как ты сюда попала.

— Меня доставил Антек.

— С заданием?

— Да. Но я пошла на это, чтобы увидеть тебя и побыть с тобой.

— Во сне?

— Хотя бы во сне.

— О, если бы ты говорила правду!

— Но у меня не было другой возможности попасть к тебе. Это ты можешь понять? Собиралась Афобия, но ей поручили какую-то важную проблему. А здесь — только предупредить...

— А почему ты не явилась нормально, по-человечески?

— За мной следили.

— Но у меня в квартире за тобой не следят!

— Ты ошибаешься. Сейчас они видят нас и слышат весь разговор.

— Докажи, что это так!

— Я не знаю, как это делается, но они мне говорили об этом. Я видела тебя несколько раз с Антропии. Они мне показывали тебя, как ты ходил по улицам, по квартире. Мне уже нельзя туда возвращаться. Да я и не хочу. Какая разница, где умирать... Файму я уже позабыла, там уже вымерли все мои правнуки...

— У тебя были дети?

— Да, две дочери. Совсем малютки. Они решили, что я утонула. И лучше бы я утонула!

— Встань, Авлабия, и иди ко мне.

— Что эти крысы со мной сделали? Зачем мне эта вечная молодость? Ведь мне до сих пор всего двадцать файмовых лет, а детям моим за двести...

— Как ты попала на Антропию?

— Я летела по воздуху над океаном. Потом самолет

развалился. Помню, как упала в воду, вынырнула, потом стала тонуть, а потом очнулась на Антропии...

Авлабия смолкла. Иван нежно обнял ее и поцеловал. Она вся разомлела и обвила его шею своими руками. Ивана охватило вожделение, он положил ее рядом с собой и выключил свет.

— Я буду самой верной и преданной женой Земли, — бормотала Авлабия, лаская Ивана. — Только верь мне, верь...

Они не спали до рассвета. Авлабия рассказала все, что ей было известно о работе Центра исследования цивилизации (ЦИЦ). Так Иван узнал, что недалеко от Москвы создается филиал Центра, в котором будут омолаживаться старики и тяжело больные за счет здоровья детей в возрасте от пяти до двенадцати лет. Эти дети будут увядать и после двадцати лет умирать от истощения. Для землян это будет новая чума XXI века, уже названная на Антропии "СиМоС" (синдром молодой смерти). Каждое омолаживание будет продлевать жизнь на двадцать пять — тридцать земных лет. Филиал ЦИЦа уже насчитывает свыше двенадцати человек, среди которых и заместитель председателя КПЧ. Имена и адреса двоих членов филиала она знает. Ей сообщили на случай непредвиденных обстоятельств. Первый — Орлов Владимир Иосифович, доктор философских наук. Другой — Дружинников Борис Семенович, психиатр, главный врач ПНБ.

Иван выслушал с большим вниманием, встал с постели и записал имена агентов Центра. Увидав на столе сережки, он взял их и поднес к глазам.

— Что это такое?

— Гипноаккумуляторы с энергией белых магов Феогелии. Я знаю, что у них ее воруют.

— Значит, с помощью сережек можно стать невидимкой?

— Да. Феогеляне этой энергией наделены от природы. И используют ее в благородных целях. Если они совершают зло, то их приговаривают к самоубийству, а гипноэнергия исчезает. А вот наши шакалят за ней и иногда даже умерщвляют феогелянина, чтобы зарядить парочку таких сережек.

— Интересно, а можно мне надеть их?

— Но у тебя уши не проколоты! — рассмеялась Авлабия.

— А если приставить?

— Ты не защелкнешь их, а потому и не включишь.

Кстати, имей в виду очень важную деталь: у всех агентов Центра проколоты уши. Мужиков это выдает сразу, а вот с женщинами посложнее. Хотя есть еще одна примета: в глазах красные точки. От напряжения и всей этой суперэлектроники. Самое страшное — это "красные глаза". Бойся их.

— Слушай, Авлабия. Ты помнишь фиолетовую розу Афобии?

— Конечно.

— Что это такое?

— О, это шикарная штучка. Последнее слово антропической техники. Компьютер тысяча сто первого поколения, выполненный в стиле женской бижутерии.

В дверь неожиданно позвонили. Иван вздрогнул и подошел к глазку, но на площадке никого не было. Когда он вернулся в комнату, то увидел открытое окно. Сережки, Авлабия и "Око" пропали. Он бросился к двери и открыл ее. В двух шагах от него висели в воздухе "красные глаза".

— Что надо?! — взорвался Иван, но тут же схватился за грудь и стал медленно оседать.

К счастью, распахнулась дверь соседней квартиры, и "красные глаза" мстнулись вниз. Старушка, соседка Ивана, всплеснула руками и бросилась его поднимать.

Когда начальник отдела КПЧ Михаил Толстой, или известный читателю зеленоглазый, подбежал к дому Ивана, у подъезда стоял реанимобиль. Бегом поднявшись по лестнице, он увидел раскрытую дверь квартиры Чудакова. Врачи только что сняли пленку и объявили инфаркт. Иван лежал с открытыми глазами и, заметив в дверях Мишу, позвал его.

— На тридцать седьмой странице Библии имена сотрудников филиала ЦИЦа... омолаживание за счет детей... всего их двенадцать человек... возглавляет заместитель Иннокентия Алексеевича, то есть твой начальник... — прошептал Иван Толстому.

Миша побледнел, но быстро взял себя в руки.

— Как это случилось с тобой? — тихо спросил он.

— "Красные глаза". Они были за дверью. Я открыл и сразу упал...

— Кардишок! — облегченно вздохнул Толстой. — Это не инфаркт, Иван. Ты только не двигайся. Мы тебя поставим на ноги за несколько часов. Сейчас привезут аппаратуру. Молчи и закрой глаза. — Он подошел к врачам и протянул им свое удостоверение. — Спасибо

вам за первую помощь, — поблагодарил он. — Мы отправим его в свою клинику.

Когда врачи вышли, он вызвал медслужбу Комиссии, а потом позвонил председателю.

Иннокентий Алексеевич прибыл через час. К этому времени врачи сняли силовое напряжение сердечно-сосудистой системы Ивана, и он вздохнул свободнее.

11. ФИЛОСОФИЯ СПАСЕНИЯ

Он думал, что ему уже стала понятна его судьба от рождения до этого часа, понятны все страдания, выпавшие на его долю: он шел к тому, к чему пришел, — чтобы принять участие в бесконечной борьбе добра и зла, занять свое место в этой борьбе и положить всего себя ради нее. Но это был лишь очень маленький отрезок судьбы, и все тридцать шесть лет жизни — короткий зимний день в его вселенской жизни. А сколько уже было таких дней? Через сколько миров он уже прошел? И сколько еще предстоит пройти? На эти вопросы Иван не знал ответа.

Небольшое пребывание на Антропии мало что дало. Там, человек для бессмертия, а не бессмертие для человека. Антропическое бессмертие бесцельно и преступно. Это вселенское паразитирование. У феогеляна наоборот. Они тратятся ради равновесия зла и добра. Они — человеческая жертва т о м у, к т о устроил животворный взрыв и потерял управление им. Может, он надеется, что его выровняют сами люди? Каким образом? И если он до сих пор не вмешался, значит, умер и помощи ждать не от кого. К чему приведет космическая война? Человечество истребит само себя и исчезнет. Это крестный путь Взрыва...

Иван прикидывал десятки известных ему вариантов устранения антропинян от какого-либо влияния на развитие цивилизаций. Но все они были насильственны и проблемы не решали. Генетическая переделка людей приведет к их вырождению в другой вид человекообразного существа, и неизвестно, какие природные склонности современного хомо сапиенса останутся без изменения, а какие переориентируются и куда. Ведь вкуче они составляют некий баланс, и нет механизма, регулирующего состояние этого равновесия в ту или иную ситуацию, в то или иное время или без оногo. Временных векторов множество, и кто возьмет на себя

ответственность утверждать, что то или иное событие обращено или опрокинуто в добро, а не во зло? В какой момент оно нравственно, а в какой безнравственно?

Он вспомнил Ламарка. Этот француз почти два века назад выделил в своей "Аналитической системе положительных знаний человека" шесть природных склонностей индивидуума: склонность к самосохранению, к независимости, к личному интересу, к господству, к благополучию и, наконец, склонность к страху перед собственным уничтожением. Как бы к ним ни относиться, размышлял Иван, но кто решится вторгнуться скальпелем или лазером в эту систему и отсечь, положим, пару склонностей у индивидуума? К примеру, склонность к господству или к благополучию? И чем их заменить? Страстью к негосподству и неблагополучию? Но как это увяжется со стремлением к независимости, то есть с любовью к личной свободе, или со склонностью к самосохранению и страху перед смертью? Ведь неблагополучие — это голод, болезни, нищета! А жизнь и так не бережется и не охраняется! Ее расточительность в мире ужасна.

То, что власть сводит с ума, — это ясно. Она самый чудовищный наркотик. Но чем ее заменить и как без нее быть? Власть меньшинства над большинством — нелепа, а наоборот — еще страшнее, ибо рушится личность, составляющая высшую ценность цивилизации. Как тут быть? Устраняя страдание, можно устранить и принятие жизни и радость, приходящую через страдание... Какой-то заколдованный круг.

Но были же все-таки величайшие умы. Кант, например. Его категорический императив творить добро не зависит ни от условий жизни, ни от команд свыше. Тайну вселенной он сравнивает с тайной нравственного закона. И все. Даже никаких гипотез не выдвинул по поводу происхождения этих тайн. Но то, что он поставил нравственный разум превыше всего, — это главное.

Пожалуй, дальше него ушел Владимир Соловьев. Любовь и соборность — вот истина. Она как звездное небо, которое у всех над головой одинаковое. И конечно же, этические регуляторы: стыдливость, чувство благоговения... Есть же законы развития, есть!

Что писал Соловьев о стыде? Он называл его первоэлементом морали и человечности вообще. Даже Декарта перефразировал: "Я стыжусь, следовательно, существую". И еще: "Спокойная совесть — изобретение дьявола". Вот почему так любят повторять фразу "у ме-

ня совесть чиста" те, у кого она не чиста. Все верно, спокойный и самодовольный человек — моральный труп. Философ прав. Только постоянный суд над собой с позиций высшего авторитета делает человека нравственным. Все-таки традиция — великая вещь!

А как он здорово сказал о любви! Она — преодоление эгоизма, смысл ее — создание нового человека, его рождение и преображение. Самое страшное преступление, видимо, — преступление против любви... Но как же все-таки быть с Антропией? Стоп! Ну конечно! Почему он раньше об этом не подумал! Конечно же, соборность! Господи, так это все от Аристотеля, а потом и Гегель в "Науке логики"... Органическое единство общего и индивидуального! Вот что!..

Ведь это то общее, что включает в себя все богатство особенного и единичного, и вместе с тем это множественность знаний, мнений, усилий, разумный плюрализм с оглядкой на других и на "общее дело", устремленные к одной цели. А цель эта — выравнивание, ибо мы дети одного Взрыва. Значит, вместо борьбы — научное соревнование и разоблачение зла! Ведь оно имеет свойство перерождаться! Здесь и покаяние, и очищение, и новая генетическая традиция. Необходимо создание межгалактического комитета вселенской истины — КВИ. Только общими усилиями и полной информативностью можно нейтрализовать и не только обезвредить, но и преобразить Антропию. Надо немедленно выходить с такими предложениями на КПЧ...

12. БЫВШИЙ ИГУМЕН

Июнь выдался дождливым и пасмурным. Бурная растительность под окнами Ивана чем-то напоминала кладбищенскую флору — то ли темной сгущенностью зеленого, то ли ассоциациями от похорон в дождливую погоду, когда вокруг все мокро, мрачно и скользко. В одно из таких мероприятий Иван заглянул в свежерытую глинистую могилу, предназначенную для его приятеля, сраженного сердечным ударом. Глина в могиле была сухой, и лежать в ней, как подумал тогда Иван, будет тепло и уютно. Странно: над головой мокрая зеленая трава, а там — сухо и тепло... И, наверное, хорошо, решил он. Так, видимо, и должно быть. И когда под истеричный рев вдовы опускали гроб товарища в эту теплую глинистую могилу, он впервые за всю

свою жизнь был спокоен и согласен с природой — пусть будет так и с ним по ее мудрому и жестокому закону! Но теперь, стоя на балконе, над темно-живым зеленым палисадником, он боялся думать о смерти; мокрые листья берез пугали его, угнетая душу, которая чувствовала приближение роковых событий.

Он закрыл балконную дверь и набрал номер телефона Толстого. Миша был на месте.

— Я знал, что ты позвонишь, — тихо сказал он. — Все правильно, что чувствуешь. Сегодня жди гостей.

— Может, ты переночуешь у меня?

— Опять начинаешь?

— Я больше не могу...

— Можешь!

— Но ты понимаешь, что я сойду с ума!

— Не сойдешь.

— А если?

— Инструкции получил?

— Да. Но вдруг...

— Рапорт завтра к двенадцати. И только не пей, понял?

— Понял... — тихо пробормотал Иван и положил трубку. На душе было гадко и страшно. И так, увы, уже будет всегда. Он задействован в этом деле до смерти, и кто знает, может, и после нее. Из такой игры просто так не выходят. Не сегодня — так завтра, не завтра — так послезавтра. До прокола. И на кой черт деньги и прочие блага?! Он не принадлежит себе, он собственность Комитета весь, целиком. Так больше нельзя жить. Надо уходить от этой действительности. Уж лучше быть алкашом и наркоманом, чем здоровым шизофреником! Надо эмигрировать вовнутрь, уйти от себя!

Иван оделся и вышел из дома. Было около семи вечера. За углом большого дома-"корабля" торговали вином. У входа в магазин маячило несколько спившихся завсегдатаев. Один из них, бородатый, совсем недавно был игуменом Глебовского монастыря. Настоятель попер его за пьянку. Иван купил две бутылки водки и подошел к батюшке.

— Не хочешь ли выпить со мной, святой отец?

— Я теперь не святой отец, но принять с российским литератором посчитаю за честь.

— Тогда пойдём.

Дома Иван порезал сыр, колбасу, вынул из банки несколько соленных огурцов. Первую бутылку разлил в два стакана до краев.

— Вот это по-русски, — одобрительно крикнул бывший священник.

— Ну давай, — поднял стакан хозяин, — как там тебя в миру-то?

— Владимир. Да и не христианин я теперь. Проклял я, брат, христианство.

— Забавно, — улыбнулся Иван. — Деградируешь, значит. Грех на душу берешь?

— Давай выпьем, и я тебе все растолкую.

— Ну давай.

Они чокнулись и опрокинули стаканы.

— Я теперь, брат, к истокам нашим вернулся, — заговорил Владимир, хрумкая огурцом. — Язычество — вот истинная наша религия. Гармония с природой и духом наших предков. Прозрел я, Ваня, и поэтому счастлив.

— Ну и в чем прозрение твое?

— А в том, что христианство — это иудейская инквизиция, одним словом — распад. Как и ислам. А вот язычество — это культура!

— Да погоди ты с язычеством. Лучше объясни: чем тебе не угодил Христос?

— Почему только мне? Есть весьма великие авторитеты. Даже процитирую. — Владимир вынул свою потрепанную записную книжку и прочитал: — П. Б. Шелли в "Триумфе жизни": "Я склонен допустить, что одно предсказание Иисуса Христа было бесспорно осуществлено: "Не мир пришел я принести, но меч". — Он надкусил огурец и продолжал: — Христианство в своей жестокости не только сравнивалось с иудаизмом, но даже во много раз превзошло его. Оно обернулось троянским конем в стане индоевропейской расы! А вот тебе, пожалуйста, из "Генеалогии морали" Фридриха Ницше. — Он раскрыл книжку на нужной странице. — Слушай: "Не было ли черным, тайным искусством, истинно великой политики мести, дальнозоркой, подпольной, медленной и предусмотрительной мести то обстоятельство, что сам Израиль вынужден был объявить перед всем миром смертным врагом и распять на кресте орудие своей мести, чтобы "весь мир", все противники Израйля могли бы безбоязненно идти на эту приманку?"

— Любопытно, — согласился Иван, открывая вторую бутылку. — А дальше будет "бей жидов, спасай Россию"?

— Неужели я так примитивен? — обиделся Владимир. — Я же не говорю о национальной исключительности. Пусть с нею ущербные народишки

носятся. Я говорю о роковой трагедии руссов. Народ глубочайшей древности и культуры поверил в иудейские басни, положил их в основу своей религии... И мы поддались гипнозу темных чужеземных сил, которые, лишив нас воли, сглазили и испортили... Мы утратили свою солнечную языческую сказку... Вот почему мы Иваны, не помнящие родства...

— Но наше язычество — сплошной мистицизм, — прервал его Иван, разливая вторую бутылку.

— Именно мистицизм! — воскликнул Владимир. — Это наша религия, религия наших отцов и дедов, религия нашей земли, дух нашего народа!

— Ну что ж, давай выпьем за мистицизм, — поднял стакан Иван. — По пятьдесят граммов, а то будет неинтересно.

— Конечно, конечно, — согласился бывший батюшка и приложился к своей порции.

Вторую бутылку они прикончили часам к одиннадцати. Владимир был уже пьян. Он прочитал Ивану половину своей записной книжки и, допив остатки водки, бормотал, заикаясь:

— Работоторговля была исключительно иудейской монополией... В Европе работоторговцами были почти исключительно евреи...

Ивану сделалось страшно. В самом главном, на его взгляд, бывший батюшка был прав. Предстоящее свидание с "гостями" смертельно пугало его, и водка, увы, на этот раз только усиливала этот ужас. Он решил не отпускать Владимира домой.

— Ну почему ты тогда спиваешься вместо того, чтобы противостоять им? — спросил он собеседника.

— Поздно, Ванюша, я уже не боец... — заплакал бывший игумен. — Они сделали со мной все, что хотели. Они добились меня, отняли волю и разум. Я теперь лишь живой труп, я уже не человек есть.

— Слушай, Володя. Я тоже не в лучшем положении и, может быть, даже в худшем, чем ты. Давай поможем друг другу.

— Я за тебя жизнь отдам, — остекленело уставился на него Владимир.

— Да жизнь не надо. Об одной услуге попрошу: переночуй у меня!

— Ты что...

Иван не ожидал такого поворота. Он даже растерялся.

— Извини, голубчик, — опомнился бывший церковник. — Это я спьяну. У тебя что — глюки?

— Да, — обрадовался хозяин тому, что ничего объяснять не нужно. — Я тебе сейчас постелю, а сам на раскладушке.

13. ЛИШЕНИЕ РАЗУМА

Незадолго до рассвета Ивану стало тяжело дышать. Он открыл глаза и ужаснулся: на груди его сидела большая крыса с красными, будто налитыми кровью, глазами. Едва его зрачки расширились, крыса бросилась в лицо и ухватила за левый глаз. Иван метнулся с раскладушки, но крыса уже вырвала глаз и кинулась с ним к окну. Истекая кровью, он выхватил из-под подушки новую модель "Ока" и дрожащей рукой нащупал выключатель. Только сейчас здоровым глазом он увидел, что крысами заполнена вся его квартира. Они густо облепили лежащего Владимира и уже выели ему глаза. Крысы сидели на столе и подоконнике, на стульях и даже на шкафу. Иван судорожно нажал все кнопки "Ока" и даже с пометкой SOS, чувствуя на себе удары прыгающих тварей, которые намеревались сбить его с ног.

По квартире разнесся дикий писк, и крысы ринулись к окну друг по другу. Комната вспыхнула сиянием огня и жара, по ней заметались разноцветные искры и словно дождем рассыпались на извивающихся хищниц.

Иван схватил рубашку и зажал ею кровоточащую глазницу. Взглянул на тело Владимира и ужаснулся — оно было сплошь изгрызено и похоже на безобразно застаканный зверями кусок человеческого мяса...

И вдруг среди комнаты стала во весь рост Афобия. Ее большой черный живот от чего-то дико распирало. Лицо было искажено гримасой злобы. И только в руке ее переливалась цветами фиолетовая роза. Она тут же заломила лепесток. Иван повалился на пол:

— Не соревнуй... — сказал страшный пустой голос, — я же тебя предупреждала... Мы возьмем из тебя то, что надо, а кости и кишки оставим на память...

Откуда-то появились два ловких парня в серебристых костюмах и надели на его голову колпак.

— Вот так, рыбка моя! Поймалась, золотая...

— Рыбка, почему рыбка? — это была последняя мозговая рефлексия Ивана, и она отпечаталась в остатках его памяти до конца дней. Потом была темная ночь угасающего сознания...

— А теперь ты водворишься в собрание мертвецов,

их уже много у Дружинникова. Адью, мой светлый мальчик! — это были последние слова разведчицы Антропин.

Блестящие палачи сняли с головы Ивана колпак и аккуратно сложили его до размеров спичечного коробка. В следующий миг все исчезло.

Прибывшие несколько минут спустя врачи "скорой помощи" Комиссии с дежурным по КПЧ Михаилом Толстым пришли в ужас: на кровати лежал изъеденный труп неизвестного, а на раскладушке — безглазый Иван, бормочущий всего лишь одно слово "рыбка".

...Его поместили в стационар неизлечимых душевнобольных, главным врачом которого был психиатр Дружинников. Санитары тут же окрестили его Рыбкой. Диагнозов наставили много. Исходным определили "делириум тременс" — белая горячка.

Раз в неделю, в воскресенье, приезжал в больницу зеленоглазый друг и кормил его ложечкой из банок, тут же открываемых, ибо стоило посетителю уйти, как у Рыбки все немедленно отнимали. Санитары за всем уследить не могли. В этом отделении было много уголовников, симулирующих сумасшествие.

С той поры прошло почти десять лет, но в "архиве" (так называли этот стационар профессора Дружинникова) почти ничего не изменилось. Только Рыбка сильно поседел и ссутулится.

ВОСКРЕСЕНИЕ ИУДЫ ФОМЫ

Церковь моя — дочь сьста...

Песня Иуды Фомы

Апостол пил не просыхая вторую неделю. Ноги стали ватными, пальцы рук одервенели, левая сторона тела онемела. Сил хватало лишь на то, чтобы сползти с ложа и ползком добраться до ванной, а потом с неимоверными усилиями вернуться на место. Когда начиналась ломка, он набирал номер телефона соседа-философа, и тот приносил ему очередную бутылку, платя за нее баснословные деньги, ибо это было время, когда было легче застрелиться, чем отыскать в магазине спиртное. Спасали спекулянты, но одновременно и грабили. Однако другого выхода не было — запой есть запой.

Спать он не мог уже пятые сутки, и поэтому мозг не отдыхал совершенно. Воображение его блуждало между вторым веком, когда он писал свои знаменитые "Деяния" и "Книгу Фомы Атлста", и концом двадцатого, в котором он теперь жил в России и успел создать за свои сорок лет несколько повестей и полсотни рассказов. Эти две земные жизни разделял промежуток в одна тысяча семьсот лет — время беспамятного блаженства в райской обители Отца, которого он там так и не увидел, потому что Создатель пребывал в разных точках Вселенной, что-то переделывая, низвергая, создавая... Изредка появлялся Сын, и Апостол говорил с ним подолгу, а в последний раз Иисус, грустно глядя ему в глаза, завершил разговор неожиданными словами:

— В эту командировку, Фома, ты уже не будешь евреем. И вместо Иудеи и Индии, куда мы тебя насильно посылали, местом твоего постоянного и безвыездного проживания будет Россия. А сам ты станешь русским.

— Почему же так, Спаситель? — удивился Иуда Фома. — Неужели я так плохо поработал в Индии, что ты мне уготовил ссылку к неисправимым язычникам?

— В Индии ты работал замечательно, за то и заслу-

жил столь долгий отдых. Но ты более талантлив и бестрашен из всех учеников моих и поэтому должен отправиться на самый тяжелый и трагический участок Земли, который, по словам Отца, и есть последняя надежда спасения этого удивительного голубого шарика, с такими муками созданного им. А потом, ты знаешь, что русские — самые религиозные люди Земли, ибо они есть величайшие безбожники. В своей работе ты должен исходить именно из этой установки.

— Я знаю, Учитель, сподвижничество этого народа. Но он способен вмиг разрушить то, что создавал веками, он гениален и безрассуден одновременно. Это народ, экспериментирующий над собой, самоуничтожающийся.

— И самовоскрешающийся; — улыбнулся Иисус. — Собирайся, сын мой, в дорогу...

После этого разговора минуло сорок лет, но Апостол помнил каждое слово. И хотя они еще не раз встречались со Спасителем, являвшимся в его келью по ночам, именно тот последний разговор в райской обители казался Фоме более открытым и доверительным. Может, потому, что тогда в нем еще оставался еврей? Теперь, когда Апостол родился и вырос русским, его отношение к Христу сильно изменилось, хотя он по-прежнему считал его своим Учителем. В иудейской жизни он ослеплял его, отключал волю и разум, вел за собой как послушного ягненка на поводке. Приказал бросить семью — любимую жену и детей, которые, как узнал он позже, умерли от голода. Отправил в Индию почти на смерть, и вообще распорядился им как рабом, а не как любимым учеником. Иуда Фома не раз повторял слова умирающего на кресте Иисуса, сказанные Им Его Отцу: "Боже, Боже мой, вскую мя оставил еси?" Но теперь Фома обращал их к самому Сыну, а тот молчал, как когда-то молчал Его Отец, отдав на растерзание сына. Эта иудейская жестокость теперь была чужда Апостолу. Он, конечно, понимал, что, став русским, не может относиться к этому иначе. Но он понимал и то, что кем бы он теперь ни стал, уже никогда не изменит своего отношения к такой жертвенности, ибо она представлялась ему антижизненной и антигуманной. Идея, утвержденная на крови собственного ребенка, не может быть здоровой и чистой... А потом Его: "я свет миру, кто последует за мной..." Какой чудовищный волюнтаризм! И это даже не болезнь, не мания, это нечто дьявольское, поразительно сочетавшее в себе голубиные слова о любви к ближне-

му... А если ближний друг за ним не последует? Мало ли по каким причинам... Значит, он уже не человек и его надо уничтожить?..

Жизнь Апостола в России была сплошной мукой. Следуя своему предназначению (он был закодирован на "Деяния" во имя Отца и Сына), Фома достойно выполнял все данные ему установки, постоянно подставляя душу под страшные и коварные удары торжествующих властолюбцев. Его сбивали с ног и затапывали, но он поднимался и снова шел туда, чтобы умереть во имя Их (теперь он не видел разницы между Отцом и Сыном). Но сил оставалось все меньше...

Когда приходил сосед, Апостол поднимался с постели и, придеживаемый под руки, садился в кресло. Андрей Иванович — так звали шестидесятипятилетнего философа — дрожащими руками разрезал пластмассовую пробку на бутылке и наливал по полстакана отвратительной кроваво-грязной жидкости, именуемой портвейном. Сначала он помогал Апостолу проглотить это пойло, потом опрокидывал стакан сам. За час — полтора они выпивали бутылку и выкуривали по папиросе. Апостол приходил в себя и начинал что-нибудь рассказывать из своей первой жизни. Философ воспринимал его слова как бред алкогольного психоза, но слушал внимательно и дивился логике повествования, которую пытался оправдать писательским даром рассказчика. Из всех историй, поведенных Апостолом, его потрясла Песнь о любви, которой Фома покори́л сердце флейтистки-еврейки в каком-то городке Сандарук.

— Там мы с купцом попали на свадьбу, — рассказывал Фома. — Местный царек выдавал замуж свою дочь. И вот в самый разгар веселья появляется полуобнаженная флейтистка, лет семнадцати. Я как глянул на нее, так и обмер: удивительной красоты еврейка, моя соотечественница! Сулами́фь, Юди́фь, Есфи́рь — разве они могли сравниться с нею по красоте! Как она попала в эту чужую страну, мне было непонятно! И вдруг она заиграла...

Стеклянные глаза на морковном лице Андрея Ивановича увлажнились. Когда-то в молодости на философском факультете МГУ он был влюблен в однокурсницу-еврейку и ходил за нею по пятам, изнемогая от страсти. А она вышла замуж за какого-то замминистра, потом защитила кандидатскую и лет тридцать назад уехала в Израиль. Однако образ ее почти полувековой давности он бережно хранил в сердце своем, а

последние годы нередко видел во сне. Она тоже изумительно играла, только на фортепиано.

— Я не мог на нее смотреть — так волновалось сердце мое, — продолжал Фома. — А она подошла ко мне и не отходила, раня душу дорогими для еврея звуками. Я совсем опустил голову и закрыл руками уши, ибо все-таки я был Апостолом, посланцем Бога, а не простым смертным. Я не имел права на счастье любоваться женщиной. А когда она кончила играть, подошел здоровенный пьяный кравчий и ударил меня. За что? — удивился я. "За то, что ты не уважаешь прекрасное, босяк!" — прорычал он на своем корявом языке. И тогда я запел свою Песнь, над которой нехорошо посмеялся Иисус, когда я показал ему свиток. Он велел мне сжечь его, и я его сжег, но слова помнил всегда. Ты знаешь по-древнееврейски или, хотя бы, по-гречески?

— Бог с тобой, — искренне удивился Андрей Иванович. — Я кандидат наук по марксистско-ленинской философии. Немножко знакомился с греческим на первом курсе, да и то почти пятьдесят лет назад. А о древнееврейском и понятия не имею. Ты еще спроси по-сирийски...

— А у меня был вариант на сирийском, ну и, естественно, на греческом. Однако тогда я начал петь

по-еврейски, чтобы слова песни могла понять только она одна.

— Ну а по-русски-то как?

— Здесь не будет ни размера, ни ритма, но смысл я тебе попытаюсь передать.

— Давай, голубчик, пояснее. И желательно, так сказать, с комментариями. Я очень люблю, когда все разжевывают, так как сам преподавал.

— Церковь моя — дочь света, царское сияние исходит от нее, — то ли пропел, то ли проговорил Апостол. — Церковь — в греческом — кори — переводится как дева или невеста.

— Да ты что! — воскликнул философ. — Никогда не знал, что церковь — значит невеста! Как все гениально просто! Вот почему ее так украшают!.. Все, больше не перебиваю. Прости, дорогой.

Лик ее, украшенный сапфирами, топазами и бриллиантами, — очарователен и прелестен.

Одежды на ней — словно распустившиеся цветы бла-

гоухают, дурманят, обволакивают душу блаженством.

Над головой ее сияет золотистый нимб, оберегающий и охраняющий все ее тело до самых пят, похожих на спелые яблоки.

Правда в чистейших глазах ее светится, радость в ногах обнаженных играет, будто меж ними младенец резвится.

Губы ее чуть приоткрыты, и, кажется, стоит едва пошевелить ими, как польется нежнейшая песнь о любви, доступная любому человеку Земли.

Двенадцать апостолов ее Сына и семьдесят два ученика готовы родиться в ней — так она облегает и всасывает живительную силу Бога.

Уста ее — шелковый занавес пред нежнейшим розовым язычком, от танца которого медленно и величаво восходит молитва.

Шея ее настолько совершенна, что кажется первым творением великого зодчего.

Рай земной в руках своих держит она.

А пальцы их — как десять открытых врат в небо.

Брачный чертог ее — словно весеннее солнце, в нем пьянящий запах еще не распустившихся почек, но готовых раскрыться в любой миг.

Сердце ее — золотая лампадка любви, веры и надежды.

Истина жизни в груди ее.

Врата ее святы и нетронуты, двенадцать апостолов охраняют их, чтобы раскрыть избраннику ее.

Подруги ее, такие же чистые и непорочные, словно райские птички, поют о любви.

Поют, рассыпаясь звонким смехом и поглядывая по сторонам, в надежде разглядеть жениха своего, который вот-вот придет и поднимет на руки, и понесутся они по звездному небу.

И окажутся они в райском саду вечно молодыми и юными, и страсть и жажда любви не оставят их никогда.

И будут видеть это все и будут восхищаться ими, а самые лучшие, талантливые и щедрые из райского сада будут окружать их заботой и вниманием.

О, это вечное блаженство души и тела, доступное лишь очень и очень немногим избранным.

И засверкают на них одежды, и будет от них исходить белый свет, которым щедро озарит их Господь наш.

И воздадут они молитвы Отцу Жизни за тот чу-

десный свет, в котором они сияют, за тот неиссякаемый источник наслаждения, что получили они от Него, за то, что испили из него божественный бальзам Жизни, которая делает алчущими и жаждущими тех, кто пьет Ее...

Опухшую щку Андрея Ивановича пробороздила капелька слезы. Старик был тронут до глубины души. Он боялся пошевелиться, не сводя глаз с Фомы, который молчал уже несколько минут со словно застывшей на лице мученической маской. Наконец Апостол открыл глаза и стал удивленно разглядывать свою комнату и сидящего перед ним седого грузного человека. "Возвращается оттуда, — радостно отметил про себя философ, — неужели все это правда, что он рассказывает о себе? Неужели это действительно апостол Иуда Фома в новом рождении? А может, все-таки пьяный бред? Однако каким надо быть талантом, чтобы создать такое? Стоп! А образование! Он не мог здесь получить образования, которое имеет. Это доказательство. Значит, он говорит правду! Он не сумасшедший и не пьяный! Он — это действительно он!" Философ выхватил из сумки вторую бутылку портвейна и зубами уцепился за пробку — благо, железные, а ломаются — так черт с ними, новые вставит. Наполнив полстакана, он поднес его ко рту Апостола.

— Выпей, Фома Иосифович, — прошептал он на ухо соседу, придерживая за затылок его голову.

Апостол медленно выпил и попросил еще. Андрей Иванович торопливо налил два стакана. Потом он раскурил Апостолу папиросу и вложил ему между пальцами. Фома почувствовал прилив сил и благодарно кивнул головой.

— Это же христианская Песнь Песней, — пробормотал философ. — Я только могу представить, какая это прелесть на еврейском...

— Нет, более благозвучна она по-гречески и еще, пожалуй, по-сирийски, — спокойно ответил Апостол. — Спасибо тебе, Андрей Иванович, за понимание. В русской жизни для меня это величайший дефицит. За эти сорок лет меня понимало человек семь или девять. Да и то половина из них уже на том свете...

— Так ты доскажи, чем кончился роман с флейтисткой?

— А никакого романа не было, — грустно опустил голову Апостол. — И сейчас я об этом весьма сожалею.

Но тогда я не мог поступить иначе, ведь я был, как говорят, при исполнении... Не знаю, понимал ли кто-нибудь из гостей по-еврейски, но она все слышала. Там, на свадьбе, она тоже была при исполнении. Однако, играя весь вечер на флейте, она так и не сводила с меня глаз, а потом подошла и села напротив. Меня всего трясло от страсти к ней, я боялся глянуть ей в глаза, только искоса поглядывал на ее молодые груди, стянутые прозрачной вуалью, и от этого волновался еще больше. Наконец, не выдержал, молча встал и ушел. На рассвете она пришла ко мне в гостиницу и упала на колени, умоляя взять ее с собой. Но я был жесток и рационален до умопомрачения. Я перешагнул через нее и отправился на свой корабль. С первыми лучами солнца мы с купцом отплыли в Индию. Вот и вся эта короткая, но незабываемая история моей Песни о любви и прелестной флейтистке. Я так и не узнал ее имени, хотя это не имело никакого значения...

— Да... — тяжело пробормотал философ, потянувшись за бутылкой. — Но песенка, надо сказать, литературная жемчужина периода раннего христианства, — он разлил портвейн и протянул стакан Апостолу.

Тот молча выпил и сильно закашлялся, потом поднялся с кресла и, хватаясь за стены, поспешил в ванную. Философ слышал его судорожные рвотные стоны.

Апостол знал о своей скорой кончине. Закон его жизни, именуемый в науке судьбой, был тем самым кодом, который вложил в него Иисус. Код освобождал душу тотчас после его физической смерти, и через сорок дней она должна вернуться в Обитель, чтобы рапортовать Отцу и Сыну о своих сорокалетних деяниях в России.

Все эти годы в России были для Апостола восхождением на Голгофу, и теперь ему предстояло самое страшное — отдать на распятие не тело (как это сделал Сын), а душу. Суть этих предсмертных мук состояла в том, чтобы вынести на свет Божий зло тех людей, которые окружали и стерегли его последние четырнадцать лет. Эти люди были высокими чинами тайной полиции России, отставным полковником которой числился в секретных анналах и сам Апостол. И хотя в его многотомном деле содержались всевозможные подписки и расписки, по которым он сам приговаривал себя к смертной казни в случае разглашения государственной тайны или измены Родине, никаким предателем он быть

не мог, ибо был послан Всевышним в земное исчадие ада, чтобы внедриться, разглядеть, собрать полную информацию для глубокого анализа происходящего. Именно такую аналитическую справку и должен был представить Иуда Фома в духовную канцелярию к концу двадцатого века незадолго перед вторым пришествием Иисуса теперь уже в Россию.

Но и тайная полиция не дремала. Две скрытые телекамеры в кухне и комнате Апостола денно и нощно записывали каждый его шаг, каждое слово, сказанное им его соседу-философу. А после того как эксперты несколько раз прокрутили пленку с его песней о любви, шеф управления наложил визу на план операции "Апостол-119". Начиналась она следующим утром...

Ночью Апостола сковал сердечный приступ. Онемела левая половина тела. Радужные круги перед глазами лопались как воздушные шары, на их месте возникали дыры с едва светящимися точками в центре. По ряду симптомов Апостол понял, что что-то неладное с костным мозгом. Надо было немедленно вызывать Валентину — врача гипнонарколога, которая вытаскивала его из хронических запоев. Но время... На часах было всего тринадцать, а раньше десяти она все равно не появится. Значит, надо как-то забыться на несколько часов. Но как?

Прикинув несколько вариантов, он заплакал от бессилия перед судьбой. Вариант был только один — будить Андрея Ивановича. Что он и сделал. Просидев с соседом до шести утра и опорожнив еще две бутылки, он кое-как протянул до девяти и позвонил врачу.

Валентина приехала через час. И не одна. Взглянув на ее спутницу, Апостол обомлел — еврейка лет семнадцати, которая, казалось, по дьявольскому наущению попала вместо конкурса красоты к нему на квартиру. Но самое потрясающее — она была как две капли похожа на ту сандарукскую флейтистку из второго века...

— Это Ира, сестра милосердия из благотворительного фонда, — представила свою спутницу Валентина. — Вы, Фома Иосифович, ложитесь в постель, сейчас я вас напичкаю инъекциями, а Ира посидит с вами до вечера.

"Что-то она не похожа на сиделку", — отметил про себя Апостол, но тут его закачало, и он поплыл, вовремя подхваченный женщинами.

Его заставили выпить целую горсть разноцветных таблеток в яичном белке, искололи обе ягодицы, ввели в вену огромный шприц жидкости, которая, казалось, сжи-

гала огнем его отравленную алкоголем кровь. Когда жар утих, у Апостола поднялась высокая температура, и он заметался по постели, как уж на сковороде. Ирина с трудом удерживала его на софе. Потом тело обмякло, и Апостол проваливался в полузабытье.

Когда он очнулся, то увидел перед собой сиделку в купальном костюме. Тело ее было настолько совершенным, что слепило и ранило до боли, заглушая муки души и тела. Он ощутил эрекцию, сопровождающуюся бешеным стуком сердца.

— Мне стало жарко, и я сняла платье, пока вы спали. Извините, пожалуйста, — проговорила она, смущенно улыбнувшись.

— Что ты, что ты! — заволновался Апостол. — Ты — чудо небесное. Иди ко мне поближе. Я расскажу тебе о нашей встрече в Сандаруке. Это было очень-очень давно. Ведь мы же уже встречались, не правда ли?

— И ты споешь мне свою песнь о любви по-древнееврейски?

— Неужели ты помнишь? — вздрогнул от неожиданности Фома.

— Почти слово в слово. А помнишь ли ты, как я валялась у твоих ног, умоляя меня взять с собой?

— Прости меня! — зарыдал Апостол. — Прости, если можешь! Я знал, что мы когда-нибудь обязательно встретимся...

— Ну вот и встретились! — рассмеялась Ирина, обнажив прекрасные зубы. — Теперь ты в моей власти, и тебе придется помучиться. Если б ты знал, как мне было тяжело там, в Сандаруке, без тебя...

— Я искуплю свою вину любыми муками, только сядь поближе, чудо мое.

— Я даже лягу, если ты не возражаешь! — захохотала сиделка и, сняв купальный костюм, прильнула к нему.

Апостол обезумел. Как зверь, настигший свою добычу, он терзал ее тело, забыв обо всем. Когда он выдохся, то с ужасом обнаружил перед собой глаза соседей и дебильно-ядовитое лицо участкового. Что это: сон или бред? Нет...

Разгоряченная Ирина, только что сладострастно извивающаяся под ним, вскочила с постели и истерично закричала:

— Вот что этот талантливый алкаш делает с сестрой милосердия! Вот так их, подонков, выхаживать! Вы все видели?! — Она схватила свою одежду и шмыгнула в ванную.

Все, что потом произошло с Апостолом — вплоть до мордовского лагеря, — он вспоминал как дурной сон: следственный изолятор, суд, этап... Тайная полиция в деталях реализовала операцию "Апостол-119", суть которой состояла в том, чтобы осудить по "потолку" Иуду Фому по сто девятнадцатой статье Уголовного Кодекса России (половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости) на три года лишения свободы в ИТУ общего режима. А там, в зоне, из него должны были сделать "петуха", то есть "опустить", как выражались осужденные. Это делали практически со всеми этапированными по статьям от 117 (изнасилование) до 120 (развратные действия). Но с Апостолом вышла накладка: эковское "радио" уже сообщало об этапированном писателе Константине, осужденном по статье, любимчике многих "отрицалов" — эков, борющихся за права осужденных с администрацией. Константин — булгаковед и сын сотрудницы внешней разведки России — оказался крепким орешком для госбезопасности. Конечно, он часто объявлял голодовки и несколько недель подряд (вопреки всем правилам содержания осужденных в ИТУ) сидел на одной воде в штрафных изоляторах, но едва он возвращался в отряд, как эки отпаивали его чифиrom, откармливали и целыми ночами напролет слушали его рассказ о "Мастере и Маргарите" — романе Михаила Булгакова, который он знал наизусть. То же самое произошло и с Апостолом: сто двадцать эков его отряда слушали, затаив дыхание, до самого утра любую книгу Библии, которую Апостол знал ничуть не хуже, чем Константин "Мастера". Иуда Фома даже ввел обряд крещения в зоне, и узники других лагерей просились у администрации этого учреждения "покреститься у Апостола". Настоящий священник, приглашенный администрацией для посрамления Апостола, сам преклонил перед ним колени и молча удалился. Начальник зоны, полковник Бургомистров, места себе не находил: с одной стороны на него давили органы, приезжавшие из Москвы и требовавшие во что бы то ни стало Апостола "опустить" или спровоцировать драку, чтобы его вообще ликвидировать (убийство эка в зоне "стоило" всего пять пачек чая); с другой — Апостол был симпатичен Бургомистрову, ибо он не походил ни на одного политического, которых начальник знал. Но сделать "козла" (прислужника администрации) из Иуды Фомы было невозможно — он был слишком умен и справедлив. Вспоминая свои мучения с осужденными по 70 статье

УК (антисоветская агитация и пропаганда), Бургомистров мучительно искал выхода из положения — надо было избавиться от Апостола каким-то естественным путем. И, разумеется, без крови и скандала. Его уже ославили на весь мир бывшие политические: литературовед Даниэль и поэтесса Гришинская.

С Даниэлем он намучился не дай Бог: пальцем не тронь, в ШИЗО больше двух недель не держи... А однажды, когда в пошивочном цехе был обеденный перерыв, этот диссидент, как всегда против всего протестовавший, включил резак и, подтащив целый контейнер готовой продукции, порезал ее вдоль и поперек, тем самым выразив свой протест коммунистическому режиму.

— Это же труд людей, скотина ты такая! — кричал тогда на весь цех Бургомистров, готовый схватить отвратительного еврея за яйца и вжикнуть по ним резакom. — Ты никогда в России работать не будешь! Все вы, диссиденты, паразиты! Вас надо или стрелять или выкидывать из страны!

— На коммунистов я никогда работать не буду и другим не советую, — отвечал ему бледный Даниэль, мысленно прокручивая будущую ситуацию: его сейчас пристегнут наручниками к стене и будут воспитывать резиновой дубинкой.

Но этого не произошло. Когда Бургомистров остыл, он распорядился вычесть из счета Даниэля стоимость продукции и вызвал его "на ковер". Но разговора так и не получилось. Приказав отправить диссидента в ШИЗО, он охладил свой пыл словами напутствия осужденному: "То, что ты сейчас сделал с трудом людей, только подчеркивает твою сущность ублюдка".

Но спустя десять лет после освобождения Даниэля Бургомистров помнил каждый разговор с ним до самых мелочей. Как и стихи Гришинской, сидевшей в женской зоне, куда перешел начальником получивший полковничьи погоны Бургомистров. К поэтессе он приставил в надзирательницы самую мягкую и сердобольную, на его взгляд, женщину — Акимкину, мать троих детей. Но вместо благодарности эта зараза-одесситка теперь печатает в лондонских газетах стихи-проклятия, посвященные детям Акимкиной. Эта чума обвиняет свою тюремщицу в том, что та держала ее зимой в холодном карцере без рейтузов, и, как следствие, дескать, — Гришинская родить не может, чего желает и детям Акимкиной. И эти стихи читают Рейган и Тэтчер, из-

дают на тринадцать языках. Неблагодарная профессия у работников службы по социальной реабилитации. Каким человеком ни будь — все равно в дерьме останешься. А ведь Бургомистров был неплохим юристом, и жизнь его могла сложиться иначе, и мог бы он жить в Москве, а не в забытой Богом мордовской дыре, среди лесов, болот и колючей проволоки. Но нужда, отсутствие жилья, семья и дети сделали из него раба, робота, винтика... "Может, прав был Даниэль? — терзался в догадках полковник. — Или та же Гришинская? Кто он, полковник Бургомистров? И сын пошел по его стопам — тоже тюремщик с дипломом юриста, и дочь на юрфаке учится..." А с появлением в его зоне Апостола все как бы в душе персвернулось. Он много говорил с осужденными, впервые за свои двадцать пять лет гулаговской службы называл зэка на "вы". И даже подумывал, как бы помочь Фоме, вопреки указаниям начальства. И вырисовывалось лишь одно соломоново решение. Поэтому он пригласил осужденного на беседу.

Фома явился минута в минуту, снял шапку, обнажив седеющий ежик, и доложил по форме. Начальник кивнул на стул у стола, поймав глазами нагрудную нашивку на фуфайке зэка: "Апостол 9-й отряд".

— Ну что, девятый чин войска ангельского? — улыбнулся Бургомистров. — Помиловку писать будем? Ведь полсрока уже есть...

— Нет, гражданин начальник.

— Так я и знал. Ну тогда слушайте, — он нажал кнопку в столе, и из скрытых в кабинете громкоговорителей послышался мягкий, хорошо поставленный голос заслуженного артиста московской филармонии Козлова, соседа-зэка, отбывающего наказание за убийство жены.

"Петр был тихим и интеллигентным пареньком с глубинным сердцем. Он нам, с Павлом, был очень близким и родным. Мы души в нем не чаяли. А когда машину занесло на повороте, нас выбросило в распахнутую дверь, а он, бедняга, перевернулся в этой жестянке десятки раз, увлекая за собой груды камней. Когда мы, спустившись вниз, раскопали его, то увидели лишь придавленную баранкой часть груди с обезображенной головой. Глаза были еще живы, а левый даже мигал. И вдруг он прохрипел: "Избавьте меня от мучений, добейте меня". Зрелище было неестественно ужасным. Но естественна и ужасна была сама просьба его. Ее надо было исполнить. Я отвернулся, а Павел схватил какую-то железку и с тупым лицом паралитика

ударил эту оторванную и обезображенную голову. Ее левый глаз еще раз мигнул и застыл навсегда. Мы выполнили его просьбу, избавили Петра от страданий. Казалось, все было сделано правильно, но я вдруг повалился на землю и не мог подняться — словно пригвоздило меня. Петра надо было как-то похоронить, а мир переворачивался в моих глазах: меня выгибало и коржило, я весь покрылся блевотиной и стал похож на кусок протухшего мяса, выброшенного на помойку. А внизу блестело озеро. И я ползком, а потом на четвереньках направился к нему. Потом вскочил на ноги и побежал. А упав в воду, стал захлебываться. Павел вытащил меня на берег, раздел и принялся мыть мою одежду. А я закричал: "Убей и меня"! Он замер, бросил мою одежду и, схватившись за голову, заплакал. Некрасиво и жалко, размазывая сопли по лицу. И тут мне стало жаль его — такого сильного и такого слабого. Это только Толстой мог изображать прекрасную смерть. Какой-то нездоровый романтизм смерти. А ведь она безобразна! С ней нельзя играть в куклы. Ее нельзя романтизировать. Смерть — это сверхреалистичное, естественное и законное явление жизни. Это антипод жизни. И не случайно сам Толстой на старости лет просил у Бога сделать исключение — оставить его жить навсегда. Но Всевышний не сделал этого. И, может быть, потому, что Толстой был игроком в жизнь. Как, впрочем, и все большие писатели, играющие всю жизнь в жизнь. И порою даже не замечающие жизни и смерти в тех ипостасях, которые в буквальном смысле перед глазами, у ног. При Льве Николаевиче строили Маньчжурскую железную дорогу, где гибли от голода и рабского труда сотни простых людей, а он писал свою "Войну и мир" с придурком Платоном, самочкой Наташей и пидерастическим Пьером. Да простит его Господь. Спасибо и за то, что есть "Война и мир", хотя я и хотел бы увидеть рядом с нею эпопею "Голод и смерть", толстовский роман о смерти..."

Бургомистров нажал на кнопку, и динамики смолкли. Он потянулся за сигаретой, искоса глядя на Апостола. Закурил и поднял глаза.

— Хорошо пишете, Фома Иосифович. А в исполнении Козлова — это классика.

— Все-таки член Союза писателей, гражданин начальник. Только мне не понятно: зачем все это вы демонстрируете?

— Вот выйду на пенсию и буду слушать ваши мор-

довские рассказы в исполнении лауреата госпремии. А когда вы получите Нобелевскую, я продам за валюту все пленки! — расхохотался начальник.

— И много их у вас?

— Да все. И ваши лекции в бараках, и наши беседы с вами, и рассказы в козловском исполнении. Целое месячное жалование на кассеты угрохал, все переписал перед отправкой в Москву. Так что можете рассчитывать на меня после освобождения. Кагэбэшники, наверняка, все по акту уничтожат. Чтoб следы замести. Это вам лучше меня знать.

— И только за этим вы меня вызывали?

— Не только. Вы — человек от Бога. Возможно, даже посланец его. В этом я глубоко убежден. И поэтому хочу вам помочь.

— Помогите мне умереть. Мне не дают здесь этого сделать.

— О, если б вы знали, как мечтает об этом Москва. Только они очень хотели бы не столько вашей физической смерти, сколько смерти души. Душу убить ведь значительно труднее, чем тело. Ее надо заморить, не правда ли?

— Пока им это не удастся. И, думаю, не удастся.

— Послушайте, я не хочу в этом участвовать. С меня довольно. Я принял решение и решил посоветоваться с вами. Я хочу подать рапорт о том, что вы дезорганизовали контингент, и в связи с этим попросить начальство о вашем переводе в колонию усиленного режима. С такой репутацией, как у вас, вы там не пропадете. А мне терять нечего — генеральские погоны все равно не светят, хоть тут сотню рецидивистов в сто ангелов перевоспитаю. Но я и не намерен оставаться в душегубах.

— Делайте что хотите, гражданин начальник. Мне можно идти?

— Да. Прощайте, Апостол.

— Прощайте навсегда, гражданин начальник-хранитель...

Апостола перевели в зону неподалеку от Ярославля. Это было ИТУ усиленного режима, половина эков которого работала на заводе по производству холодильников. Там Апостол уже не пользовался такой популярностью, как в Мордовии. Надоело проповедовать и крестить. Он решил сбежать или умереть. Что и сделал спустя полгода.

История этого побега долго передавалась по зонамско-

му "радио" из уст в уста, обросла легендами. В них Апостол уже назывался графом Монте-Кристо. А об исчезновении его тела говорили разное: то ли оно упало в Волгу и погребено под илом, то ли его растворили в кислоте.

Той же осенью я ездил в Ярославль и побывал в Учреждении ЮН-83/Н — последнем пристанище Иуды Фомы. Очевидцы — эки и администрация — рассказывали о побеге следующее. Через зону проходила высоковольтная линия электропередачи. Верхний провод на опорах, как известно, — громоотводный. Провода под напряжением проходят от него на расстоянии полутора метров. Линия уходила через зону и Волгу в поле, а потом в лес. Сосед по койке Апостола — электрик-высоковольтник и искусный токарь — стащил на заводе холодильников два монтажных пояса, выточил ролики и закрепил их на поясах. Глухой ночью первым полез на опору электрик и ушел по верхнему проводу за Волгу. Когда вслед за ним покатился по проводу Апостол, выглянула луна и солдат-туркмен, стоявший на вышке, увидел его, уже пересекавшего последний забор зоны с "егозою". На его окрик Апостол остановился, но потом рванул дальше. Грянули выстрелы. Потом все пропало...

Мне удалось встретиться и с этим солдатом по имени Рахим, который рассказал все как было, клянясь аллахом.

— Стою на вышка, ночь, холодно, — вспоминал Рахим. — Луна выходит. Смотрю, большой птиц летит. Я ему кричать: стой, птиц, стрелять будем! Птиц остановился. А потом дальше поехал. Я, конечно, стрелять — потому что не может в воздухе птиц стоять. Человек, значит. Ну я попал несколько раз, я хорошо стреляю, охотник я. Он повисел немного, а потом крыльями помахал и полетел через Волга.

— И все?

— Все, — отвечал Рахим. — Это был человек-птиц. По нашей религии такой есть. Он к Богу летает.

А в Мордовии, говорят, когда полковник Бургомистров узнал о побеге и смерти Апостола, высчитал сороковой день этой даты и стал ждать чуда. Ничего необычного на сороковины Апостола не произошло, разве что в России к власти пришел Горбачев.

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ДУША

— А как приводили приговор в исполнение? — спросил я.

Он тяжело вздохнул и, минуту помедлив, ответил:

— У нас в стране три куста, где расстреливают. Это было около Свердловска. Я мог не присутствовать, но эта тварь меня настолько достала своей мерзостью, что я твердо решил, чего бы мне ни стоило, убедиться, удостоверить своими глазами в том, что ее на земле больше не будет. Просто горел желанием посмотреть на то, как она исчезнет, хотя трупов не выношу и всяких похорон избегаю... — Он снова умолк, но потом заговорил быстро и страстно: — Нынче много развелось демагогов, катающих проблему смертной казни как бочку с пивом — туда-сюда. Почему с пивом? Да потому, что на этом деле можно хорошо заработать. И не только на пиво. А пережили бы они то, что матери и отцы зверски изнасилованных и садистски убитых детей, языки бы поприкусили. Вообще, я считаю расстрел для таких тварей очень легкой смертью, не искупающей десятой, даже сотой доли вины, нет, даже не вины и даже не преступления... у нас нет такого слова, которое могло бы стать бледным синонимом этого мерзопакостного покушения на самое святое... Есть, понимаешь ли, разная патология, в учебниках психиатрии и судебной медицины она описана. Но здесь просто уму не постижимо: доктор медицинских наук, выхаживающий детей, как богородица, очереди к нему на год вперед, родители ноги целуют, а он, эта гениальная тварь, ровно раз в полгода ворует ребенка, самым изощренным образом насилует его, потом всаживает нож в спину, наслаждается его смертью... Нет, ты знаешь, старик, я не могу все это в деталях рассказать, эту его "исповедь" передать невозможно...

— Ну ты успокойся. Расскажи сам акт расстрела.

— А чего там рассказывать!.. — Он махнул рукой и сжался. — Зачитали приговор, прапорщик взвел пистолет, и тут, знаешь, что меня поразило: как хлынет у него

изо всех дыр — и моча, и экскременты... Не верил до последней минуты, на что-то все-таки надеялся. А когда у виска оружие почувствовал — обделался. Ну потом его за ноги и в ванну с кислотой, которая даже кости и волосы растворяет... Через полчаса ванну слили. Вот так это делается. Интересно?.. Да, когда растворялся, из-за дверей будто бы слышался крик.

Я молчал. Пытался представить себя на месте того прапорщика, заплечных дел мастера. Но не мог. Один раз присутствовал на вскрытии утопленника: проткнули ему огромный живот, а оттуда как ударит фонтан — на меня, прокурора, опера. Ой, не дай Бог. И за какую зарплату-то? А как потом домой, в семью? Как с детьми играть и смеяться после этого?..

На соседней кровати послышался храп. Мой ночной собеседник уснул.

Это случилось в Череповце, в одну из моих командировок. Набегавшись по строительной площадке самой большой домны в мире, не чуя ног, рано лег спать в своем двухместном номере. И хотя дежурная предупредила, что подселит одного начальника снабжения, у меня не было сил ждать его и тем более разговаривать.

Он явился в полдвенадцатого из ресторана, извинился, предложил коньячку, и мы разговорились.

— Никогда еще не жил в одном номере с писателем, — сказал он легко и весело. — Пробовал писать, да только для этого, сам понимаешь, что нужно. А я по образованию юрист, работал в органах. Столько всего посмотрелся, что страшно вспоминать...

И так случилось, что до четырех часов я слушал его ужасные истории, раскрыв рот. Но эта, про садиста-детубийцу засела в моей голове надолго.

Утром, когда я проснулся, моего ночного собеседника уже не было. Он уехал, как и говорил. Но на листе бумаги оставил свой адрес и телефон. Я тоже закончил свои дела и через несколько дней вернулся в Москву. Позже опубликовал очерк о Череповце в "Литературной России", но страшное дело садиста-врача не оставляло меня в покое. Я позвонил своему ночному собеседнику в Каменск, и вскоре мы встретились.

Анатолий, так его звали, свел меня с местным журналистом, который, к моему великому удивлению, записал предсмертную исповедь казненного на магнитофон. Этот корреспондент Шаламов вел отдел морально-правовых проблем в своей газете, был хорошим

репортером, но повесть об убийце написать не смог. Он дружески, чисто по-русски, отдал мне пленку и пожелал успеха. Пленка состояла из трех фрагментов, которые заслуживают того, чтобы с ними познакомить читателя.

ФРАГМЕНТ ПЕРВЫЙ

... Лет в пять мне приснился страшный сон. Будто мы с мамой плаваем в состоянии невесомости в какой-то желто-голубой среде — это и не жидкость и не газ. Потом я понял — атмосфера планеты. Вот мы ступили на почву, желто-голубой смрад рассеивается, и мы с ужасом обнаруживаем, что очутились на Луне. Видим перед глазами Землю, величиной со школьный глобус и такую красивую... А нас колотит от страха... "Мама? — спрашиваю я. — Ведь мы умрем здесь, и у нас даже не будет могилки на земле. Что же делать? Как нам вернуться обратно? Как попросить, чтоб спасли? Пусть прилетит корабль. Мама!" — и я плачу. А потом просыпаюсь и с великой радостью обнаруживаю себя в своей кроватке, в светлой и чистой комнате. И так мне хорошо, что снова плачу, теперь уже от радости.

А в обед того же дня я залез в кусты сирени, поймал трех цыплят и повесил их, как фашистов. Мама была в ужасе. "Что ты наделал, сынок!" А я говорю: это фашисты. А она в истерике: "Какие фашисты?! Это живые цыплята. А фашист — ты! Ты убил их! Ты — убийца!"

Она меня отлупила, повела за ухо просить прощения у хозяйки цыплят, а я выл, как побитый щенок, и не понимал, что сделал. Нет, я понимал, что этого делать нельзя, но не понимал почему. Когда я их вешал, они трепыхались, а в душе моей звучала какая-то музыка. Весело мне было. Вот тогда впервые дала о себе знать патология. Мама, конечно, не поняла, что это болезнь. Да больше такого и не повторялось. Она мне с пеленок внушала, что я должен стать врачом. Это была ее мечта — стать врачом, но у нее она не сбылась. А потом эту мечту она перенесла на меня и задавила ею. Я просто должен был стать врачом, как должен был вырасти мужчиной. У меня не было выбора.

Школьные годы пролетели легко. Учился отлично. Правда, за счет усидчивости. Мать била линейкой по рукам за полученную четверку и своего добила: десятилетку окончил с золотой медалью. Сразу поступил в мединститут. Учиться было легко, потому что все

строилось на зубрежке. Мыслить особой нужды не было.

Анатомический театр... Для всех студентов-медиков это испытание. Для меня же — настоящий театр. Я даже ночевал там. А детские трупы — как куклы. Мне хотелось поиграть ими. Я иногда поднимал мертвого ребенка и усаживал его как игрушку у стены. А однажды изнасиловал мертвую девушку. Она была как резиновая, что дают матросам на кораблях. И даже не сопротивлялась. А я все ждал и ждал, когда же она пошевелится. И она пошевелилась, в момент моего оргазма. Я вам точно говорю, что пошевелилась. Вообще в морге своя жизнь. Мертвецы встают и двигаются... Словом, они живут до сорока дней, потому что души их тут присутствуют. Это души свои бывшие тела и воюшат.

На последних курсах подрабатывал санитаром морга в горбольнице. Никакого отвращения не испытывал. Напротив, чувствовал себя нормально. Пил спирт, таскал трупы, как дрова. Было очень интересно наблюдать их поведение, изменения, я видел в этом искусство Бога. Он, как великий скульптор, менял их облики — то прихорашивал, то обезображивал...

ФРАГМЕНТ ВТОРОЙ

После окончания мединститута поехал работать в Магадан. Нас было двое нейрохирургов — я и сорокалетний еврей Шкуревский. Однажды мы собрали по кусочкам череп одной райкомовской бабы, которую сбросили со скалы. Она до сих пор живет. У Шкуревского была коронка: при страшных болях в позвоночнике, от которых теряли сознание, он делал свой таинственный укол, и боли мгновенно проходили. За это его больные боготворили! А жена у него была какая красавица! Такую можно увидеть лишь один раз в жизни! А он с ней спал каждую ночь. Я с ума сходил от ревности...

Там я сделал свою первую кандидатскую. Теперь в Магадане дети не умирают от этой болезни. Но что я за это получил? Червонец прибавки к зарплате? Внутреннее удовлетворение? Нет его, как нет и благодарности людей. Им решительно наплевать на то, кто нашел метод. Есть, и слава Богу. Нет — что поделаешь?

Когда я вскрывал мертвых детей, слышал голоса — жалобные, плачущие. Сначала думал, слуховые галлю-

цинации. Потом разговаривал с рабочими крематория. Они признались, что слышали крики душ, когда сжигали мертвецов. А у меня, стало быть, души младенцев плакали, им было больно. Я решил, что близок час, когда загремлю в дурдом. Но скоро все прошло. К голосам привык и даже подстроился под них. Вводил труп наркотов, и голосов не было. Тогда душам было не больно. Разумеется, об этом я никому не говорил. Люди злы и завистливы. Они бы тотчас решили, что я свихнулся. А ярлык — штука страшная. Клеится он легко, да отмыться от него почти невозможно.

Есть недалеко от Сусумана долина смерти. Несколько тысяч политзаключенных лежат подо льдом как живые. Даже с самолета их иногда видно. И знаете, там такая аура... тончайшая... трепетная... Я ездил туда заряжаться. Души замученных свили там себе гнездо и дежурят, как на посту. Меня они не любили, но все-таки подпитывали. "Гнездо душ" — так я назвал это место. Мне там всегда было легко и приятно.

Еще я пытался добраться до тайника земной жизни. В нем законсервирован весь набор земных душ. Это на случай, если жизнь на поверхности Земли исчезнет и придется разводить этот Сад заново. Но тайник запрятан во льдах, и к нему практически не добраться. Однако можно, но у меня не хватило средств и техники.

Я имел много денег, потому что в сезон ездил с артелями старателей как врач. Когда мы возвращались в Магадан, мы на три дня покупали кабак и там гудели. Я брал червонцы как колоду карт и поджигал этот веер. Официантки давились от злобы. Потом я швырял под стол эти бумажки, и толстые бабы лазили на карачках, как собаки, рыча и вырывая друг у друга купюры. Я наслаждался схваткой их омерзительно толстых пальцев, окольцованных "бочонками" и всевозможными перстнями. Они напоминали разъяренных свиней.

Потом я улетал недели на две в Москву и селился в лучшей гостинице. Я приказывал наполнять ванну шампанским и нанимал горничную, чтобы она меня в ней вымыла. Все бабы — твари. Ни одна из них не устояла перед деньгами. Я вызывал к себе в номер любую, предварительно подложив под край ковра катьку. Когда я предлагал обслужить меня, то кончиком носка приподнимал ковер и показывал катьку. Ни одна не отказывалась. Десять кусков мне хватало ровно на две недели. Однажды я прилетел в Магадан, дня на два задержавшись, и, к своему ужасу, обнаружил, что мне не

хватает двадцати копеек на билет до города. Пришлось занимать у одного бича, который потом проиграл меня в карты и чуть не зарезал.

Есть такая штука на стыке наук — гуманитарии и физики — качество времени. Это мера траты жизненных сил в определенный промежуток — когда за день человек проживает год, а может, и три. Так вот: качество времени моего магаданского периода характеризуется небывалой концентрацией витальной растраты. Семь колымских лет для меня — это около тридцати материковых. Там я стал личностью и там первый раз надорвался, хотя и не заметил этого. Но надрыв был смертельный, он-то и вел меня в пропасть, хотя внешне я рос, прогрессировал, но страшным сдвигом управляла душа и вырастила из него то, что ей хотелось: педофилию...

Я хотел добраться до истоков тайны живого. И чем ближе я к ней приближался, тем похотливее и сладостнее становилась ревность моя к молодому, молоденькому, младенческому... Порою мне хотелось влезть в утробу женщины и, уменьшаясь и уменьшаясь до яйцеклетки, превратиться в то эронеитрино, которое есть само тело души. И потом проделать обратный путь: родиться со знанием тайны жизни. Я не считал это патологией, не считаю и сейчас. У науки нет этики, потому что нет ее в жизни биологической. Все мы рано или поздно сдохнем — и какой тогда в ней смысл? Ведь смерть неэтична!..

Я облетел весь север Колымы как член медицинской комиссии военного комиссариата. Тогда я был молод и вынослив. Но у меня стали выпадать волосы, появились нервные расстройства, и пришлось вернуться на материк.

ФРАГМЕНТ ТРЕТИЙ

... Наверное, тогда я выносил категорию "прекрасной патологии". Никто не понимает ее. Как сговорились. Считают, что патология — это омерзительно, это по ту сторону. Ан, нет. По эту. Все по эту. Нельзя делить на ту и эту. Это едино. И жизнь за гробом тоже есть. Несколько иная, правда, чем вот эта. Ну а с душами все ясно. Вот мне досталась душа садиста. Что я могу с ней сделать?.. А ничего... Она же высшая воля: управляет моими поступками, образом мыслей, страстями... Если она вечна и бессмертна, то речи не может быть

о ее патологии. Она — данность, как вода, земля, дерево!

Конечно, я мог бы себя убить. Точнее, свое тело. Но ее-то убить нельзя. Завтра у нее будет новое тело, и с ним она будет вести себя так, как с моим. Это неразрешимая проблема. А потом она очень и очень тонкая. Божественная, я бы сказал. У нее такие прозрения, что ум мой содрогается от восторга. Я ее страстно люблю в эти минуты и, благодаря ей, делаю чудеса. Как Христос: встань, возьми постелию свою и ходи! И, представьте себе, ходят! Дети парализованные ходят! Однако достиг я такого искусства врачевания просто нечеловеческим трудом. Я же десять лет с крысами жил. Дома клетки завел, кормил, мыл, выхаживал. Потом перебивал хребет, пересаживал спинной мозг, экспериментировал. Никто мне не помогал, ни одна собака. А завидовали, сволочи, по-черному. Я открыл несколько тайн. Кандидатских целых три штуки написал, докторских две. На пятерых хватило бы...

Ну а потом? Страшная работа. Нервы, нервы и нервы. Я себя тратил, а восстанавливаться не мог. Первое время пьянка помогала, потом наркотики. Но и это надоело. Душа требовала сильнейшего стресса, с кровопусканием. Короче, жертвоприношения. Это качели, понимаете ли? Да нет, это никому не понять. Надо быть в такой шкуре. Я тщательнейшим образом продумывал этот акт. И после этого такое освобождение, такая легкость!... Да, мои преступления сверхжужасны. Я это знаю и жду самого ужасного наказания. Я готов его принять заслуженно и спокойно. Может, психика не выдержит, но это ее проблемы. Я выше своей психики, выше своего разума. Только высота эта опрокинута вниз, со знаком минус...

Что такое нравственность? Выдуманная категория. Слово! Однажды мне мама объяснила, почему она неверующая. Сказала: "Прочитала Евангелие. Вначале было слово, и слово было у Бога и слово было Бог. Значит, Бог это только слово..." Только слово. А что такое слово, логос? Самый большой ученый по античной эстетике насчитал около пятидесяти значений логоса. И все-таки слово есть слово, это не дело, как мы понимаем дело. Что бы ни твердили всякие гуманитарии о живом и мертвом слове, о чуде слова и душе слова, ясно одно — слово — это слово, слово — это не дело! Нравственность — слово, нравственность — понятие, название идеала, который всем нравится и к нему

стремятся. Но жизнь — вещь безнравственная от начала до конца. Ницше — вот гений, он прав. Фашизм — тоже гениален, потому что не прикрыт ложной нравственностью. Гитлер сделал великое дело для нации, опубликовав в тринадцатые годы немецкий эпос и исследования ранней фольклористики и религиозного мистицизма. Этот фундамент дал новый толчок для второго рождения германской нации. Стало быть, нравственность — категория ложная и стадно-инстинктивная. Это средство, а не цель. Цели не знает никто. Это самая главная тайна.

Какова была цель моей жизни? Стать чудо-профессором и садистом-убийцей? А теперь я уйду, и будет другой профессор-убийца... И все сначала... Что за заколдованный круг? Ведь ясно, что тот набор душ, тот сад душ, который посажен на земле, неизменен! Может, всю мерзость вселенной развели на Земле, и любая душа, готовая вырваться из этого сада, уже не знает, куда ей податься. Потому что забыла дорогу назад, а может, и не знала ее вовсе... Значит, опять Еклезиаст, опять суета сует и томление духа? О, если б я знал, как очистить душевную атмосферу Земли от патологии! Конечно же, той самой "прекрасной патологии", которую я изобрел, полюбил и признал священной. Неужели я не хотел бы иметь нормальную семью, детей, дом, где чувствовал бы себя так, как когда-то в утробе у матери? Благословенное время! Невесомость в земных условиях, космос во чреве! И опять этот сон...

Да, моей могилы не будет на Земле. Тот детский сон был пророческим. Тело мое, отравленное душой, уже не будет участвовать в биологическом круговороте земного вещества. А душа немного поживет там, в сернисто-голубом смраде на холодной поверхности Луны. А потом она вскружит голову какой-нибудь парочке и выпадет в осадок в виде яйцеклетки. И будет он толкаться ножками в животе своей матери, а мать и знать не будет, кто ему мать. А с отцом и подавно — пусть верит, что он отец того нового существа, душой которого будет моя душа...

А может, она все-таки будет другой, эта моя душа, после моей биологической смерти? Может, она будет лучше? А может, хуже? нет... Эти законы очевидны. Доказательство — повторяемость. Повторяемость. И даже стереотип личности повторяем. Функции, функции, функции... Кто вмешается?! Кто исправит положение вещей? Кто избавит мир от патологии?...

Я очень устал. Может, там я узнаю то, что томило меня целых сорок пять лет, пролетевших как один день. Будто только вчера родился, а уже все. Время сжимается до нуля. Тикают секунды, льется тоненькая струйка песка. И осталось чуть-чуть...

Прослушав магнитофонную запись, я день ходил как помешанный. Противоречивые чувства терзали душу мою: с одной стороны — отвращение к убийце, с другой — какая-то жалость и даже желание его понять. Из всего того, что я читал или писал о смерти и смертниках, мне всегда было ясно, что есть высший нравственный закон, царство Божие внутри нас, кантовский императив... Этот же смертник высказал идею Сада — того набора душ, разведенного на Земле, которые определяют ход земной цивилизации. Мало того, в этой исповеди угадывалась страшная закономерность — души подлецов и негодяев не пропускались туда, что можно назвать раем; покружив и не пробившись, они возвращались обратно на Землю. А лучшие уходили. Следовательно, кто-то сознательно делал из Земли свалку нечисти, чтобы люди деградировали, мельчали... Чья-то воля хочет, чтобы мы сами себя уничтожили... Ведь даже садист и убийца с горечью восклицает перед смертью: "Кто исправит положение вещей? Как избавить мир от патологии?"

На следующий день я позвонил Анатолию. Была суббота, и он пригласил меня к себе. Зная его слабость, я прихватил бутылку коньяку и через час сидел у него на кухне. Его жена, симпатичная молодая женщина, собралась на стол и убежала по магазинам. Но сам хозяин был явно не в духе. Он молча выпил несколько рюмок, достал початую бутылку из холодильника и глухо спросил:

— Небось, опять будешь про ту мерзость расспрашивать?

— Буду, — тихо ответил я.

— А достойна ли она того, чтобы о ней говорить?

— Знаешь, у меня такая профессия...

— Знаю, знаю... инженеры человеческих душ, архитекторы, исследователи диалектики души...

— Слушай, старик, не надо иронии...

— Сейчас ты скажешь, что тебя потрясла его исповедь и тебе где-то его жаль... Но только не исповедь это, Это игра. Интеллектуальная вакханалия! Вот что!

— В одном месте он говорит про Сад, о доминанте

зла на Земле. Что ты думаешь по этому поводу?

— Сад... У маркиза де Сада тоже был свой сад... Только не то это слово: не сад, а ад! Возьмем, к примеру, Кафку. Великий писатель двадцатого века. А о чем он пишет? Ведь это сущий ад!

— Слушай, Толя. А почему ты ушел из эганов?

— А тебе какое дело? Ушел и ушел!

— Нервы не выдержали?

— Нет, не то. Просто понял, что не знаю, как бороться со злом. Ведь мы расстреляли эту пакость, а новая — такая же — со всех дыр лезет. И нету от нее спасу. Мы как мясники. Понимаешь? Мы не знаем, как изменить природу человека, как лечить патологию. Мы боремся со следствием, а не с причиной. Право формализует жизнь, а не улучшает ее. Вот в чем вопрос!..

— Значит, он прав?

— В чем? — Анатолий набычился и схватил со стола рюмку.

Я молча поднялся, чувствуя, что надо уходить. Прошел в прихожую, надел плащ и шляпу. Анатолий, качаясь, вышел следом.

— Не надо больше об этом, извини, — протянул я руку на прощанье.

— Ты знаешь, — в глазах хозяина блеснули слезы, — ты знаешь, ведь это дьявольская душа...

— Как? — не понял я.

— Ведь это не человек был. Человека можно понять, а этого нет. Я любого убийцу пойму, но дьявола во плоти не могу. Понимаешь, не могу! — Он уронил пьяную голову мне на плечо и зарыдал как ребенок.

Я помог ему пройти в комнату, уложил на диван и вышел на улицу.

НЕ ГЛЯДИ!

"Не гляди", — шепнул какой-то
внутренний голос философу.
Не вытерпел он и глянул.

Н. Гоголь. Вий

В Святые Горы мы приехали в сумерках и, побросав вещи в гостинице, выбежали на улицу, где ждал нас водитель автобуса, согласившийся подбросить к монастырю. И вот в темнеющем воздухе белеет скромный мраморный памятник с надписью: "Александр Сергеевич Пушкин. Родился в Москве, 26 мая 1799 года. Скончался в С.-Петербурге, 29 января 1837 года".

— Три раза его здесь хоронили, — начал рассказывать мой старший друг. — Страшный мороз был пятого февраля. Земля настолько промерзла, что вечером мужики с трудом побили ломами лед и, поставив на землю ящик с гробом, закидали снегом. А рано утром внесли ящик в церковь, и после заупокойной обедни всем монастырским клиром с настоятелем, архимандритом, столетним стариком Геннадием во главе, похоронили в присутствии Александра Ивановича Тургенева и двух барышень. А весной, когда стало таять, распорядился Геннадий вынуть ящик и закопать его в землю уже окончательно.

— Эх, Русь, Русь... Свою национальную святыню по-человечески похоронить не смогла! А кто еще был с Тургеневым?

— Ящик и очень странный полицейский офицер.

— А он зачем?

— Зачем? Любопытно, что он и на весеннем захоронении присутствовал. Собственноручно на убогом кресте табличку с однословной надписью "Пушкин" закрепил. Кожинов, положим, считает, что полицейский был для почета.

Когда мы вернулись в гостиницу, я до поздней ночи слушал захватывающие рассказы приятеля о жизни поэта. Очень интересной показалась мне и его гипотеза о причине смерти поэта. Он не разделял известной точ-

ки зрения, согласно которой нашего гения убили масоны, и рисунок братьев Анфиловых ему ни о чем не говорил. Вспомнили мы и скандальное сочинение литературоведа N, сбежавшего за границу. Всем известно пристрастие этого эпигона к болезненному выискиванию патологических "фактов" жизни поэта. N был горьким пьяницей, и для него давно стерлись грани между здоровым нравственным запретом и преступной вседозволенностью, отличающие человека большой духовной культуры от авантюриста от науки. После всех этих разговоров мы погрузились в сон...

А утром мы снова были в монастыре. Четверо рабочих уже осторожно, слой за слоем, раскапывали могилу.

Едва наметился верхний контур ящика, один из рабочих удивленно поднял глаза — под его лопатой оказалась наполовину проржавевшая толстая цепь.

— Стоп, ребята! — закричал Миша и, спрыгнув в яму, стал руками разгребать землю.

Цепь, охватывающая ящик, тянулась к останкам полусгнившего осинового кола, пропитанного смолой и крепко всаженного в землю.

— Вот она, первая ласточка! — вопил Миша. — Вот для чего полицейский офицер на окончательное захоронение приезжал! Поэта как колдуна похоронили!

Но начальство приказало Мише вылезти из ямы и стоять спокойно.

Вокруг ящика раскопали вширь и вглубь и, пропустив под ним с помощью лебедки широкую плиту, дали команду крановщику. Ярко-желтая стрела крана склонилась над ямой играющую в лучах солнца коробку из нержавеющей стали. Бока ее слегка стесали выступающие бугорки земли, облепывавшей гроб, и накрыли его, чуть слышно коснувшись плиты. Болты закрутили, гаркнули снизу "Вира!", и "могила" повисла в воздухе.

Гроб опустили на мягкое дно "уазика", стрела крана клюнула над ним еще раз и отвела свою желтую шею в сторону. По капоту "уазика" пробежала дрожь от ожившего стартера, и машина тронулась. За ней, вздымая и почихивая, выстроились остальные автомобили и скоро пропали за поблекшим лесом. Старенький "петушок" принялся загребать яму.

Так увезли из Святогорского монастыря прах Александра Пушкина. Его собирались поместить под памятником поэту на столичной площади. Но поскольку там еще велись подготовительные работы, гроб опустили в подвал Археологического института, где следующей

ночью, кроме меня, моего приятеля-пушкиниста и чахлого сторожа, уже никого не было.

Миша много лет читал Пушкина в Литературном институте, писал о поэте, бесконечно спорил и знал о нем столько, сколько, пожалуй, немногие. Волнение не покидало его вторые сутки. А в подвале он уже был не похож на самого себя: глядел на стальную коробку сумасшедшими глазами и то и дело глотал из пузатой бутылки горького коньяку.

Последние годы он мне часто твердил о какой-то загадке поэта, которая, по его мнению, таилась в могиле. Я уже знал, что он не пощадит ни прах гения, ни самого себя ради выяснения истины, но все же до последнего пытался отговорить его от кошунства — вскрывать гроб — и стал рассказывать ему печальный анекдот из Геродота о вавилонской царице Нитокрис. Перед смертью владычица, как сообщает историк, завещала поставить свою гробницу над городскими воротами и начертать на ней дерзкую надпись потомкам-царям: "Кто хочет разбогатеть, пусть откроет мою гробницу". Могущественный Дарий раскрыл гроб, но нашел там лишь останки труп царицы да дощечку с иронически-поучительными словами.

— Дарий сделал это из зависти и властолюбия, — возражал мне литературовед. — Он и воротами не пользовался потому, что в момент проезда через них труп царицы находился над его головой.

— Я тоже не думаю, что царь рассчитывал найти в гробнице обещанные сокровища, — вразумлял я его. — Он в них не так уж и нуждался. Ему не давала покоя тайна хитрой Нитокрис. Надо было хорошо знать царицу, чтобы не попасть на ее удочку. Дарий, разумеется, прекрасно знал ее, как ты, положим, Пушкина, и не устоял. За свое любопытство и был навеки осмеян прахом хитрющей бабы.

— Ты хочешь сказать, что он был не умен?

— Ума у великого Дария не отнимешь, а вот то, что он полез к трупу, не делает ему чести. "Был бы поумнее, не открывал бы гробниц мертвецов" — кажется, такой была надпись на табличке в гробу, или: "Что ты ищешь, живой, в царстве мертвых?" — не помню точно.

— Значит, он тоже терзался в догадках. Предвидел даже свой позор и все-таки решился! А если сам Дарий не устоял, куда уж мне?!

— Но Нитокрис не Пушкин! Она сама раздражила царей!

— А Пушкин что наворотил?! — взвизгнул Миша. — Куда там ей до него?!

Наконец я понял, что отговаривать бесполезно. Ясно одно — другой такой возможности у Миши больше не будет, и он никогда не простит себе собственной слабости, а меня уж точно со свету сживет.

Когда сторож заснул, мы раскрутили болты коробки и, не дыша, с трудом подняли крышку. Земля посыпалась на ноги, тяжкий могильный смрад дохнул в лицо. Я принес металлические шины и подсунул их под осыпавшуюся края настоящей крышки гроба. Миша перекрестился. Может, первый раз в жизни. Шины не спасли — крышка развалилась у нас в руках, и мы замерли: перед нами лежал нетленный труп...

Он будто умер только вчера. Лицо его ничем не отличалось от посмертной маски. Вначале я даже усомнился: труп ли? Его было трудно отличить от гипса — такой же белый и холодный. И одежда не подверглась тлению: фрак лишь слегка обветшал, а нательное белье было прочно и жестко.

Миша коснулся его лба, я вслед за ним. Лоб был холоден и чуточку влажен. Мельчайшими капельками конденсата блестели пухлые окаменевшие губы мертвеца. Мы испуганно переглянулись и отступили от гроба.

— Я был прав, — идиотски усмехнулся мой друг. — Сто пятьдесят лет, а будто бы только вчера...

Слева скрипнула дверь, сквозь щель проскользнул косяк сторожа и отпихнул ее. Старик полусонными глазами осмотрел нас, взглянул на труп и зло наставил:

— Противогазы надо надевать, грамотей! Я и к парашам привычный, срок тащил, но такого без противогазу не потерплю!

— Выпей, бывалый, — Миша протянул ему свою бутылку.

Сторож жадно схватил ее и, не отрываясь, осушил. Потом засунул бутылку в широкий карман своей рубы, вынул сигарету из помятой пачки "Примы" и стал вспоминать:

— Переносил я кладбища. Бригада у нас была. Сумасшедшие бабки имели. Так только в противогазах и по одному на гроб, щоб драки не было. Удачный я был человек: открываю коробочку, и нет-нет, а золотые зубы попадаются. Тихонько монтировочкой по скуле вдарю и коронку в рукавицу да за пояс. Пошти две рукавицы полных набрал. Вот, думал, уволюсь, толкну жидам, дом построю, бабу себе найду, обласкаю... Годы уже были.

Подышать одному — собачья смерть... — Он смолк и уставился на труп, будто к чему-то прислушиваясь. Потом облегченно вздохнул и продолжал: — Гробов пять оставалось, цинковых еще не завезли, думали, что хватит. Да тут еще родичи объявились, торговаться начали. Дорого вроде. А понюхали бы, чем оно пахнет, когда начинаешь его в цинковый перекидывать... Этот у вас, — он кивнул на Пушкина, — вроде как вчера, а там такое оставалось, что и кинуть нечего. В руках рассыпается, — он сплюнул. — Покалечил жизнь свою на кладях. Промыл рукавички до последней короночки, по этапу пошел, мокрое дело было, но одного забыть не могу...

— Чего же? — вздрогнул я, чуя что-то недоброе.

— А такое ж, как ваш паек. Пропавшие вы люди теперь. Сопьетесь на хрен или повешаетесь. — Стуча костылем, он подошел к гробу и внимательно оглядел мертвеца. — То же самое. Только там баба была, а год смерти восемьсот шестой.

— Какая баба? — встрепенулся Миша.

— А почему я знаю? Разве всех вспомнишь? Богатая, шалава...

— Дворянка?

Старик разозлился:

— Кухарок так не хоронят!

— Ну и что?

— Что! Что! Лежит как живая! А я такой дурак, как и вы, был! Атеист! — Он опустил голову. — Полез мидальен сымать...

— Ну?

— Ну да ну... Х... согну! Глаза открыла!

Мы все посмотрели на труп. Он по-прежнему был недвижим.

Старик поспешил прочь.

— И так посмотрела, что Богу уверовал! — Он хлопнул за собой дверь.

Ударил щеколда. Сторож заперся изнутри, но Миша забарабанил к нему:

— Дед, а дед! Ты кому-нибудь об этом рассказывал?

— Попу говорил.

— А он что?

— Не исповедовалась перед смертью, сказал. Так и мучилась под землей — и не живая, и не мертвая...

— А он, — кивнул я на труп, — он исповедовался?

— Да вроде бы, — растерянно промямлил Миша. — Жуковский в письме к его отцу, Сергею Львовичу, писал...

— А точно?

— Что ты ко мне привязался?!

Теперь мы действительно не знали, что делать. Я подошел к труп и с ужасом обнаружил, что его неживые и полные гипсовой влаги губы чуть заметно шевелятся. Поборов страх, я наклонился к нему. Он шептал стихи. Я не мог разобрать слов, но стихи мне казались знакомыми — настоящие пушкинские строки, волшебные, живые. Однажды я видел на берегу моря задыхающуюся кефаль. Она чуть-чуть опускала и поднимала жабры. Я видел, что рыба умирает, видел, как она медленно и мучительно тяжело отходит в смерть. Но сейчас же было обратное: там ритмика вздохов жабр кефали угасала, здесь непонятный шепот выравнивался и нарастал. Вскоре можно было понять, что это четырехстопный ямб, но произносился он на такой частоте, когда слов разобрать еще невозможно.

Миша в изнеможении опустился на пол.

— Ему бы грехи отпустить! — прокричал за дверью старик.

Мы молчали, а труп все шептал и шептал.

На другой день шепот прекратился. Белизна с лица трупа спала, но мученическая маска еще по-прежнему стягивала его. Правда, не так уж судорожно и нестерпимо. Лоб был все еще холоден, но не настолько, как сразу после вскрытия. А опущенные веки были безумно напряжены, будто покойник силился открыть глаза.

Миша казался невменяемым. Глядел исподлобья, что-то бормотал еле слышным голосом и иногда тихо посмеивался. Он убеждал меня, что ночью, когда я, обессилив, спал, записал новую смертную поэму поэта. Называлась она "Сон во Святых Горах". Он даже читал мне какие-то куски — бессвязные строфы, похожие на вялые реминисценции из "Медного всадника". В них поэт называл себя Петром Алексеевичем Пушкиным, царем русских душ и светоносцем, испепеляющим своих соперников. Он говорил, что выжег дотла всю чуждую ему поэзию и занял трон российского Парнаса на столетия, дав нации навсегда свой закон стиха.

Я верил Мише и не верил. С одной стороны, налицо был классический шизофреник, помешавшийся на Пушкине, с другой — потрясенный своим открытием незаурядный ученый. Да я и сам был тогда не в здравом уме от всего происходящего в подвале и желал только, чтобы все это как можно скорее закончилось. И было уже все равно, какими будут последствия.

К вечеру труп силился подняться. Он опирался на

локти и, напрягшись, даже на какой-то миг отрывался от гробовых досок, но потом опадал, и могильная труха сыпалась на пол подвала. Мы наблюдали за ним затаив дыхание. Часа через два он все-таки сел в гробу, основательно разворотив его. Самое страшное, казалось нам, произойдет после того, как он откроет глаза. Мы погибнем от этого взгляда. И тогда мы решили...

За стеной подвала бетонировали коллектор. Рабочие пользовались нашим лифтом для спуска раствора, кон-солей и прочих материалов. Время было ночное, мужики с вечера подгуляли и улеглись спать, а гора бетона, брошенная ими, застывала неподалеку от нас. Мы по очереди бегали с тяжеленными ведрами по темным закоулкам подвалов. Когда серая каша тяжело расплзлась под высоким столом, на котором мрел в полутьме наш оживающий мертвец, мы мигом переложили его в стальной короб и стали лихорадочно заваливать бетоном. Его не хватало, и мне пришлось еще пару раз сбегать в коллектор. Через час мы закончили наше страшное дело и упали на стулья. В подвале было тепло, и бетон схватывался быстро.

Позже растворилась дверь сторожа, и вместе с его костылем мне упал под ноги конец резинового шланга.

— Поливай! — гаркнул старик. — Крепче стянет, — и пустил воду.

Я схватил шланг и залил поверхность бетона. Сторож закрыл кран и выполз из своей каморки.

— Погодя ищю, — одобрил он и, позевав, опять вернулся к себе.

Незадолго до рассвета мы похоронили останки настоящего гроба в захламленном рабочими углу коллектора, закидали их застывающими комьями бетона и вернулись в подвал. Здесь мы привинтили плиту к коробу и сели отдохнуть.

Миша весь вымок в поту и был мертвенно бледен от всего содеянного. Ничуть не лучше, думаю, выглядел и я. Ужасно хотелось курить.

Я разорвал помятую в кармане пачку сигарет и жадно затянулся. Потом она долго дрожала в тонких и грязных от бетона руках товарища. Он никак не мог прикурить: спички ломались и сыпались на пол.

Все произошло в пять минут пятого. Стальной гроб неожиданно заерзал на столе, потом изогнулась крышка короба, и весь он вздулся кверху. Но гайки еще прочно держали. Однако мы не на шутку перепугались.

Сторож первым загремел костылями к лифту.

— Тикать надо! — взвизгнул он на ходу и стал яростно креститься.

Но мы с Мишей опередили его, и пока затаскивали старика в кабину, сварка на болтах гроба лопнула, крышка его грохнула об пол, и слепой, весь в бетоне, труп двинулся к нам. На всякий случай он выставил вперед правую руку, но нужды в ней не было: поэт глядел внутренним оком — куда более зрячим, чем наши глаза! Поднимаясь в лифте, мы уже знали, что, если не случится чего-нибудь сногшибательного, — нам крышка...

Миша был ни жив ни мертв. Казалось, он вот-вот упадет в обморок.

— Хоть бы глаза не открыл, — бормотал он.

— Откроет и попалит! Откроет и попалит! — причитал волчьим голосом сторож.

Он преследовал нас по пятам — и не труп, и не человек. Гордо и легко настигал, где бы мы ни спасались. Сторож неожиданно потерялся за темной оградой собора, которую мы невероятно как перемахнули туда и оттуда. Ни души на предрассветных московских площадях! Сырой промозглый воздух, боль в ушах от холода, страха, роковой погони! Но вот-вот появится солнце... Еще немного, и мы будем спасены...

Каким-то образом мы с Мишей оказались на площади Дзержинского, и я заметил у "Детского мира" милицескую машину. Когда до нее оставалось метров тридцать, патрульный, слава Богу, увидел нас.

Я обернулся. Труп точно летел по воздуху, разрастаясь на глазах. Милиционер ухватился за кобуру и вырвал из нее пистолет.

— Не стреляйте! — заорал я, понимая, что пришел наш последний час: после выстрела он откроет глаза.

Но что мог сделать ошалевший постовой! Выстрела я не слышал. Последнее, что видел, — мой друг катился по мостовой, а наш страшный преследователь обратился в смертоносный гриб. Мои обугленные кисти рук сжимали остатки лица уже высоко над Москвой, полыхавшей в огне разрывов.

Очнулся я на полу нашего номера, когда упал с кровати. Вся комната была залита ярким летним солнцем. На соседней кровати мирно спал мой приятель и чему-то улыбался во сне. Но сердце мое бешено стучало.

Я схватил первую попавшуюся одежду, кое-как напялил ее на себя и бросился к монастырю. Но, еще

издали увидав знакомый памятник, облегченно вздохнул. Постояв у могилы несколько минут, я устало двинулся в обратный путь.

Миша сидел на постели и смотрел на меня непонимающими глазами. Когда я ему рассказал свой сон, он расхохотался.

— Испугался! То-то, голубчик! За святотатство надо платить!.. Здорово это я у тебя в N перевоплотился! Ох, сон, сон... — Он перестал смеяться и задумался. Потом грустно заключил: — Ты думаешь, что этот дегенерат N один? Увы! Сколько у нас таких кощунственных литературоведов, перетряхивающих простыни и сплетни давно почивших гениев. Самое страшное, что они сатанински верят в существование всех этих интимных "загадок" и стремятся таким путем к "выяснению истины". Для них не существует нравственного табу! И не существует по той причине, что "духовный и научный" уровень этих "исследователей" ничтожен по сравнению с уровнем объекта исследования. Это пьяные кладбищенские сторожа, готовые осквернить любую национальную святыню ради бутылки. Кви про кво!..

ЗАКОН СФРАГИДАЦИИ

Геленджик меня встретил солнцем и зеленью. Это было необычно после сорокаградусного московского мороза, тем более в первый день февраля. Городок весь светился, сиял, за невысокими заборами чернели вскопанные огородики, грядки обдувал легкий ветерок. А чайки тучами носились над морем, кружились у высоких белых домов, устремляясь к Толстому мысу. Там они гнездились в скалистых стенах обрывов, промышляли шальной рыбешкой, прыгающей в пенистых волнах прибоя.

Я приехал в родной город. Горели все сроки сдачи рукописи, и поэтому, взяв две недели в счет летнего отпуска, я махнул на юг дописывать повесть о чекистах, террористах, жертвах и палачах. Многих из них давно нет в живых, но тени их, захватившие мое воображение после работы с документами и материалами, преследовали меня по пятам, не давали спать по ночам. То и дело я видел доктора медицины, говорящего перед расстрелом: "Большевизм — это припадок бешенства"; видел сошедшего с ума чекиста; выдающегося советского разведчика Треппера в камере на Лубянке, беседующего с честнейшим полковником НКВД; наконец, макиавеллиевские глаза "отца народов" и выселенные греческие села, где по ночам выли собаки да стонали парализованные старухи... Вот почему рукопись шла медленно и тяжело.

И хотя яркий голубой Геленджик очаровал своей ранней весной, он растревожил душу воспоминаниями и сомнениями. Может, потому, что я нашел в отчем доме томик Николая Бердяева, завезенный мною сюда в студенческие времена.

В юношеские годы этот философ не произвел на меня большого впечатления, тогда я восторгался Шопенгауэром и Ницше. Но теперь Бердяев потрясал меня своей глубинной проницательностью и пророческими суждениями. Его книга давала ответы на главные вопросы

бытия. Он писал: "Борьба против зла легко сама приобретает характер зла, заражается злом... Слишком большие враги зла сами делаются злыми. Это парадокс борьбы со злом и злыми..."

Не сомневаясь в том, что зло есть небытие, Николай Александрович так рассуждал о красном и белом терроре: " У людей есть неодолимая потребность в козле отпущения, во враге, который виновен во всех их несчастьях и которого можно и даже должно ненавидеть. Это могут быть евреи, еретики, масоны, иезуиты, якобинцы, большевики, буржуазия, международные тайные общества и т.п. Революция всегда нуждается во враге для своего питания и выдумывает врага, когда его уже нет. Тоже самое и контр-революция. Когда найден козел отпущения, то человек чувствует себя лучше".

Господи, изумлялся я. Ведь это же диалектический закон развития общества! В нынешнюю мирную "революцию" в России объявлены врагами новые козлы отпущения: бюрократы, коррупционеры, взяточники, военно-промышленные ястребы, дельцы теневой экономики и прочие мафиози и захребетники бывшего Советского Союза. Но, увы, судьи-то кто? Как они поведут себя, дорвавшись до власти?! Нет гарантий тому, что это не будут новые бюрократы, коррупционеры, взяточники и прочие. И еще поковарнее их врагов. Если, конечно, они их победят. Страшно становилось от этой мысли, и у меня все валилось из рук — совсем перестал работать.

А тем временем яркое солнце сменялось норд-остами, седые туманные вечера дождями, и потом снова лучился и разливался над городом ослепительно-белый свет.

Под моим окошком то и дело мелькала согнутая старушечья тень. Я присмотрелся. Это была бабка-гречанка, очень старая, сухонькая и костлявая. Видно, и в молодости она была ростом не более, чем метр пятьдесят, а теперь выглядела игрушечной, ненастоящей. Она то и дело ходила по тротуару, опираясь на палку, и что поразительно — ходила довольно быстро, словно летала, легонько шурша подошвами своих башмаков.

— Что это за старуха? — как-то спросил я у матери, принесшей мне чашку чая.

— Да греки из Казахстана недавно дом купили. Это их бабка.

— И что ж она на месте не сидит?

— Дом свой ищет. Они до высылки где-то здесь жили, да снесли их хибару. Внуки калитку закрывают, а она притащит табуретку и через забор перелазит. Один

раз села на катер. Кое-как в Джанхоте отыскали.

— Больная?

— Да все они в этом возрасте такие. Все время жалуется, что голодная. Заходит ко мне, просит: "Дайте воды, а то меня не поят и не кормят". Один раз принесла две копейки и просит купить ей хорошего хлеба. Измучились уже с ней. Наша, ты помнишь, тоже чудила...

— А кто — эти греки?

— Не знаю. Вот приехали через сорок лет. А она, бабка эта, вроде бы какая-то двоюродная тетка Папандравилась.

— Папандравилась?

— Да. Помнишь его? Тот, который пьяный убили. С этого...

— Ну, ну... — вспомнил я. — Спасибо, мама.

Она ушла на кухню, а я откинулся на спинку стула и стал вспоминать.

... Это было почти тридцать лет назад. Я гонял на стареньком велосипеде с "восьмерками" на обоих колесах, без крыльев и багажника. Вместо руля у меня была черная баранка со списанного грузовика "ГАЗ-51". За пазухой — самопал, в карманах — порох, спички и заячья дробь. Были у меня славные друзья — Колька и Женька. Они тоже на великах.

После школы мы часто ездили на свалку. Пострелять в выброшенные кастрюли и чемоданы. Туда была единственная асфальтированная дорога в нашем районе — улица Островского. За городом она вливалась в новороссийско-сухумское шоссе, и у развилки мы сворачивали направо — к свалке.

Вдоль асфальта стояли частные дома с выкрашенными в яркие цвета фронтонами. В палисаднике или у крыльца любого такого дома зеленели кипарисы и кусты самшита. Однако украшением улицы был роскошный дом дорожного мастера. Перед его окнами росли сосны, кипарисы и ели. Здесь же, на постаменте, стояла бронзовая лавочка, а на ней сидели, беседуя, гипсовые фигуры Ленина и Сталина. Ильич сидел широко, откинув правую руку на спинку лавки. Сталин слушал его, слегка наклонив голову. Эта скульптура утопала в зелени, была ухожена и вовремя покрашена.

Здесь же местной достопримечательностью "конца Островского", то есть самой окраины города, был небезызвестный грек Папандравилась. Ни имя, ни фа-

милія его никого не интересовали. Папандравилась — прозвище, функция, внештатная должность окраин захолустных городков. Этот невысокий сорокалетний мужчина сильно заикался, был инвалидом с детства и холуем по натуре. Он нигде не работал, поскольку значился инвалидом какой-то группы. Основное его занятие — "найм у частного сектора". Он копал огороды, красил заборы и чинил сараи. Где он брал материал — одному Богу было известно. Где-то "доставал". По большей части, конечно же, воровал или выпрашивал у сторожей за бутылку-две водки. Когда он о чем-то договаривался с хозяйкой или хозяином, то без конца твердил, заикаясь:

— Я сделаю, чтоб па-па-ндравилась...

Он хотел сказать: чтоб понравилось. Но у него этого никогда не получалось. Па-па-ндравилась, па-па-ндравилась. Поэтому его так и окрестили: Папандравилась!

Была у него баба-дурочка, к которой он ходил по ночам и несколько лет обещал на ней жениться тридцать второго сентября. Дурочка верила и ждала, когда придет тридцать второе число. Папандравилась ей внушил, что оно бывает раз в четыре года — как двадцать девятое февраля. Так было...

И вот однажды я с Колькой и Женькой покати́л на велике к свалке. Когда мы проезжали мимо дома дорожного мастера, у меня вывернулась под руками баранка, и я чуть было не залетел в канаву. Мы словно по команде дали по тормозам и ошалело уставились на памятник. На лавочке осиротело восседал Ленин, а Сталина не было...

Но на свалке нас ждала новая неожиданность. Мы увидели Папандравилась, разбивающего на куски гипсового Сталина. Он делал это с усердием и остервенением. К нему было страшно подойти: лицо его сжимала судорога мести. Позже мы узнали, что никто, кроме Папандравилась, не решился на такое, сколько бы ему ни заплатили. Однако Папандравилась вызвался сделать это бесплатно, "во благо народа". На следующий день заика "свалил" Сталина, стоявшего на постаменте в небольшом скверике у моря. На этот раз уже за плату. Вокруг постаamenta еще оставались лавочки, на которых мужики разливали "по стакану", посылая за очередной бутылкой Папандравилась, который опустилсѧ, бросил подрабатывать и почти не просыхал.

Теперь он следовал по пятам за рыжебородым с не-

русским лицом Ленькой Смеховым, приехавшим недавно с Урала или откуда-то еще. Не помню точно. Ленька сажился в скверике на лавочке перед оставшимся постаментом и давал деньги зайке. Тот мигом неся в магазин и приносил бутылку. Ленька наливал ему стакан, а сам выпивал из горлышка. Потом зайка бежал еще. Это была неразлучная пара...

К вечеру в скверике появлялись другие запойные люди. Становилось весело. Они наперебой рассказывали байки и анекдоты. Особенно распинался Панаетас — старый бабник с острыми бакенбардами и начищенными до блеска корочками-туфлями.

Панаетас приехал недавно из Армении, где работал трактористом в колхозе. Он часто рассказывал смешные истории о хитроумном председателе Акопяне. Одну из них я запомнил.

— Приехал районный начальник в село, — заливал выпивший анфантерибль, — и приказал Акопяну памятник Сталину перед правлением свалить. Я его быстренько тросом зацепил, трактор завел, а Акопян говорит: "Ночью сделаем, перед колхозниками стыдно". Ну, дождались ночи. Пришел председатель с людьми. Аккуратно Сталина сняли, в брезент завернули, и в кузов моего трактора положили. "Давай тихонько на кладбище, да чтоб не растряс!" Похоронили мы его, значит, при луне. Правда, без таблички и креста. Однако место огородили и хорошенько запомнили. На следующий день коммунисты на Акопяна напали: "Аполитично сделал, приказ партии извращаешь!" А мудрый председатель им рот и заткнул: "Не хозяева вы, а дураки! Сталин — это же козел отпущения! Сколько мы колхозных денег на памятник потратили! Надо, молокососы, своим умом жить. Вот завтра новый к власти придет и прикажет Сосо опять поставить. Признают, что ошибка была. Значит, опять на памятник деньги тратить? Нет, дорогие. Пусть лучше в могиле полежит, а когда время придет, выкопаем, покрасим и снова поставим. И без затрат и без хлопот."

Всем забулдыгам эта веселая история понравилась, и они искренне одобряли поступок председателя колхоза.

А однажды Панаетас подозвал к себе хмельного Папандравилась и хитро спросил:

— Хочешь стакан?

Зайка радостно закивал, глядя на него собачьими глазами.

— А можешь изобразить, как вот здесь Сталин стоял?

— Могу, — кивнул Папандравилась и подбежал к постаменту. Тут и мы с Женькой и Колькой подъехали на велосипедах и стали свидетелями этого дионисийского паясничества.

Заика затребовал стакан для прилива сил, потом его посадили на двухполовинойметровый постамент, и он стал в позу. Однако до Сталина ему было ох как далеко. Папандравилась был мал ростом, кривоног, неуклюж. Пришлось подложить кирпичи. Потом ему велели заложить левую руку за лацкан пиджака, потом задрать подбородок. А потом... Все случилось мгновенно. Он слетел с постамента вниз, ударившись головой об угол бетонного бордюра. Напрасно тормозил его пьяный Смехов, напрасно вызывали "скорую". Папандравилась был мертв...

За окном снова проскочила старуха-родственница Папандравилась. Снова побежала искать свой дом. И я вышел за ней следом. Мой рабочий отпуск кончался. Оставалось сходить на кладбище к дорогой могиле и взять билет до Москвы.

Я шел среди могил, узнавая по фотографиям умерших. Родственники покойников назанимали для себя много места, а кладбище, увы, закрыли совсем, а захоронения перенесли в Марьину рощу.

... Свежие могилы танкистов и летчиков, погибших в Афганистане. Этих мальчишек я и не знал, поскольку уехал из Геленджика двадцать лет назад. Соседка рассказывала, как хоронили ее племянника и как трехлетний сынишка покойного тыкал пальчиком в цинковый гроб и спрашивал: Скажи, мама, а папа в этом корытце?"

Я обошел вечный огонь и могилу полутора тысяч Куниковцев, погибших под Геленджиком в Отечественную, известных и безызвестных героев-черноморцев, кубанских казаков, рязанских ребят... Господи, сколько их полегло... С именем Сталина на устах. За Россию, за Родину!..

От вечного огня и братских могил я пошел в гору, к могиле бабушки. Новые захоронения, свежие насыпи... Стоп!

Смехов Леонид Иванович
1921—1985

Кто это? Тот? А сбоку на этой же примитивной пирамидке стояло:

Сталин В.И.*

Здесь же был неумело нарисован портрет рыжебородого мужчины с кавказским лицом, над ним самолет со звездами, а внизу — простые незапоминающиеся стихи...

На следующий день я улетел в Москву. И хотя снова ярко светило солнце, настроение было подавленным. Отпуск прошел, книжка не написана. Да и напишу ли я ее вообще? Что-то произошло со мной. Из головы не уходили новые вопросы. Папандравилась и Смехов были друзьями-собутыльниками. Но как уживались вдвоем? Ведь Смехов наверняка знал о делах рук его... Пьянствовать с человеком, который осквернял памятники отцу? Это не укладывалось в моей голове. А может, он лучше всех этих людей знал цену своему отцу и потому жил инкогнито?

Но какая символическая смерть Папандравилась! Что это: месть духа Сталина или пьяный случай? И то и другое. А все-таки?

Уже несколько позже, работая в архиве с письмами репрессированного П.А.Флоренского, я наткнулся на его строки 1929 года, адресованные В.И.Вернадскому: "У платоника Ксенократа говорится, что душа (т.е. жизнь) различает вещи между собою тем, что налагает на каждую из них форму и отпечаток — морфэ кайтипос. Епископ эмесский указывает, что при разрушении тела его "качества — пойдуте — не погибают, а изменяются". Григорий Нисский развивает теорию сфрагидации — наложения душою знаков на вещество. Согласно этой теории, индивидуальный тип — эксбос — человека, подобно печати и ее оттиску, наложен на душу и на тело, так что элементы тела, хотя бы они и были рассеяны, вновь могут быть узнаны по совпадению их оттиска — сфрагис — и печати, принадлежащей душе. Таким образом, духовная сила всегда остается в частицах тела, ею оформленного, где бы и как они ни были рассеяны и смешаны с другим веществом. Следовательно, вещество, участвовавшее в процессе жизни, и притом жизни индивидуальной, остается навеки в этом круговороте, хотя бы концентрация жизненного процесса в данный момент и была чрезвычайно малой".

Сфрагидация? Скорее всего, так. У нее тоже есть свои законы.

Несколько лет назад я забрел во двор краеведческого музея Череповца. Здесь, среди хлама и мусора, разбро-

* Официально Василий Сталин похоронен в Казани.

санного под кустами и деревьями, я снова наткнулся на гипсовые осколки, по которым тотчас узнал Сталина. Мне сделалось жутко и показалось, что я попал на какой-то вселенский склад земного вещества, рассеиваемого отсюда с духом и участвующего в круговороте воскресения жизни. Вечные осколки печати зла в каждом из нас... И тот негниющий труп на армянском кладбище. Он тоже вечен. Как вечна борьба за власть, в какой бы форме она ни проявлялась. И вечные козлы отпущения и новые тираны. Закон сфрагидации...

ЮБИЛЕЙ

В ночь на свое семидесятилетие школьный сторож Кузьма Иванович Лихачев не смыкал глаз. Правда, спать ему по службе не полагалось — он находился, как говорят, при исполнении. Но чего там греха таить — случалось, прихватывал на отдых Лихачев и час и другой обычно перед рассветом. И чаще всего — когда вечером с кем-нибудь "соображал" — когда с плотником, лукавым мужичком, но горьким пьяницей, а когда и с электриком, работавшим вечерами по совместительству.

До полуночи Кузьма Иванович, как правило, бродил по двору школы и гонял пацанов, забирававшихся через забор покурить, пошухерить, а потом уходил в учительскую и читал художественную и нехудожественную литературу. Предпочтение он всегда отдавал отдельным номерам роман-газеты и популярному в народе журналу "Гражданин и право". При этом он периодически выбирался из-за стола и выходил на свежий воздух, осматривая подслеповатыми глазами вверенный ему объект.

Обыкновенно за час — полтора до рассвета сторож начинал клевать носом, или немного кемарить, как он сам выражался. Это предрассветное время Кузьма Иванович называл про себя "часом покойника" — в родовых муках тьмы рождался новый день, что всегда волновало и настораживало. При этом часто его охватывал непонятный душевный страх, и где-то в подсознании возникало острое чувство смерти. Это было болезненное и мучительное состояние: перед внутренним оком мелькали, как в кадрах киноленты, облики давно умерших друзей и знакомых. По большей части тут были погибшие сорок с лишним лет назад фронтовые товарищи. Лица их — живые или мертвые — так запечатлелись в зрительной памяти Кузьмы Ивановича, что не давали покоя по ночам. Вероятно, поэтому он и не любил читать книги о войне, а фильмы на эту тематику вообще терпеть не мог. Кровь, грязь, истошный мат, кишки на

проводах, оторванные руки и ноги — все это виденное в живой трагедии было для него страшной правдой жизни, подменить которую не мог, по его убеждению, никакой, даже очень талантливый режиссер. И именно по этой причине он старался в свой "час покойника" как-то забыться, задремать, уйти от преследовавших его воспоминаний, порою похожих то на сон наяву, то на галлюцинации.

Но в ночь накануне своего юбилея он не мог уснуть даже в этот час, хотя и выпил с электриком стаканчик. Поездом в тринадцать пятнадцать к нему приезжали двое фронтовых друзей. Это последние оставшиеся в живых близкие по духу люди.

Алексей, или бывший младший лейтенант Лешка Чудаков, жил недалеко, в областном городе. Семнадцатилетним он прибыл в сорок четвертом в роту капитана Лихачева и скоро стал одним из лучших друзей командира. Больше года провоевали они бок о бок и после войны часто встречались. А одним летом в Сочи вместе с семьями отдыхали. Чудаков закончил институт, работал инженером. Уже около двух лет он был на пенсии и поэтому охотно согласился приехать на юбилей, да и недалеко — всего сто двадцать километров.

Другой гость — Иван Затулигора — ехал из самой полтавской губернии вместе со своей женой Акулиной Николаевной. Ивану Кузьма был обязан жизнью. Сержант Затулигора выволок его на себе из-под горящего грузовика, подорвавшегося на минах. Это было в конце августа сорок пятого, в Японскую. С тех пор у Кузьмы Ивановича вместо правой ноги протез, и он считался инвалидом первой группы как участник трех войн — Финской, Отечественной и Японской. Однако инвалидность не помешала ему закончить учительский институт и проработать в школе преподавателем математики ровно тридцать два года.

Он бы и сейчас учительствовал, если б не стервозная директриса Обьедкова, которой еще не было сорока, но она уже имела пятнадцатилетний директорский стаж и метила в заведующие района. Прислали ее в поселок по рекомендации какого-то секретаря райкома, и с той поры началось черт знает что. Коллектив раскололся на врагов и друзей Клеопатры Степановны, пошли в ход доносы и сплетни. А после антиалкогольного Указа Клеопатра по утрам собственноручно обнюхивала весь мужской персонал школы и издавала приказы с выговорами "за запах", в которых бывало и имя ее мужа — тихого и

слабовольного учителя рисования и черчения Якова Обьедкова. Яков после брака с Клеопатрой взял ее фамилию — таким было условие невесты. Теперь бедный Обьедков спивался и люто ненавидел свою властолюбивую жену, называя ее не иначе как "конем в юбке".

К Кузьме Ивановичу Клеопатра относилась снисходительно, но несколько раз строго предупреждала, что если унюхает от него запах спиртного, то немедленно уволит. Он молчал, но его так и подмывало послать директрису подальше, ибо слова эти оскорбили в нем нормальное человеческое достоинство, которое он сам очень ценил в людях и воспитал в своих сыновьях.

Сыновья Лихачева, а их у него трое, выросли и разлетелись в разные стороны. Старший работал директором завода в Башкирии, средний, философ и историк, стал кандидатом наук и жил в Москве, а младший геолог по профессии, уже больше десяти лет шатался по Колыме и изредка давал о себе знать из Магадана.

Кузьма Иванович кое о чем смутно догадывался и предполагал, что его последний отпрыск сбивчивался, но верить в это побаивался. А жене своей Клавдии Петровне плел разные байки о сладкой жизни в Магадане, где всего завались и уезжать оттуда никто не собирается. Хотя прекрасно знал по своей поездке в те края, что там почти не растут деревья и окрест — скалы да лед. И люди живут как перед концом света — пьяны днем и ночью.

Он был в Магадане на похоронах брата — капитана дальнего плавания, труп которого вытащили из штабелей мертвых бичей, сваленных, как дрова, к стене морга. А когда после поминок он пришел в агентство Аэрофлота за билетами на самолет, его поразило необычное зрелище: в обеденный перерыв на столе перед девушками в летной форме стояли пустые бутылки из-под водки, а кассирши плясали в центре зала под бесовский визг японского магнитофона.

"Воистину, край света, — с горечью вспоминал о Магадане Кузьма Иванович. — Да и люди живут каждый день как последний. И все о возврате на материк мечтают, только куда там... Засасывает такая жизнь, опьяняет и разлагает. Недаром ведь на одной улице семнадцать кабаков насчитал. Это при ста двадцати тысячах населения. А еще гордятся: Магадан — это маленький Париж! Тьфу! Право, и бабы там какие-то ненормальные..."

В день отъезда к нему в самом центре города бросилась на грудь молодая женщина и разрыдалась:

— Здравствуй, дорогой мой Вася! Как хорошо, что ты наконец вернулся. Сколько я тебя ждала! Боже ты мой, как я по тебе изголодалась! Пойдем быстрее ко мне! Я тебя всего исцелю! У меня водка есть! У меня коньяк и шампанское есть! У меня для тебя все есть! Пойдем же скорее, Васенька!

— Не Вася я, — отвечал ей оторопелый Кузьма Иванович.

— Как — не Вася? — удивлялась красивая женщина, оглядывая его безумными глазами. Потом она облизала сухие губы и страстно продолжала: — Ну и неважно. Ты будешь Васей. Пойдем, мой Вася! Я хочу тебя!..

Когда Кузьма Иванович легонько отстранил ее, она тут же забыла о нем и бросилась к другому прохожему.

С тяжелыми думами вернулся тогда домой Лихачев. Но жене об этой женщине не рассказывал. Да и о многом еще. Наоборот, он подробно описал ей прилавки магазинов, где есть и красная рыба, и икра, и колбасы, что, впрочем, на самом деле соответствовало действительности, так как Магадан снабжался по первой категории. И Клавдия Петровна поверила и за судьбу сына как-то немного успокоилась. Но сам Кузьма Иванович жил с того дня в ощущении предстоящего страха: как бы не пришлось ему снова ехать в Маленький Париж к той груде трупов бичей, но на этот раз за любимым сыном...

Обо всем этом он вспоминал в очередной раз, взволнованно прохаживаясь вокруг поселковой школы в этот страшный "час покойника". Но уже рассветало, и ночная прохлада понемногу отступала. Руки теперь не зябли, и, судя по всему, день обещал быть теплым и солнечным, поскольку ночь была звездной и безветренной.

Вернувшись домой, Кузьма Иванович проспал до одиннадцати. Потом помылся, побрился, помог Клавдии Петровне порубить смерзшиеся куски мяса и около часа дня был на станции.

Поезд пришел по расписанию. Еще издали он увидел сошедших на перрон худощавого Чудакова и грузного Ивана Затулигора, за руку которого держалась маленькая бойкая Акулина. Торопясь к ним, Кузьма Иванович поймал себя на мысли, что встреча может быть и последней — ведь десять лет назад, на его шестидесятилетие, друзей было семеро, а теперь только трое...

Оставив дорогих гостей дома, Кузьма Иванович взял большую хозяйственную сумку и побежал к двум часам в магазин, где работал единственный в поселке винный

отдел. Едва переступив порог магазина, он почуял что-то неладное.

Несколько завсегдатаев толпились у прилавка и громко матерились, однако продавщица — намазанная распутная бабенка Галина — товар почему-то не отпускала. Когда Кузьма Иванович направился к ней, мужики расступились и стихли. В их страдающих взглядах он прочел надежду.

— Мне бутылку шампанского и три водки, — попросил Кузьма Иванович, протягивая Галине деньги.

— И больше ничего? — ухмыльнулась продавщица.

— Нет, — не понял юбиляр.

— А вот это не видели? — Галина поднесла к его глазам написанный на машинке листок. На нем значилось:

"Решение исполкома Новосоветского поселкового совета народных депутатов № 13/1 от...

По ходатайству женсовета поселка и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении борьбы с пьянством", а так же в целях заботы о здоровье граждан и их семей, исполком поссовета решил:

§ 1. Перечисленным ниже лицам алкогольные напитки не продавать:

1. Лихачеву К. И...."

Кузьма Иванович оторопел.

— Здесь даже Обьедков фигурирует, — съехидничала Галина.

— Почему даже? И что это за женсовет? Кто его председатель?

— Как — кто? Клеопатра Степановна.

— Да она что — с ума сошла?! Какое она право имеет — ходатайствовать?! Я — инвалид войны, кавалер трех орденов Славы! Да в конце концов мне сегодня семьдесят стукнуло! Друзья ко мне съехались. Неужели я с ними выпить не могу из-за какой-то... — тут он запнулся.

Галина молчала.

— Отвечай, Галина! Я тебя спрашиваю! — Кузьма Иванович покрылся багровыми пятнами, и сердце его бешено заколотилось.

— Да, наверное, можете, — отвела накрашенные ресницы продавщица, вспомнив, что когда-то была ученицей Кузьмы Ивановича и кое-как тянула на тройки. — Только вот вторым параграфом завмагу приписано:

"Обеспечить неукоснительное выполнение настоящего решения. Предупредить завмага, что в случае невыполнения решения исполкома в к нему будут применены строгие меры" И мне сказано было, что уволят и к ответственности привлекут. А я из-за вас, алкашей, сидеть не собираюсь. Клеопатра такая, что и посадит. На хрен мне это нужно!

— Так!.. Где она? Где участковый? Где председатель поссовета?! — заметался по магазину Кузьма Иванович и тут же столкнулся в дверях и с участковым и с председателем поссовета Козловой, подругой Обьедковой.

— Выведите его, — указала Козлова участковому.

Милиционер, мальчишка лет двадцати трех, взял Кузьму Ивановича под мышки и вынес на улицу.

— Общественность возражает, власть народная против, Указ правительства на этот счет вышел, а ты, старый хрен, лезешь, — с издевкой говорил старшина милиции. — Иди домой и спи, тебе ночью на дежурство. А то вот заловим тебя бухого в школе и в ЛТП отправим. Топай, топай, — он подтолкнул его коленкой под зад.

Кузьма Иванович едва не упал. В таких случаях, конечно, работает инстинкт самосохранения. Нынешние околоточные и постовые — ничуть не порядочнее российских будочников и квартальных прошлого века. Зашибут, не раздумывая, хоть в каждом участке, то бишь отделении милиции, и висит приказ министра внутренних дел о вежливом обращении с гражданами. Да толку, что висит!

Негодую и чуть не плача от обиды, Кузьма Иванович сделал несколько шагов к дому, но потом, словно опомнившись, решительно повернул обратно. Однако до дверей магазина так и не дошел — побледнел и, схватившись за грудь, опустился на ступеньки.

Потребовалось часа полтора для того, чтобы старика с инфарктом миокарда поместили в больницу.

А тем временем в доме Лихачевых Акулина Николаевна жаловалась Клавдии Петровне:

— Прямо-таки беда с цим делом. Раньше було, идэ мий Иван у баню, то я даю ёму тры рубли. Вин и помыеца и малёнку возмэ у бухвети. Уси знают, шо пisle бани сам царь Петро Перший одёжу продавав, а выпивав.

— Та ни царь, а Суворов, — поправил ее Иван.

— Ну, нехай Суворов. Яка разница. Дило ни в том хто, а як воно було. А шо теперичка? С мисяц назад,

як раз перед нидилею пишов мий дид у баню. Так шо ж вы думаете, Клавдия Петровна! Приповз у грязи, як свыня, у тры часа ночи. Перчаткив нема, шарфа махэрового нема! Не пойму, шо пропыв, шо потеряв. Я до його: дэ? чого? Мовчить. Я ж тоби пятерку давала! а вин: "Та хйба пятерка теперь гроши? Помывсь, одивсь, а бухвет описля Указу закрыли. У магазини тильки здорови бутылкы по двадцать одын карбованец. Ну, так вин перчатки за пятерку отдав и в складчину ото "золотэ кольцо" купылы. А перчатки нови, я за них восемь карбованцев отдала. А потим и шарф махэровий дорогой. Та вин и забув: чи пропыв, чи потеряв... Прийшов писля бани, як свыня у грязи. Прийшлось мыть опять, та одежу стирать до утра. Подывылась я на цэ, подывылась, та и думаю: ни, Иван, горилку сама робыть буду — и гроши целы и дид у хати, при мэны. А воны еще и за горилку! Рыскать, як собаки, нюхать у сех перед хатами! Шо за жизнь пошла! Ни свадьбы, ни поминок, люди справыть ни в состоянии. Та щэ цэны таки зробыли. Нехай казенну сами и пьють!.. — Она помолчала. — И ничего не стыдно. И совести нема. Шо хотять, так воно и можно. А со старикамы? Воны же заслужили! Мий Иван казав, шо биз горилки у атаку ни йишлы. Дюже страшно. Тоди, значить, колы надо було за Родину та за Сталина — сами наливалы, а теперичка — ось вам дуля!

— Ну хватэ тоби! — одернул жену Иван, видя, что Клавдии Петровне неудобно ее прерывать и она принялась расставлять тарелки.

— Что-то Кузьмы долго нет, — забеспокоился Алексей.

— Наверное, очередь, — извиняющимся тоном пролепетала хозяйка.

— Пойдем, Иван, сходим к нему. Неудобно как-то: именинник в очереди, а мы развалились в креслах. Где магазин, Клава?

— В конце улицы, за домом советов.

— А-а, ну тогда найдем.

Неожиданно в дверь постучали.

Клавдия Петровна удивилась и пошла открывать.

На пороге стояла Козлова, зло сверкая глазами.

— Допился ваш Кузьма! — крикнула она прямо в лицо хозяйке. — С сердцем плохо. В больницу его увезли. Я же вас по-человечески предупреждала, да не понимаете вы по-человечески!..

— В какую больницу? — тихо спросила побледневшая Клавдия Петровна.

— Как — в какую? В районную! В нашей кардиологов нет. Два терапевта и оба пьяницы! И мне спасибо скажите, что оперативно "скорую" вызвала. Только бы успели довести! — Она резко повернулась и быстро пошла к выходу.

Почти через два месяца выписался Кузьма Иванович из больницы, но в свой поселок не торопился. Сопровождаемый Клавдией Петровной, он пришел к районному прокурору, младшему советнику юстиции Рыльскому. Дожидаясь приема, вспоминал послевоенного прокурора района, фронтовика Каверина. Вот это был действительно человек! Сколько раз они с Кавериним выпивали, да и с начальником милиции, цыганом, тоже. У Каверина была своя прокурорская доза: два по сто пятьдесят и две кружки пива. А цыган! Ведь тогда в конце сороковых бабы-вдовы самогон гнали, чтоб как-то детей на ноги поднять. Этот славный цыган-милиционер был человеком с большим сердцем, за что и погорел. А нынешние сволочи в форме почти как на подбор хамье и подонки. Шютц штафельн — охранные отряды... Кузьме Ивановичу чудилось, что целое поколение негодяев по каким-то непонятным причинам оказалось на службе в милиции, вытеснив оттуда людей порядочных и честных. От этой мысли ему становилось тоскливо и страшно.

В приемной прокурора он сидел в своем парадном пиджаке при всех орденах и медалях. Пиджак привезла Клавдия Петровна в надежде, что это как-то подействует на молодого прокурора Рыльского. И произошло чудо — подействовало!

Рыльский, увидев ветерана, вежливо пригласил его в кабинет и сказал:

— Заявление ваше у меня. Я в курсе всего. С вами поступили противозаконно. Я принес свой протест. Но сейчас такое время... Словом, звонила мне председатель женсовета Обьедкова и заявила, что они вместе с Козловой отправили письмо, — тут он улыбнулся, — супруге одного очень высокопоставленного лица, в котором просят поддержки женсовету...

Кузьма Иванович догадался, кого он имеет в виду.

— Кстати, и ответа из исполкома райсовета на мой протест еще нет.

— Что же мне делать? — вздохнул старик. — Может, обратиться в газету? Попросить корреспондента из Москвы? Рыльский улыбнулся.

— Со своей стороны я сделал все возможное.

— Ну, спасибо вам и на этом, — Кузьма Иванович поднялся со стула, глянул в окно. — Поеду-ка я за корреспондентом.

Поезд прибыл на Казанский вокзал ровно в шесть утра. Зевающий Игорь стоял на перроне неподалеку от вагона, из которого вышел Кузьма Иванович. Сына он увидел еще из окна, и ему стало неловко за беспокойство, которое он Игорю причинил. Ведь наверняка недоспал, ехал на такси из Чертанова, где только недавно получил кооперативную квартиру. Игорь был по уши в долгах, и поэтому отец вез ему тыщонку в подарок, которую они с матерью сняли с книжки, что держали на черный день, или, как говорят люди, на похороны. "Поверх земли не положат, — сказала Клавдия Петровна, вернувшись из сберкасс. — А Игорю все легче будет. Какая у него зарплата, коли алиментов тридцать три процента..." Кузьма Иванович был с ней согласен. Игоря ему всегда было жаль. Не везло парню на баб. Сначала валютчица его окрутила, ребенка родила, а потом окололитературная акула... Бабы на него, как мухи на мед, липли. И каждая норовила детей от него родить, чтоб повязать, на шею залезть. Вот потому и не вытянул Игорь докторской — сил не хватило, выдохся и надорвался. Заработал себе стенокардию, неврастению, язву. И все это в сорок лет. Но вот, слава богу, хоть крыша над головой появилась, хоть не на улице, да и Маша вроде ничего. Лишь бы только детей не рожала, молили Бога Кузьма Иванович и Клавдия Петровна. А там, глядишь, поправится чуток и защитит свою докторскую по древнерусской цивилизации. Игорь был талантливым философом и историком, об этом многие ученые говорили, когда Кузьма Иванович у него на банкете по случаю защиты кандидатской был. Может, к пятидесяти и станет профессором. Первым профессором в роду Лихачевых! Кузьма Иванович широко улыбнулся и обнял подбежавшего сына.

— Ну, молодец, что приехал, — искренне радовался Игорь. — Давно тебя не видел. Что-то ты совсем сдал, постарел сильно.

— Да жизнь теперь, сынок, такая, что не нужны мы больше никому. Выжали из нас все, что можно было, и выбросили. Отработанное вторсырье.

— Да не говори так. Не надо, папа. Пойдем, машина ждет. Я соседа попросил, чтоб тебя встретить.

Дома был уже накрыт письменный стол, а нарядная, слегка подкрашенная Маша гладила рубашку Игорю на чемодане.

Кузьма Иванович осмотрелся. На кухне, кроме двух табуреток и старого неуклюжего буфета, видно кем-то отданного за ненадобностью, ничего не было. Даже занавесок. В комнате — знакомые стеллажи с книгами, софа, гардероб и у окна раскладушка, очевидно, приготовленная для гостя. "Вот что значит начинать третий раз с нуля", — грустно отметил про себя старик и пошел умываться в ванную.

Он специально подгадал свой приезд под воскресенье. Чтоб не получилось накладки у Игоря и Маши. Все-таки жизнь в Москве суматошная, бешеная, и беспокоить детей в будний день было бы нетактично, да и хлопотно для них. Ведь знал, что будут готовиться, нервничать.

Выйдя из ванной, Кузьма Иванович раскрыл чемодан и достал подарки: Маше — красивый махровый халат, сыну — свитер и конверт.

— Здесь тысяча. Хотя с какими-то долгами рассчитаешься. Мы так со старухой решили. Куда это нам? Все равно поверх земли не положите. Ведь вас-то трое...

— Да вы с ума сошли, — задрожал Игорь. — Да как можете последнее? Ведь это, я знаю, на смерть... это святое... неприкосновенное.

— Бери, тебе говорят, — сердито сказал старик. — И юнии не распускай! Сто грамм-то хоть нальешь?

— А вам можно? — удивилась невестка.

— Неужели для отца и сто грамм у вас не найдется? — грустно пробормотал Кузьма Иванович.

— А инфаркт-то как? — все еще удивлялась Маша.

— Ну ты даешь, — улыбнулся Игорь и пошел на кухню.

Он вернулся с бутылкой водки и поставил ее на стол. Кузьма Иванович сел рядом с Машей и приказал:

— Наливай. Мне, как всегда, по марусин поясок.

— Это как? — спросила женщина.

— Э-э, да у вас, поди, и нормального стакана не найдется...

— Вот как раз и найдется, — усмехнулся сын. — Что-что, а эти стаканы с марусиным пояском у меня с детства в памяти. Привил ты мне любовь к ним. И скромно и дешево. Это, знаешь, как генетический код, нечто от ритуальной наследственности. — Он открыл тумбу своего стола и достал три новых тонких стакана с красными каемками, обозначающими двести граммов. Два из них наполнил водкой по красную от-

метку, что и означало "марусин поясок", а в третий налил остальное и поставил перед женой.

Маша ужаснулась: стакан водки после перенесенного инфаркта — это было выше ее понимания.

— Ну, за встречу, дети мои. Дай Бог вам счастья! — торжественно произнес Кузьма Иванович и ровными спокойными глотками выпил до дна. — А что касается "марусинового пояска", то дело тут не в большом объеме, а в том, что сначала мурашки по всему телу пробегают, а потом такое тепло по телесам разливается, что, ейбогу, как влага живительная. Особенно с морозца!

Игорь, чтоб не ударить в грязь лицом, тоже махнул весь стакан, но поперхнулся и закашлялся. Глядя на мужчин, и Маша выпила все. При этом она поморщилась, замахала перед лицом руками и ухватила соленый огурец.

— Эх вы, — усмехнулся Кузьма Иванович. — Гнилое поколение. Да я в ваши годы... Ну, ладно. Тоже нашел чем хвастаться, старый дурак.

— Вы ешьте, — предложила невестка.

— Закушу, закушу, — согласился Кузьма Иванович, но ни к чему не прикоснулся.

— Ты чем-то расстроен? — прожевав ветчину, обратился к нему Игорь.

— Обидели меня, сынок. Оттого и мотор буксанул. Приехал правду искать.

— Что же случилось?

— Да что случилось... У нас в поселке бабы власть захватили. Да хоть бы умные да с опытом, а то ведь даже младше тебя, совсем с...кушки... Мария, ты извини, к тебе-то не относится, — обернулся он к невестке. — Ты-то женщина, а то бабы, быдло базарное с партбилетами... Председательши женсовета, поссовета... — Кузьма Иванович вкратце рассказал историю своего юбилея.

— Ну и что прокурор? — выслушав его, поинтересовался Игорь.

— А что? Улыбается. Он-то, вроде парень неплохой. Протест принес. "За кого голосовали? — спрашивает. — Сами себе власть выбирали, сами теперь и расхлебывайте". А они спелись, сучки, и что хотят, то и делают. Что тут прокурор, коли на самом деле сами себе такую систему настроили, что от нее не жизнь, а мука. Доверили хрен знает кому, сложили руки и определили себя в разряд второсортных людей. Непартийный — значит так, скотина бессловесная, подопытное животное.

Всю войну меня в партию тащили, а я упирался, со-
вестился. Мол, не те качества. А у этих гадючек все
те. А партбилет для них просто "хлебная книжка", чтоб
кусок побольше урвать, да над живыми людьми поиз-
галяться... — он уронил голову на грудь и смолк.

Игорь пошел на кухню и принес четвертинку. Маша
отрицательно покачала головой, но Игорь не обратил на
нее внимания и сорвал пробку.

— Ну что, снова по марусин поясок? — спросил он отца.

— Нет, братишка, только пятнадцать капель (слово
"братишка" означало, что старик уже захмелел — это
Игорь знал с ранних лет).

Сын плеснул ему в стакан и поставил четвертинку
на стол.

— Ну и куда ты пойдешь жаловаться? — после тяго-
стного молчания спросил он родителя.

— Корреспондента просить буду. Пусть напишет, как
с инвалидами и ветеранами войны обращаются, как чтят
их благодарные потомки. Мы им живые не нужны. Мер-
твым и то чести больше. Хоть раз в год цветы приносят. —
Он выпил свои пятнадцать капель.

— А какого корреспондента?

— Я, сынок, уже решил. Пойду завтра в редакцию
журнала "Гражданин и право". Я знаю, это хороший
журнал. И люди, что там работают, должны быть хо-
рошими.

Больше в тот день Кузьма Иванович о своей кровной
обиде не говорил. После обеда они втроем прогулялись
по Битцевской аллее, посидели на лавочке у леса и рано
легли спать.

Редакция журнала "Гражданин и право" занимала
первый этаж многоэтажного дома. Вход был почему-то
со двора и к дверям вели провалившиеся ступеньки. Это
слегка покорило Кузьму Ивановича, который представ-
лял себе здание редакции иначе — красивый мраморный
особняк с резной дверью и бронзовыми ручками. Но
увы... Ни швейцара, ни дежурного в приемной не было,
но народу на прием толпилось человек двадцать.

Коридоры в редакции были узкими, и кабинеты ма-
ленькими, в которых можно было лишь по одному
протиснуться меду столами. Кузьма Иванович услышал,
как двое сотрудников полушутя назвали свои клетушки
"камерами". "Прямь, как большевики, законспирирова-
лись, сразу черта с два найдешь", — отметил про себя
старик и занял очередь.

Заполняя карточку посетителя, Кузьма Иванович вспомнил здание сельсовета своего поселка, — аккуратно покрашенное и облицованное ракушечными плитами, — перед которым дура Козлова распорядилась установить на бетонных тумбах шестнадцать десятиметровых флажштоков с флагами союзных республик, будто это был дом Советов Союза. И никто ее не остановил, не одернул. Усмехнулись и приняли. В этом пошлом и примитивном копировании он уже видел истоки ублюдочного извращения государственной и партийной политики. Механизм этой внешней копиистики Кузьма Иванович разгадывал без труда: "сверхний" спускает директиву "нижнему", который превращает ее в догму и воплощает в жизнь так, как ему это выгодно и удобно; внешне создается эффект исполнения, и "сверхний", видя труды "нижнего", ощущает себя пророком и одаривает милостями своего подчиненного... При этом страдал, конечно, последний, рядовой гражданин. И весь ужас был в том, что сами рядовые по своему же добровольному желанию творили себе кумиров... Прокурор Рыльский был прав: сами виноваты и нечего на кого-то пенять, быть то хоть "отец народов", или "отец застоя".

Очередь продвигалась медленно. Вопросы в основном были жилищные или по трудовому законодательству. Люди, выходя из "камеры" заведующей приемной, досадливо махали руками, проклинали своих местных руководителей, а бабы утирали слезы.

Рядом с Кузьмой Ивановичем сидел украинец Григорий Семенюта, как значилось в его карточке, скотник одного из колхозов Донецкой области. Это был невысокий, крепкий хохол лет пятидесяти, с квадратным лицом и пудовыми кулаками. Одет он был в защитный плащ и кирзовые сапоги. Если бы Кузьма Иванович не видел его карточки, принял бы его за лесника или рыбнадзора.

— Тоже правду у Москви шукать? — тихо спросил Кузьму Ивановича скотник, видя, что тот, заполнив карточку, уставился глазами в пол.

— Да... — нехотя пробормотал старик.

— Найдэш йи. Нема нидэ. Одны ховать, други копать та шукають...

— А у вас какой вопрос?

— Вопрос, вопрос, — пробормотал Семенюта. — Ружо у мене отняли за, то шо волкив стреляв, шоб овэц не таскалы. Председатель распорядывсь.

— Так это только приветствовать должны. Даже поощ-

рять! — воскликнул Кузьма Иванович.

Семенюта поднял на него свои тяжелые угрюмые глаза и ответил:

— А куды мясо председатель будэ спысывать? А дэ милиция будэ мясо брать? Уси йисты хотять. Йим выгодно, шоб волкы булы. Воны ради волков кормятся.

— А где же общество охотников, прокурор? — изумился Кузьма Иванович.

— Та воны уси — одна шайка. Рука руку моють. Забрали ружо и уся. Кажуть, на то в нас своя бригада охотников е. А шо ж ця бригада каждую ночь будэ в засады робыть в одном колхози? Вона приехала и уехала. А я днюю и ночью. А вовкы, воны по два, по тры ходють, хиба их зараз пиймаеш? Я двоих волчиц убыв, так мини председатель благодарность зробыв — ружо отняв. "Ни твое цэ дило", — каже. А я знаю, чие цэ дило и для кого цэ трэбы. Волк одного бараця загрызэ, и вин тры спыше. А потим машина приезжае и усих трех забырае. Куды, чого? "Не твое дило" — кажуть. "Спысаны!" Ось тоби и вся... — Он помолчал. — Куды я тильки ни ходыв. Смеюця. "Наговариваеш", — кажуть. Де документы? В мэнэ йих нема. Прийхалы, забралы... Председатель сказав... А теперичка и ружо отняли.

— Ну и что же вы хотите?

— А шо? Шоб корреспондента дали. Нехай со мною на двори поночуе, на вовков подывиця. Нехай документ на цэ дило у председателя стребуе. Я його, корреспондента, мисяц сам кормить та поить буду. Хай тики напыше, як начальство живэ. Я ж за народнэ, колхознэ дило бьюсь. Мини ничего ни надо...

— Да, у вас еще ничего, — вступил в разговор мужчина лет сорока в тюбетейке, не то таджик, не то туркмен. Он говорил с небольшим азиатским акцентом. — Я вот семь лет назад мать похоронил, а в прошлом году ее на год тюрьмы за спекуляцию осудили.

— Это как так? Мертвую, что ли? — удивился Кузьма Иванович.

— И мертвую и немертвую. Взяли на базаре спекулянтку с ее паспортом и осудили по паспорту. Мать мертвую осудили, а она семь лет назад умерла.

— Як же так? Шо воны ни дывылись на фотокарточку? — спросил Семенюта.

— Да все дивились и осудили.

— А что ее паспорт не сдавали в загс, когда свидетельство о смерти получали? — любопытствовал Кузьма Иванович.

— Все сдавали, все получали, а осудили.

— А откуда у спекулянтки паспорт?

— Аллах его знает! Говорит, что ее, и все.

— Да, дела, — усмехнулся Кузьма Иванович.

— Дела-то дела, а прокуратура наша пишет, что все правильно, что это она и есть, что осуждена правильно.

— Та вы шо? — изумился Семенюта, но тут подошла его очередь, и он скрылся за дверью приемной.

— Ну и как теперь? — участливо спросил Кузьма Иванович.

— Корреспондента надо звать, чтоб разобрался. Потому я и приехал. Хоть мать в могиле лежит, а ее честь мне защитить надо. Как так можно!

— Да, это верно, — согласился Кузьма Иванович и, поднявшись, неуклюже вышел на улицу.

Спустившись по разбитым ступенькам, он сел на скамейку и задумался. "Люди вон с какими делами идут, а я? Бутылку выпить не дали? Так на то Указ был. Правда, не до такой степени... Но все равно как-то стыдно. Самолюбие ущемленное тешить? Может, не идти?" Он заколебался и страшно захотелось курить, хотя бросил десять лет назад. "Сколько это корреспондентов надо, чтоб к каждому выезжать?"

Он встал и пошел к автобусной остановке. Но, обойдя дом, остановился, представив себе злорадство Обьедковой и Козловой. Ну, что, получил, старый пьяница?! Еще не то тебе сделаем!

— Нет, решил он. — Дело не в бутылке, хоть я ее и кровью заслужил. Дело в отношении к людям. С таким отношением к человеку и сознанием что ты для них, надо бороться. Иначе хамье совсем одолеет. Мало того, что они с природой что хотят, то и делают, теперь такое же отношение к человеку: не надо ждать милости — сами возьмем, не надо на него обращать внимание — скрутим в бараний рог, и не пикнет..."

Он вернулся в редакцию и подошел к кабинету, из которого выходил Семенюта.

— Ну как? — на ходу спросил его Кузьма Иванович.

— Казалы, шо пришлють, — бросил расстроенный скотник. Он, видимо, надеялся, что сам "заберет" с собой корреспондента и повезет к себе.

Когда Кузьма Иванович закрыл за собой дверь кабинета, то увидел за столом аккуратно чернобрового мужчину лет около сорока, но уже начавшего сильно лысеть. Он указал посетителю на стул и взял его карточку.

— Слушаю вас, Кузьма Иванович.

— Я, право, не знаю, удобно ли с моим вопросом, — старика бросило в пот, он достал платок и вытер шею. — Как ваше имя-отчество?

— Борис Павлович.

— Так вот, Борис Павлович. В стране, значит, идет перестройка, а у нас в поселке... — И Кузьма Иванович в нескольких словах рассказал о своем юбилее, а потом, прокашлявшись, извинился: — Вы уж простите меня, что с таким делом, но где же демократия, когда от нашего имени над нами издеваются?

— Не вы первый с таким вопросом. И не извиняйтесь, пожалуйста. Знаем мы и о талонах; и о списках и кое о чем похлеще. Конечно, очень оскорбительно для кавалера четырех орденов Славы такое обращение с ним. — Он внимательно посмотрел на пиджак ветерана, увешанный орденами и медалями, которые старик прикрывал плащом. — Да у вас, я вижу, и две Красной Звезды и Отечественной войны.

— Первой и второй степени, — добавил Кузьма Иванович, хотя и не любил носить ордена, лишь один раз в год на девятое мая надевал, — а также "За боевые заслуги" и двенадцать медалей.

— Тем более, товарищ Лихачев. Стесняться нечего. Государство наше, и мы у себя дома. Сейчас вы напишите жалобу, вот вам бумага, он протянул два листа, — и мы ее направим на рассмотрение в областную прокуратуру. Дело в том, что этот вопрос должен решаться вашими областными инстанциями.

— Так они же все свои. Рука руку моет. Круговая порука...

— Это все понятно. Все друзья-приятели. Но к чему нам тогда демократизация выборов?

— Когда это будет? — вздохнул Кузьма Иванович. — Мне жить-то сколько осталось... Может, все-таки дадите корреспондента?

— Наш корреспондент находится в длительной командировке.

— Я понимаю, Борис Павлович. У вас и убийства, и мафия, и организованная преступность. Но о нас-то, ветеранах?.. В общество трезвости нам вступать уже поздно. Жизнь прожита и ломать ее установившееся течение — все равно, что раньше времени ложиться в могилу...

— Я с вами полностью согласен, — тихо ответил Борис Павлович. — Хотите мое личное мнение?

— Да, — оживился Кузьма Иванович.

— Испокон веков в народе существовал один нравственный принцип, независимо от национальности: плохой человек и хороший человек. Так вот, выбирайте на руководящие посты побольше хороших людей. А второе, это, правда, чисто субъективное мнение: судить о достоинствах человека надо по доле его вклада в общее народное дело, а не по количеству выпитых им стаканов. Вы согласны со мной?

— Разумеется, — ответил Кузьма Иванович и встал. Ему уже было совестно задерживать человека, который лучше и глубже него понимал трагедию текущей действительности. — Мне теперь ясна идея перестройки, но, господи, что же с ней делают на местах! А мы спим... и, ну извините, ради бога, за беспокойство.

В коридоре он написал жалобу в редакцию, отнес ее Борису Павловичу и, пожав ему руку, поехал к сыну в Чертаново...

Вечером, придя с работы, Маша принесла потрясающую весть: арестован крупный начальник, у которого она работала секретарем.

— Он был приятелем Соколова, бывшего директора елисеевского магазина, миллионера, который приговорен к расстрелу, — рассказывала она взхлеб. — Так вот, говорят, что у нашего Семена Терентьевича неожиданно загорелась дача. А вы знаете, как наши пожарники — сначала стены завалили, водой залили, а потом в подвал полезли, не тлеет ли что-нибудь там... А подвал — целое бомбоубежище. Пожарники так и ахнули: чего там только нет! Одних двухкилограммовых банок с красной икрой целых сорок штук! А одна банка восемьдесят рублей стоит! Это подсчитайте — только икры на три тысячи двести рублей. Зачем ему столько? Ну, позвонили пожарники своему начальству, а те прокурору, а потом акт... Вот и попался, обжора проклятый и бабник старый.

— Ты что-то о последнем мне не говорила, — настоялся Игорь.

— Меня-то он не трогал, других хватало. Сами звонили, наперебой, а я соединяла... А после обеда, как нажрется, так в кабинет не войдешь — вонь невообразимая. Я как-то раз с какой-то бумагой захожу, а он как бабахнет... и даже глаза не открыл... сопит... Ну я только форточку побольше распахнула. И ушла. Через пять минут звонок-вызывает: "Мария Ивановна, что-то холодно стало, может, форточку закроете?" Ну, я, естественно, закрыла. А потом, когда бумагу принесла под-

писывать, как разорался на меня, что ручка у него не пишет. Приказал начальника отдела вызвать, который эту ручку ему из-за границы привез. Как она называется...

— "Паркер", перьевая. В ГУМе по девяносто рублей продавались, — подсказал Игорь.

— Да, точно. Ну и набросился на того начальника отдела. А сам-то эту ручку неделю в руки не брал — чернила в ней высохли. Вот такой работник был. А оклад — шестьсот, не считая премии, за то, чтобы подписи ставить... А после обеда — это как закон, в кресле часа два поспать, да побабакать.

— И за таких мы кровь проливали, чтобы они нами правили! — воскликнул Кузьма Иванович.

— Чему ты удивляешься — пробормотал в ответ сын. — Весь цвет нации выбили, выкорчевали... Первая мировая, гражданская, коллективизация, тридцать седьмой, Отечественная... Ведь все лучшие полегли... История не знает ни одного случая, чтоб после таких трагедий цивилизация не умирала. Конечно, она должна была выродиться в приспособленцев, чтобы хоть как-то выжить. Это все обусловлено. Ладно, хватит об этом, отец, — вымученно улыбнулся Игорь. — Может по марусин поясок?

— Кончились марусины пояски! — зло сказал Кузьма Иванович. — Завязываю! Надо сначала у хамья и подонков нашу власть забрать, а потом о поясках думать! Я тут такое услышал, что дальше некуда! Докатились!

Игорь недоуменно глядел ему в лицо, которое слегка подрагивало от волнения. Он не знал, что и сказать.

— Ну, чего уставился? — взвыл Кузьма Иванович. — Марусин поясок захотел?! А обруча не хочешь?! Надо Россию спасать. От хамья, от ублюдков, от паразитов! На фронте и мои ровесники были, и дети!.. Отечество в опасности!.. — старик весь дрожал, пот крупными каплями катился по его лицу.

— Давайте ужинать, Кузьма Иванович, — засуетилась Маша.

— Нет, не хочу. Поеду проходящим. На ночь. Там уже старуха волнуется, — пробормотал он, тяжело дыша, и стал собираться в дорогу.

СЕРЕБРЯНЫЙ ОПАРЫШ

Лет пятнадцать назад в провинциальном южном городке на тихой улице у бежевых платанов и пирамидальных тополей стоял красивый двухэтажный дом. Не так давно его снесли. А жили в том доме вдовы и жены офицеров, почти никогда нигде не работавшие. Дом окружал невысокий забор, огораживающий уютный дворик, и две лавочки под раскидистыми абрикосовыми деревьями. На этих лавочках и дневали с утра до позднего вечера обитательницы квартир военнослужащих, часть из которых уже вымерла, а оставшаяся, в большинстве своем отставные интенданты, трудилась в должностях начальников и инспекторов отделов кадров.

Долгими летними вечерами засиживались на лавочках соседки-старухи, наслаждаясь мудрым созерцанием жизни близких. Со стороны они походили на маленький древнегреческий полис: превыше всего домохозяйки ставили самих себя, потом своих детей и родственников; последние ступеньки в этой иерархической лесенке занимали знакомые и квартиранты.

— У Тертиловых вчера до трех ночи свет горел, — сообщала поутру соседкам Мария Ивановна. — И чиво это такое они делали?

— А Валерка-моряк привез своей Светке кримплен в горошек, — перебивала ее Лидия Георгиевна. — Вот бы узнать, кому будет продавать?..

— Да, наверно, Ленке, — отвечала генеральша Ольга Семеновна. — А на что купит? Она-то, дура, до сих пор на алименты не подала. Вот я ей мозги вправлю!..

И так продолжалось дотемна. Меньше всего хозяйки мыли кости мусорщику Ленке, Анютиному квартиранту. Но, по правде сказать, нечего было и пытаться — все равно не отмоешь...

Ленька, мусорщик из спецавтохозяйства, казалось, был весь из мусора: одежда и башмаки его были со свалки, на небритой щетине и бровях висели ошметки помоев, а из большого крючковатого носа всегда что-то

выглядывало — когда куриный пух, когда ниточка свеклы или капусты, будто он каждый день втягивал носом борщ. Кроме всего этого, Ленька шепелявил, дурачки ухмылялся, чем вызывал у нормальных обывателей полное отвращение и поэтому не только говорить, но и думать о нем не хотелось. Естественно, что в старушечьем доме-полисе Ленька занимал последнее место.

С рассветом он грязной тенью убегал на работу и возвращался в сумерках еще грязнее и неприметнее. Днем Ленька подъезжал на "хвостатой" мусоровозке к дому, где квартировал, и звонил медным колокольчиком, снятым с заблудшей коровы неподалеку от свалки.

— Мусор, мусор! — вопила детвора, разбегаясь по квартирам.

И тут со всех подъездов спешили со свертками и ведрами к мусоровозке. Весь старушечий полис выстраивался в очередь к хвосту машины, у которой командовал Ленька. Мусорщик по-хозяйски просматривал содержимое высланных ведер, разворачивал кули и пакеты. Пищевые отходы он откладывал в ведра, висевшие по бокам кузова, бутылки запихивал в запасное колесо, плащмя закрепленное на раме. Затем включал гидравлический механизм, и плита-лопата поднимала мусор в кузов. Спустя две-три минуты возвращалась вниз, и Ленька выключал гидравлику. Потом мусорщик садился в кабину и уезжал. Так было ежедневно, несколько лет подряд. И вдруг вместо Леньки появился другой, а привычный мусорщик куда-то исчез.

Старухи решили, что он наконец-то взял отпуск, собирались поинтересоваться у Анюты, да не успели...

Через несколько дней во дворе ухоженного дома отставников прямо перед лавочками остановилась новая черная "Волга". Всезнающие соседки не сводили глаз с сидевшего за рулем мужчины. Он был в темных очках и белом костюме. Заглушив мотор, элегантный незнакомец открыл дверцу машины и, выбравшись из нее, поздоровался. Мария Ивановна, Лидия Георгиевна и генеральша Ольга Семеновна ахнули, узнав Леньку. Когда он скрылся в подъезде, первой пришла в себя генеральша.

— Наверно, начальника какого-нибудь возит, — выдохнула она, тараща глаза на автомобиль.

— Похоже, — согласилась Мария Ивановна.

А Лидия Георгиевна промолчала. Перед ее внутренним оком еще стоял в полный рост красавец Ленька.

Тут в дверях подъезда появилась Анюта, которую вы-

вел под руку Ленька. У Анюты после смерти мужа и перенесенного менингита сильно сдали ноги. И поэтому она ходила с трудом.

Ленька заботливо усадил свою хозяйку в машину и, захлопнув за ней дверцу, занял место за рулем. "Волга" почти бесшумно выкатилась со двора и скрылась за углом дома.

Когда через час она снова появилась во дворе и из нее выбралась Анюта, соседки соскочили с насиженных мест и усадили больную рядом. Едва Ленька выехал на дорогу, Анюта радостно сообщила подругам, что консультировалась у профессора "по ногам" и последний обещал ей скорое исцеление.

— А возить на процедуры меня будет Леонид Петрович, — с гордостью заключила Анюта. — На своей машине.

— Как на своей? — вскричала Лидия Георгиевна. — Это его машина?!

— Его, собственная... на днях купил...

— Да где он деньги взял? — удивилась генеральша.

— Как — где? Заработал.

— На помоях заработал? — съехидничала Лидия Георгиевна.

— На помоях, — улыбнулась Анюта. — Он же был и за шофера и за грузчика.

— И мусор больше убирать не будет?

— Нет, не будет. Да и зачем ему теперь? Была у него мечта на машину заработать. И вот... заработал. Теперь он экономистом будет.

— От мусорщика так сразу в экономисты? — засмеялась генеральша.

— Так он же институт кончил.

— Что...о?!

— Да, да, — гордо сказала Анюта и поднялась на ноги. — И еще вам новость: мы решили пожениться!..

— Так он же младше тебя, — холодно сказала Лидия Георгиевна.

— Ну и что? Подумашь, каких-то двадцать лет... Он хороший... Он у меня пять лет прожил и слова грубого не сказал...

В тот же вечер, когда бывший мусорщик возвращался домой, Мария Ивановна, Лидия Георгиевна и генеральша Ольга Семеновна в один голос пожелали:

— Спокойной вам ночи, Леонид Петрович.

— Спокойной ночи, — ответил с улыбкой экономист.

Леониду Петровичу Шитикову шел тридцать первый

год. Родом он был с Украины и рано остался сиротой: отец без вести пропал на фронте, мать погибла в бомбежку, и воспитала его тетка, жившая рядом со Староконным рынком в Одессе. Там же, в Одессе, Леонид закончил школу, а после армии — Ростовский институт народного хозяйства. Ему в полном смысле Одесса была мамой, а Ростов — папой. Может, оттого, что пришлось Шитикову поголодать и "повкалывать", особенно остро чувствовал он страсть к большим деньгам и комфорту. Болезненное самолюбие и местечковое тщеславие нищего одессита сделали его рабом трехступенчатой мечты. Мечта номер один: машина, непременно черная и обязательно "Волга". Мечта номер два: шикарная квартира, обставленная по-генеральски. Мечта номер три: невероятной красоты молодая жена, начальствующее кресло, дети... Эти три мечты Шитиков предполагал воплотить в жизнь за пятнадцать лет. А было ему в ту пору, когда он наметил эту программу, двадцать пять. Теперь, сидя в ванне, после первого дня за рулем собственной "Волги", он с наслаждением тер мочалкой спину и улыбался, глядя на облупленные стены. Он уже видел перед собой арабский кафель, зеркала, а в них — обнаженные, совершенные формы молодой жены. Но это только через пять лет. Да, ровно столько лет жизни он отпускал бедной Анюте.

Но пять лет — это предел. Ни в коем случае не больше. Но желательно — меньше...

Однако спустя неделю для Шитикова начались серьезные испытания, которым он стал изредка подвергаться все последующие годы своей жизни. В субботу вечером Анюта извлекла из почтового ящика, закрепленного на двери квартиры, повестку в ОБХСС на имя своего квартиранта. Гражданин Л.П.Шитиков приглашался к инспектору ОБХСС С.С.Мунтяну. Анюта смутно догадывалась, что к появлению этой бумажки имеют отношение соседки, но квартиранту об этом не сказала. Горю вдовы-невесты не было предела: ноги заломило, закрутило, и она едва добралась до постели. Леонид Петрович тоже был ошеломлен; он то бледнел, то краснел и чуть не плакал от обиды.

— За что? — заламывал руки экономист у кровати Анюты и вопросительно глядел в бледное лицо больной хозяйки, которая переживала так, будто в повестке стояло и ее имя. Анюте даже мерещилось, что она соучастница какого-то страшного преступления. Ни она, ни Шитиков до сих пор никогда не имели дела со следственными органами.

Прошла бессонная ночь, за нею кошмарный день и такая же ночь. В понедельник утром Анюта дрожащей рукой перекрестила квартиранта, и он неровными шагами вышел во двор, где его встретили настороженные взгляды соседа.

— Здравствуй, Леонид Петрович, — лукаво поприветствовала Шитикова Лидия Георгиевна.

— Добрый день, — кивнул экономист и заторопился в центр города.

Перед ОВД он собрался с духом и, плотно зажав под мышкой толстую папку, переступил порог.

Инспектором оказался капитан милиции с залысинами и смеющимися глазами. Когда Шитиков вошел к нему в кабинет, он молча кивнул на стул. Бывший мусорщик смущенно присел и приготовился к вопросам. Мунтян некоторое время смотрел ему в глаза, потом улыбнулся и по-дружески спросил:

— Расскажи, как купил машину...

— На какие деньги, что ли? — глухим голосом поинтересовался Шитиков.

— Вот именно. На какие деньги?

Ленька протянул ему свою папку.

Инспектор развязал тесемки и стал рассматривать пачки квитанций, спитых белыми и черными нитками. Это были квитанции конторы вторсырья о приеме костей, кожи, макулатуры, тряпья.

— Ну что ж, давай прикинем, — весело проговорил Мунтян. — Ведь это копейки.

— Помоги собирать и хозяикам, что поросят держат, возил. Они мне по полтиннику за ведро платили. А ведра поросенку на два дня хватает. Ведер шесть-семь в день набирал. Потом бутылки пустые...

— Сколько бутылок в день?

— Бывало, рублей на пять сдавал. А еще, я же сам и шофером и грузчиком был... Вот справки о зарплате.

— Погоди. Сколько в день, не считая зарплаты? По моим подсчетам — рублей пятнадцать-двадцать.

— Около этого... И, учтите, без выходных...

— Итак, рублей шестьсот в месяц?

— Поменьше. Около четырехсот выходило.

— Чудеса!

— Никаких чудес, товарищ инспектор. Весь в грязи да в дерьме. Ни капли спиртного в рот не брал. И так несколько лет...

Мунтян улыбнулся, завязал тесемками папки и протянул ее Шитикову.

— Вы настоящий экономист, — сказал он Леониду Петровичу, поднимаясь со стула. — Рад был с вами познакомиться. — Он крепко пожал руку бывшему мусорщику и проводил его до двери.

Шитиков, словно на крыльях, вылетел из милиции. Он и не предполагал, что ему так легко удастся доказать, что все его доходы были самыми что ни на есть трудовыми. Павда, предприимчивый мусорщик скрыл свой главный промысел. Дело в том, что вечерами он копал на свалке опарышей — белых червей — и набивал ими спичечные коробки. По полсотни коробков за вечер. А ранним утром привозил их на причал и оптом сдавал лодочнику по сорок копеек за коробок. Лодочник же, одноногий пьяница, продавал червей рыбакам по полтиннику за коробок, а в выходные — и дороже. Черви были основным Ленькиным доходом. Выручка от них вдвое покрывала и кожу, и макулатуру, и кости вместе с помоями и бутылками. Теперь с лодочником Шитиков завязал и старался не попадаться ему на глаза. У него появилась новая идея. Благодаря машине он мог объезжать за день свалки близлежащих городов и поселков. Самое главное, что на них его интересовало, — горы металлолома. Его было много во дворах школ и на задворках различных технических учреждений: от научно-исследовательских институтов и радиомастерских до участков связи. Шитиков решил специализироваться на выплавке серебра и других ценных металлов, содержащихся в различных деталях теле- и радиоаппаратуры... Так прошло еще пять лет.

Эти годы для Шитикова были чрезвычайно удачными. Его "серебряное дело" приносило неслыханный доход. Квартиру Анюты старушки-соседки иначе, как дворцом, и не называли. Все в ней сверкало и блестело, как в сказочном тереме. Ноги Анюты были почти здоровы, а в ушах бывшей полковничьей вдовы появились сережки из бриллиантового гарнитура, которые она называла искусственными подделками, чтоб соседки окончательно не тронулись умом от зависти. Истинную цену гарнитура знал Леонид Петрович. За одну только заколку он отдал пять тысяч.

Теперь Шитиков часто ездил в Одессу и бродил по Староконному рынку, где прошло его голодное детство. На рынке в выходные дни кишел кишмя, знаменитый одесский "толчок". Здесь все самые отъявленные жулики и спекулянты, скупавшие у Шитикова серебро, знали его под кличкой Опарыш. А появилась она у Леонида Пет-

ровича очень просто. Однажды он заказал нелегальному ювелиру статую серебряного червя на подставке из черного мрамора. Но искусный мастеровой придал червя черты змеи, сославшись при этом на одно из блатных толкований пушкинского "Пророка": ползти змеей — значит быть мудрым... Эти слова бывшему мусорщику понравились, и с той поры он стал величать себя Серебряным Опарышем. А литая фигурка серебряного червя на черном мраморе украшала его старинный письменный стол из французского мебельного гарнитура. Был в этом гарнитуре и резной книжный шкаф, уставленный томами старинных книг с позолоченными корешками. Параллельно с добычей серебра Шитиков увлекся антикварными книгами, рукописями, манускриптами. Так судьба свела нашего героя с Владимиром Сергеевичем Орловым — бывшим доцентом университета и большим специалистом по скупке и продаже старых книг на "черном рынке".

Новоявленному антиквару Шитикову нужна была серьезная школа, ибо для того, чтобы торговать книгами, в них надо было кое-что понимать. Погоревший доцент (а он был судим за спекуляцию антиквариатом) согласился прочитать Шитикову краткий курс лекций по литературным памятникам, начиная с персидского "котла", буддизма и кончая Шопенгауэром, Ницше, Фрейдом...

Орлову было около пятидесяти. Был он мал ростом, лыс, с лицом, характерное выражение которого — недовольный, брезгливый взгляд больного или усталого человека, страдающего, как говорят невропатологи, Спинальным синдромом. Работал Владимир Сергеевич мастером обрубочного участка литейного цеха, а по выходным и в праздники плел парики из натуральных волос, которые поставляла ему уборщица парикмахерской баба Зина. Каждый парик он продавал сотни за полторы-две, а на изготовление одного из них у него уходило не более двух дней.

Орлов составил список литературы, которую должен был прочесть Шитиков. Около пятидесяти названий. Это, на взгляд бывшего доцента, была сокровищница мировой литературы всех эпох и народов. Начиналась она с Библии и апокрифических евангелий. Шитиков погрузился в чтение...

Вскоре приступили и к "семинарским занятиям". Одержимый страстью знаний, Леонид Петрович рассуждал:

— В сочинениях Наг-Хаммади атлет Фома говорит ус-

тами Иисуса: "Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону и внешнюю сторону как внутреннюю сторону и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной... тогда вы войдете..." Эти слова обращены к ученикам, которые вместе с учителем глядели на младенцев, сосущих молоко. Считают, что в них зашифрована тайна Христа.

— Правильно считают, — тихо отвечал Владимир Сергеевич, распутывая косички волос, переплетенных между собою. — Путь Спасителя: огонь, брошенный в воду. Сотворение атмосферы. Той самой, которой мы дышим... Содержание религии и искусства одно и то же. Это — взаимоотношение двух сил, составляющих всеединую сущность. В религии земное подчинено божественному. В искусстве — земное просветлено божественным. В религии человек противостоит бесконечному, как конечное, в искусстве — конечному, как само божественное. Переход от религии к искусству происходит через примирение конечного и бесконечного в человеке... Суть искусства в примирении воды и огня, в становлении этого примирения через символ бесконечного. Символ есть принцип бесконечного становления... Но могут ли ужиться в добрососедстве огонь и вода? Могут ли дух и материя стать мужем и женой? Могут ли мужчина и женщина стать одним?.. Могут, приятель. Тогда рождается ребенок. А примирение конечного и бесконечного не что иное, как любовь. Она и порождает живое. А кто познал любовь, тот приобщился к тайне. И каждый приобщившийся оставляет после себя свой символ приобщения. И он всегда один!

Владимир Сергеевич был неописуемо рад успехам ученика и с интересом выслушивал рассуждения Леонида Петровича о мории Эразма Роттердамского, "бутылке" Рабле, загадке "Декамерона".

— Человека от страстей спасает разум, а знание божественной науки доставляет вечное блаженство, — комментировал аллегорию Данте бывший мусорщик. — Об Эразме Роттердамском я уже говорил в прошлый раз, когда мы затронули тему о парадоксе страдания и расплате за свои желанья... Превращение глупости в высшую мудрость, по Эразму, есть ренессансное волшебство гения. В его эпоху страдание, по Христу, господствовало над умами так сильно, что затмевало умы, мыслящие категориями жертвенности. Нужно было

дать нечто свое, равное по значимости крови агнца, но взятое из золотой шкатулки Господа Бога. И Эразм его дал...

"Бутылка" Рабле. Великий матерщинник нашел-таки ту кость с каплей мозговой субстанции. Кто-то из древних называл собаку самым философским в мире животным. Я вижу пространственное сходство кости с бутылкой. Сотни раз я следил за дрожащими руками алкоголиков, откупоривающих бутылки. Их лица светились, и свет был особенно ярк на похмелье. Это то, живое дионисийское начало, изначально открытое греками на пирах с божественной солью и анакреонтической струной. Но Рабле, как и Эразм, — философ, и он, будто бы угодившись собаке, высосал из своей бутылки свою капельку мозга. Проглотив ее, Рабле стал философствующим художником.

Боккаччо — баловень судьбы. "Декамерон" — книга безнравственная до святости. Ее написал не сын флорентийского купца, а его мать — француженка...

— Bravo! — затрясся прослезившийся Владимир Сергеевич. — Bravo, Ленья! Ты стал высокообразованным человеком! Теперь ты можешь и имеешь, за что жить вечно!

...Ровно пять лет прошло со дня свадьбы Шитикова и Анюты. В июньскую ночь с субботы на воскресенье Опарыш не смыкал глаз. Поздно вечером его жена отправилась в гости к сестре и до сих пор не вернулась. Он ждал, когда ему позвонят из милиции и сообщат, что найден ее труп. Анюта сбита машиной. Так и случилось. И никто никогда не раскапает эту историю, ибо целых пять лет Шитиков скрупулезно и тщательно готовил это убийство, подыскивал исполнителя, поимка которого исключалась.

Похороны Анюты были пышными и благородными. Безутешный муж плакал, не переставая, соседки утешали его как могли, искренне сочувствовали горю. Облагородившееся от страданий и книг лицо Леонида Петровича, элегантные манеры вызвали восхищение у старушек, которые поместили его на самую высшую ступеньку своей иерархической лесенки. К этому времени Леонид Петрович уже был начальником управления коммунального хозяйства горисполкома. Должность почтенная и хорошо оплачиваемая. Отставные полковники и старый генерал, живущий в соседней квартире, расшаркивались с ним во дворе, заходили к нему на рюмочку. Словом, Шитиков постиг тайну Христа и низ

сделал верхом: бывший самым последним, он стал самым первым в своем доме. Впереди у него было приобщение к символу примирения конечного и бесконечного через любовь и детей. Дело стало за красавицей, невестой. Но пока у Шитикова никого на примете не было, и поэтому он решил не спешить и построить большую двухэтажную дачу для будущего семейства.

Дача получилась на славу. В ней без хлопот разместился бы целый детский сад. Вот какое потомство намеревался воспроизвести на свет Леонид Петрович! Но, увы! Случилась досадная оплошность, с которой началось крушение идеалов Шитикова.

Загремел под фанфары начальник специального автомобильного хозяйства, где работал мусорщиком и экономистом Леонид Петрович. Дотошные комиссии принялись считать мусор и экскременты, вывезенные на свалку. Казалось бы, смехотворное и грязное дело. Но молодой следователь перерыл горы бумаг и мусора и в один прекрасный день явился с ордером на обыск к бывшему начальнику Шитикова, который, ничего не подозревая, спокойно сушил на бельевой веревке отсыревшие денежные купюры — несколько десятков тысяч рублей. Старика хватил сердечный удар — ведь его проводили на пенсию с орденом. И каким! Сам Шитиков все документы оформлял! Теперь следователь возьмется за начальника коммунального хозяйства. И возьмется, сукин сын! Его ничем не купишь...

Несколько ночей простоял Леонид Петрович на коленях перед своим идолом — серебряным опарышем на мраморной подставке. Молил его со слезами и без слез, словно от древнегреческой пифии, ждал он от своего червя спасительного совета. Наконец, ему пришел на ум совет оракула, данный Диогену Синопскому более двух тысяч лет назад. Шитиков решил сделать переоценку ценностей.

На следующий день по его приказу два мощных бульдозера сровняли двухэтажную красавицу дачу с землей. Этим же вечером навсегда скрылась за холмами Грузии его любимая черная "Волга". В течение двух дней была распродана старинная мебель, а уникальная библиотека вывезена к Владимиру Сергеевичу Орлову. Несколько мешков юридической литературы, детективов и десятилетнюю подписку журнала "Человек и закон" Шитиков спрятал на чердаке. Лишь одна вещь осталась на руках несчастного Леонида Петровича — серебряный опарыш на подставке. Упаковав ее в чемоданчик вместе

с парой сменного белья, бритвенным прибором и сопутствующими дорожными принадлежностями, он купил путевку в горный санаторий Северной Осетии, а в день отъезда оставил на работе заявление на увольнение.

На Кавказе стоял бархатный сентябрь. Горный воздух пьянил Шитикова как шампанское. А базарные прилавки ломились от небывалого урожая столовых сортов винограда, сахарных груш, тающих во рту как мороженое. Но все эти сладости стояли в горле Леонида Петровича комом. Хотя по большому-то счету ему в общем-то и беспокоиться было не о чем: не то что молодой Шерлок Холмс, сваливший бывшего начальника спецавтохозяйства, но даже прилетевший из Москвы следователь по особо важным делам никогда не разберется в его "бухгалтерии", а если, на худой конец, кто-то и загремит, так наверняка кто-нибудь из подставных лиц или исполнителей, но только не он сам.

Единственное, о чем сожалел Леонид Петрович, так это о снесенной даче. Но ничего не поделаешь! Он прекрасно понимал, что с нею дал маху. Закружилась голова от фантастической прибыли. И сделал он все правильно. Голову надо было немедленно остудить, иначе все могло полететь прахом. Рациональному деловому человеку надо иметь трезвую голову даже во сне. Так он считал и надеялся, что считал правильно.

Прошла половина отпуска по санаторной путевке, когда для Шитикова настал звездный час — он встретил свою долгожданную любовь...

Звали ее Мариной, приехала она на десять дней из Ленинграда, и было ей лет двадцать пять. Младше его на шестнадцать лет. Шитиков ликовал — как раз то, что нужно!..

Долгие годы он часто видел ее во сне именно такой: точеная фигурка, высокая грудь, рассыпанные на плечах белокурые волосы... Правда, цвет глаз был иным (Шитиков видел только цветные сны). Он предполагал, что глаза его возлюбленной будут небесно-голубыми, но у Марины они походили на недозрелый крыжовник, освещенный ярким солнцем после дождя. "Почему-то как у кошки ночью..." — грустно размышлял, лежа в палате, Шитиков. Он даже немножко расстроился по этому поводу. Но потом вроде бы успокоился, повстречавшись несколько раз с девушкой, — не цвет был главным, а сами глаза. Это были глаза любвеобильной гетеры с полотен голландских мастеров эпохи Ренессанса.

Ходила Марина в прозрачном летнем платье с боль-

шим вырезом на груди, и все кавказские люди проводжали ее взглядом. Ловеласы со стажем застывали перед ней в нерешительности, боясь своих слов, дабы, не дай бог, не сморозить плоскую чушь и не оказаться в дурацком положении. Такие великорусские красавицы не раз прокатывали местных почитателей Эрота "колбаской по Малой Спасской..."

Однако Шитиков, казалось, снова вытащил счастливый лотерейный билет. После заезда новой группы отдыхающих места в столовой перераспределили так, что Марина и Леонид Петрович оказались за одним столом. Теперь они трижды в день встречались за трапезой и обменивались легкими шутками. Шитиков держался интеллигентно и в высшей степени благородно, можно сказать, с достоинством и той допустимой мерой шалости, чем всегда привлекал к себе внимание женщин во все времена симпатичный русский дворянин.

Вечерами, когда Марина не читала Сименона или Агату Кристи, которых очень любила, они вместе гуляли. Совсем недавно она закончила юридический факультет университета и намеревалась посвятить себя служению благородной богине Фемиде. Шитиков был в восторге от ее знаний и начитанности. Марина страстно любила литературу и искусство, да и отец ее был известным театральным критиком. Необычное самообразование Леонида Петровича и его оригинальное мышление покорили ленинградку. И в день ее отъезда они просидели в ресторане до его закрытия. В тот же вечер Шитиков впервые поцеловал свою возлюбленную, которая согласилась стать его невестой и пригласила к себе домой. Радости Леонида Петровича не было предела.

Прямо из Осетии он вылетел в Одессу — повидаться с Орловым, а через несколько дней уже был в Ленинграде. До позднего вечера они с Мариной бродили по Васильевскому острову, читали стихи Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, а потом она привела его к себе домой.

— Родители на даче, — предупредила она, открывая входную дверь. — Ты можешь переночевать в моей комнате, а я у них в спальне.

— Может, я пойду в гостиницу? — смутился Леонид Петрович, чувствуя, как у него задрожали коленки.

— Ну что ты! — рассмеялась она и затащила его в прихожую.

...Они целовались до глубокой ночи, потом он про-

водил ее в спальню родителей.

— Мне завтра на работу! — погрозила пальцем Марина. — А ты можешь спать хоть до вечера!

— Я все понял, — приложил руку к груди Шитиков и еще раз обнял перед сном вымечтанную невесту. Потом он закрыл за собой дверь, взял чемоданчик.

Здесь он достал бриллиантовый гарнитур, даренный им когда-то Аняте, и решил не медля преподнести его невесте. Но в последний момент передумал. Лучше будет, если он положит его на тумбочку перед ее изголовьем, и пусть она, проснувшись, порадуетя. Может, и придет к нему в постель...

Так он и сделал. Перед рассветом на цыпочках вошел к спящей Марине и положил на ее ночной столик раскрытый футляр с гарнитуром, потом тихонько вернулся на свое место и блаженно закрыл глаза. Наконец трехступенчатая мечта его жизни сбылась! Душа его погрузилась в заоблачный сон.

Они путешествовали по Швейцарии, потом отдыхали в Италии — целый медовый месяц! Марина одевалась изящно и просто. Ей шло абсолютно все — любая "тряпка", самые дешевые безделушки и украшения. Она в совершенстве владела искусством одеваться и великолепно выглядеть. Кроме всего этого, она обладала удивительно практическим умом и талантом прирожденной хозяйки. Как-то на одной из вилл, неподалеку от Капри, она принесла ему на ужин горячие сосиски. Причем, секрет приготовления этого блюда никто из любопытных итальянцев так и не узнал. Одно только сказала смеющаяся Марина: сосиски надо периодически смачивать в смирновской водке. А потом они плыли на яхте — и вдруг...

Когда он испуганно открыл глаза, никак не желая расставаться с райским сном, в дверях стояла хозяйка комнаты в... форме лейтенанта милиции. Поначалу Шитиков решил, что галлюцинирует. Но, увы!

Лейтенант Марина подошла к его постели с раскрытым футляром бриллиантового гарнитура. Лицо ее было сурово и холодно.

— Ты все испортил, Леонид, — сухо проговорила она. — Такого мне не надо! И вообще, после этого нам с тобой говорить не о чем. Я не покупаюсь и не продаюсь!.. — Она слегка побледнела, но быстро взяла себя в руки. — Я неожиданно для себя сразу разглядела тебя! Все твои знания и весь твой ум направлены не к людям, а исключительно к собственной персоне. Ты —

потребитель... делец, авантюрист... Ты — жуткий человек! Но одного не могу понять, как ты, прекрасно понимая искусство, такой начитанный и образованный, можешь сочетать в себе вот это?! — Она бросила ему на постель футляр с гарнитуром. — Возьми обратно. Господи, но не укладывается в моей голове... И прошу тебя, сейчас же соберись побыстрее. Я опаздываю на работу.

Ошалелый Шитиков глядел то на нее, то на гарнитур.

"Неужели есть Бог? — шевельнулась страшная мысль в его идеально атеистических мозгах. — Что с ней произошло? Словно сама Анюта явилась ей с того света и разоблачила его! Но нет, даже она не знала. И наверняка в той загробной жизни считает, что произошел несчастный случай, и не более того. А если она там прочла его мысли и предупредила эту зеленую гетеру?.." Шитиков уперся в лейтенантские звездочки на погонах Марины и, ничего не соображая, молчал. Он был так потрясен случившимся, что не нашел ничего другого, как тихим, спотыкающимся голосом спросить свою невесту:

— От...ткуда эта милицейская форма?..

— Я работаю в следственном отделе, — быстро ответила Марина. — Просто не хотела тебе говорить. Все-таки женщина и милиционер — это не совсем привычно.

...Шитиков не помнил, как оказался на улице. Лишь только когда лимонного цвета "Волга" с гербом умчала Марину за угол, он немного пришел в себя и двинулся, не глядя по сторонам, вдоль трамвайных путей. На перекрестке у него закружилась голова, но в это время зажегся зеленый свет, и надо было успеть перейти рельсы. Падая, он слышал скрежет тормозов разогнавшегося трамвая, потом хруст костей, а потом... плывущий над городом колокольный звон, от которого, казалось, лопнули ушные перепонки. Потом было состояние, близкое к невесомости, — он плавал в мягкой мякине вниз головой. Он слышал и чувствовал все, кроме боли, и еще не знал, что ему отрезало правую ногу.

Через несколько минут машина "скорой помощи" с включенной сиреной и вращающейся мигалкой с потусторонним фиолетовым светом уже мчалась по Васильевскому острову, торопясь доставить на операционный стол окровавленного Леонида Петровича, который в беспамятстве судорожно прижимал к груди свой маленький, заляпанный кровью чемоданчик с гарнитуром, опарышем и всеми своими сбережениями...

Свое сорокалетие Шитиков встретил в запущенной

полупустой квартире поседевшим и сгорбленным, с протезом вместо правой ноги. Итог его пятнадцатилетнего накопительства выразился в ста тысячах рублей, которые Леонид Петрович обратил в дюжину бриллиантов и хранил в протезе, где было просверлено отверстие, завинчивающееся пробкой на резьбе. Теперь он ездил на "Запорожце" с ручным управлением, купленном по дешевке у вдовы покойного инвалида войны, и занимал хоть и комическую, но все же административную должность директора свалки.

К счастью, правоохранительные "зверства" обошли его стороной, и опасность будто бы миновала. Но все же несколько странные психические изменения произошли в душе Леонида Петровича: он сделался раздражительным и озлобленным человеком. Стал выпивать, а потом все чаще и чаще напивался. Однако трезвым он боялся себе признаться, что его жизненное кредо потерпело полный крах. Лишь после бутылки водки он бубнил себе под нос строку из немецкого стихотворения "Кайне Либе кайн Лебен"*; источник которого уже и не помнил. А на поминках, по случаю кончины Марии Ивановны, неожиданно для всех жильцов дома-полиса оскорбил Лидию Георгиевну и генеральшу Ольгу Семеновну, обозвав их "кошелками" и "сучьими потрохами". После этого инцидента не так давно обожавшие его почтенные обыватели тотчас сменили свое восхищение и благолепие на презрительную насмешливость.

Внешность Леонида Петровича все более и более стала приобретать вид пятнадцатилетней давности: он выглядел неумытым, небритым, заспанным. Его кабинет в одном из вагончиков на городской свалке был сплошь уставлен пустыми бутылками, стол в нем с большими канцелярскими счетами и арифмометром был залит вином, а серебряный опарыш на мраморной подставке покрылся слоем пыли. Теперь уже Шитиков здесь иногда и ночевал, снимая протез и подкладывая его под голову вместо подушки.

А однажды он зло обидел свалочных дел мастера, запившего на работе: отнял у него две бутылки водки и заставил разжечь крематорную печь для сожжения трупов животных. В ту пору от какой-то псиной эпидемии передохло много собак и даже кошек. От их трупов, сваленных неподалеку от вагончика директора свалки, разило зловонием.

* Без любви нет жизни.

Пока похмельный мастер разводил огонь и таскал мертвых собак за ноги к печи, Шитиков оприходовал его бутылки и, как всегда, положив протез под голову, захрапел на весь кабинет. Мастер, закончив свою работу, явился к директору за своими бутылками, но, обнаружив его мертвецки пьяным, так вознегодовал, что вырвал из-под головы Шитикова протез и, облив его соляркой, бросил в догорающую топку.

Поутру, когда Шитиков, терзаясь головной болью, узнал о случившемся, с ним произошел сердечный приступ. Теперь ему стало отчетливо ясно, что это последнее трагическое событие в его жизни. Дальше он уже не мыслил своего существования. Вечером того же дня он умер в своем вагончике. Патологоанатомы, вскрывшие его труп, долго ломали головы, пытаясь установить причину смерти. Лишь Лидия Георгиевна и генеральша Ольга Семеновна кое о чем догадывались, но вскоре и им стало недосуг — красивый двухэтажный дом отставников в центре города шел под снос, и старушки окунулись с головой в хлопоты, связанные с предстоящим переездом в новые квартиры.

...Ровно через год на могиле Леонида Петровича появился двухметровый памятник из белого мрамора. На нем была фотография Шитикова, которую бывший начальник управления коммунального хозяйства горисполкома подготовил для городской Доски почета. Выглядел он на ней серебряным принцем — фотограф поработал на славу. Знал бы Шитиков, что пойдет эта фотография не на Доску почета, а на кладбище! А памятник, говорят, поставил какой-то бывший профессор, а может, и доцент.

На мраморе было нечертано золотом:

Он мог и имел, за что жить вечно.

ВАРФОЛОМЕЕВА КОСТЬ

Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение самое наглое.

А. П. Чехов. Крыжовник

Ныне много домов в России, названных именами писателей, композиторов или ученых. И хоть жили в них наши классики по году-два, или просто родились в этих стенах, здесь нередко устраивается музей — учреждение, очень похвальное.

Тотчас после соответствующего решения исполкома возникает, будто из-под земли, заведующий домом-музеем, непременно величающий себя директором. Он появляется из резерва бывших руководителей, которые по причине административных или партийных взысканий оказались не у дел. Если это человек нахрапистый, с давними и крепкими связями, он бьется где надо, как воин на поле боя, и в ответственный момент рождения новой организации — утверждения штатного расписания — выбивает ставку секретаря-делопроизводителя. Тогда на дверях его приемной появляется табличка "Секретариат", а на дермати́не самого кабинета — фамилия, имя и отчество руководителя данного учреждения, да шрифтом не простым, а типографским жирны, казенно-устрашающим.

Вслед за этим появляется лицо номер два — материальный хозяин учреждения, в трудовой книжке которого записывается: "Заведующий хозяйством". Но это начальствующее лицо, в отличие от отца духовного, называет себя не иначе, как заместителем директора по административно-хозяйственной части, или еще престижнее — по АФЧ (административно-финансовой части). Бывает, что лицо номер два умудряется выбить у отца какую-нибудь ставку на должность собственно завхоза, то есть своего зама, и тогда аппарат учреждения раздувается как мыльный пузырь. Тип лица номер два, как и его зама, — тип широко распространенный у нас: динамичный, живучий, как сорняк в огороде, — сколько его ни

выпалывай, не выполешь никогда. Внешне он ничем не отличается от Держиморды — грузен, неуклюж, с узкими плечами и широким задом, штаны на нем висят как мешок, а седые волосы подстрижены под полубокс. Это либо отставник, либо человек, имевший косвенное отношение к войне, но непременно считающий себя участником войны. Он хам по рождению, жулик по призванию, недоучка по образованию. Гардеробщиц и уборщиц он хлопает по задкам, а в темных углах полуют и полапает; шофера, рабочего или дворника проберет ядреным русским матом. Словом, тип известный всем, он живет рядом с нами, все мы его знаем и немножко побаиваемся. Об одном из них я бы и хотел рассказать.

В год первой русской революции у купца второй гильдии Анатолия Аркадьевича Сосунова родился сын. Это случилось в три часа пополудни, когда в Сходне стояла жара невыносимая, и Сосунов, сидя под навесом сарая, пил стопками охлажденное в колодце казенное вино, как тогда называли водку, закусывая каждую порцию столовой ложкой зернистой икры, и дышал тяжело и часто, будто рыба в садке рыбака — уже пойманная, но еще живая. Лицо его, морковного цвета, было сплошь усыпано мельчайшими каплями пота, глаза хрустально слезились, а из краешка рта свисала тонкая струйка слюны. Известие о рождении сына его очень порадовало, он тотчас же вынул из-под себя требник, который уже листал сегодня, и еще раз просмотрел перечень святых мужских имен. Двадцать пятое августа приходилось на Варсиса, Варфоломея, Евлогия, Мина, Протогена, Тита. "Что за православные имена!" — в сердцах возмутился Анатолий Аркадьевич. Из всех прочитанных он кроме Варфоломея и Тита даже и не слыхивал. Титом же был сго двоюродный брат, ободравший его на прошлую Пасху, как последнего дурака. С тех пор он с Титом не здоровался и даже не раз подумывал отомстить, но тот был хитер и осторожен. "А почему бы не Варфоломей? — прикинул Анатолий Аркадьевич. — Варфоломей Анатолевич. Варфоломей Анатолевич Сосунов! Не просто, да и солидно". Он любил внушительные и тяжеловесные имена. "Пожалуй, будет Варфоломеем..." Он налил себе очередную стопку, одним глотком проглотил ее и корешком требника обтер узкие губы. "Варфоломей так Варфоломей".

Так создан был наш герой. Окрещенный в русской православной церкви, сытый от избытка молока купчихи

Сосуновой, он уже тогда, казалось, будет благополучен и убережен Господом Богом до самой старости.

Видимо, есть в человеке ген, выработанный сотнями поколений определенного вида людей. Ген выживания и самосохранения. Когда он господствует среди остальных генов, то человек становится жалким уродцем: ни совести, ни чести, ни достоинства в этом человеке нет. Это скорее легко приспосабливаемое человекообразное существо со своей философией и психологией, оправдывающими и утверждающими паразитический образ жизни. Беспринципность этого существа становится гибкостью, подлость — хитроумностью, коварство — мудростью. Оно не лишено силы духа (если наличествует сам дух) и упрямства в достижении цели, хотя при этом осторожно (и трусливо). Существо это напоминает снегоуборочный комбайн с огромными клешнями-лопатами, загребаящими "до ссыбы". Его человекоподобный вид процветает при любых режимах — и тоталитарных, и демократических, — он пристраивается где-то сбоку у власти, в службах, связанных с бытом и обслуживанием, или, как говорят военные люди, жизнеобеспечением. Анатолий Аркадьевич Сосунوف породил подобного отпрыска, а сам отдал богу душу в сырых подвалах чека в двадцать третьем году.

Варфоломею, так и не успевшему окончить реальное училище, удалось затесаться в известный отряд "десяти тысячников" времен сплошной коллективизации. И он легко заделался первым председателем колхоза на верхнем Дону. Конечно, землю он никогда не пахал, скот не выращивал, но руками водить был мастак. Казалось, он родился для того, чтобы стать одним из первых руководителей нового типа власти.

Наезжая в район, он не упускал случая подбросить харчишек членам бюро райкома, ибо времена в ту пору были голодные, а колхоз его передовым, поскольку Сосунов мог ладить со всеми кулаками и подкулачниками, тайно ненавидя голытьбу и бывшее батрачество. Особым вниманием он одаривал начальника районного отдела НКВД — однорукого тайного пьяницу Кузьму Петровича Иванова, бывшего лихого рубаку-буденовца.

Теща Иванова — бывшая купчиха Терентьевна — была очень похожа на мать молодого председателя не только внешностью, но повадками и судьбою — ее муж также сложил свою буйную голову за старые добрые времена. Через нее узнал Варфоломей о слабости чекиста — при-

страсти к выпивке — и в каждый свой приезд тихонько передавал Терентьевне, "окромя разной снеди, и кубышечку самогону".

Скоро узнал о таких подношениях и Кузьма Петрович. Он сильно осерчал на подхалима, но в страсти к первачу совладать с собой не мог. Скрепя сердце и запершись в чулане, он наливал себе из кубышки и, упившись, рыдал горячими слезами... А рыдать было над чем...

В ту пору разыгрался нэп, и повылезали из нор те, которых Иванов ненавидел и убивал. Теперь ему было велено их не трогать и даже защищать. Глухая тоска и отчаяние охватывали старого партийца. "За что боролись, на то и напоролись!" — горестно сетовал он на судьбу и заливал свою душевную боль.

Махнув рукой на подарки Сосунова (благо тот делал их тайно), начальник НКВД все больше присматривался к молодому и ловкому председателю, а когда Сосунوف здорово выручил его на бюро, предложил ему работу в своем аппарате. Однако Сосунوف не торопился, ссылаясь на дела, выжидал время и пришел в НКВД по дружной рекомендации райкома и не рядовым сотрудником, а заместителем Иванова по административным и материально-техническим делам. В операциях он не участвовал и никого не стрелял, но "пушку" при себе имел. Однако гадкое отвращение к "новому порядку" не преодолел и чувствовал себя в своей стране более эзком, нежели гражданином и чекистом. Но он был веселым эзком, знающим, что в его положении на большее и претендовать нельзя. Поэтому, оставаясь один, иногда напевал себе под нос блатную биндюжную песенку: "Теперь я в допре загораю и на потолок плеваю — кушать, пить, курить у мене есть..."

В тридцатые годы Варфоломея Анатольевича слегка потрясло — это были годы страха и игры с огнем. Поставили к стенке Иванова, а за ним и почти все райкомовское бюро. Уцелел Сосунوف только благодаря своим заслугам в кампании раскулачивания: отправил в Сибирь каждого третьего из своего бывшего колхоза — тех, кто верил ему и давал харчи для подачек районному начальству. Но на Колыме побывать пришлось. Правда, всего лишь в качестве лагерного охранника — заместителя начальника женского учреждения и опять-таки по материально-технической части.

Пришлось пережить и лагерный бунт. Дюжина уголовниц, которыми была разбавлена основная масса заключенных, осужденных по различным пунктам пять-

десять восьмой статьи, перебила кольями небольшую охрану и целую неделю, правда, окруженная спецподразделениями, хозяйничала в зоне. Варфоломей стал добычей взбунтовавшихся баб в прямом смысле этого слова. И снова его пронесло: спасли добрая мужская сила, которой вдосталь попользовались "голодные" бабы, да ключи от склада, где хранились не только продукты, но спирт и лекарства.

После переговоров представителя ГУЛАГа, прилетевшего из Москвы, и Черной дюжины Сосунов уговорил (не за просто так) Клавку Лохватую связать его и запереть в подвале, дабы не загреметь с разъяренной бабьей дюжиной под трибунал.

Но слава богу: скоро все кончилось. Дали "вышку" Дюжине, плененный начальник лагеря покончил с собой, ожидая худшей участи, оставшиеся в живых охранники сели на разные сроки. А Варфоломея освободили и отправили в госпиталь лечиться от истощения. Даже чуть не наградили. И пострадавший, воспользовавшись удачным случаем, подал рапорт о переводе в регулярную часть в соответствии с военной специальностью.

Естественно, что всю войну он "провоевал" снабженцем. Постоянно был сыт и пьян, но дело знал тугο, за что и умудрился дослужиться до капитана.

— На войне-то меня пить и научили, — рассказывал он своим собутыльникам. — Вызовет, бывало, генерал и велит мыло или тушенку туда-то направить. А сколько у меня мыла и тушенки, генерала не интересует. Их-то, генералов, много, любят они приказы отдавать, а потом с меня три шкуры сдирать — где, мол, снабжение?! Так и научился я зажимать, — от страха все это, чтоб башка не полетела. Так вот и отвечаю я ему, что нету, товарищ начальник, ничего. Он на меня поорет, слюной побрызжет, ну а я прикинусь виноватым, помолчу, покаюсь, а сам себе на уме, значит. Ну тогда генерал фляжку достанет, стакан, значит, полный нальет и приказывает: "Ну-ка, капитан Сосунов, высоси эту штуку до дна!" А как приказ не выполнить? Ну и выпиваю, значит. А потом еще нальет, поставит передо мной и спрашивает: "Ну что, капитан, теперь мыло и тушенку дашь?" Дам, говорю. И выхожу от него уже хороший. А на складе его снабженца обязательно объегорю. А если заметит, однако, или за руку поймают, у меня и ответ готов: пьяный я, не видишь, что ли? Сам генерал напил, вот к нему претензии и предъявляй!

В армии Сосунов подвизался до самого хрущевского

сокращения. Уволился майором с хорошей пенсией. Но здоровьем Варфоломей Анатольевич обладал недюжинным и потому подался не в работяги, как некоторые армейские офицеры его звания, не имевшие пенсионной выслуги, а кладовщиком на базу. Здесь он проработал почти двадцать лет. И было бы все хорошо, если б не оказался в цепочке с махинаторами. Отделался увольнением и строгачом по партийной линии. С той поры решил он ни в какие цепочки не влезать и никогда и никого в свои дела не посвящать. Воровать хоть и понемногу, да надежно. Пенсия — жене, а себе — была бы бутылка да закуска, на остальное ему глубоко плевать: разве в могилу утащишь?

Вот таким уродился у купца Анатолия Сосунова сын Варфоломей. Может, во младенчестве еще мать-купчиха внушила ему главную истину, что береженого и Бог бережет, а смекалистый Варфоломей ее прекрасно усвоил? Может быть. Ведь это подтверждала его долгая и веселая жизнь.

И в самом деле: спустя семьдесят девять лет со дня рождения у Варфоломея Анатольевича были розовые щеки, целы все зубы, и седина украшала эту "умеющую жить" голову, а значок ветерана войны, светившийся на пиджаке с обвислыми плечами, делал его солидным пожилым человеком и внушал уважение.

В таком виде он и заступил на должность завхоза недавно созданного музея литератора Денисова, помещавшегося в небольшом двухэтажном особняке, окруженном сквером со старыми липами и тополями. Под его началом было тринадцать человек: уборщицы, гардеробщицы, полотеры, дворники и сторожа. Еще три полставки — плотника, электрика и сантехника — занимали совместители, со знакомства с которыми и началась трудовая деятельность Сосунова в новом учреждении.

Главной целью знакомства, по Варфоломею Анатольевичу, было достижение уговора, по которому совместители обязаны были отдавать завхозу в день зарплаты по пятерке, в худшем случае, по трешке. Средств же для достижения этого уговора Сосунов, по причине богатейшего опыта и преклонных лет, знал множество: от классических, выражающих заботу о самом трудящемся или учреждении, до канонических — иначе выгоню, да еще по статье за пьянку или прогулы.

С электриком Гришкой проблем не было. Он сам принес бутылку краснухи, и Варфоломей Анатольевич даже и не заговорил, как намечал, о нужных проводах.

и изоляторах для починки проводки. Ясно было, что Гришка сам притащит все что нужно со своей основной работы, а каждую получку будет ставить начальнику бутылку. Это устраивало обоих, и после второй бутылки "огнетушителя" оба жулика — молодой и старый — были вполне счастливы. Гришка даже пытался перейти на "ты", но Варфоломей Анатольевич это панибратство пресек, заявив электрику, что тот ему во внуки годится и что их культурный уровень не соответствует: Сосунов давно уверил себя в том, что у него "самое верховное образование", а отставной чин — не ниже полковника.

Окрыленный удачей, Сосунов на следующий день решил побить сразу двух зайцев — Петровича-плотника и Шамуновича-сантехника. Он вызвал их к себе в кабинет и повел серьезный разговор:

— Инструмент, поди, у вас свой. А платят ли вам за амортизацию?

Петрович-плотник разгладил нашивки на пиджаке, свидетельствующие о фронтовых ранениях, и поднял свой огромный ястребиный нос.

— Ты хочешь сказать, что ты будешь платить? — раздраженно ответил он вопросом Сосунову, будто тот наступил на его любимую мозоль.

— Из чего это я буду платить? — вздрогнул, не ожидая такого поворота, завхоз. — Со своей пенсии? Или с восьмидесяти рублей? Ты б лучше помолчал, дурак! — улыбнулся завхоз, осененный идеей, на которую подтолкнул его сам плотник (тип этих людей Варфоломей Анатольевич знал превосходно; таких надо купить, и все пойдет как по маслу; они любят, когда их покупают). — Иди работай, а к вечеру зайдешь ко мне. Понял? Да язык прикуси, раненый! Об тебе думаю, а ты как шпана!

Петрович-плотник смекнул, что дело для него наклеивается выгодное, и тотчас же расплылся до ушей. "Никак целую ставку даст? — прикинул он. — Но где он ее возьмет? Или штатное расписание пересмотрели?" Однако, как бы там ни было, он резво выскочил за дверь и побежал в столярку.

Тем временем Шамунович-сантехник тоже насторожился, чуя, что тут пахнет кусочком, и уставился собачьими глазами на нового начальника, как на хозяина.

— А с тобой вот что, — строго поймал его покорный взгляд Варфоломей Анатольевич. — Ты мне скажи правду: на скольких работах работаешь?

Сантехник растерялся: "Неужели знает? От сукин сын!..." Татарин по национальности, он тихо пробормо-

тал на своем языке проклятие и развел руками.

Сосунов перевел эту игру по-своему: обижаешь, начальник. Он тоже прищурился, как татарин, и заговорил напрямую:

— А можешь еще куда-нибудь устроиться?

— Справка на совместительство нету, — огорченно отвечал Шамунович. — В библиотека, где я на основная работа, баба профком — сволочь. Сюда еле-еле подписывал. Был бы справка, я бы еще в театр пошел. Там полставка есть.

— А если я тебе такую справку сделаю? — ухмыльнулся Сосунов (у него были бланки с печатями).

— Так тут же не мой основной работа...

— А кто проверять будет? Кому это надо? Не ты же отвечать будешь! Ты рабочий, неграмотный, законов не знаешь. С тебя, друг, как с гуся вода. Ты работу сделал и получил...

После этих слов глаза Шамуновича засветились. Он понял, что имеет дело с умным человеком, который и сам жить умеет и другим дает.

— И ты дашь такая справка?

— Прежде всего не "ты", а "вы", — сурово поглядел на него завхоз. — Зовут меня Варфоломей Анатольевич. Заруби себе на носу. А справку я дам при одном условии.

— Каком условии? — насторожился сантехник.

— У нас на складе нет ни вентилях, ни кранов. Базы, как говорится, нету. По безналичному расчету ничего не купишь. Приходится вот у таких, как ты, сшибать. Потому — в интересах предприятия — я предлагаю так: даю тебе справку, а ты мне даешь в зарплату пятерку на покупку кранов, но у меня их не спрашивай. Если что нужно сделать — крутись сам. Понял?

— Понял, понял! — обрадовался сантехник.

— Ну тогда ступай работай. За справкой придешь завтра.

— Спасибо, Варфоломей Анатольевич!

— Ступай и языком не болтай. Тебе же только на пользу будет. Система у нас, сам знаешь, какая. Крутиться надо.

— Ясно, все ясно! — обрадованно закричал Шамунович и выбежал в коридор.

Через пять минут Сосунов сидел в кабинете своего начальника — заместителя директора по АФЧ. Они были знакомы уже лет двадцать, но вместе работали впервые. Однако не на одном деле за эти двадцать лет погребли

себе руки. Федор Савельевич Акулов посылал своих людей на базу к Сосунову и давал материалы для ремонта складских помещений, Сосунов помогал Акулову, и так — рука руку мыла.

— У меня тут дельце, Федя, к тебе есть, — сказал, усаживаясь в кресло, Сосунов. — Плотник-то у нас на полставки, а работы до черта.

— Больше нету, — отвечал равнодушно Акулов. — Да и плотник он хреновый.

— Хреновый — не хреновый, а инструмент у него свой. Да и материала у нас нет. Какой хороший-то работать здесь будет? Хороший на хорошем месте сидит, по двести зашибает.

— И то верно, — согласился зам. по АФЧ. — А ты что предлагаешь?

— Дать ему еще полставки полотера.

— А кого оформим?

— Найдем кого-нибудь.

— Ладно, оформляй. Только магарыч мне ставишь ты, а не он. Понял? Да и вообще, я знать не знаю про твои дельца. Ясно?

— Мог бы и не говорить, — обидчиво пробурчал Сосунов и вышел.

К вечеру, когда он сидел в тени старых лип, образующих сквер перед домом-музеем Денисова, к нему подошел Петрович-плотник и деликатно подсел на скамейку.

— У тебя пенсия сколько? — тихо спросил Сосунов.

— Сто один.

— А у жены?

— Пятьдесят.

— Ты можешь ее оформить на полставки полотера?

— У нее ноги больные.

— Ты или дурак или прикидываешься? — серьезно взглянул на подчиненного завхоз. — У меня один студент на две ставки натрет. Только это не твоего ума дело. Раз в месяц она за зарплатой сможет подъехать?

— Конечно, сможет, — догадался плотник.

— Так пусть тогда пишет заявление и к Акулову. А вместо нее будешь ты по плотницкой части работать. И с тебя, как говорится, червонец в зарплату. Вроде как подоходный налог, понял? И лично мне. Только не думай, что я для себя. Надо вон мусор вывозить, землю, саженцы, а наличных денег ни хрена не дают.

— Варфоломей Анатольевич! — благодарно заговорил плотник.

— Не надо, — отстранился Сосунов. — Скоро магазин закрывается.

— Я мигом! — вскочил плотник и скрылся за воротами.

Через полчаса Сосунов запер в сейф оставшиеся полбутылки коньяка и, поправив галстук и значок ветерана, не спеша вышел на улицу. Второй рабочий день его на новом месте в новом учреждении закончился.

В трехкомнатной квартире Варфоломея Анатольевича, которую он занимал вместе с женой Марией Ивановной, стоял вкусный и пряный дух. Хозяйка дома приготовила на ужин телятину, запеченную в горшочке. Блестящие листочки салата украшали глубокое блюдо, полное тонко нарезанных овощей. Это был любимый салат Варфоломея Анатольевича, которым покорила его сердце в нэпманские времена комсомолка Маша Сизова. Надо бы сказать несколько слов об этой добрейшей и уважаемой всем домом женщине, прожившей почти полвека с нашим героем.

За свои шестьдесят пять лет Мария Ивановна Сосунова нигде, кроме как дома, не работала. Родом она с Кубани, а в Ростов, где и встретился ей будущий муж, приехала поступать в медицинский техникум. Но на экзамены не явилась, по той причине, что уехала с любимым Варфоломеем организовывать колхоз. Она была одной из первых председателеш первых председателей первых колхозов. Одним словом — настоящей комсомолкой двадцатых годов.

Как и многие ее подруги, Мария Ивановна боготворила Сталина. Она была глубоко убеждена в том, что социализм давно построен, что партия свята и непогрешима и каждый получает столько, сколько ему и положено получать. Домашние свои обязанности она блюла безукоризненно, правда иногда жалуясь на базарные цены: "Совсем обнаглели, сволочи! Не колхозники, а спекулянты! Пересажать бы их всех!" Но когда сама приторговывала на рынке (у Сосуновых был большой дачный участок с огородом и фруктовыми деревьями), то такую цену заламывала, что колхозники содрогались.

У Сосуновых было два сына, оба на дипломатической службе за границей. В воспитании внука и внучки Мария Ивановна принимала активное участие, за что и заслужила себе их любовь и уважение. Однако главное, за что любили бабушку баловни-внуки, — деньги, или, говоря одесским жаргоном, "шпалера", которую всю свою

жизнь "печатал" гениальный дед Варфоломей, положивший традицию первых руководителей "нового типа".

Читатель, видимо, несколько удивлен, почему я так подробно рассказываю о самодовольном Варфоломее и его семействе. Но на то есть две существенные причины. Во-первых, я несколько лет "батрачил" у нашего героя в годы учебы в Высшей школе искусств, расположенной неподалеку от дома-музея Денисова, где был оформлен на ставку дворника. Ну а во-вторых, — случайная смерть завхоза Сосунова на рабочем месте носила такой символический характер, что требовала глубокого и всестороннего осмысления каждым, кто знал этого незаурядного человека.

Незаурядность Варфоломея Анатольевича зиждилась на его самой примитивной заурядности обыкновенного животного уровня: чего-нибудь выпить и чего-нибудь хапнуть. В день зарплаты я, как и все сотрудники хозяйственного персонала, отстегивал ему пятерку. Это было гарантией того, что в какой-то непредвиденный случай он меня обязательно прикроет. Случаем таким мог быть невыход на работу по причине банкета или вечеринки у одного из моих товарищей по случаю выхода книги или постановки спектакля. Такие события слушатели нашей школы отмечали бурно и с приключениями. Видя, что я на уборку не вышел, Сосунов сам, засучив рукава, подметал двор, но на следующий день обкладывал меня четырехэтажным матом и велел выкладывать в зарплату соответствующий дневной заработок согласно месячному жалованию.

Примерно раз в месяц он оформлял меня на временную работу в РСУ Минкультуры или же просто по трудовому соглашению. Я красил кованые решетки оград и жестяную кровлю здания, белил потолки, долбил асфальт, грузил мусор, корчевал пни спиленных деревьев. Когда работы было много, я приводил одного или двух сокурсников на подмогу. Но дед Варфоломей всегда был тут как тут. Сняв пиджак, а иногда и рубашку, он крутился вокруг, помогая дурацкими советами, или даже хватался за лопату, кисть, лом. Он создавал атмосферу такого деятельного и непосредственного участия, что мне совестно было глядеть ему в глаза, когда он, поймав меня на выходе из кассы, протягивал руку со словами: "Я же помогал вам!" "Сколько?" — спрашивал я. "Давай десятку!" говорил он, если речь шла о заборе, пеньке, машинах мусора, или: "Давай тридцатку", — если я получал за долбежку асфальта, окраску крыши и т. п.

На полученные деньги мы с приятелями покупали водку и пиво. Накрыв стол в дворницкой, садились пировать. Дед Варфоломей был покровителем таких мероприятий, и первый стакан, естественно, наливался ему. Но он знал меру и более трехсот граммов водки за один прием не употреблял. Похватав чего-нибудь из закуски, он начинал учить жить:

— Вот вы по два института кончили, а голытьба голытьбой. Потому что жить не умеете.

— Поделись опытом, дед, может, научимся, — просил его наблюдательный новеллист Саша Яковлев.

— Кхе, — ухмылялся Сосунов. — Самая дорогая на свете штука — это жизнь. И прожить ее надо так... Да что вам говорить.

— Ну и в чем смысл существования? — допытывался подвыпивший Яковлев.

— Ишь ты! Смысла захотел! — хохотал дед. — Какой смысл у дерева или крокодила?

— Им, может, и не надо. А у человека он должен быть.

— Запомни, сынок, — качал перстом мудрый Варфоломей, — самый главный смысл в том, что чем больше даешь, тем меньше остается!

— Вот как! — усмехнулся Яковлев. — Значит, тратить — это противоестественно?

— А ты как думал! Что ваши поэты да писатели? Дураки! А живут-то сколько? Двадцать шесть, тридцать семь, сорок три... Тьфу! И жисть разглядеть не успеешь при таких годах! — Он сплевывал и поднимался со стула. — Ну, я пошел. Вы тут не напивайтесь, а ты, Сашка, запомни еще раз: чем больше даешь, тем меньше остается!

— Вот она, Варфоломеева кость. Кинул, как собакам, и пошел! — злился Яковлев.

— Рыцарь мыла и метлы! — вставлял я, вспоминая болезненную страсть Варфоломея Анатольевича к берсовым метелкам и хозяйственному мылу.

Действительно, где бы ни служил по своей части Сосунов, он с мылом обращался очень бережно и экономно. Его подчиненные получали еженедельно по кусочку, величиной с половину спичечного коробка, и такие миниатюрные обмылки можно было увидеть везде — на раковинах умывальников в туалете, в бытовках и подсобках обслуживающего персонала. А с метелками было и того хуже. Я их и не просил у своего завхоза. Ими щедро снабжал меня добряк забуддыга с соседнего

участка, подметавший двор столовой. В этой, кстати, столовой обедал и наш Варфоломей Анатольевич, рассчитываясь с завпроизводством кусками мыла и теми же вениками, которые он таскал из дворницкой в мое отсутствие.

Так и жил наш завхоз — легко и счастливо. Когда он разменял девятый десяток, вышел закон о нетрудовых доходах. Но Варфоломей Анатольевич встретил его спокойно и даже с некоторой иронией. "Интересно, какая жизнь будет, если воровать перестанут?" — усмехался он, сидя со мной за бутылочкой, которую я принес по поводу выхода своей книжки рассказов. Я уже давно не дворничал, но музей Денисова по старой памяти навещал, перекидываясь анекдотами с плотником Петровичем и слесарем Шамуновичем.

Однако на моей бывшей работе произошли серьезные перемены. После двух ревизионных комиссий райкома сняли с работы за финансовые нарушения директора и бухгалтера. Заместитель директора по АФЧ Акулов поспешил сам написать заявление об уходе. И лишь один завхоз Сосунов остался спокоен и невозмутим. Его здоровью мог бы позавидовать любой сорокалетний мужчина.

Новое начальство он встретил как всегда любезно и услужливо, и я не сомневался в том, что он прослужит на своем месте по крайней мере еще не менее двадцати лет. Этот человек был чертовски юн и "вечен". Но вдруг...

В один из обеденных перерывов, после стакана портейна и жирного гуляша, Варфоломей Анатольевич опустился на лавочку под высокой лиственницей у забора. Это был уединенный уголок старого сквера, а на скамейке под этим деревом, говорили, любил отдыхать российский литератор Денисов. Облюбовал это место и наш завхоз; он часто сживал здесь, переваривая сытную пищу, политую стаканчиком винца.

И теперь сняв серую — в дырочках — шляпу и обтерев платком высокий лоб, Сосунов прикрыл глаза и погрузился в умиротворенную дремоту. Это была легкая полуденная истома, после которой глаз он уже не открыл...

Его нашли через полчаса, лежащим на боку. В седой голове завхоза, обогрессенной кровоподтеками, торчала острая кость, некогда принадлежавшая корове.

Смерть Варфоломея Анатольевича долго оставалась загадкой. Она явилась причиной третьей ревизии райкома, которая обнаружила в хозяйственных помещениях

музея целые залежи веников и мыла. Сбережения покойного составляли около двухсот тысяч рублей, однако никаких улик и доказательств хищений обнаружить не удалось.

Год спустя молодой следователь, сдавший дело покойного Сосунова в архив, зашел в сквер музея Денисова и сел на ту же лавочку, подле которой был найден мертвый завхоз. Следователь был очень удручен тем, что происшедшее здесь преступление так и осталось нераскрытым. Выкурив сигарету, он поднялся, намереваясь уйти. Но в этот момент ему угодила в руку острая кость. Отскочив в сторону, следователь взглянул вверх и увидел сидящую на верхушке дерева ворону... Догадка осенила молодого сыщика. Выбежав за ворота музея, он обогнул столовую и вошел в ее грязный подсобный дворик. Здесь, у забора, отделявшего дворик столовой от сквера музея, стоял большой мусорный контейнер. Он был полон пищевых отходов и свежерубленных костей.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Не пожелай жены искреннего твоего,
не пожелай дому ближнего твоего,
ни села его, ни раба его, ни рабыни его,
ни вола его, ни осла его,
ни всякого скота его, ни всего, елика
суть ближняго твоего.

*Последняя заповедь Божия на
второй скрижали Моисеевой*

1. ПОМИНКИ

Когда-то эта квартира принадлежала профессору Страхову, близкому приятелю Тимирязева. Хозяин эмигрировал в двадцатом году во Францию и умер в Париже. А в начале пятидесятых на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа была продана концессия на его могилу. На сегодняшний день от Страхова фактически не осталось никаких следов, кроме сих помнящих профессора темных обшарпанных стен и вздутого грязного паркета в его бывшей квартире, превращенной теперь в коммуналку из шести комнат.

Двадцать первого июля 1989 года из этой квартиры санитары выносили носилки с человеком, накрытым простыней. Покойнику было сорок девять лет от роду, работал он актером и режиссером, кочегаром и сторожем, а последний год собирал бутылки и изредка стучал за дверью на старой пишущей машинке. Умер он, согласно заключению патологоанатома, от острой недостаточности при ишемической болезни сердца.

Носилки никто не сопровождал, хотя, кроме соседей, были у Алексея Богатого (кстати, члена Союза кинематографистов СССР) две жены и сестра, проживающая в другом городе. Но сообщать им о смерти никто не собирался: соседи были уверены, что жены просто-напросто не явятся, а сестра уже три года как парализована. Единственным человеком, проводившим Богатого в по-

следний путь, от морга до крематория, был неряшливый мужчина лет пятидесяти по кличке Рыжий, явившийся на следующий день после смерти Алексея к нему на квартиру — захотелось выпить с приятелем. Рыжий был ошарашен случившимся и, хоть боялся покойников, взял на себя все печальные хлопоты. А в день кремации он нарвал целую охапку ромашек, разросшихся вокруг морга, и устелил ими покойника в гробу.

Поминать усопшую душу Рыжий начал один в комнате друга. Выпив полбутылки "Имбирной", он посидел с полчаса, тупо глядя на стакан Богатого, и пошел звать соседей.

Первой, переваливаясь с ноги на ногу, вползла старуха-татарка Фатима. Она принесла несколько кусочков печенья и свою чайную чашку.

Следом за ней вошла Марина — двадцатилетняя студентка журфака — девушка сексуально извращенная, вся, от трусов до бижутерии, в заграничном. Она принесла полбутылки виски и кусок сервелата. Мать ее, добрая русская женщина, умерла три года назад от рака, и девица ударилась в такой разврат, что, если бы не Перестройка, выслали бы ее из города по требованию соседей. Но неожиданно объявился отец-еврей, уехавший пятнадцать лет назад якобы в Израиль. В брежневские времена он диссидентствовал, едва не угодил по семидесятой статье уголовного кодекса, но на Западе сделал себе имя известного антисоветчика, выпускал журналы, руководил издательством и даже стал президентом какой-то ассоциации. Теперь имя Хозера появлялось едва ли не во всех газетах, он разъезжал по всему миру с нансеновским паспортом, создавал какие-то предприятия, но дочь свою навещал исправно, одаривая импортом и деньгами. Марина все принимала, но в душе ее что-то протестовало. Может, глубоко засели слова умирающей матери, проклявшей своего мужа, может, поражавший ее прагматизм отца — будто и не жил он в России никогда.

Пока Рыжий с Мариной раздвигали стол, в комнате Богатого появились супруги Плаксий. Шестидесятипятилетний Петр Дмитриевич — старый ветеринарный врач и активный поборник справедливости, воюющий с мафией мясников на городском рынке, где он осуществлял ветеринарно-санитарный надзор. За его руку придерживалась жена — богомольная Антонина Ивановна — тихая и пугливая старушка. Она поставила на стол бутылку кагора и блюдо с кутьей.

Последней переступила порог комнаты покойного ки-

нематографиста сотрудница телевидения (как она всем представилась) Евгения Степановна: полная дама пятидесяти лет, прожившая веселую беспорядочную молодость, но тем не менее воспитавшая неплохого парня, рабочего "почтового ящика". У сына росла дочь пяти лет, и Евгения Степановна часто брала внучку к себе на выходные. Бывший муж Евгении Степановны, брошенный ею лет десять назад, домогался встречи с нею. Напившись, он каждую субботу звонил ей непрерывно, плача и каясь. Но гордая бабушка была непреклонна, хотя до сих пор затаскивала к себе на ночь любого мужика, подгулявшего у соседа Богатого. Евгения Степановна всегда настаивала водку на золотом корне или ореховых перегородах, и поэтому частенько бедный ее сосед, мучаясь на похмелье, просил у нее рюмочку. Вот и сейчас сотрудница телевидения принесла неполную бутылку с водкой цвета морилки. Внутри бутылки виднелся коряво растопыренный корень.

Когда поминальные гости кое-как расселись (почти все пришли со своими стульями), в дверях появился знаменитый президент без гражданства — отец Марины — и поставил на стол бутылку коньяка. Поминки начались...

Напряженную душную тишину, прерываемую рваным ритмом тяжких вздохов, нарушил Рыжий — внешне похожий на бича. Это был Олег Аркадьевич Забриха, когда-то человек талантливый и веселый, однако, творческая судьба его складывалась серо и неприметно: в двух десятках фильмов, созданных с его участием, он неизменно оставался вторым режиссером и при этом всегда был в тени. Какой-то главной и важной черты характера (не то наглости, не то верткости), необходимой для личности первого режиссера, не хватало ему, а может, что-то главное и важное в его человеческом начале не позволяло заделаться лидером и переступить через вещи, недостойные внимания, на взгляд нормального обывателя. Есть же такие чудачки, которые способны на все, кроме одного — они не могут быть подонками. Что-то тут не срабатывает, талантливая личность ломается и деградирует. Ей становится все до лампочки, она лишь занята сохранением какой-то своей высшей нравственной ценности, ради которой и живет слепой, безобразно неустроенной жизнью. Именно такой личностью был Забриха-Рыжий.

— Лешкин дух еще здесь, — устало прохрипел Рыжий, подняв стакан со своей "Имбирной". — В быту вы его знали всякого, но не знали как творца. А когда мы

поступили во ВГИК, все верили, что на небосклоне нашего кинематографа всходит большая и яркая звезда. Этой звездой был он, а его дипломная работа... — тут Забриха осекся, — да что растекаться мыслию по древу, давайте помянем его, пусть для его праха земля будет пухом...

— Так что же помешало его карьере? — поинтересовался президент.

Режиссер вздрогнул и разволновался. Уставившись на Хозера злыми глазами, он коротко отрубил:

— Чрезмерное увлечение идеей государственности и русским мистицизмом, которое приняло форму самоуничтожения. Вам этого не понять!

— Почему же? — усмехнулся президент. — Разве у нас никогда не было государственности и своих героев?

— Вы никогда не приносили в жертву идее цвет своей нации, лучших людей отечества. Будь то идея равенства и братства или имперская идея. А что касается вашей государственности, то она анекдотична — это маленькая фикция, подпитываемая героями-пиявками, присосавшимися к лакомым кусочкам живого тела Земли. Все евреи — анти-"Граждане Кале"...

— Прямо-таки русский Гердер, — растерялся гражданин без гражданства. — Того и гляди, "Майн Кампф" начнет цитировать... Вот и говори вам об общечеловеческих ценностях! А у вас то марксизм, то антисемитизм... Одурели от догм. Без них просто жить не можете. И какой тут, к черту, плюрализм! Что за страна, уму не постижимо!

— А Россию умом постигать и нельзя. Еще Тютчев вразумлял! — взвился Рыжий.

— Да хватит вам! — осадила его Евгения Степановна. — Не забывайте, где вы находитесь и... по какому поводу! Петр Дмитриевич, Марина, наливайте там. Давайте за память об Алеше...

После того, как выпили по второй, Фатима-апа стала вспоминать своего умершего соседа:

— Леша мне все время напоминал Рогачева. Был такой заслуженный артист. Это когда я в винном магазине на улице Горького работала, в том же доме, наверху, Рогачев, значит, жил. Вот как-то раз мы уже магазин закрывали, а он, артист, через служебный вход пришел и бутылку просит. Лицо бледное и помятое, а сам почему-то во фраке. Ну, я его у себя в подсобке усадила, бутылку выставила и пошла пол мыть, у меня еще полставки уборщицы была. Закончила работу, прихожу, а

он всю бутылку выпил. Сам сле на ногах стоит и чуть не плачет. Извини, говорит, дорогая Фатима, денег у меня нет. Я тебе свой фрак оставляю, вроде как под залог. Дорого стоит, в Англии шил. И ушел. Недели две за фраком не приходил. А потом слышу по радио: умер заслуженный артист Рогачев, похороны на Ново-Девичьем кладбище. А хороший был человек. Добрый, широкий. Вот и Лешка наш точно такой. Как гонорар получит, когда у него все хорошо шло, всех угостит, всем подарки купит. Мне как-то раз Коран на русском языке подарил, а говорят, она дорого стоит. Ох, как жалко его, молодой еще. А в последнее время он меня все про священный мост расспрашивал. Это, по нашей религии, тот, один конец которого в ад упирается, а другой — в рай. Леша как раз по этому мосту и идет. Один аллах знает, куда он попадет. Может, даже и в рай. Больших грехов у него не было, кроме как любил это дело, — она указала кривым сморщенным пальцем на бутылку.

— Ну он же не мусульманин, баба Фатима! — возмутился Рыжий. — Православному христианину дозволяется.

— Но не в таких количествах, — поддержал старуху Плаксий. — А покойник меры не знал. Это точно.

— Да что вы прицепились: знал покойник меру, не знал! — выкрикнула Марина. — Теперь уже все равно. Золотой он был человек, страдалец и поэт! Таких один на миллион рождается!

Фатима-апа повернулась к уху супруги Плаксия и зашептала:

— Это она так говорит, потому что от него чирим-бирим* была. Любила его сначала, а потом ненавидела. А теперь, как умер, опять любит. Она хоть и блудливая, а душа ее добрая!

— Поэт! Именно поэт! — восторженно Забриха. — Чего же я раньше не вспомнил! Вот послушай, президент и главный редактор, обалдеешь! — Он открыл ящик стола покойного и достал листок. — Слушай и запоминай! Читаю...

Вокруг единства Бога с человеком
Вокруг единства света с тьмою
и одномерности мгновенья с веком
презренья хохот диким росом
кружится стонет сохнет вост
глядится в зеркало абсурда

* Беременная (*mat*).

мое сквозящее ничто
и жалко уходить отсюда
но надо
здесь не видно то
что было видно мне когда-то
(его я растерял в пути)
в глаза твои в твои закаты
хочу
но страшно мне ступить!*

— Любопытно, — удивился Хозер. — А ну давай еще.

— Что же тебе еще? — закопался Забриха в ящике. —
А вот подожди, тут есть и про раввина с талмудом...
Так, коротенькое, слушай:

Глотая камни слез
Свивая дым сознания с рекою
Встает глагол
безглавым великаном
раввин с талмудом
и мулла с Кораном
рядят его корыстной мишурою
не будучи умом
решить
глухой
вопрос

— Это надо публиковать, — вкрадчивым голосом выдавил Хозер. — Обязательно. Это действительно струя из космоса. Первичная. Это открытие.

— Ха-ха! — обнажил прокуренные зубы Рыжий. — Дудки! Покойник даже слушать об этом не хотел. Один раз, когда я его уговаривал, он мне чуть по морде не съездил. Наливайте. Выпьем за его стихи!

После того как выпили за стихи, поминаючи гости разговорились. Хозер и Забриха начали спорить о кинематографе Андрея Тарковского, Фатима-апа принялась доказывать христианке Антонине Ивановне преимущества мусульманской веры, а Марина и Евгения Степановна обсуждали вопрос устройства Марины на работу на телевидение. Один Петр Дмитриевич молчал, потом поднялся из-за стола и пошел к себе в комнату. Жена удивилась:

— Ты куда, Петя?

— Я сейчас, — коротко ответил Плаксий.

Супруги Плаксий были белорусами. В Речице жила сестра Антонины Ивановны, к которой они часто ездили. И вот теперь, когда Антонина Ивановна с Фатимой обсуждали смысл и значение пьянства на Руси, от которого померло преждевременно столько народу (в том

* Здесь и далее приводятся стихи Дайва.

числе, на их взгляд, и новопреставленный сосед), мужчины, сидящие за столом, прислушались.

— Вот я вам такое расскажу, что своими глазами видела, — разговорилась Антонина Ивановна. — Не то что Бога и черта, даже атомной смерти народ не боится, когда ему выпить надо. В тот год, когда Чернобыль случился и еще не знали, чего он натворит, поехали мы с Петей в Речицу летом. Кажется, это было в конце мая или начале июня. От Речицы километров двести до Чернобыля. Так вот, дня за три до того, как назначили реактор хоронить — под ним колодец вырыли и туда его спихивали, — по радио без конца объявляли, чтоб в два часа такого-то числа все жители в подвалы попрятались. Это на случай, если, не дай Бог, что-то непредвиденное случится, чтоб люди, значит, не пострадали. И что ж вы думаете? Дом сестры как раз на площадь выходит, а на ней — винный магазин, и народу тыщи полторы за водкой стоит. Здесь, у магазина, репродуктор объявляет, что осталось полчаса. Затем — пятнадцать минут до двух. Вот и два пропикало. И думаете, кто шелохнулся или убер? Как стояли, так и стоят. В двери магазина стучат, требуют открывать. Милиция приехала, сама с "черного" хода водку взяла и уехала. Что вы скажете? Прямо-таки Садамон-Агамон!

— Да при такой жизни все по фиг, — прохрипел Рыжий. — Одна радость у нас — выпить, и ту, сволочи, отнимают. По самым скромным подсчетам, из-за этой антиалкогольной реформы от всякой гадости — от денатурата до тормозной жидкости — русского народу погибло не меньше, чем в Афганистане. Пили и клей БФ, и ваксу, и лосьены всякие. И никто за это не отвечает. Мы попробовали так, попробовали эдак, экспериментаторы хреновые...

Вернулся Плакий с исписанными листками бумаги и едва державшимися на кончике носа очками в давно вышедшей из моды роговой оправе. В комнате уже было шумно, о покойнике не вспоминали, а кое-кто даже посмеивался. Хозер и Забриха отодвинулись к открытому окну и закурили. Клубы сигаретного дыма поднялись к потолку и зависли. Женщины отмахивались от него.

— Я хотел бы попросить вашего внимания, — вдруг громко сказал Плакий. — Я понимаю, что не тот момент, но, пользуясь случаем, что все в сборе, хочу с вами посоветоваться, посылать мне эту телеграмму в

Кремль или не посылать.

— Какую телеграмму? — спросил президент.

— Да вот депутатам на съезд, на имя генерального прокурора Советского Союза.

— Что-то у тебя, Дмитрич, шибко большая телеграмма, — усмехнулась Евгения Степановна. — Без штанов останешься...

— Да я всю пенсию свою отдам за нее, только чтоб до прокурора дошла. А то ведь и не покажут даже.

— Ну, если телеграмма, то дойдет, — заверил Рыжий. — Читай, мы подредактируем. Правда, главный редактор? — кивнул он Хозеру.

— Послушаем, — согласился президент.

— Постой пока, Митрич, — взмахнул рукой Забриха. — Давайте еще по одной за Лешу, а потом залитую. И он нехай послушает!

— Слушай, Олег, — накинута на него Евгения Степановна. — Ты уже и так пьяный.

— За Лешку грех попрекать, подруга. Ну и что, что пьяный?! Я друга... сжег. Помянем, господи! — он вылил себе остатки своей "Имбирной" и поднял стакан.

Все тоже налили по чуть-чуть и молча отхлебнули.

— А теперь читай, борец за соцзаконность! — скомандовал Рыжий.

Петр Дмитриевич встал и, откашлявшись в кулак, начал:

— Москва, Кремль, Депутатам Верховного Совета СССР, генеральному прокурору СССР товарищу Сухареvu Александру Яковлевичу... Довожу до Вашего сведения, что в городе Вавилонске орудует банда взяточников, хулиганов, воров, расхитителей собственности под покровительством прокурора Вавилонска Кулакова, бюрократа и взяточника. Место взятки, сумму и какими купюрами — я не могу доказать, так как не присутствовал при этой акции, он сам пусть расскажет об этом.

— Стоп, — прервал его Рыжий. — Последнее предложение сними. Словоблудие.

— Да не перебивай ты! — взвилась Евгения Степановна.

— Все. Молчу. Продолжай, Митрич.

— Было возбуждено уголовное дело, где я был пострадавший. Он лично закрыл это дело. Я хорошо понимаю и отдаю себе отчет в том, что за все сказанное и написанное нужно отвечать перед законом со всей строгостью. Я знаю и другое, что закон один для всех и перед ним все равны. А Кулаков, вероятно, этого не знает, хотя и прокурор города. Обращаюсь к нему за

справедливостью, а он отвечает: "Пиши куда хочешь, езжай куда хочешь, никто к нам не присдет проверять, а пришлют его ко мне, и я буду решать все так, как нахожу нужным". Что же это за Вавилонск и прокурор города Кулаков? Неужели над ним нет никакого контроля?

Я заявлял работникам ОБХСС Вавилонска, некоему Куренкову (кабинет № 73), понес ему документы, компрометирующие взяточников и вымогателей. Он меня выгнал из кабинета и сказал: "Вези куда хочешь эти документы". Пошел я к его заместителю Степанову, тот меня вытолкнул из кабинета, да еще написал в управление, где я работаю, моему начальнику Педану, чтобы меня освободили от занимаемой должности.

Была у меня очная ставка и с начальником горотдела милиции Черновым. Он выслушал меня, сказал, что я свободен, записал мой адрес, пообещал разобраться и сообщить о принятых мерах. С 28 сентября 1988 года разбирается и сообщает.

Водили меня под конвоем в исполком лейтенант Кузнецов и вор Салей-мленик рынка, где я осуществляю контроль. Я сидел без суда и следствия. Посадил меня председатель горисполкома Шикла — судимый сам, судил его судья Волошин. Сидел я за то, что написал докладную на вора Салей-мленика и бандюгу-убийцу Кобылкина. Они торгуют ворованным мясом и часто с трупов животных, что может вызвать отравление и эпидемию желудочно-кишечных заболеваний. Меня вешали Кобылкин, Салей и трое мне неизвестных в туалете рынка на собственном галстуке. Директор рынка, бухгалтер и кассир не дали совершить надо мною убийство. За это я им очень благодарен. От пережитого я потерял речь и тяжело заболел. Никакого следствия никто не вел, хотя я и писал жалобу в горотдел милиции. Эти люди по-прежнему работают мясниками, и еще пригрозили мне в кабинете: "Если будешь подымать шум, мы тебя убьем". Ихние слова и угрозы не расходятся с делом.

— Это когда ж ты речь-то терял, Митрич? Я что-то не помню, — удивился Рыжий.

— Было, было, — подтвердила Евгения Степановна. — Тогда, когда я тебя выгнала из квартиры за то, что ты ко мне пьяный в комнату ломился. Ты еще с полгода не являлся. А потом с цветочками пришел мириться. Вспомнил?

— А... да, да... было дело. Ну, извини, Митрич. Продолжай.

— Да, так вот, — перевернул листок Петр Дмитриевич. — Вот... В сентябре того же 1988 года я написал жалобу прокурору области. Сдал эту жалобу в приемную прокуратуры и до сих пор никакого ответа оттуда не получил. Кому мне задать вопрос: где моя жалоба, какова ее судьба? По поводу моего конфликта идет волнение и возмущение в городе Вавилонске. А было вот как. 24 сентября 1988 года, в воскресенье, в 11 часов утра, в разгар торговли на рынке двое неизвестных в гражданской одежде, вооруженных пистолетами, у одного в руках были наручники, схватили меня под руки и завели в складское помещение, где темнота и безлюдно. Я вырвался и зашел в кабинет, они вошли тоже туда и сказали: "Сейчас оденем наручники и отвезем тебя туда, куда нам нужно". Я попросил их представиться. Один назвался Волковым — старшим следователем ОБХСС, второй Ивановым — заместителем начальника горотдела милиции. В это время заходит Кобылкин, а Салей-вор держит дверь. Кобылкин стал избивать меня в присутствии этих людей. В это время открывается дверь, заходит мужчина в белом халате, хватая меня за руки. Салей и Кобылкин толкают меня в спину и говорят: "Садись в машину, поехали в больницу, мы там тебя успокоим". Вывели меня в торговый зал рынка, люди стали кричать: "Бандиты, убивают человека среди бела дня, консь уже Советской власти, управы на вас нет". Они меня бросили и разъехались. А Салей и Кобылкин пошли торговать мясом. Вроде стало тихо. Через минут двадцать заходят убийца Кобылкин и ворюга Салей в кабинет. Кобылкин показывает колодочку ножа зеленого цвета в форме обнаженной женщины и говорит мне: "Ну, сука, садись в машину Салея и поехали за окружную дорогу, поговорим". Я сказал, что здесь будем говорить. Тогда он нажал кнопку вышеупомянутой ручки ножа и лезвие оказалось возле моего живота. Салей схватил меня за руку. Затем они стали меня толкать в спину и повели в машину. Люди на рынке опять стали кричать: "Бандиты, убийцы, что вы делаете, отпустите человека, нет на вас управы". Они бросили меня и сказали, что если я их посажу, то их друзья меня завтра же убьют, отравят или устроят автокатастрофу, с тем и ушли торговать мясом и торгуют до сих пор. Разве прокурор города не знает об этом? Конечно, знает, и они находятся под его защитой. А те двое, которые хотели надеть на меня наручники, действительно сотрудники милиции. Только фамилии они

назвали вымышленные. Один из них — не то Мадыма, не то Вадыма. Они по-прежнему работают в милиции, а мясники продолжают свое прежнее дело.

Немного о себе. Я — ветеринарный врач со стажем 39 лет, осуществлял ветеринарно—санитарный надзор на рынке города Вавилонска. В данное время я — пенсионер, 65 лет. Осталось доработать один год, чтобы было стажу сорок лет и можно было сделать перерасчет пенсии на 120 рублей, сейчас я получаю 80. Вот за это место и разгорелась борьба не на жизнь, а на смерть. За это место берут взятки: бывший ветврач, исключенный из партии и уволенный, он заявил мне, что взяли две тысячи рублей с гражданки Лопединой, чтобы устроить ее на мое место; бывший зав. лабораторией, сейчас лаборант, пойманный за руку; нынешний заведующий мясоконтрольной станцией; начальник ветеринарного отдела области, который торгует служебными местами, он открывает ненужные ветеринарные точки за взятки, присваивает государственные деньги, отпущенные на борьбу с эпизоотией. При аттестации в приказном порядке — 10 рублей с ветврача, 5 рублей — с лаборантки. Ветврачей обложили данью по 100 рублей, а то не будешь работать. Об этом заявил главврач Вавилонска: "Давай сто рублей, я в Москву еду, надо в центр кидать, иначе выгоню". Что он и сделал со мной, хотя я и давал ему эти деньги — четыре по 25 рублей. У меня есть все материалы на этих людей, а также на их мафию из милиции и прокуратуры. Все они занимаются взятками, вымогательством, заставляют меня кормить людей падалью. А когда было собрание работников, гражданка Лопедина, которая выживает меня, сказала: "Ты знаешь (я ей гожусь в отцы), что я за твое место заплатила две тысячи". Да еще обозвала меня врагом народа, кулаком, что я немцам сдался. На том разговор закончился. И еще об одном: меня обвиняют в том, что справки, которые я писал людям на бой и продажу мяса, недействительны. Бывший зав. лабораторией объяснял людям, что эти справки фальшивые, а когда они платят ему деньги по 10 или 25 рублей с крупного рогатого скота, то тогда справки действительны, и он пропускает мясо на продажу.

Уважаемый генеральный прокурор СССР! Я обращаюсь к вам с просьбой, помогите мне восстановить истину, доброе имя гражданина Советского Союза и призвать к порядку прокурора Вавилонска Кулакова, взяточника и бюрократа, покрывателя нарушителей на-

ших законов, указанных в моей жалобе. Дайте мне возможность доработать год, чтобы сделать перерасчет пенсии и спокойно уйти на заслуженный отдых. Плакий Петр Дмитриевич.

— Ну ты накалал, Митрич, — тяжело вздохнул Рыжий. — Налейте-ка мне чего-нибудь.

Разлили остатки виски и настоящей водки. Президент и старухи пить отказались. Зато Плакий маханул за двоих и закашлялся. Отдышавшись, он посмотрел на Хозера:

— Ну что — пойдет?

Главный редактор пожал плечами:

— И все это правда?

— Разрази меня гром, если где-то покривил душой! — воскликнул старик и перекрестился.

— Да... Как вы в этом кошмаре живете... И все это называется великая империя.

— Вот так и живем, хлеб жуем, — улыбнулась Фатима.

— Ты вот что, Митрич, — прогундосил Рыжий, прикуривая сигарету. — Отпечатай все это на машинке и отправляй фототелеграммой, если, конечно, денег не жалко.

— Для такого дела не жалко, — согласился Петр Дмитриевич.

В коридоре зазвонил телефон, Марина выбежала в прихожую.

— Звонят из крематория, — сказала она, напуганная. — Говорят, что в понедельник можно забирать урну. Спрашивают, сами приедем или на дом доставить?

За столом растерялись. До сих пор этот вопрос не обсуждался.

— Во сколько забирать? — первым опомнился Рыжий. — Узнай и скажи, что я сам приеду, а то деньги сдерут, что волосы дыбом встанут!

Марина снова убежала к телефону и, вернувшись, доложила:

— После двенадцати.

В комнате опять стало тихо, как перед началом поминок. Все опустили головы, а Забриха потянулся к Марининой бутылке с виски, где оставалось на доньшке, налил себе, выпил и вытащил из пачки сигарету.

— Надо сегодня его сестре позвонить, сообщить, что я привезу урну.

— Это на Украине? — переспросил Плакий.

— А кто здесь к нему будет за пятьдесят километров

ездить? — огрызнулся Рыжий. — А там отец, мать рядом лежат. Похороним рядом с ними.

— Разумно, — согласился Хозер. — Марина, пойди закажи разговор. Вон его записная книжка на столе, там должен быть телефон. А вам, наверное, деньги нужны? — обратился он к Рыжему. — Вот, возьмите на билет, — он вынул из бумажника полсотенную купюру.

— И мы сбросимся, — поддержал президента Плаксий.

— Спасибо, друзья, — пробормотал режиссер, глядя на зелененькую бумажку, положенную на стол Хозером. Растерянность и сомнительное предчувствие охватили его — неспроста президент расщедрился, значит, будет Лешкины стихи выманивать...

Соседи пошли за деньгами. Плаксий принес двадцать пять рублей, Евгения Степановна десять, а Фатима — пятерку.

Марина тоже вскочила, но Забриха остановил ее:

— Хватит, хватит, спасибо вам еще раз.

Гости взялись за свои стулья и направились к дверям. Марина и Евгения Степановна понесли на кухню посуду.

На улице стемнело. В комнату ворвался ветер. Листы бумаги полетели со стола покойного. Забриха принялся собирать их, и тут к нему подошел Хозер:

— Слушай, коллега, давай рассудим трезво. Ведь ты знаешь, что мой журнал безгонорарный, едва свожу концы с концами и держусь только на пожертвования.

— Сионистской ложи и еврейских миллионеров?

— А Ленин где деньги брал? Кто его финансировал?

Забриха опустил в кресло и достал сигарету.

— Я же всю жизнь за идею, за Россию, черт побери, но только за демократическую, а не тоталитарную. Мы же с Максимовым большие друзья, я постоянно в "Континенте" печатаюсь. А потом, как я понял, покойник не был таким антисемитом, как ты. Мне Марина все время об этом говорила. Он, скорее, космополит был. Давай ему сделаем имя хоть после смерти. Он его заслужил... — сказал Хозер.

— Да ты, в общем-то, неплохой парень, — вроде бы согласился с ним Рыжий. — Я тебе столько резкостей наговорил, а ты проглотил или сдержался... Слышишь, старик, я не знаю. Была бы его воля, тогда бы все ясно было. Но живым-то он совсем не хотел печататься...

— Не хотел ввязываться, потому что было бесполезно. Как будто не знаешь, какие были времена. Возьми того же Высоцкого. Он что, тоже не хотел печататься? А на Западе и диски вышли.

За окном ударил гром, и через несколько секунд хлынул ливень. В комнату забсжала Марина.

— Да закройте же окно! — вскрикнула она. — Стекло разобьется!

Президент осторожно закрыл окно и увидел за батареей два листка, на которые стекала тоненькая струйка дождевой воды. Он поднес их к глазам.

Отчаянием обескураженности
Давит на плечи
Чувствую роботов слаженность
в нанесении увечий

А на втором было написано от руки:

Где-то
В глубинах Египта
В ориентированных пирамидах
Кроется новый постскрипtum
О диких правах Фемиды.

Повернувшись к Забрихе, Хозер вздрогнул: режиссер спал, уронив голову на спинку кресла. "И как он один целый день с гробом таскался?" — пожалел его президент и, положив листки на стол, вышел из комнаты.

2. ПРЕЗИДЕНТ

Исаак Давидович Хозер был человеком весьма известным и в русском зарубежье и в метрополии, как любят называть свою родину диссиденты и эмигранты. Карьеру свою он начал в конце шестидесятых годов, когда брежневские генерал-губернаторы от искусства азартно продолжали хрущевскую политику борьбы с патологическими отклонениями от соцреализма в области изобразительного искусства.

Никому не известный молодой экономист Ися из благословенной Одессы женился на москвичке Алле из-за прописки и жилья — у Аллы после смерти матери осталась трехкомнатная квартира, правда, в очень запущенном состоянии. Для того чтобы, не дай Бог, брак не был фиктивным (а жить с женой Ися не собирався), пришлось родить Марину. Через два года Ися развелся с Аллой, и они размсняли квартиру: он переехал в однокомнатную, а жена с ребенком пересели в Вавилонск, где в самом центре города заняли две большие комнаты в коммуналке, в которой жили покойный¹ Богатый, супруги Плаксий, Евгения Степановна и

Фатима-апа. Конечно, еще со студенческих лет молодой Хозер уже смотрел одним глазом на Запад. Он поставил себе целью перебраться в Америку, а для этого, как известно, надо было в Союзе заработать хороший политический капитал, то есть приобрести статус гонимого властями, который дал бы основания для обращения в американское посольство о предоставлении политического убежища.

Сначала Ися занялся защитой прав евреев, отъезжающих из СССР на постоянное место жительства за границу. Тогда он обосновался в Кишиневе, изучил соответствующую юридическую литературу: статьи из журнала "Социалистическая законность", книгу Ремнева "Вы обратились в учреждение", письма Ленина к Сталину для Политбюро ЦК партии "О "двойном" подчинении и законности", выступления Л. Брежнева перед избирателями... И начал "бомбить" прокуратуру Кишинева, Молдавии, СССР. А суть проблемы сводилась к следующему.

Каждая еврейская семья, получавшая разрешение на выезд за границу на постоянное место жительства, должна была в короткий срок (около недели) произвести ремонт в своей квартире и сдать ее (квартира печатывалась) представителям ЖЭУ, после чего нанимателю выдавалась соответствующая справка, которую вместе с прочими документами сдавали в ОВИР МВД СССР для получения визы. Таким образом, семьи, в которых были дети, старики и больные, лишались крова со дня освобождения квартир до отъезда. Сотрудники ОВИРа ссылались при этом на некое решение горисполкома, номер которого не назывался, а работники исполкома объясняли тем, что якобы имели место случаи порчи квартир лицами, получившими разрешение на выезд. Хозер усмотрел в этом действия властей, противоречащие и Конституции СССР и статье 597 ГК МССР ("Лица без гражданства пользуются в Молдавской ССР гражданской правоспособностью наравне с советскими гражданами").

В его "контору" (а он обосновался в одной из комнат на квартире своего институтского приятеля) повалил народ, отъезжающий в Израиль. Целый год бился Хозер за права своих братьев по крови, денег почти не брал, а единственным условием его помощи было то, чтобы каждый отбывающий за рубеж сообщал о его правозащитной деятельности западным журналистам. Некоторым удалось помочь, однако муторные хлопоты особых

политических дивидендов ему не принесли: не то защитные его сразу обо всем забывали, едва пересекали границу, не то западных журналистов его дело не шибко интересовало. Кончилось тем, что генеральный прокурор СССР Руденко проигнорировал его, а местные власти устроили за ним такую слежку, что он плюнул на все и уехал в Москву, хорошо изучив литературу, переданную ему контрабандой, содержащую тщательные инструкции, как вести себя на допросах в КГБ, в суде и даже в лагере. Таким образом, Хозер перебрался в "столицу мира" уже вполне зрелым и опытным правозащитником.

Едва устроившись в Москве, он рассовал свои стихи по разным журналам и издательствам и сел писать роман под названием "Диссидент", где описывал свою кишиневскую деятельность, приводя документы (в основном, это были отписки из прокуратур и магнитофонные записи его бесед с сотрудниками правоохранительных органов, которые ему отечески советовали "не лезть не в свое дело"). Наваяв страниц сто, он выдохся и решил устроиться на работу в один из НИИ — надо было обезопасить себя, дабы не загреметь за тунеядство, как это произошло с Иосифом Бродским в Ленинграде.

Стихи его, конечно же, не напечатали, органы за ним наблюдали (однажды даже сосед об этом сказал и предупредил: "Если что, я откажусь — ничего тебе не говорил"), но он заводил все новые и новые знакомства, стараясь быть на виду у зарубежных корреспондентов, которые в тот период пытались защитить свободных художников-нонконформистов, гонимых властями со страшной силой. И у него возникла идея...

На средства, заработанные в Кишиневе и полученные в наследство от покойной тетушки, Ися стал скупать картины нищих спивающихся художников-нонконформистов и продавать их иностранцам за валюту. Потом он понял, что лучше всего их коллекционировать — через десять — пятнадцать лет они станут в десять — сто раз дороже. А свою квартиру он превратил в маленький выставочный зал, куда охотно заезжали иностранцы.

Перезнакомившись со всеми художниками, притесняемыми режимом, новоявленный Третьяков взял на себя роль их покровителя и затеял акцию, принесшую ему большой политический капитал. Дело было в сентябре 1974 года. На одном из окраинных пустырей Москвы он организовывает выставку свободных художников, при этом аккуратно рассылает всем аккредитованным в Мо-

скве иностранным журналистам многообещающие приглашения. На этот раз план удался. Разразился скандал, принесший Хозеру едва ли не мировую известность. Дело в том, что власти затеяли в срочном порядке в этот день и час на этом пустыре субботник по уборке территории. Милицейские машины, бульдозеры, пылающие костры из картин, мордобой — все это зафиксировали иностранцы. Хозер торжествовал: пожав многочисленные публикации в советской и зарубежной прессе, посвященные этому инциденту, он буквально на следующий день уже ведет переговоры с районными властями и Моссоветом о проведении официальной выставки в лесопарке. И добивается своего — выставка состоялась, о нем узнал Запад, и поэтому можно было вести себя открыто. Его отношения с КГБ приобрели вполне определенный характер, и он покинул СССР по израильскому каналу, прихватив с собой все, что посчитал нужным. Но начались иные мытарства: зарубежье почему-то решило, что он гонец КГБ и упорно не шло на контакт.

Прилетев в Австрию, Ися поспешил в шведское посольство, прося политического убежища. Шведы долго не думали: отказали. Но Париж и Лондон уже знали о нем из газет, поэтому он направился именно туда и снова взялся за работу. Вскоре вышла в свет его "фиолетовая" книга "Живопись под бульдозером", где он подробно рассказал о "бульдозерной выставке", представ в ней героем-одиночкой, сразившимся с "тупой" советской системой, охраняемой "злодеями" КГБ. Имя было сделано. Дальше все пошло как по маслу: и организация музеев русского свободного искусства в Париже и Нью-Йорке, и создание своего журнала и издательства и, наконец, учреждение ассоциации деятелей мирового искусства в поддержку перестройки и гласности в СССР, где он сам назначает себя в президенты, пытаясь привлечь в свою организацию видных художников, писателей, актеров. Конечно, во многом не обошлось без авантюризма, но что поделаешь, коли сидит в тебе мания всего грандиозного, мирового... Пришлось повоевать и с конкурентами, и с железобетонным русским зарубежьем, постоянно вставляющим палки в колеса ассоциации. Но самое главное — считать себя выше морали и нравственности, тогда дело пойдет, успокаивал себя президент. Теперь он часто приезжал в Москву, затеяв организацию Русского Центра и издание в Союзе своего еженедельника. Старые друзья живо подключились к его делу, и была надежда, что осуществит он в России свое "громадьё" планов,

приобретет мощную и крепкую власть. И вот сейчас, лежа на диване в комнате дочери, он благодарил судьбу за подарок: стихи Богатого внесут новую струю и в его журнал, и в еженедельник, много в них глубины и искусства, чего сейчас очень не хватает зажаренным до отрыжки изданиям.

Когда стемнело, он поднялся и взглянул на часы. Пять минут двенадцатого. Одевшись, он сказал задремавшей в другой комнате дочери, что приедет завтра во второй половине дня, и вышел на улицу. В двух кварталах ходьбы, за углом универсама, его ждал серый "жигуленок", который резко сорвался с места, едва президент влез в него и захлопнул дверцу. Машина быстро выбралась на автостраду и устремилась на север.

После получасовой езды водитель свернул на узкую дорогу, уходящую в лес, и сбавил скорость. Через несколько минут показались огни привилегированного дачного поселка. Без пяти двенадцать президент вылез из машины и пошел по тропинке вдоль берез и елей к темному двухэтажному особняку.

У дверей его встретил высокий парень спортивного вида лет тридцати. Хозер протянул ему руку.

— Я вас приветствую, господин президент, — улыбнулся молодой человек.

— Здравствуйте, Сигма. Как успехи?

— Да кое-что есть. Проходите, пожалуйста.

Они вошли в маленькую комнату, видимо, предназначенную для прислуги, и Сигма повернул выключатель. Окно комнатки было плотно зашторено, на столике стоял самовар, чайник и чашки.

— Хорошо бы чайку, — опустил на диван Хозер.

— Все готово, — услужливо кивнул Сигма. — Наливаю.

Отхлебнув несколько глотков, Хозер достал сигарету.

— Ну, как отец? — поинтересовался президент. — Надеюсь, теперь уже депутат Верховного Совета?

— Прокатили на выборах во второй раз, — грустно ответил агент. — Из всего управления торговли только один наш хороший знакомый прорвался. Зато удалось хоть эту дачу снять. Все соседи большие государственные люди. Кое с кем уже познакомился. От услуг не отказываются.

— Хорошо. Теперь давай по делу, — президент достал маленький магнитофон и положил его на стол перед своим агентом, а Сигма взял из-под подушки папку и раскрыл ее.

— Редактор ленинградского самиздатовского журнала "Возрождение России" Зоя Касаткина взяла интервью у Лазаря Кагановича.

— Почему именно ей открыл двери своей квартиры Каганович? — удивился президент. — И сколько ему сейчас лет?

— Девяносто шесть. А ее он хорошо знает. Когда-то она была вхожа в его дом, был у нее роман с его покойным сыном Юрием.

— Ах, вон оно что... Ну и что он сказал?

— Перепечатано с пленки. Касаткина: "Каганович в течение многих лет входил в ближайшее окружение Сталина, и в нем видят одного из главных соучастников сталинских преступлений. Как он относится к подобным обвинениям?" Ответ: "Люди, которые их выдвигают, не понимают законов времени. Им бы побывать в нашей шкуре. Кругом разруха, кругом враги — внешние и внутренние. Как бы они наводили порядок? Нужен был лидер, способный сплотить вокруг себя весь народ, нужна была монолитная партия без фракций и оппозиций. Вот мы и вычистили их из партии. Как можно было действовать по-другому?" Касаткина: "Члены общества "Память" и другие "Почвенники" утверждают, что именно Каганович вместе с Мехлисом, Ягодой и другими приближенными к Сталину евреями оказывал на диктатора дурное влияние и даже фактически руководил его действиями. Как ни парадоксально, но в своих взглядах по "еврейскому вопросу" Каганович фактически смыкается с обществом "Память". Каганович: "Евреи постоянно мутят воду и постоянно баламутят народ. Вот и сегодня, в дни крушения государства, они в первых рядах застрельщиков беспорядка. До войны мы успешно преодолели пережитки еврейского буржуазного национализма, но когда война кончилась, они забыли, кто их спас от гитлеровского уничтожения, и под ширмой защиты "общечеловеческих ценностей" ударились в космополитизм. Я первым обратил внимание Сталина на эту опасность, и он со мной согласился. Мы повели наступление на космополитизм и прежде всего нанесли удар по еврейской интеллигенции, как его главной носительнице..." Касаткина: "Но ведь вы сами еврей?!" Каганович: "Только по рождению. А вообще-то я никогда не чувствовал себя евреем — у меня совершенно иной склад ума и образ мыслей. Евреи склонны к анархии, а я люблю порядок!" — Сигма улыбнулся и поднял глаза.

Президент выключил диктофон.

— Да, наградил же Бог Россию такими евреями... — пробормотал Хозер. — Давай главное.

— Группа старшего научного сотрудника Института борьбы с преступностью Черенкова создала прибор, позволяющий определить присутствие в помещении другого человека в течение трех — пяти дней, а при наличии волоса, оставленного им, даже не более одного сантиметра длиной, прибор выдает информацию о возрасте, росте, национальности объекта, цвете глаз и кожи, сексуальности, склонности к алкоголю...

— Это уже совсем интересно. Полштуки тебе за эту справочку. Займись прибором капитально. Денег не пожалеем. Любой ценой!

— Ясно! — отрапортовал Сигма.

— Ну пока, — президент протянул ему пачку денег и шагнул к двери.

Через десять минут он уже ехал в сером "жигуленке" в неизвестном направлении.

3. ЗАВЕЩАНИЕ

Стоило отцу уйти, Марина почувствовала легкое головокружение, потом ее будто бы приподняло над софой, и она повисла в невесомости. Такое случалось с ней и раньше, когда она пыталась заниматься лечебным голоданием, выдерживая без еды не более трех дней. И так же, как в период тех увлечений, она плавала по комнате, зависая в разных точках. Она решила, что спит или слишком много выпила, однако вскоре какой-то резкий толчок подбросил ее куда-то высоко-высоко, и сознание девушки отключилось...

Бледно-розовый свет неестественного заката стелился по лесной траве, кружилась голова от дурманящих запахов лесных цветов, звучала тихая струнная музыка цикад, а рядом с ней лежал загорелый Алексей с густо проступившей проседью в трехнедельной бороде. Таким он был, когда они отдыхали в Дивноморске три года назад. Она наклонилась к нему и стала целовать его тело, теплое от солнца, соленое от моря. Он обнял ее левой рукой и стал гладить ее спину, едва прикасаясь к коже подушечками пальцев. Она задрожала от страсти, зарываясь в его объятия, но вдруг что-то холодное и твердое ощутила своим нутром, вздрогнула и открыла глаза: он был весь синим, даже фиолетовым, и пена пузырилась на его запекшихся губах. Вскочив на ноги, она

принялась лихорадочно одеваться, а он вдруг запарил, словно жарясь на сковородке, и стал рассыпаться. Она в ужасе отвернулась, а когда снова в страхе взглянула на него, то увидела на примятой траве только легкий пепел, очертивший контуры его бывшего тела. Ветерок, бежавший по траве, подхватывал этот пепел и разносил по поляне. Потом все исчезло. Она оказалась одна на этой дикой лесной полянке, куда они поднимались по горным тропам почти два часа. Но нечто неуловимое и необъяснимое говорило ей о его незримом присутствии здесь, она была уверена, что Алексей рядом, стоит только назвать его имя. И она назвала, дрожащим от волнения голосом...

— Конечно, я здесь, — ответил он тихо с какой-то потусторонней ноткой в голосе. — Мы с тобой были тут счастливы, тут ты стала женщиной, тут я тебе читал лучшее стихотворение... Но ты не поняла его, я всегда был непонятен тебе, и ты называла меня странным и даже побаивалась. Я никогда никого не любил, как должен любить поэт, я всегда был во власти вожделения и страсти. Но ты... тебе посвящается это стихотворение...

Это тебе
тебе одной
мой горячей ласковой любимой
за то что ты во мне
всегда со мной
своей реальностью незримой

остановить слова
слова слова слова
и пальцы рук
сплести вокруг тебя
чтобы унять
твои сомненья ими
и целовать
без счету целовать
и в сказку унести
в такую сказку

из которой
ты не захочешь уходить
она зовется сказкой гор
и рук и глаз и губ
и близости и муки
она из синей глубины желанья
там

эхо
падает
с уступа
на
уступ
там в волшебствах твоих
запутались разлуки

там неизвестны слезы ожидания
тебя одну
 обманно близкую
 желанную
зову...

Голос его оборвался. Она ждала, боясь пошевелиться. Потом не выдержала и позвала. Но никто не ответил. Значит, улетел, решила она и стала медленно спускаться с горы по извилистой тропинке. Потом остановилась у родника, напилась и, подняв голову, услышала его голос:

— Сожги стихи.

— Что? — оцепенела она.

— Соберите с Олегом все рукописи и сожгите их.

— А как Олег это воспримет? — дрогнувшим от волнения голосом спросила Марина.

— Не беспокойся. Я ему объяснил...

Розовый свет угас, родник и горы пропали. По телу Марины пробежала судорога, и она... очнувшись в своей комнате.

За окном было серо и тихо. На будильнике — без трех минут четыре. Ежась от холода, она набросила на себя покрывало и снова закрыла глаза. Но уже не спалось. Только что увиденное стояло перед глазами, а голос Алексея, казалось ей, словно витал по комнате, но на такой частоте, когда он не слышим человеческим ухом. "Сжечь стихи? Но почему? — недоумевала она. — Пусть отец их напечатает, пусть их читают люди... Что за бред мне приснился! Хотя Олег говорил, что он писал не для печати... Но для кого же тогда? Для себя? Зачем? А может, это было содержанием его жизни? Ведь я его никогда не могла понять, у него была такая глубина ума и непредсказуемость мысли... Чего же тогда гадать, надо просто поговорить с Олегом..." — решила она и услышала шум спускаемой в туалете воды.

Накинув халат, она пошла в ванную и едва не столкнулась в дверях с Забрихой. Он был бледен и выглядел сильно осунувшимся.

— У тебя ничего нет? — с мольбой в глазах спросил Олег.

— Чего? — не поняла Марина.

— Да выпить. Хоть чего-нибудь.

— По-моему, бутылка шампанского есть. Приходите ко мне, я только умоюсь.

Когда она вернулась, у Забрихи был жалкий поникший вид, даже ширинка расстегнута. Забыл. Видно, задумался о чем-то. Да и Марина была хороша: на столе и стуле валялись трусы и лифчики. Она быстро схватила

все и убрала. Потом достала бутылку шампанского и фужер.

— Пейте.

— А ты?

— Я не могу. Меня всю ночь мутило. И покойник снился. Все разговаривала с ним.

— О чем? — Забриха не удержал пробку, и пена полезла через верх.

— Просил вместе с вами сжечь стихи.

— Так я и знал! — вздрогнул режиссер и выпил фужер до дна. — Только он тебе не снился, а привиделся. Это вещи разные.

— Как? — удивилась Марина.

— Меня он просил о том же самом. На рассвете. Значит, это его завещание.

4. "ФАКАНДР"

Ровно в одиннадцать Хозер вышел из дома напротив метро "Тульская" и остановил такси.

— Северное Чертаново, Битцевский лесопарк, — сказал он таксисту.

Водитель вырулил на Варшавское шоссе и минут через пятнадцать свернул на Сумской проезд. Объехав желто-голубые башни Северного Чертанова, он, по просьбе Хозера, остановил машину у леса. Хозер расплатился и вышел из машины, беспокойно озираясь. Углубившись в лес по сырой песчаной тропе, он встретил женщину с коляской и поинтересовался, где находится детская площадка.

— Да тут недалеко, метров триста, только никуда не сворачивайте.

Президент взглянул на часы. Есть еще двадцать минут. И пошел неторопливым легким шагом. Глядя на стройные стволы берез, землянисто-болотные ольховые деревья и корявые дубы, он вдруг подумал о том, что этот дикий парк похож на саму Россию — такую заброшенную и таинственную. И на кой черт ей все эти западные технологии, компьютеризация и прочее? Ее надо превратить в некий антропологический заповедник, чтобы плодились и размножались здесь всякие чудики и уникамы — благодатная почва для гениев. Пусть выращивают пшеницу, картошку, пасут скот и гонят самогонку. Ведь сколько талантов в этой убогой и несчастной стране!..

Подойдя к детской площадке он устроился на дальней лавочке и достал сигарету. Через несколько минут из глубины леса вышел коренастый мужчина лет пятидесяти с седыми висками и орлиным носом. Оглядев площадку, на которой бегали трое малышей и крутились толстые языкастые мамы, он двинулся к Хозеру и сел рядом.

— Лямбда? — осведомился президент.

— Он самый, Исаак Давидович. Угостите сигареткой.

Лямбда — главный агент сети "третьей волны" эмиграции по открытиям и изобретениям. Он был физиком, доктором технических наук и работал в закрытом учреждении военно-промышленного комплекса. Это была их первая встреча.

— Вас интересует прибор "Факандр"? — осведомился Лямбда, прикуривая.

— Почему он называется так?

— Очень просто. От древнегреческого: фака — ловушка, андрос — человек. По аналогии с олеандром и скафандром. Дословно: ловушка для людей...

— Талантливо названо.

— И гениально сконструировано. А автор — не какой-то там полковник МВД Черенков, а простой мужик из Тверской губернии. Пьяница и озорник. Учился в трех вузах, ни один не кончил. Правда, в последнем дошел до госэкзаменов и сорвался на научном коммунизме. Такой разнос устроил, что даже милицию вызывали... Хотели в дурдом отправить, но он сбежал. До сих пор за документами не является, хотя прошло лет шесть или семь.

— И вы знаете, где он живет?

— Конечно. Правда, теперь его в штат НИИ зачислили. Мээнэсом.

— Ну и что же такое "Факандр"?

— Работает на биологических препаратах, вступающих в реакцию с воздухом, где были выбросы дыхания человека. Препараты очень сложны, в них входят компоненты из настоев разнообразных лекарственных растений — от женьшеня до ядовитых грибов. А реакция на оброненный волос производится по таблице, отработанной из сотысячных комбинаций всевозможных вариантов, заложенных в компьютер. Выдается полная информация не только о росте, возрасте, цвете глаз и коже разыскиваемого, но даже описываются черты характера и свойства натуры.

— Гениально! — воскликнул президент.

— А я вам о чем говорил? — улыбнулся Лямбда. —

Но вас, наверное, интересует другое: как заполучить документацию, чтобы раньше запатентовать его на Западе и заработать копейку, дабы надежно обеспечить старость? Ведь дураку понятно, что прибор захотят приобрести полиция и спецслужбы всего мира...

— А вы себе ее обеспечили? Интересно, какая у вас будет пенсия?

Лямбда усмехнулся и промолчал.

— Давайте пройдемся, подышим воздухом, — предложил он через минуту. — Есть два пути для получения полной информации, — снова заговорил агент, как только они вышли на тропинку. — Первый — через группу Черенкова, второй — через доверенное лицо изобретателя.

— А что — есть такое лицо? — спросил Хозер.

— В том-то и дело, что есть. Этот чудик-изобретатель, кстати, по фамилии Забродин, которая удачно подчеркивает его сущность, не такой уж лопухий малый. За десять процентов предполагаемой прибыли от своего дела он нашел себе компаньона, с которым, я думаю, нам придется повозиться.

— Простите, а если непосредственно с самим Забродиныным?

— Исключено. Этот из породы патриотов России и готов отсидеть в лагере двадцать лет, только бы его изобретение не уплыло за границу. Тут никакие деньги не помогут. Это феномен психологии.

— Итак, компаньон. Кто он?

— О, ваш коллега. Литератор, диссидент. Отсидел три с лишним года за то, что своей деятельностью наносил ущерб советскому государству. Но сажали его по уголовной статье, кажется, по сто девятнадцатой, чтобы американцы шум не подняли. Он у них в посольстве знакомился с кое-какими материалами...

— Интересно. И даже очень.

— Будет интереснее вдвойне, если вы узнаете, чем он занимается.

— Чем же?

— Дело в том, что он сын советской шпионки, работавшей в управлении внешней контрразведки КГБ. Начиная с трехлетнего возраста, ребенок жил в разных странах под чужими именами, потом воспитывался в интернатах, где скрывал имя матери и род ее занятий. Мать выпустила пару книжек, но о самом главном писать боялась. Почти все, работавшие с нею чекисты за границей, пострадали в связи с развязанными Берией ре-

прессиями против разведчиков. Но один советский президент перешел на нелегальное положение и опубликовал в Америке мемуары, обсуждавшиеся на "Слушаниях Подкомитета по внутренней безопасности Сената США". Кстати, они уже опубликованы и здесь. Так вот с этими "слушаниями" и знакомился в американском посольстве ваш коллега, ведя свое расследование и опираясь на воспоминания матери. После его ареста за растление малолетних все материалы расследования были изъяты и переданы в архив...

— Как его имя?

— Константин Гаршин.

— Вы можете свести нас?

— Разумеется.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Лямбда — в сторону Ясенева, президент — Чертанова.

Проходя детскую площадку, Хозер испугался. На той самой лавочке, где они говорили с Лямбдой, сидели двое молодых людей лет по тридцать в спортивных костюмах. Здесь же на траве лежали ракетки для игры в бадминтон, а на коленях одного из них полураскрытая спортивная сумка, из которой выглядывал кожаный футляр не то диктофона, не то фотоаппарата. Парни очень походили на кагэбэшников (президент почти никогда не ошибался) и вели себя так нарочито непринужденно, что надо было предпринимать нечто неординарное. Лучшее, на что можно было рассчитывать, — это вынудить их убраться отсюда. Поэтому президент замедлил шаг и опустился на лавочку неподалеку от них. Если их привел Лямбда, значит, он ведет двойную игру, если они у него на хвосте — еще хуже: пропал "Факандр", а с ним и куда большее...

Закурив, он изредка поглядывал на парней, стараясь успокоить себя, что все-таки это случайное совпадение. Но этот вариант не подтверждался: парни нервничали, суетились и резко сниматься с места побаивались. Исаак Давидович торжествовал: ему не часто приходилось приводить в смятение гэбистов, и этот краткосрочный эпизод даже доставлял наслаждение.

Прошло еще минут пять. Один из спортсменов встал и перекинул сумку через плечо. Сейчас он уйдет по той тропинке, которая ведет в Чертаново, и блокирует выход президента из леса. Наверняка, там у них машина. А другой будет вести президента. "Попался", — растерялся Хозер, и настроение его резко упало. Придется несколько часов шататься по лесу, чтобы удачно выйти из него...

Выкурив еще одну сигарету, Хозер встал, искоса глянув на парня, сидевшего с полузакрытыми глазами, раскинув ноги, и пошел по третьей асфальтовой дорожке, ведущей неизвестно куда. С нее было хорошо видно скамейку с гэбистом...

В Вавилонск Хозер добрался к вечеру и, едва войдя в квартиру, услышал голос дочери из комнаты Богатого. Заглянув туда, Исаак Давидович обомлел: Рыжий и Марина собирали в мешки рукописи покойного. Воздух в комнате был тяжелый и спертый.

— Что вы делаете?

— Не видишь, что ли? — отмахнулась Марина.

— Зачем?

— Покойник велел рукописи кремировать, — отчеканил Забриха.

— Как велел? Он что — являлся сюда?

— Являлся, — пробормотала Марина.

— Интересно... Вы что — того?..

— Отстань, отец. Не мешай!

— Ты мне нужна на минутку.

— Сейчас некогда.

— Я уезжаю, и мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

— Ладно, пошли, — она кивнула Забрихе и скрылась за дверью.

Вымыв руки, Марина зашла в свою комнату и села на диван.

— Ну он-то ладно, у него от пьянки галлюцинации, — заговорил Исаак Давидович, — а ты-то? Ты что, с ума сошла? Ведь человек всю жизнь работал...

— Я знаю, ты хочешь кое-что опубликовать. Но автор против. Понимаешь? Он мне являлся...

— Это маразм. Тебе приснилось.

— Я уже не спала. Было просто видение. Он... он меня об этом попросил.

— Не пори чепуху. Любой писатель пишет для того, чтобы это кто-нибудь когда-нибудь прочел. Для Бога не пишут, с ним говорят. Пишут для людей, живых людей. Хоть это ты понимаешь?

Она молчала. Конечно, с отцом можно согласиться, и она бы согласилась, только... как с Олегом?..

— Ты думаешь, мне легко достается кусок хлеба? Я, конечно, не хочу тебя ни в чем упрекать. Но тебе нужны деньги, ты живешь в той среде, где деньги почти все. Тебе нужна квартира, машина, одежда, наконец, независимость. Покойнику уже ничего не нужно, как ты

не можешь этого понять! А здесь тот случай, когда можно сделать и имя. Ты понимаешь, что такое имя? Ты будешь второй Жорж Санд, и эти бумаги по праву принадлежат тебе, потому что ты отдала ему самое дорогое — девственность. А он тебя бросил...

— Не смей так говорить, — вздрогнула Марина.

— Ладно, об этом не буду. Но жизнь жестока, и настоящему живут сильные и волевые, без предрассудков и нравственных заблуждений. Нравственность — это выдумка для слабых. Миром правят ум, авантюризм и талант. Такова природа человеческая. И дана она Богом, здесь уже ничего не поделаешь.

Девушка молчала. Да, отец говорил убедительно. Она заколебалась: если послушается его, выберется из этой проклятой коммуналки, он привезет ей белый мерседес... Отцовская кровь подхлестывала ее воображение и пьянила. Наконец, она может уехать из этой проклятой, хоть и любимой ею страны. Здесь испохабят, затаскают, высосут и выбросят.

— Я бы решилась на это, — тихо ответила она, — но Олег...

— Чепуха. Сейчас все устроим, — вздохнул он с облегчением. — Пару бутылок коньяка на прощальный вечер, и он в наших руках. Я все беру на себя. Слушай отца, и будешь жить достойно и счастливо. Договорились?

— Ладно, — пробормотала она, опустив черноволосую голову.

Он выкинул из бумажника две четвертных и пошел в комнату Богатого.

Бледный с перепоя Рыжий встретил его настороженно.

— Вы правильно решили, — улыбнулся с порога президент. — Воля духа покойного — святая вещь. Как я был неправ, когда предлагал напечатать его стихи! Прости меня, старик, — он обнял за плечи режиссера. — Хоть ты и других взглядов, другой, так сказать, веры, ты мне нравишься. Как это Ницше говорил, он по-моему, у Диогена Синопского слямзил: "Лучше иметь умного противника, чем глупых друзей"? Или что-то в этом роде... У меня есть предложение.

— Какое? — примирительно спросил Забриха.

— Завтра я покидаю Россию. И, видимо, надолго. Давай выпьем по-русски. На дорожку, так сказать...

Рыжий обрадовался, но старался не подавать виду:

— Вот закончим это дело и тогда пожалуйста.

— Ради бога, только час уже поздний. Где потом

коньяку достанешь? Запирай эту комнату и бери ключ с собой, чтобы, не дай Бог, ничего между нами не было. Вот тебе полтинник, принеси две-три бутылки коньяку. А Марина пока закуску приготовит.

Рыжий раздумывал, бросив шпагат на раскрытый мешок.

— Что у вас, горит с этим делом? — кивнул на мешки президент. — Успеете сто раз.

— Ладно, — радостно сдался режиссер. — Я запираю и бегом.

— О'кэй, — одобрил Хозер и вышел в коридор.

Через полчаса стол в комнате Марины был накрыт, а Хозер съел с хлебом и красной икрой граммов сто сливочного масла. Рыжий явился разгоряченный, поцарапанный, но счастливый. Принес три бутылки коньяка по тринадцать восемьдесят и пошел умыться. Когда он вернулся, Исаак Давидович разлил коньяк по трем хрустальным стопкам, когда-то подаренным на его с Марининой матерью свадьбу, и раскинулся на диване. Настроение у него было хорошим: только что отзвонили по паролю, что Костя Гаршин рад с ним встретиться завтра в двенадцать у леса перед Подольском со стороны Москвы (надеть штормовку и взять корзинку для грибов), а его серые "Жигули" будут на месте в полдвенадцатого для погрузки рукописей Богатого и "вывоза" их на свалку "для кремации".

— Баба одна, зараза, все лицо расцарапала, — вышел из ванной Забриха. — Время без пяти, водка кончается, народ совсем озверел: ментов смели, бутылки по головам передают, мужик один с орденами и медалями, инвалид войны, в очередь влез, а как вылез — в руках две бутылки, а от медалей одни колодки торчат, пуговиц как не бывало, с мясом...

— Это ж надо довести своих граждан до такого скотского состояния! — искренне ужаснулся президент. — Тебе, поди, и штрафную не мешало бы. Достань-ка фужер, Марина.

Марина достала фужер для сухого вина, и Исаак Давидович наполнил его до краев.

— За знакомство, хоть и при печальных обстоятельствах, — поднял он свою стопку.

Выпили. Режиссер занюхал рукавом, Марина протянула ему бутерброд с икрой. Он жадно проглотил его и выдохнул:

— Наливай еще.

Президент разлил как в первый раз: гостю в фужер, себе с дочерью — в стопки.

— Ну, а теперь я скажу, хоть и диссидентов не люблю, потому что они похожи на крыс, бегущих с корабля во время пожара или сильного шторма, — заключил Рыжий.

— Стой, — прервал его Хозер. — Не путай божий дар с яичницей. Меня выгнал за границу КГБ, я не хотел уезжать. Мне сказали: или катись, или посадим. Вот почему я уехал. Не путай меня с теми, кто, сам понимаешь...

— Ну понятно, господин президент. Я хотел сказать, что ты хоть и иудей, но любишь Россию. Ведь правда, что всех вас там без разбора национальностей называют русскими?

— Правда. А Россию я люблю так, что дай Бог такой любви иному чистому русскому.

— Вот за Россию давай и выпьем!

— С большим удовольствием, — согласился президент и опрокинул свою рюмку.

Часам к одиннадцати Рыжий был готов: едва шевелил языком и клонил голову набок. Он читал стихи Богатого, плакал по другу, горевал, что нельзя их опубликовать. Но Хозер убеждал его, что завешание поэта — святое дело и надо его непременно выполнить. Когда допили вторую бутылку, президент неожиданно предложил:

— А давайте сейчас отвезем на свалку мешки и кремируем. Заодно подышим свежим воздухом...

— А что?! — обрадовался Забриха. — Поехали! Только надо мешки завязать. Я все собрал.

— И бутылку прихватим, там выпьем.

— Вот это ты молодец, мой президент. Дай я тебя поцелую!

— Целоваться не будем. Иди завязывай мешки, а я подгоню такси. И бутылку с собой захвати.

— Слушаю и повинуюсь, — отдал честь Рыжий и, спотыкаясь, пошел завязывать мешки. — Тут делов-то, — бормотал он в коридоре, — всего два бумажных мешка...

Президент явился минут через пятнадцать и заявил:

— Такси нигде нет. Кое-как уговорил одного частника за двадцатку — туда и обратно. Годится?

— Вполне! — воскликнул Рыжий. — Давай еще по стопке, и поехали!

В машине Забриха уснул. По дороге на свалку заехали в один из гаражей и выгрузили мешки, потом выбрались за город. Приехав на 'свалку, припарковали "жигуленка" к горящему участку и разбудили Рыжего.

— Удостоверься своими глазами, что завещание выполнено! — прокричал ему на ухо президент, указывая на огонь за окном.

— А? Что? — мычал Рыжий. — Верю, верю, и Марина тут. Поехали домой.

— Поехали, — с удовольствием захлопнул дверцу президент и достал из кармана Рыжего початую бутылку. Режиссер отхлебнул несколько раз и, не открывая глаза провалился в сон.

5. КРАСНЫЙ ВАВИЛОН

Когда Хозер с дочерью затащили в квартиру совершенно разобранного Рыжего, в комнате супругов Плакий горел свет. Ангельское личико Антонины Ивановны, от которого, казалось, исходил божественный свет, было обращено в раскрытую Библию. Она едва шевелила губами, и голос ее, словно тихая и мягкая музыка, пленял слух мужа, лежавшего на белоснежно-чистой постели.

— "Слух придет в один год, и потом в другой год, и на земле будет насилие, властелин восстанет на властелина, — читала Антонина Ивановна нараспев Книгу пророка Иеремии. — По всему вот, приходят дни, когда Я посетую идолов Вавилона, и вся земля его будет посрамлена, и все пораженные его падут среди него..."

— Постой, постой, Тоня, — встрепенулся Петр Дмитриевич. — Это же про нас все, про Перестройку... Властелин на властелина — это Горбачев на Ельцина, а идолы Вавилона — это Ленин, Сталин, Брежнев, а земля — Советский Союз, который уже посрамлен на весь мир. Чего же я раньше об этом не догадался... Ну-ка, открой Исаяю, что ты вчера читала. Там точь-в-точь про Армению и Азербайджан, ну-ка, прочти еще раз...

Антонина Ивановна пролистала несколько страниц назад и поправила на носу очки.

— Вот, нашла. Это конец тринадцатой главы. "Тогда каждый, как преследуемая серна и как покинутые овцы, обратится к народу своему, и каждый побежит в свою землю. Но кто попадется, будет пронзен, и кого схватят, тот падет от меча. И младенцы их будут разбиты пред глазами их; дома их будут разграблены и жены их обесчещены. Вот, Я подниму против них Мидян, которые не ценят серебра и не пристрастны к золоту. Луки их сразят юношей и не пощадят плода чрева: глаз их не

сжалится над детьми. И Вавилон, краса царств, гордость Халдеев, будет нисповержен Богом, как Содом и Гоморра"... — Вон как правильно, а я все Садамон-Агамон говорю... — "не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем; не раскинет Аравитянин шатра своего, и пастухи со стадами не будут отдыхать там. Но будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены — в увеселительных домах".

— Вот она, национальная резня: и каждый бежит в землю свою, и дома разграблены, и жены обещены... — зевая, пробормотал Петр Дмитриевич, — и филины, и шакалы, и гиены... И власть захватили воры и бандиты, Кобылкины и Салей-мленики... Как же нам дальше жить? Оно-то еще хуже будет. Вон, погляди на Маринкиного отца. Экий мафиози! Этот вскорости и заводы и фабрики купит. И будем мы у него в батраках. Уж, поистине, сбудется пророчество из Книги Царств: "...вот придут дни, и взято будет все, что в доме твоём, и что собрали отцы твои до сего дня в Вавилон, ничего не останется..."

— Да, Петруша, — вздохнула Антонина Ивановна, — так оно и есть — красный Вавилон грядет. Господи, спаси наши души грешные, — перекрестилась она.

В квартире послышался крик. Он доносился из комнаты Богатого. Потом там стала падать мебель. Старик Плакий вскочил на ноги и принялся надевать штаны. Кто-то включил в прихожей свет. В дверях Марины появился полураздетый Хозер.

— Что такое? — удивился он, подойдя к двери Богатого, где кричал, все круша, Рыжий, и попытался открыть дверь. Но она оказалась запертой.

— Олег! Олег! — забарабанил в дверь президент.

В ответ доносились мычание и визг. Что-то вдребезги разлетелось.

— Открой! — прокричал подошедший Петр Дмитриевич.

— Черти! Будьте вы прокляты! Гады ползучие! — кричал обезумевший Забриха. — А, на тебе! А вот так, сука!

— Открой, иначе вызовем милицию! — настаивал президент.

— Пошли вы на... дьяволы! б...!... Не души, не души, гад!

— Он там один? — удивился старик.

— Конечно, — подтвердил президент.

— Неужели горячка? — изумился Петр Дмитриевич.

— Похоже. Вызывайте милицию и "скорую". Придется ломать дверь.

Стоявшая у телефона в ночной рубашке Евгения Степановна принялась крутить диск. За дверью вдруг стало тихо, но потом с новой силой разразились вопли попеременно с истерическим смехом и плачем.

— Открой, Олег! — крикнула подбежавшая Марина.

— Змея, гадюка, сука, у, у, у, ух!

— Допился, родимый, — выползла на порог Фатима-апа. — Кто теперь за урной покойника поедет?

— Гав, гав, гав! — стал лаять Рыжий, и у всех пробежал мороз по коже.

— Истинно, Вавилон. Конец света, — прошептала Антонина Ивановна.

Минут через пять прибыла милиция. Рыжий мычал и плакал, ползая по полу. К этому времени подоспела и "скорая".

Забриха лежал на полу с разбитым лицом, и изо рта его пузырилась пена. В комнате все было перевернуто вверх дном, на полу валялась разбитая бутылка из-под коньяка. Врач поднес ему нашатырь. Рыжий чихнул и открыл глаза.

— Чашка, ложка, сука, чашка! — бессвязно бормотал он.

— Белая горячка. Придется связывать и везти, — заключил доктор.

— Господи, боже мой, — перекрестилась Антонина Ивановна и ушла в свою комнату.

6. СЫН ЧЕКИСТКИ

Той ночью в окраинном районе юга Москвы, на третьем этаже четырнадцатизэтажного дома горел свет в окне, выходящем на кольцевую дорогу. За большим столом, заваленным эскизами и чертежами, сидели Костя Гаршин и Иван Забродин, разработавший принципиально новую идею и пригласивший в соавторы своего компаньона по первому изобретению. Новый прибор, по сравнению с "Факандром", был просто фантастикой. Сначала он родился у Забродина как душеопредетель, потом стал душеприемником, и вот теперь они обсуждали усложненную модель определителя душераспредетеля, условно назвав прибор психофонографом с обратной связью.

В основу разработки были положены исследования американских специалистов по изучению жизни души без тела (эти материалы были опубликованы в различных изданиях) и результаты экспериментов Забродина с летающей ведьмой, весившей на обычных весах в своем петоидном (летающем) состоянии всего пятьсот граммов. В миру это была сорокалетняя женщина, очень живая и общительная, с обычными земными параметрами: рост — 167 сантиметров, вес — 53 кг. Но с помощью изобретенных Забродиным индикаторов удалось разгадать механизм изменения силы тяжести ведьмы более чем в десять раз. Механизм этот находился в прямой зависимости от лунного притяжения, подобно морским приливам и отливам. Эта миловидная женщина была наделена даром свободного канала лунного притяжения и практически почти им не пользовалась. В один из своих забавных ночных полетов между лесом и глухой деревушкой, недалеко от Твери, она и познакомилась с Иваном, рыбачившим на озере. Конечно, поначалу Забродин здорово перепугался, но вскоре испуг его перерос в сногшибательный интерес: они весело проболтали часа полтора и условились встретиться на следующий день в то же время. Иван вернулся в бабкину избу уже в третьем часу ночи и до рассвета не мог сомкнуть глаз. Ирина, так звали ведьму, прилетала на озеро еще пару раз, потом они встретились в Москве, и он жил у нее несколько месяцев. Но когда она призналась ему, что работает в КГБ, он ушел от нее. Встретившись спустя два года, он предложил ей вместо любовной связи настоящую дружбу и научное сотрудничество. Они поработали вместе с полгода и снова разругались. Однако результаты сотрудничества уже вполне оформились в открытие, и поэтому особой нужды в общении с Ириной у Ивана уже не было. Но он боялся банальной бабьей мести со стороны ведьмы-чекистки, ибо женщины в таких случаях коварны и подлы до безрассудства. Но бывают и в правилах исключения, на это, собственно, надеялся Иван. И надежда его пока оправдывалась: Ирина не причиняла зла.

Костя Гаршин тоже провел большую работу: он не только хорошо владел английским языком (что позволило ему с помощью технического словаря достаточно профессионально перевести около десятка статей), но был еще инженером по образованию. Кроме того, он наладил прямые консультации с двумя колдунами и очень известным экстрасенсом, который, в свою очередь, свел

его с талантливым астрологом. Таким образом, сложился целый коллектив из семи человек (Ирина, узнав по своим каналам о затее Ивана, тоже напросилась в помощники), и работа закипела. Иван уже несколько месяцев совершенно не брал в рот спиртного, а Костя оставил на время свои литературные занятия. Но когда ему передали, что президент Хозер жаждет с ним встретиться, Гаршин обрадовался: если через него удастся получить закрытые материалы французских и английских исследователей, они с Иваном кое-что продадут по "Факандру", что, разумеется, не представляет большой научной ценности. Но это надо было согласовать с Иваном, который в таких вещах страшно комплексовал и нервничал. Костя собирался поговорить с ним сразу же после обсуждения блокинг-генератора психофонографа.

— Здесь принцип простой, — объяснил Иван. — Лунная труба выходит в колбу с йодовой водой, верхний слой которой переливается по стенкам в соответствии с циклом. Эффект прилива совпадает с модуляцией льющейся воды. Над поверхностью возникает надсознательное пространство, способное удержать в своем поле до тридцати граммов психеи. Это и есть приемник...

— Подожди, — остановил его Костя. — Психея, или тело души, имеет разную массу.

— Но мы берем среднеамериканскую — двадцать два грамма.

— А если она будет больше?

— Прорвет йодовую пленку и утонет...

— Тогда мы душегубы, — растерялся Костя.

— Да. Здесь самое слабое и опасное место. Нам надо самим провести эксперименты на определение массы души.

— Перепроверять американцев?

— А если они ошиблись или здесь масса будет другой? Ведь совершенно разный этнос и, естественно, может быть разная и психея.

— Так это целый комплекс исследований!

— А что делать? Надо исключить любую оплошность, которая может превратить нас в палачей.

— Значит, весь блокинг-генератор под вопросом? — взял со стола трубку Костя и откинулся в кресле. — Где спички, Вань?

— Да вон, под бумагами.

— Но, во-первых, у нас нет весов, и на их конструирование уйдет куча времени, потом не меньше времени на исследование масс в разных регионах, — стал

рассуждать Костя, раскуривая трубку.

— А их схемы? Ты же говорил, что они опубликовали схемы весов.

— Но это не принципиальные, а блок-схемы.

— Да?.. — растерялся Забродин. — Что же теперь делать?

— А вот что, — лукаво улыбнулся Костя и выпустил клубы дыма. — Сегодня я встречаюсь с человеком оттуда. Он очень интересуется "Факандром"...

— И ты?.. — вздрогнул Иван.

— Погоди, не ерепенься. Возьмем кое-что из твоих первых разработок, разумеется ошибочных, и обменяем их на несколько схем весов и валюту для поддержания, так сказать, жизнеобеспечения.

— Ты шутишь?!

— Я так и знал, что начнешь психовать, как баба. "Факандр" уже почти готов. Госпремию получают полковники с генералом, тебя даже в списке соавторов нет, ну кинут тебе на бутылку, и ладно. Потом прибор будут продавать за валюту и отстегивать этим "авторам" с погонами. А тебя, в лучшем случае, переведут из мзэн-эсов в энэсы, и ты им за это должен в ножки поклониться.

— Я напишу в КГБ!

Костя расхохотался:

— Дурачок!

Изобретатель опустил голову, губы его посинели и задрожали.

— Или ты уже забыл, что я твое доверенное лицо и должен думать, чем тебя кормить и поить? Забыл? — спросил Костя.

— Нет.

— КГБ мы, разумеется, поставим в известность, и в списке соавторов ты будешь, хотя автор всего один ты. Но поскольку тебе посчастливилось родиться в России, а не на гниющем Западе, то здесь бороться за свои права, что против ветра с..., сам понимаешь. У нас никакого криминала не будет: изобретение свое ты безвозмездно отдал Родине, а кое-какие отходы мыслей обменял на информацию для разработки нового изобретения. Что тут плохого? Но лучше, пусть они считают тебя наивным лапотком и ничего не знают. А узнают — сделал для дезориентации конкурентов, чтобы запутать их и выиграть время для испытаний прибора перед его патентованием. Понял?

— Понял... — смирился Иван. — Но денег мне не на-

до. Пусть останутся только научные интересы.

— А на что ты жрать будешь?! — разозлился Костя.

— На зарплату...

— На сто десять рублей?! Да сейчас уборщица больше получает! А ты — автор мирового открытия! Вот уж калика и юродивый! Вот она, святая простота! Да ты знаешь, как бы ты жил в Америке?! Тебя бы поселили в особняке, дали лабораторию!.. Дурак ты, Иван!

— А потом бы выжали и выбросили, — огрызнулся совсем поникший Забродин.

— А здесь? Здесь тебя не выбросят? Вон, в нашей церкви свечки продает старушка одна. Знаешь, кто она? Профессор, доктор наук, химик, лауреат госпремии. Все здоровье свое положила на благо Родины, а за душой ни гроша! А у тебя там будет на старости лет миллионный счет, там уже прошли те времена, когда объегоривали, там дураков уже нема! — Костя чуть не задохнулся от злости, но, взяв себя в руки, схватил со стола угасшую трубку. — Я же тебя не агитирую туда, и сам не собираюсь. Я такой же русский человек, как и ты. И плевать хотел на их миллионы. Нам нужны хотя бы сносные условия для работы на родине, а всю сволоту — и нашу и ихнюю — мы оставим с носом. Это вышая гражданская позиция патриота России.

— Но денег я все равно не возьму, — стоял на своем Забродин.

— Хрен с тобой. Я твой гонорар буду держать у себя. Рано или поздно сам за ним придешь. Выпить захочешь, и придешь! — он перевел дух и зажег спичку. — Так что — меняем ошибочные черновики "Факандра" на весы?

— А если весы они нам подсунут такие же, как мы им "Факандра"?

— Не писай, Ванек. Все проверим. Сравним с блок-схемами и запросим экспертизу через два других канала.

— А наш "Факандр" они смогут проверить?

— Только через тебя самого. Ведь у тебя одного все рецепты и пропорции. Да и Черенкова это не интересует, как ты знаешь. Для него важно, чтобы прибор работал, была блок-документация и патент. Он хоть раз тебя о рецептуре спросил?

— Да как-то вскользь, — ответил Иван.

— Ну вот, видишь? Давай по рукам!

— Без денег, — уперся подавленный и разбитый Забродин.

— Дсньги беру я, и они будут у меня.

— Но я об этом ничего не знаю и знать не хочу.

— Годится! — Костя пружинной выскочил из кресла и, открыв сейф, выхватил из него бутылку коньяку.

— Принеси из кухни стакан и рюмку и прихвати что-нибудь из холодильника! — распорядился Костя, зная, что Иван пьет только из стаканов, а рюмки терпеть не может.

— Вот тебе по марусин поясok, — наполнил Гаршин стакан Забродина до красной полоски, — а мне — сорок капель и баньки. Хотя бы часа на три уснуть, а потом схать торговаться за весы. Ты можешь спать до обеда, пока я не вернусь.

Иван молча поднял стакан, перекрестился и выпил до дна.

— Луковичку бы...

— А чесноку не хочешь? Поди возьми, там маринованный с базара есть.

Иван побежал на кухню, а хозяин квартиры сгрел с дивана одежду и достал одеяло с подушкой.

— Ложись здесь, а я в гостиной. Если мать встанет, я оставлю ей записку, чтоб тебя не будила. Ну, давай, спокойной ночи, — похлопал его по плечу и ушел, плотно притворив дверь.

Выехав на своей желтой "Ладе" на кольцевую дорогу, Гаршин стал изучать все машины, идущие за ним следом. Ничего подозрительного не было. Тогда он "притопил", как сам любил выражаться, и вскоре подъехал к Подольску. Здесь он натянул штормовку, кепку и вылез из машины. Протоптанная дорожка вела через огородики и дачные участки в лес. Он пошел по ней, изредка оглядываясь, а когда взобрался на пригорок, увидел, что у его "Лады" остановились серые "Жигули" и на дороге появился человек в штормовке с небольшим лукошком.

Хозер догнал его у входа в лес и вынул платок. Костя внимательно разглядывал президента: маленького роста, как и он, глаза хитрые, лицо узкое, в неглубоких морщинах, на вид лет пятьдесят с небольшим.

— Мсье Гаршин? — обратился к нему Хозер, вытирая пот.

— Он самый, — дежурно улыбнулся Костя. — Что же вы так торопились, я бы подождал.

— Понимаете, я хожу быстро и легко. А тут бессонные ночи, нагрузка большая.

— Понимаю. Волка ноги кормят, а Россия — страна широкая, — он сознательно вульгаризировал речь, чтобы

увидеть реакцию президента.

Но тот не обратил на эти слова внимания. Теперь он в свою очередь разглядывал в упор "коллегу" и находил, что они даже внешне чем-то похожи: поджары, сухощавы, словом, лукавые ребята с нормальными орлиными носами. Только Костя лет на семь-восемь был моложе. Однако это обстоятельство существенного значения не имело.

— Ну так я вас слушаю, господин Хозер.

— Видите ли, коллега, мы можем быть полезны друг другу. Вы — автор, как я слышал, интересных произведений, я — издатель.

— Эх, где вы были лет пять назад! Я тогда бился, как рыба об лед, а в Москве и духу вашего не было. Теперь, дорогой мой, издатель мне не нужен. Все, что я написал и за что отсидел, уже в производстве и договоры заключены — по тысяче рублей за лист.

— Я вас поздравляю, — растерялся Хозер: первый ход его провалился, и ситуация осложнилась.

— Давайте ближе к делу. Вам ведь нужен "Факандр"? — открыто спросил Костя.

— Да. Вернее, техдокументация, — уточнил президент.

— Вы знаете, что прибор уже почти готов и испытывается?

— Да. Но учитывая вашу нерасторопность...

— Это вы правильно учитываете, но времени действительно не так уж и много.

— Я надеюсь, полгода есть.

— Пожалуй, есть. Ну так что вы предлагаете?

— Видимо, купить...

— Пятьсот тысяч долларов.

— Что?! Вы с ума сошли!

— Ну тогда нам говорить не о чем. Извините, у меня тоже время — деньги, — Костя резко повернулся.

— Погодите, может, вам нужны какие-нибудь услуги?

— Да есть одна мелочь. Мне нужны принципиальные схемы душевных весов.

— Каких-каких весов?

— Для взвешивания человеческих душ. О них много писали в западной научной литературе. Автор — двадцатипятилетний профессор Мак Кэй из Калифорнии, а другой изобретатель — Ким Джойс из Лос-Анжелеса, этому, по-моему, лет за семьдесят...

— Ничего себе мелочь! — воскликнул Хозер. — Да вы знаете, что секретная информация в Штатах в сто раз дороже русской!

— Во-первых, это не военная и не стратегическая информация, которая, да будет вам известно, в сто раз дешевле русской. Лапшу вешайте дуракам, ибо в России деньги не играют такой роли, как в Америке. А во-вторых, блок-схемы весов опубликованы, а сами весы запатентованы.

— Сколько вы хотите за них?

— Не больше пятидесяти.

— Хорошо. Сделаем так. Я вам привожу весы и пятьдесят — это аванс, то есть сто. Вы мне даете "Факандр" и после экспертизы документов я вам привожу еще сто!

— Двести!

— Сто пятьдесят!

— Согласен, — улыбнулся Костя. — Когда будут весы?

— Недели через две. Их привезет мой человек вот на это же место вместе с деньгами. Юра его зовут. Он позвонит, что едет за грибами, и назначит час встречи. Вы отдадите ему документацию на "Факандр".

— А когда остальная сумма?

— Месяца через полтора.

— Где гарантии?

— Я сам приеду.

— Э, голубчик, так мы каши не сварим.

— А если вы нас надуете со схемой?

— А вы с весами?

— Но у вас уже будет в руках аванс! — разозлился Хозер. — А мы в этом случае останемся ни с чем!

— Логично, — согласился Костя. — Но имейте в виду, сейчас мы с Забродиним делаем такую штуку, по сравнению с которой "Факандр" — детская игрушка, и вы еще будете предлагать нам миллионы, — прихвастнул он, решив, что документы придется отдавать настоящие, кроме рецептов и пропорций, которые он передаст в день окончательного расчета. С таким партнером жульничать нельзя, но и нельзя позволить себя облапошить.

7. В ПАРИЖЕ И МЮНХЕНЕ

Через два месяца в парижском альманахе "Козерог", издаваемом Исааком Хозером, появилась подборка стихотворений, взбудораживших русскую литературную эмиграцию. Открывалась она коротеньким посвящением "Членам Политбюро":

Теперь

когда они станут жевать свое мясо
в поисках истины мы улыбнемся
и поменявшись местами
их
как в ворота пропустим
как жизнь пропускаем свою.

Критики терялись в догадках, обрывали телефоны редакции "Козерога", но информация была однозначной: молодой поэт из метрополии и, предположительно, женщина, чье имя открыл главный редактор, недавно вернувшийся из поездки по Союзу. В "Континенте" появилась статья литературоведа Ненашева, в которой он причислял творчество Дэйва Вавилонского к герметическому неореализму, а именно — к новому разветвлению в нем — апокалиптической абстракции в поэзии, родившейся после Чернобыльской трагедии и социально питаемой Перестройкой в СССР. Литературовед высказал ряд сомнений относительно женского авторства и выдвинул гипотезу, согласно которой автор подборки — диссидент, замученный в одном из сумасшедших домов Союза. Он призывал Хозера открыть тайну, стоящую за именем Дэйва Вавилонского, допуская, что поэт может быть даже гермафродитом.

Другой специалист по поэзии — Павел Гинзбург — на страницах газеты "Новое русское слово", словно на специальных логоэдических весах, взвешивал каждое слово поэта, помечая его особым значком своей системы и определяя ему место на своих особых полочках. Так, анализируя мини-стихотворение:

В ритме целого
неосознавшая себя частица
инородна
чужда, —

он видел истоки трагедии несостоявшихся русских поэтов второй половины двадцатого века, вводил в литературоведение категорию неадаптируемой личности в условиях тоталитаризма, ритмическую устойчивость которого усматривал в природе русской души. Тупиковый мистицизм ее развился, на взгляд теоретика, от коллективистских оргий древнерусского язычества и поэтому изначально был обречен. В заключение он назвал Дэйва Вавилонского последним певцом российской обреченности...

Хозеру было плевать на то, что пишут за границей о стихах Дэйва. Главное — пишут, и в России должны

писать. Он заказал двум безработным эмигрантам из Союза большие статьи о творчестве Дэйва, которые предполагал опубликовать в СССР. Он уже видел их на страницах "Огонька" и "Юности" в качестве предисловий к большим подборкам — чуть ниже портрета Марины. Но тут его срочно вызвали в Мюнхен. Президент разволновался: там по схемам Забродина собирали прибор с совершенно другим названием "Фаллеменш" и под руководством других "авторов". "Неужели они надули меня? — заметался по своей квартире Исаак Давидович. — Или чего-то недодали? Придется взять еще сто пятьдесят, иначе немцы голову открутят..."

Вечером того же дня президент был уже у шефа фирмы, который, казалось, волновался больше, чем Хозер. Может, потому, что был наполовину русским.

— Ты за что получишь полмиллиона? — набросился на президента шеф.

— Объясните, в чем дело, Гюнтер Иванович.

— Я тебе сейчас объяснить! Ты знаешь, что Москва уже закончить испытания и начинать патентовать?!

— Не знаю, гер Гердт...

— Я подозревать, что ты им должен деньги, которые не хочешь давать. А они знают тебя как прохвост — себя подстраховать. В результат — страдать фирма, и мы потерять драгоценный время!

— Они сказали, что это все... — пролепетал Хозер.

— Сукин ты сын! Как они говорить: все да не все! Где рецептум-пропорциум?

— А там нет?

— Найн, доннер веттер! — заорал Гердт. — Прибор работать, хорошо работать, но дисплей темный. Понимайт? Не включастся самый последний фаза — выдача информации. Мы просчитали все варианты соединений жидкостей и только в самый конец документацион обнаружили сноска: рецептум-пропорциум — в приложении. А где приложения? Ты их привез?!

Хозер задрожал. Он все понял. Гаршин придержал приложение до окончательного расчета через месяц — полтора. А уже прошло два с копейками. Он подвсел фирму на целых три недели.

— Ты почему молчать?! — ревел Гердт и тряс его за плечо. — Шулик! Авантюрист! Тебя надо убивать!

— Не надо, — убрал его руку президент. — Я привезу приложенис чсрез два дня. Обещаю.

— А если русские патентовать за этот время?

— Успеем.

— Не успеем — будешь покупать рецептурно-пропорцион за свои деньги! Понимать?

— Понимать! — огрызнулся Хозер и направился к двери. — Сегодня же вылетаю в Москву. Через два дня приложенье доставит один человек.

— Кто?

— Он позвонит.

— Ну, смотреть у меня! — потряс кулаком Гердт. — Убью!

— Не спеши, — осадил его Исаак Давидович. — Ишь, размахался. Попробовал бы сам.

— Ты деньги получать!

— Ну и что? У тебя банк целый. Чеки выписывать — не жизнью рисковать! — психанул Хозер.

— Смотри, не думай там умирать, — испугался Гердт. — Извини, что ругаться. Сам понимать, доннер ветер... — пробормотал он уже спокойно и сел в кресло. — Успех тебе.

— К черту, — бросил на прощание Хозер и вышел вон.

Через три часа он уже был в Париже. Накричал на жену, вызвал авторов статей о Дэйвс, которые с перепугу принесли только черновики своих статей, кинул им стодолларовую бумажку и укатил в аэропорт. Через полчаса он был уже в самолете, взявшем курс на Москву.

8. ВОСКРЕСИТЕЛЬ

Неприятности начались буквально с первых минут, как только Хозер ступил на московскую землю. На таможне в аэропорту "Шереметьево-2" у него изъяли газовый пистолет "RECK". Он сразу понял, что протокол и акт изъятия обязательно попадут в прессу, огранные в схидную фельетонную оправу. Другая новость совершенно подкосила его: Лямбда, опытный агент с двадцатилетним стажем неожиданно переведен в НИИ, расположенный во Владивостоке. Значит, тогда, в Чертаново, гэбисты шли за ним по пятам, и если они засняли на пленку их встречу, то теперь и он сам под колпаком.

Хозер заметался по Москве, пытаясь разыскать Сигму, но тот тоже как в воду канул.

Президент совсем пал духом. Настроение несколько изменилось лишь на следующий день, когда он увидел на одной из станций метро первый номер с о с г о

сженедельника "Всадник". Его продавала размалеванная девица вместе с порнографической макулатурой, размноженной на ксероксе и ротапринте. Едва Исаак Давидович потянулся к своей газете, продавщица вынула изо рта сигарету с измазанным помадой фильтром.

— Не лапай!

— Что? — удивился Хозер.

— Давай рваный, бери и катись, —дохнула она на него не то одсколомом, не то перегаром. — Интеллигенты сраные — в карманах ни хрена, а гонору — беспредел...

— Девушка, это же моя газета, — попытался улыбнуться Исаак Давидович, — как же вы так с главным редактором...

— А мне начхать, чья она. Не берут ее — помочалят и бросят. Херовый ты редактор, дядя. Не идет твой товар. Лучше бы платный сортир открыл и меня на работу кассиршей взял.

— Ты пьяная, — вспыхнул Хозер, — ты же не помидорами на базаре...

— Пошел на... — коротко отрубилa она и повернулась к заросшему щетиной азербайджанцу, торгующему цветами. — Хадыр, а ко мне опять грамотный хмырь пристает! Главный редактор этой херни!..

Исаак Давидович встретился с дикими глазами азербайджанца и поспешил прочь — очевидно, попал под горячую руку после какого-то инцидента. Теперь нужно все выбросить из головы и успокоиться, еще не хватало тратить себя на всякую мразь. Но не тут-то было. Только что пережитая сцена с первым номером "Всадника" саданула его под левую лопатку, рука обвисла как плеть. Упершись плечом об автомат для размена монет, он выронил из рук дипломат и позеленел. Сержант милиции, болтавший с дежурной по станции, поспешил к нему и ухватил под мышки.

— "...Иисус никогда не смотрел на детей с высоты, в его глазах не было ничего осуждающего. Он укорял и учил, но никогда не осмеивал и не судил. Он протягивал к ним руки и привлекал их к себе. Он гладил их по детским головкам и наставлял, наставлял..." — бормотал Исаак Давидович посиневшими губами, под языком таяла обжигающая таблетка валидола. Сержант принес стакан воды, и он, прислонившись головой к грязным панелям милицейского КПЗ, медленно выпил ее.

— Сказка, наивная сказка, — отчетливо проговорил он, видя внутренним оком животные глаза Хадыра-цветочника.

— Что вы сказали? — удивился милиционер.

— Я сказал, что Евангелие — это сказка...

— Этому нас в первом классе учат, — расплылся до ушей сержант. — Кстати, ваши документы, гражданин.

Хозер с трудом достал бумажник и протянул свой нансеновский паспорт.

— О, иностранец! — взял под козырек счастливый блюститель порядка. — А как хорошо по-русски говорите. Пряма-таки свой. Давайте я вас провожу.

— Благодарю, я сам, — поднялся со стула Исаак Давидович, чувствуя к сержанту такое же отвращение, как к продащице его газеты и цветочнику Хадыру. — Советские люди — совершенно новый тип людей, ни на кого не похожий.

— И самый лучший, — радостно согласился сержант. Он вывел иностранного гостя из метро и усадил в такси.

Подъехав к гостинице, Хозер неожиданно увидел Гаршина. Это его очень обрадовало. Костя показал рукой вперед и поспешил к своей желтой "Ладе". Президент покопался в бумажнике и хлопнул себя по колену.

— Забыл одну вещь купить, — улыбнулся он таксисту. — Будьте добры, к ближайшему универмагу.

Через пять минут Исаак Давидович вышел из машины рядом с ЦУМом. Как только такси отъехало, к нему подкатил Костя, и они молча заколесили по столице, выбираясь на окраину.

— Нехорошо, господин президент, — остановил машину Гаршин на тихой безлюдной улице. — Долги отдавать надо вовремя.

— Лучше поздно, чем никогда, — сердито ответил Хозер. — Вы тоже меня здорово подставили с приложением.

— Не подставил, а подстраховал. Привезли?

— Конечно, я человек слова.

— Ну и прекрасно. Теперь скажите: вам что-нибудь говорит кличка Сигма?

У президента похолодели руки. Это случилось в минуты крайнего нервного напряжения.

— Дня за два до отъезда Лямбды, с балкона четырнадцатого этажа не то выбросился, не то выбросили... Словом, Сигмы больше нет.

Хозер задумался. Интересно, как кончит он? Хотя для него нет таких категорий, как с в о и и ч у ж и е. Он просто игрок, и эта игра кормит его и питает все его творчество. Он гражданин Земли, а не какого-то ее островка или океана. Он никогда не был патриотом и

никогда им не будет. Его не должны убить, потому что он не уголовник и не преступник, и на нем нет крови. Если его схватит ГБ, то он может оказать очень значительные услуги и выкупит свою жизнь. А где будет его могила — на Колыме или под Парижем — ему плс-вать...

— Что с вами, Исаак Давидович? — удивился Гаршин.

— Да так, — встрепнулся Хозер, — лирические воспомина-ния.

— А, бывает... кстати, у меня есть человек, который мог бы заменить Сигму, — он скосил глаза на заднее стекло и ухватился за ключ зажигания.

"Лада" сорвалась с места и свернула в ближайший переулок. Серая "Волга" следовала за ними по пятам. Терять уже было нечего, и Костя выскочил на дорогу с односторонним движением.

— Это уже финиш, — пробормотал Исаак Давидович, лихорадочно прикидывая варианты ухода из России.

— Спок, дядя, спок, — не терял самообладания Гаршин, вцепившись в баранку. — Теперь они уже не посмеют, не те времена.

От хвоста оторвались минут через пять, потом остановились на платной стоянке и пересели в такси. Вышли у "Кропоткинской" и спустились в подвальчик кооперативного кафе "Репортер". Костя выбрал столик, с которого просматривался вход, и заказал фирменное блюдо с салатом. Хозер попросил сто граммов коньяку.

Когда подали кофе, Гаршин закурил американскую сигарету и, откинувшись на спинку стула, с улыбкой сказал:

— А мы, господин Хозер, уже сделали воскреситель. Пашет как зверь.

— Какой воскреситель? — не понял Исаак Давидович.

— Ну, тот прибор, о котором я вам говорил в прошлый раз. Тончайшая штука, рядом с которой "Факандр" — каменный топор.

— Вот как, — заерзал на стуле Хозер, скептически усмехаясь. — Значит, вы можете подойти к гробу и сказать покойнику: "Лазарь, встань, возьми постелию свою и ходи"?

— Совершенно верно. Мы исследовали феномен колдуна Чудакова и на основе исследований создали прибор.

— Это тот самый Чудаков, который...

— Да, тот. Помните, у него была такая коронка: он заходил в морг с двумя операторами и, приблизившись к трупу человека, умершего три дня назад, что-то шеп-

тал ему на ухо; труп поднимался и шел на оператора, который в ужасе бросал камеру и бежал, а покойник, сделав еще несколько шагов, падал замертво. Так вот, Чудаков не мог объяснить, откуда у него колдовская сила, он уверял, что она просто передана ему умершим колдуном — его дядей. А мы не только объяснили, мы создали электронного Чудакова в десятой степени.

— Кто это вы?

— Гениальная семерка, неформальная группа "Бес-смертие".

— Во главе с вами?

— В общем-то да, поскольку я — коммерческий руководитель научного кооператива.

— Ну и что такое воскрешитель? — Хозер отхлебнул остывший кофе.

— О! На земле нет ничего более удивительного.

— Расскажите, как он работает.

— Очень просто. Только сразу оговорюсь: прибор воскрешает индивидуальности. Не безликого и серого человека, а индивидуальность. И поэтому нужен код — небольшая информация о следе души этой личности, следе, который оставила в своей земной жизни. С творческими людьми все очень просто, их код — это любое произведение, с деловыми тоже без проблем — небольшая справка об их деятельности. Тут задействован принцип неповторимости, связанный с геном оригинальности, которого у большинства людей просто нет и поэтому они не годятся для работы.

— А где граница между индивидуальностью и человеком толпы?

— Роль интеллекта в жизнедеятельности. Если интеллект человека не выше бытового уровня сознания, то для нас это нулевой предел. А дальше по шкале Забродина-Чудакова. Отсюда и название величины интеллекта: один зачуд, два зачуда и так далее.

— И какая верхняя граница?

— Сто зачудов.

— А у Христа?

— Восемьдесят семь с половиной.

— Забавно. Скажите, а величину моего интеллекта можно измерить?

— Разумеется. Кстати, сегодня полнолуние, и мы можем воскресить кого-нибудь из ваших знакомых с интеллектом до двадцати зачудов.

— А больше?

— У нас пока очень низкий энергетический потенци-

ал. Не хватает мощностей. А потом двадцать зачудов — это же уровень нобелевского лауреата, — Костя расплатился с официанткой и поднялся. — Едем?

— Я очень тронут вашим доверием, — обрадовался Исаак Давидович, — но мне еще нужно заглянуть в гостиницу и передать вам должок.

— Встречаемся в девятнадцать часов у пригородных касс Ярославского вокзала.

— Прекрасно, господин Гаршин, — взглянул на часы президент. — У меня еще уйма времени. — И впервые за два дня пребывания в Москве облегченно улыбнулся.

Они доехали на электричке до Болшево и двинулись пешком по темным грязным улицам. Минут через пятнадцать свернули в переулок и подошли к неуклюжему старому дому с едва освещенными окнами. Пройдя через калитку, они поднялись на крыльцо и постучали.

Дверь открыла стройная, неопределенного возраста женщина со светящимися, как у кошки, глазами и плоской грудью. Вид у нее был неопрятный и, пожалуй, усталый.

— Раздевайтесь, — кивнула она в сторону вешалки и исчезла за дверью.

— Профессиональная советская колдунья, — шепнул на ухо Хозеру Гаршин. — А как летает! Сушная булгаковская Маргарита! Одна богатая англичанка, коллекционерша ведьм, пятьдесят миллионов долларов за нее давала. Не продали!

В маленькой гостиной, куда вошел Исаак Давидович, было уютно, но сильно накурено. Мужчины, а их было трое, поднялись со своих мест. Забродина он узнал сразу: эдакий курносый мужичонка и уже пьяненький — причиной тому были стоявшие на столе две початые бутылки какого-то дешевого вина.

— Господа, — произнес за спиной Хозера хриплым мальчишеским голосом Гаршин, — я хочу вам представить президента всемирной ассоциации творческой интеллигенции, бывшего советского гражданина и известного правозащитника земли русской Исаака Давидовича Хозера. Прошу любить и жаловать.

— Иван, — отрапортовал Забродин.

— Валерий, — назвалса стоявший рядом с ним седой мужчина лет пятидесяти.

— Чудаков, — произнес угрюмый замкнутый человек с небольшим брюшком и темными кругами под глубоко посаженными глазами, — Артем Егорович.

— Ну а я — Гоар Саркисовна, — рассмеялась статная армянка в варенке и с крестом на шее. — Можно бабушка Гоар, потому что по роду занятий являюсь бабушкой.

— Хороша бабушка, — улыбнулся Хозер, — побольше бы таких.

— Шутите! — расхохоталась Гоар. — Не потерплю конкуренции! Хочу быть единственной и неповторимой! Правда, Ира? — повернулась она к ведьме.

Ирина кисло улыбнулась и выключила из розетки электрический самовар.

— Прошу садиться, — пригласил седобородый, судя по всему — хозяин дома, который, по прикидке Хозера, должен быть генетиком.

— Что пьет президент? — потянулся к рюмкам Забродин.

— То же, что и весь советский народ, — демократично ответил Исаак Давидович. — Но если вы не против, у меня с собой бутылка французского коньяку.

— Неужели из самого Парижу? — оторопел Забродин.

— Представьте себе, привез специально для нашей встречи, — Хозер достал из-под стола свой "дипломат" и извлек из него бутылку.

— Ай да президент! — обрадовался как ребенок Забродин. — Наливай, старик, выпьем за пробудившееся правосознание русского народа.

— За пробуждающееся, — поправил его Чудаков.

— А, не все ли равно...

Две рюмки коньяку сняли усталость, и Исаак Давидович ожил: глаза заблестели, улыбка не сходила с уст. "Гениальная семерка", в которой, правда, не хватало одного экстрасенса по имени Марат, очень нравилась ему. Это были люди высшей породы, как любил говорить президент, когда-то заимствовавший этот термин не то из Шопенгауэра, не то из Ницше. Особенно ему приглянулась бабушка Гоар, по образованию архитектор, но по призванию поэт. Она пела свои удивительные песни под аккомпанемент гитары, звучавшей в руках Валерия подобно арфе. Президент тут же поклялся напечатать все бабушкины стихи и даже выпустить сборник тиражом в пятьсот экземпляров. Гоар же, в свою очередь, обещала лечить Хозера бесплатно до конца его жизни и приглашала к себе домой на следующий день.

После жасминового чая, заваренного каким-то невседомым способом ведьмой Ириной, "бессмертники" открыли дверь в соседнюю комнату и включили свет.

Взору Исаака Давидовича открылись сложнейшие нагромождения всевозможной аппаратуры и приборов. Из окна тянулась трехметровая труба сантиметров двадцать в диаметре, похожая на телескоп. Она входила в огромный "аквариум", объемом куба в три-четыре и заполненный подсиненной, но довольно прозрачной жидкостью. В "аквариум" опускалось с полсотни стеклянных трубок, которыми обычно берут анализ крови. От них тянулись резиновые трубки к различным приборам и аппаратам, установленным на семи столах. Главный пульт располагался на столе напротив "аквариума", который, по всей вероятности, выполнял и функцию экрана-живого монитора. На этом столе-пульте были две клавиатуры, горели различные кнопки с надписями, а сбоку светились огоньки принтера. Здесь же, на крышке стола, чернели сферические акустические решетки и торчал, похожий на початок кукурузы, сверхчувствительный микрофон.

— Ну что скажете, Исаак Давидович? — торжественным голосом нарушил тишину Костя.

— Впечатляет, господа!

— То-то... Но поскольку Марата нет, я займу его место, а вы садитесь за главный пульт, — он указал на стол перед "аквариумом", — и выполняйте все наши команды. Итак, приступаем...

На окна опустились черные шторы, и все вокруг заглохло, зашумело, засветилось. "Бессмертники" заняли свои места. Потом основное освещение погасло, и "аквариум" засиял многоцветным растром, напоминающим свечение люминофора в кинескопах системы "Секам".

Пока Костя произносил какие-то распоряжения, Исаак Давидович расположился перед пультом и раздумывал, кого бы вызвать из покойников. И вдруг шальная мысль овладела им: вызвать Богатого и спросить, почему он не хотел публиковать свои стихи. А заодно и проверить "бессмертников" не надуют ли они?.. Он хорошо знал режиссера, да и в комнате Марины была его последняя фотография: проба на главную роль в фильме "Очарованный странник" по Лескову, который снимал Забриха (как всегда на вторых ролях) с довольно известным режиссером. И едва он подумал об этом, как услышал команду Гаршина:

— Тип воскрешаемого индивида!

На главном пульте зажглось несколько клавиш с надписями: "творческий", "деловой", "функциональный"...

— Нажмите нужную клавишу, Исаак Давидович!

Хозер нажал на зеленую, с пометкой "творческий".

— Род деятельности творческого индивида: поэт, прозаик, композитор, актер, художник...

— Первый.

— Примерный возраст в момент смерти: от двадцати до двадцати пяти и так через каждые пять лет.

— От сорока пяти до пятидесяти.

— Для воскрешения поэта достаточно воспроизвести наиболее яркое его произведение, все или фрагмент его. Но не менее четырех строк.

— Одну минуточку, — Хозер раскрыл "дипломат", зажатый между ног, и вытащил папку со стихами Дэйва Вавилонского, предназначенными для публикации под именем Марины. Пролистав несколько страниц, он приготовился читать.

— Микрофон! — предупредил Костя.

Исаак Давидович нажал загоревшуюся перед носом кнопку и прочитал:

Как ящер танк застыл на пьедестале
Надменный гимн кровавым временам
Чтоб люди смерть ковать не перестали
Двуногий зверь в чудовищном металле
Передаст завет своим сынам...

— Достаточно. Микрофон выключен?

— Да.

— Откат. Стоп. Внимание, воскрешение!

В "аквариуме" что-то ослепительно вспыхнуло и погасло. Машина не сработала. Костя занервничал:

— Проверим еще раз. Исходная позиция: творческий, поэт?

— Без сомнения, — отчеканил Хозер.

— Возраст в момент смерти?

— Может и ошибаюсь. Точно не знаю.

— Диапазон установить по ручной шкале. Валера, проследи.

— Настраиваю, — подал голос белобородый. — От сорока до шестидесяти — пусто.

— Бери от тридцати пяти.

— Тридцать шесть, тридцать семь... тридцать девять, стоп!

— Вот вы и подвели нас, Исаак Давидович. Ставим тридцать девять. Включите стихи... Стоп! Внимание, воскрешение!

"Аквариум" снова вспыхнул, потом огненный шар сжался в точку и стал медленно расплываться. Перед Хозером появился человек с рыжей бородой и неподвиж-

ными голубыми глазами. Он словно по пояс стоял в воде. Президент обомлел: да, это было чудо, но, к сожалению, воскресший не имел ничего общего с Алексеем Богатым.

— Это не он, — тихо сказал Хозер. — Я, конечно, торгуюсь вашим гением, ребята, но это не он.

— А мы сейчас проверим, — Костя встал со своего места и, подойдя к главному пульту, нажал кнопку: — Как вас величали на Земле, уважаемый?

— Александр Иванович Чурилов, — ответил воскресший, оживленно замигав глазами.

— Это ваши стихи про танк на пьедестале?

— Мои, сударь.

— А в каком году вы скончались?

— В семьдесят девятом.

— Где?

— В Ростове-на-Дону.

— У вас было много стихов?

— Я писал их всю жизнь.

— Что-нибудь напечатали?

— Нет.

— А почему?

— Тогда это было невозможно...

Хозер схватил за руку Гаршина:

— Отключите его. Я не верю в то, что он говорит. Мы можем проверить. У меня целая подборка таких стихов, и они принадлежат недавно умершему режиссеру.

— Хорошо, — согласился Костя. — Вы читаете две первые строчки, а он продолжает. Приготовьтесь. Начали!

— "Где-то в глубинах Египта в ориентированных пирамидах..."

— Продолжайте, Александр Иванович!

— "Кроется новый постскрипtum о диких правах Фемиды".

Костя нажал на кнопку, но президент не отпускал его руки:

— Еще! Для меня это очень важно!

— Пожалуйста.

— "Отчаянием обескураженности давит на плечи..."

— "Чувствую роботов слаженность в нанесении увечий", — не моргнув, продолжил воскресший.

У Хозера задрожали руки. Он не мог оторвать глаз от Чурилова:

— Скажите, Александр Иванович, у кого остались стихи после вашей смерти?

— Я отдал их на хранение своему приятелю, поскольку предчувствовал свою кончину.

— Как его звали?

— Леша Богатый, режиссер. Он жил тогда в Вавилонске. Что с ним случилось и почему стихи у вас?

— Он умер три месяца назад, и мы случайно обнаружили эти стихи у него в комнате. Решили, что они принадлежат ему, и очень удивлялись, почему он ничего не публиковал.

— Так он уже здесь? — задумчиво переспросил воскресший. — Но я его почему-то не встречал.

— Его кремировали.

— А, ну тогда понятно. Это уже другой слой. Я обязательно разыщу его. Но он-то и сам не знал, что это мои стихи, я ему сказал, что автором покойный друг из Пятигорска...

— И что нам делать с вашими стихами?

— Сожгите их, чтобы они не мешали вам жить.

— То есть как? — оторопел Хозер. — Может быть, их все-таки лучше опубликовать?

— Ни в коем случае.

— Ну почему же?

— Это моя авторская воля.

— Подумайте, Александр Иванович. Мы теперь знаем ваше имя, и пусть теперь в вашей загробной жизни узнают о вашем поэтическом подвиге в жизни земной.

Здесь и так все знают. Сожгите их, ибо эта публикация принесет вам и вашей дочери большое несчастье.

— А при чем здесь моя дочь? — вздрогнул президент.

— Вам лучше знать.

Хозер оцепенел. Казалось, он потерял дар речи.

— Уверю вас, есть еще два экземпляра моих произведений, — продолжал Чурилов. — Один — переплетенный мешковиной в четыре рукописные книги, написанные моей рукой с ятями, — хранится в Ленинграде, у другого приятеля. Второй экземпляр — машинописная копия, снятая моим молодым другом, ныне московским писателем, — находится в архиве КГБ и зарегистрирована под его именем. Но его вины здесь нет. У него выкрали рукопись. Он, конечно, очень переживает, но ничего не может сделать... У вас еще есть вопросы ко мне?

— Нет... — растерянно пробормотал Хозер.

— А анонимные публикации в "Козероге" и некоторые еще не осуществленные приготовления, связанные с именем вашей дочери, я оставляю на вашей совести. До встречи у нас, мсье Хозер, — и воскресший застыл в

"аквариуме", словно восковая фигура.

— Он ушел, — прошептал Костя. — Он больше не желает говорить. Чудаков, Ваня, дайте величину его интеллекта!

— Тридцать четыре и три десятых.

— Вот это да! Как же мы его потянули?

— А черт его знает... — недоумевал Чудаков.

9. ЧИСТО РУССКИЙ ВОПРОС

Поезд прибыл в Вавилонск без пяти двенадцать. Поскольку Исаак Давидович был налегке, он пошел от вокзала пешком. Марина, конечно, обидится, что он в этот раз ничего ей не привез, хотя она девушка умная и должна понять: собрался в Париже за полчаса, даже с младшей дочерью Мирей не попрощался.

Недалеко от вокзала, перед зданием горкома партии, митинговали. Можно было свернуть на другую улицу и обойти это ставшее будничным сборище людей, но репортерская привычка, переросшая в свойство натуры, потянула его в гущу толпы. Каких только лозунгов не было здесь: "Долой КПСС", "Спасем КПСС", "Смерть коммунистам", "Власть генералу КГБ Калугину"...

— Черт знает что, — в сердцах пробормотал Исаак Давидович, — прямо балаган какой-то. В магазинах — шаром покати, а им — кто виноват?! Да чем же Калугин лучше Горбачева или Ельцина?! — и он впервые за свои пятьдесят лет изменил себе — пошел прочь от этой разъяренной и голодной толпы, жаждущей крови и зрелищ.

Еще издали он увидел перед домом Страхова автобус-катафалк и крышку гроба у двери подъезда. Сердце екнуло в груди Исаака Давидовича — вдруг что-то с Мариной! Он так и не позвонил ей из Москвы, решил, что заглянет как бы проездом. Ускорив шаг, он облегченно вздохнул, разглядев на ступеньках подъезда знакомый джинсовый костюм, в котором дочь выглядела эффектно. Он купил его по дешевке в маленьком магазинчике на Монмартре. Однако волнение не улеглось, и он чувствовал, что его ждет еще один печальный сюрприз.

В дешевом красном гробу, установленном перед ступеньками подъезда на трех кухонных табуретках, лежал серьезный и пугающе торжественный Петр Дмитриевич Плакий. "Везет же мне на покойников в Вавилонске, — подумал Исаак Давидович, глядя на восковое лицо ве-

теринарного врача. — Не к добру все это..."

У изголовья покойного сидела на табуретке Антонина Ивановна — вся в черном до пят. Исаак Давидович поймал ее отсутствующий взгляд. Она, казалось, не узнала его, а скорей, ей было просто не до него. Рядом стояли Фатима-апа и Евгения Степановна, которые печально кивнули ему.

Подошла Марина. Он крепко сжал ее руку и тихо спросил:

— Как и отчего?

— Нашли повешенным в его кабинете на рынке. Говорят, что Салей-мленик и Кобылкин, а судмедэксперт заверяет, что мог и сам...

— Прокуратура всяка не хочет или подкупили.

— Так все говорят.

Соседские бабки начали прощаться с покойным. Хозер тоже подошел и склонил голову над умершим. Потом он помог донести гроб до автобуса и вкатить его по валикам в катафалк. Марина и Фатима-апа на кладбище не поехали. Они остались накрывать поминальный стол.

— Редееет ваша квартира, — грустно проговорил Исаак Давидович, переступая порог.

— Следующий моя очередь, — попыталась улыбнуться Фатима. — Не квартира — а товарная база для кладбища, — и заковыляла в свою комнату.

Поминки Петра Дмитриевича прошли очень скромно. Кроме трех женщин и Марины, были четыре соседские бабки. Пожевали кутью беззубыми ртами, выпили по рюмке вина и тихо разошлись. Исаак Давидович зашел в комнату овдовевшей Антонины Ивановны и спросил:

— У вас сохранилась копия той фототелеграммы, что посылал Петр Дмитриевич генеральному прокурору?

— Где-то есть, — тихо ответила она.

— Найдите ее и приезжайте завтра в Москву на Ярославский вокзал. Я вам позвоню, к которому часу.

— Зачем? — безразлично спросила она.

— А мы поговорим с Петром Дмитриевичем и узнаем от него, что же с ним произошло.

— Как? — испугалась она.

— Видите ли, есть прибор, который воскрешает умерших. Я попрошу своих друзей помочь нам установить истину.

— Так он прямо живой явится?

— Нет. Он будет как на экране телевизора, и вы сможете с ним поговорить. Но для этого нужна та самая телеграмма...

Антонина Ивановна заплакала. Исаак Давидович открыл дверь и направился в комнату Марины. И тут задребезжал телефон. Он остановился и снял трубку.

— Здравствуйте, Исаак Давидович, — голос был официальным и приветливым одновременно, но совершенно незнакомым. И тут словно током ударило президента — о н и выходят на него!

— Я вас слушаю, — взволнованно ответил Хозер.

— Вам будет возвращено советское гражданство.

— В обмен на что?

— Ни на что.

— С кем я говорю?

— Меня зовут Николаем Ивановичем. Если захотите встретиться, позвоните по телефону, который будет в записке, оставленной у администратора в гостинице. Всего доброго.

— Спасибо, — неожиданно для себя поблагодарил Николая Ивановича президент. — Я подумаю.

Там повесили трубку. А он вдруг задрожал от какой-то странной радости: кровь хлынула к вискам, голова закружилась. Давно не было с ним такого — с той поры как бросил писать стихи. Придерживаясь за стенку, он добрался в комнату Марины и опустился на диван. Дочь, взглянув на него, перепугалась, бросилась к аптечке за валидолом.

— Не надо, — улыбнулся он.

Она села рядом, разглядывая его набрякшие мешки под глазами. Он продолжал улыбаться как-то по-детски загадочно. Таким она его никогда не видела. Значит, случилось такое, что бывает один раз в жизни. Но что?

Вернуться, вернуться в Россию,
залечь на Ваганьковском где-то... —

пробормотал он строки из стихотворения Александра Глезера, опубликованного когда-то в "Русской мысли". И тихая мелодия почудилась ему, потом зазвучали голоса Ивана Реброва и Аллы Баяновой. Нет, не надо ему места на ухоженном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Это уже вчерашний день. Политбюро горит синим пламенем и без белых танков. И в этом есть и его труд, как нескольких десятков выдающихся личностей, раскачавших эту страшную машину. Теперь задача другая — возрождать Россию, сносить уродливые сараи ГУЛАГовского стиля и строить дома, используя лучшие образцы европейской и американской архитектуры, как делали это когда-то зодчие Петра. А он, Исаак Давидович Хо-

зер, войдет в историю государства, как, например, Сытин... Деньги дадут друзья-миллионеры, и он согласен на любой процент...

— Что с тобой? — не выдержала наконец Марина.

Исаак Давидович очнулся и стал гладить дочь по голове. Потом притянул ее к своим губам:

— Мне возвращают советское гражданство.

— Ну и что из этого?

— Как — что? Не понимаешь?

— Тебе и так неплохо живется: катаешься по всему миру, квартира в Нью-Йорке, квартира в Париже...

— Да, тебе трудно "въехать" в эту ситуацию. Дело в том, что человек не знает цену многим вещам, данным ему от рождения. И лишь когда теряет их — прозревает, что они для него значили. Ты не знаешь, что такое потерять родину и тем более не можешь понять состояние человека, который вновь обретает ее.

— Но что тебе это дает?

— Да откуда у тебя примитивное торгашеское мышление: что я буду с этого иметь, что мне это дает?! Это победа, понимаешь?! Победа в квадрате! Это было делом моей жизни — утвердить и доказать себя! Да что тебе объяснять... Все равно не поймешь, — поднялся он с дивана, улыбаясь как ребенок. — Пойду-ка я пообщаюсь с народом.

Исаак Давидович набросил плащ и вышел на улицу. Какое-то буйное озорство на душе подталкивало его с кем-нибудь выпить: в подворотне, на троих, а на закуску — парочку анекдотов из жизни Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны. Обойдя закрытый винный магазин, он зашел в "Минутку", где за круглыми столиками пили пиво прямо из бутылок.

Хозер взял три бутылки и пристроился в дальнем углу — поближе к двум интеллигентам, уже изрядно подвыпившим. Один из них был лет сорока пяти, худощавый, сильно поседевший. Другой — помоложе, курчавобородый, похожий на священника. Хозер, конечно, знал, что в Вавилонске живет много разной интеллигенции, но в этот раз ему опять попались литераторы. Отхлебывая пиво, он стал прислушиваться к разговору незнакомых коллег и вскоре был неожиданно удивлен: оказывается, этот первый — переводчик с испанского и сегодня получил гонорар за переведенный им рассказ Гарсиа Маркеса, напечатанный в "Советской культуре".

— Нет, Коля, — перебивал его бородатый, — скажи,

кто же все-таки, на твой взгляд, глубже: кубинец, автор того боксера, Хулио Кортасар, или этот?

— Они примерно одного уровня, это высший новелл-л-истический пилотаж... — с трудом выговорил переводчик. — Давай, старик, еще выпьем и потом поговорим, — он достал початую бутылку водки из кармана.

Хозер отвернулся и стал допивать свое пиво, наблюдая, как у стойки затевается драка. Один кричал, что он вор в законе и "попишет пером" кого угодно, другой размахивал пустой бутылкой, угрожая, что он "афганец" и зэков на х... видел. Их разнимали и уговаривали, кто-то побежал звать милицию.

Тем временем литераторы "причастились". Переводчик спрятал бутылку в карман.

— Ты знаешь, за что Сашку из КГБ выгнали? — обратился он к бородатому.

— Небось на бабе сгорел?

— Хуже. На отрезанных яйцах своего агента!.. Он же всякими вредными сектами занимался, а тут вышел на подпольных скопцов. Ну, вот генерал ему и велел своего агента туда внедрить. И он, представь себе, внедрил: нашел одного хмыря, подпоил и... Дальше по плану — оскотление новичка и т.д. Только вот дата и время неизвестны. А сектанты мужички-то хитрыс, ничего не говорят, выдерживают до последнего. И вот сообщают посвященному около шести вечера: через два часа в таком-то молебном доме будем тебе яйца отрезать. Готовься, значит, голубчик. Агент, конечно, в панике. Звонит Сашке, а их подразделение на партсобрании. Ну, кое-как вытащили его оттуда, давай документы на группу захвата оформлять. А кто подпишет? Подписали кое-как. Теперь надо участкового по тому околотку разыскать. Тоже время. План же был такой: врывается участковый с дружинниками в этот молебный дом минут за десять до оскотления с проверкой паспортов и прописки, но, увидев такое дело, забирают агента для выяснения, так как у него не должно быть паспорта, а всю секту — под суд за членовредительство...

— Ну...

— Вот тебе и ну: партсобрание, подписи, оформление, розыски участкового и в итоге — пять минут девятого, и яйца агента уже в тазике лежат...

— Подонки! Как человека подставил, гад! Ему бы самому надо за это яйца оторвать! Сейчас-то он как?

— Да пьет не просыхая, ничего не может уже.

— Он-то и раньше не шибко способным был. Но я одного не пойму: что я ему плохого сделал, что он мне гадость за гадостью делает? Карьерой рисковал — на плечах пьяного из Одессы волок, с пресс-бюро КГБ за его дерьмо бодался, со всеми переругался, пробил кое-как. А он не то, что бутылку не поставил — грязью поливает на каждом шагу. Тварь неблагодарная, да и только.

— О, старик, этому есть название: зависть, черная зависть!

— Неужели они там все такие?

— Нет, в КГБ есть очень приличные люди, но их мало, как и везде. Вот мне повезло на таких. Но андроповские кадры как на подбор. А Сашка-то из ЦК комсомола, блатной для ЧК. А из этой конторы все мразь да пьянь.

Исаак Давидович своим ушам не верил. Пусть это хоть и пьяный разговор, но чтобы такое говорили в его времена! Значит, действительно лед на Руси тронулся, наболело у людей до предела, пострадались, намучились от шепотков, доносов, глухого молчания. А раз прорвало — уже не остановишь.

Появилась милиция, увели зэка вместе с "афганцем". Литераторы затеяли разливать еще. А Хозер, сделав пару глотков, предложил оставшиеся бутылки с пивом коллегам и вышел на улицу.

В Болшеве Антонина Ивановна держалась молодцом. Но когда в "аквариуме" появился Петр Дмитриевич, ей стало плохо. Пришлось приводить ее в чувство, прежде чем начинать разговор с Плаксием. На это уходила большая энергия, и поэтому диалог сократили до минимума. После нескольких вводных фраз, Исаак Давидович прямо обратился к ветврачу:

— Скажите, Петр Дмитриевич, вы сам или вас?..

— Сам, — спокойно ответил он. — Уже не было сил жить, и я ни во что не верил.

— На кого же ты меня, Петруша, — всхлипнула старушка.

— Ты еще поживи, поживи, Тонечка. Сюда никогда не поздно.

— Но как вы все-таки решились?! — допытывался Хозер.

— Не надо об этом, Исаак Давидович. Вот вы смогли уехать, повоевать, вернуться, Таких, как вы, мало. Да и вы человек образованный, молодой еще... А мне... Жизнь была прожита, бороться я не мог, а так существовать уже не было сил. Богу Богово, кесарю кесарево. Правда, тут у нас говорят, что самое страшное для России уже позади. Скоро все наладится, другая жизнь

будет! Конечно, будут свои трудности, но в одном уверены все — хуже не будет.

— Петруша, Петруша — снова всхлипнула Антонина Ивановна, — Да на кого ты меня...

— Дьявол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени... — каким-то не своим голосом ответил Петр Дмитриевич, и Исаак Давидович понял, что Плаксий уже "нагрузился" потусторонним знанием, душа его вошла в свой модуль, и теперь он уже не тот знакомый ветврач, а тип психеи в чистом виде, освобожденный от определенной формы...

— Чего, чего ты сказал? — изумленно переспрашивала Антонина Ивановна, но аккумуляторы "воскресителя" садились, и Петр Дмитриевич бледнел и бледнел в "аквариуме", пока не растворился в дымке-растре.

— Сеанс окончен, — недовольно пробормотал Кояст и сразу нажал несколько клавиш.

В Москву Исаак Давидович вернулся поздно. Едва он вошел в холл, администратор молча протянула ему записку, конечно, написанную ее рукой. Там был номер телефона с хорошо знакомыми Хозеру первыми цифрами и инициалы "Н. И.". Он поднялся к себе в номер и бережно положил записку на стол. Сел. Закурил. Вот и все. Одиссей возвращается на Итаку... В этой записке, пожалуй, весь смысл его пятнадцатилетних скитаний, в этих семи цифрах, начинающихся на 224... И вдруг он вспомнил десятую заповедь: не пожелай жены ближнего, ни добра его, ни скота его... А он желал, как почти все люди. И желал бы дальше, если бы не смерть Богатого, стихи, воскреситель, эта записка. Желал и КГБ, правда, не все оттуда. Переводчик Маркеса прав, и, возможно, Н.И. как раз и есть из той андроповской команды, которая работала на идею, ничего не желая. А за таких людей надо держаться. Если верить загробному миру, это люди двадцать первого века.

Потушив сигарету, он снял телефонную трубку. На часах было полдвенадцатого. Если этот из андроповских, то должен быть на месте: такие работают до полуночи и умирают от инфарктов в кабинетах.

Дрожащий палец на первых цифрах сорвался — дурная примета. Хозер положил трубку, но потом резко поднял ее и уверенно набрал номер. Трубку сняли на первом звонке.

— Мне, пожалуйста, Николая Ивановича.

— Добрый вечер, Исаак Давидович.

— Извините, что так поздно...

— Я ждал вашего звонка и поэтому немного задержался.

"Ничего себе немного", — отметил про себя Хозер, но решил не отвлекаться.

— Вы знаете, я согласен.

— С чем?

— С вашим предложением.

— Но я вам ничего не предлагал.

— Как? Вы же сказали, что вернете мне советское гражданство.

— Да. Ну и что?

— И я буду вам чем-то обязан...

— Это дело вашей совести. Ни стукача, ни шпиона из вас делать не собираются. Я просто сообщил вам информацию.

— И все?

— И все.

— И мне не нужно с вами встречаться?

— Как хотите.

— Но, может быть, нужно?

— Пожалуйста.

— Я завтра улетаю в Париж и вернусь через неделю.

— Пожалуйста.

— И за мной не будет "глаза"?

— О, это уже чисто русский вопрос, — ответили словно с того света.

— Клянусь вам, я ничего не повезу Гердту. Он от меня ничего не получит.

— Тогда будьте осторожны.

— Как? — не понял Хозер. — Ах, да. Ну, вы не беспокойтесь. Это цивилизованные люди.

— Все это так. Но вспомните, как поступили со Скопом*. Он тоже хотел вернуться.

— Благодарю вас за заботу и надеюсь на скорую встречу.

— Всего доброго.

Хозер повесил трубку.

10. КОНЕЦ

Через два дня в парижских газетах появился некролог

* Поэт и переводчик, эмигрировавший из СССР. Умер за несколько дней до возвращения в Россию от якобы случайного поражения электрическим током.

на смерть Исаака Давидовича Хозера, а еще через день статья, в которой рассказывалось о его загадочной смерти. Согласно данным журналиста, проводившего свое расследование, Хозер умер на своей квартире с маской ужаса на лице. Жена и дочь находились в это время у родственников в Марселе. Хозер умирал в страшных муках, и журналист предполагал, что смерть наступила от направленного источника низких частот, не слышимых человеческим ухом. Примерная частота такого излучения — четыре герца. Источником мог быть странный прибор, найденный в постели Хозера. Журналист допускал версию, что президент убил сам себя в результате неправильного обращения с этим прибором, на котором стояло мюнхенское клеймо знаменитой лаборатории господина Гердта. Говорят, что прибор русского происхождения, но изготовлен в Германии.

На письменном столе Хозера лежал раскрытый дневник, в котором было записано несколько фраз:

"Не существует никакого еврейского вопроса. Есть три компонента, определяющих неповторимую индивидуальность: порода, талант, религиозность. Последний — основной, определяющий стержень..."

В ПЛЕНУ У НАРКОМАФИИ

Наверное, самые страшные люди — люди одержимые страхом. Они боятся жизни так же, как и смерти. Что это так, я испытал на самом себе. Не так давно мне пришлось поработать в одной ситуации, пережив которую я стал страшным для себя и родных. А было так...

В городе Сунжаюрт, куда мы приехали с группой сотрудников по борьбе с наркоманией, нас очень хорошо встретили. Мы быстро поселились в гостинице и после короткого отдыха отправились на прогулку по горным дорогам. Было еще светло, и к нам напросилась в компанию жена местного литератора Саида. Это была белокурая тридцатилетняя женщина с большими светлыми глазами. Звали ее Катей, выросла она в Вологодской губернии и до недавнего времени имела успех хорошей драматической актрисы в местном театре. Но в последнее время почему-то ушла со сцены и стала пописывать какие-то чудные стихи, над которыми снисходительно посмеивался Саид: "Курица пьет воду и смотрит вверх..."

Кроме Саида и Кати в нашем микроавтобусе были мои коллеги и местный майор госбезопасности Ахмет. Он прихватил с собой грелку с коньяком и то и дело подносил нам по чарочке. Коньяк был преотличнейший, разговор веселым, и мы не заметили, что время близится к полуночи. Пора было возвращаться домой, но Саид уговорил нас остановиться у еще одного целебного родника, не испив из которого, мы не могли бы познать всей живительной силы Кавказа.

Вода в роднике была действительно чудесной, я выпил три кружки и присел на лавочку, поджидая отошедших за темную зелень листы Саида и Катю. Ахмет с моими друзьями был уже в машине, когда из-за кустов вылетел бледный обезумевший Саид и дико прохрипел:

— Катя упала!..

— Куда? — не понял я.

— В пропасть...

Мы бросились шарить по зарослям вдоль обрыва, но поиски оказались напрасными. И только спустившись вниз, обнаружили на камнях ее мертвое тело. Саид причитал грудным голосом: "Я даже не слышал крика... такого не может быть... она должна была вскрикнуть хотя бы когда летела, ведь тут метров сто пятьдесят..."

С такого трагического события началась наша работа в Сунжаюрте, и это было страшным знамением: если сунемся в дела мафии — нас ждет участь Кати...

Теперь Саид — знаток местных обычаев и наша надежда — выпал из группы содействия: после похорон жены он намеревался лечь в больницу, опасаясь серьезных последствий нервных расстройств. Поэтому основная тяжесть работы с жителями этого края переносилась на плечи Ахмета, который перебрался из дома в гостиницу и подстраховывал каждый наш шаг.

К нам приходили разные люди: министры, прокуроры, адвокаты, журналисты и засиживались порою за полночь. Измотанный Ахмет не спал толком трое суток и держался в форме только благодаря своей грелке. А тут еще заполонили гостиницу артисты — танцевальный ансамбль из Абхазии. И случилось так, что в соседнем с нашим номером поселили двух красавиц-танцовщиц, за которыми волочились свои же солисты.

И вот, в одну из ночей, где-то после двух часов, когда мы уже спали, к нам в номер тихо, но настойчиво постучали. Это был абхаз-ловелас, домогавшийся девиц, но перепутавший дверь. Однако дремавший в холле Ахмет пружиной выпрыгнул из кресла — так этот парень походил на связанного наркоманов, который, дважды отстреливаясь, уходил от преследовавших его оперативников. Взяв под дуло насмерть перепуганного Дон Жуана, Ахмет спустил его вниз по лестнице, вызвав полный переполох в гостинице. Приехавшие сотрудники МВД и КГБ республики были обескуражены — майор размахивал пистолетом, едва держась на ногах. Вязать пришлось Ахмета, а не трясущегося от страха абхаза. Таким образом, к утру мы все были вычислены, и надо было срываться и уходить любыми путями. Но все же время, увы, оказалось упущенным, и мы очутились "под колпаком".

В десять к нам явился с визитом высокопоставленный мафиози и, не скрывая удовольствия, утешил: "Ничего, ребята, чепуха. Все обойдется. Вот наш бывший министр внутренних дел по всему поезду бегал в трусах с пистолетом, и то обошлось. Бывает, и у нашего брата

крыша плывет. А что поделаешь? Все живые люди, у всех нервы, и только в кино они бывают железными..."

Да, теперь уходить действительно было опаснее, чем оставаться. Лучшее, что мы придумали, — не дергаться, тем более, что явившийся на следующий день Ахмет казался хорошо выспавшимся и спокойным. Он предложил свою "культурную" программу — баню и шашлыки. Мои друзья уехали с ним, а я, почувствовав недомогание, остался в номере. Но тут неожиданно зазвонил телефон...

Это был мой бывший приятель по аспирантуре Мадуга. Я звонил ему, как прилетел в Сунжаюрт, но жена сообщила, что он в отъезде, и попросила телефон. Теперь он вернулся и очень рад меня видеть — ведь мы расстались почти двадцать лет назад. Я решил, что после всех наших резко начавшихся неудач, это самое лучшее — развеяться с бывшим однокашником и тем самым продемонстрировать команде, не спускавшей с нас глаз, что мы на все махнули рукой и решили тихо и мирно отсидеться. Через полчаса я уже стоял у входа в гостиницу, поджидая профессора филологии Мадуга.

Он подъехал на собственном мерседесе и помахал мне рукой. Да, грустно отметил я про себя, в России профессора в городском транспорте ездят, а то и вообще пешком ходят. Но Мадуга уже открыл дверцу и крепко пожал мне руку. Он был как всегда слегка высокомерен и слишком серьезен.

— Тут недалеко у меня одна квартира есть, где пишу и отдыхаю от суеты. Может, поедem туда? — предложил он.

— Как скажешь, — согласился я равнодушно.

Мадуга привез меня в новый микрорайон и остановил машину у серой семнадцатизэтажной башни. Мы поднялись на лифте на последний этаж и вошли в его "берлогу". Это была очень уютная, шикарно отделанная и со вкусом обставленная двухкомнатная квартира. Стол уже накрыт — весь в зелени и копченостях. Фрукты и виноград в вазах на журнальном столике. Едва я разделся, в дверях кухни появилась прелестная чеченка.

— Это Нелля, моя студентка, — представил ее с улыбкой хозяин.

Я поцеловал ручку этому удивительному кавказскому созданию и прошел в ванную. Здесь тоже все сверкало и светилось. Вымыв руки, я уселся за стол, на который Мадуга водрузил блестящей работы черкесский кувшин.

— Ну, что будешь пить? — самодовольно предложил Мадуга. — Все есть: водка, коньяк, вино разное...

— А что ты?

— Я, знаешь, почти не употребляю... Ну разве чуть-чуть за компанию. Можно, к примеру, коньячку. Ведь это же не магазинный, а настоящий — из особого цеха винно-коньячного завода. — Он налил две рюмки и поставил бутылку на стол.

— А ей? — кивнул я на Неллю.

— Не забывай, — усмехнулся профессор, — что ты не в России. Ее место на кухне. Я не хочу обидеть русский народ, но, знаешь, когда у вас баба за столом командует и у мужика рюмку отнимает, мне всегда вас очень жалко.

— Это не в каждой семье, — парировал я. — А потом иногда и нужно отнимать, иначе просто беда, особенно с творческими людьми. Знаешь, наверное, такую литературную категорию: "роковая судьба российского интеллигента"...

— Еще у Некрасова! Ну ладно, давай за встречу!

— Хоп! — воскликнул я и выпил.

Мадула тоже выпил и, пожевав лимон, спросил:

— Откуда у тебя это "хоп"?

— Да Фергана проклятая. Был я в комиссии по расследованию погромов турок-месхетинцев. Вот и пристало, как зараза. Никак не отвыкну.

— Ну и как вам работалось?

— Думаю, нормально. Один презабавный случай до сих пор из головы не выходит. Сидим мы, значит, с переводчиком-корейцем за большим столом с бумажками. А сбоку — узбек-подполковник со стариком разговаривает. Наш переводчик вдруг прислушался и улыбается. Мы ему: "Чего ты?" Молчит. Тогда просим подполковника и старика выйти. "Ну, о чем они говорили?" А переводчик смех подавил и говорит: "Старик пришел просить за сына, который в административном порядке под стражей, и сует две тысячи — отпусти, мол. А тот на вас кивает: "Вон, видишь, товарищи из Москвы сидят. С ними надо говорить, а они меньше десяти не берут. Так что иди еще восемь собирай!"

Мадула хохотнул и серьезно спросил:

— Так где ты все-таки работаешь?

— Ну я же уже говорил: в центральной прессе.

— По чрезвычайным делам?

— Пусть будет так, если для тебя это так важно.

— А здесь зачем?

— Материал собираю. Хочу кое-что написать о вашей жизни. Ты мне не поможешь?

— О чем речь? Конечно! Только думаю, что дело

твое опасное. А с такими вещами у нас шутить не любят.

— У вора одна дорога, а кто гонится за ним, у того — тысяча.

Мадула чуть не подавился.

— А ты хорошо подготовился к нашим условиям, даже фольклором щеголяешь.

— Это для тебя. Ведь ты специалист по этим делам. Даже коран перевел...

— Ты и это знаешь?!

— Известным человеком стал. Рад за тебя. Надеюсь, подаришь, как выйдет. А теперь наливай, джигит, или, как там тебя, первый из тэйпа!

Чем чаще мы прикладывались к коньяку, тем трезвее и напряженнее становился Мадула. Наш разговор пере-скакивал с одной темы на другую, пока, в конце концов, не сошел до анекдотов. Но и здесь мы скоро выдохлись.

За окном стемнело, и я засобирался в гостиницу. Однако Мадула остановил меня:

— А я тут всерьез занялся астрологией и даже астрофизикой, — неожиданно признался он. — В звездочеты ударился... Предки мои — персы — из поколения в поколение этим делом занимались... Вот и я телескоп себе на крыше соорудил. Не хочешь взглянуть?

— Интересно...

Мы оделись и вышли на лестничную площадку к лифтам. Последний пролет лестницы упирался в решетчатую дверь, ведущую на чердак. Мадула снял с нее большой амбарный замок и пропустил меня внутрь. Там он нашарил мою руку и повел на ощупь до каких-то ступенек. Так мы поднялись на крышу. Холодный ветер рванул волосы, обжег лицо.

Я поднял голову. Небо было сплошь усыпано звездами и так манило к себе, что в душе моей защемило: мальчишкой я мастерил самодельные телескопы и часами простаивал на крыше, пытаясь разглядеть сквозь плохо отшлифованные стекла спутники Марса и кольцо Сатурна. Тогда я мечтал стать астрофизиком и даже поступил в университет на это отделение физфака. Но судьба распорядилась иначе.

В нескольких метрах от выхода на крышу блеснула обшитая фольгой полусфера обсерватории Мадулы. Он взялся за подковообразный замок и вставил в него ключ. В этот миг из-за вентиляционных будок метнулись тени, и руки мои оказались за спиной. Но пистолет тупо

шлепнулся на смолистый рубероид, а запястья сомкнули цепкие наручники. Мадулу тоже свалили с ног, изо рта у него торчал белый хвост кляпа. Мой рот уже был залеплен каким-то мерзким пластырем, но на ногах я все же стоял. Полюбовался звездочками, хохотнул внутренний голос, но тут меня оглушили...

Очнулся от боли в мышце: вводили какую-то инъекцию. Два здоровенных лба с закрытыми чем-то черным лицами держали меня за ремень брюк у самого края крыши. Тот, что делал укол, схватил за волосы:

— Ну, что, сука ментовская, будем договариваться?

— Или мы тебя сейчас отсюда отпустим вместе с профессором, а? — проговорил другой. — Коньячку перебрали и звездочек недосчитались...

— Кто вы? — промычал я, едва шевеля языком под пластырем.

— А это неважно. Работенка у тебя будет непыльная, да и жалование раз в десять твоего нынешнего оклада.

— Что я должен делать?

— Для первого раза отвезешь в Москву сверточек кило на семь и передашь кому надо. Ты же со своей компанией без досмотра в самолетик садишься. А если забалуешь, у нас адресок по проспекту Андропова есть, квартира сто шесть. А там у тебя детки малые и женушка сладкая. Ты же без них с тоски помрешь...

Ноги мои подкосились, я обмяк, но они крепко держали за ремень. "А как же ребята? — крутилось в голове. — Они мне этого не простят..."

— Ну, давай телись, а то времени нету! — приказал старший, стоявший сзади.

Я молчал.

— Тогда поехали...

Меня приподняли над краем крыши, и внутри что-то оборвалось.

— Не надо! — взвыл я, пытаюсь губами разлепить пластырь.

— Сделаешь?

Почувствовав ногами крышу, я согласно мотнул головой и тут же потерял сознание.

...Говорят, что в гостиницу меня доставили два милиционера, подобравшие у входа в ресторан. Здесь я пришел в себя: в номере было пусто — не то мои коллеги еще не вернулись, не то уехали... Но мне было совершенно все равно, и поэтому я проспал до обеда, пока не утихла головная боль.

К вечеру собрал свои манатки и, рассчитавшись за

гостиницу, поехал в аэропорт. Билетов на Москву не было, и пришлось обратиться в линейный отдел милиции, откуда позвонил в Управление и получил "добро". Мне было велено брать любой билет на любое число и ждать регистрации вечернего рейса, куда меня оформляли "на посадку".

Билет взял быстро, но, когда направился к стойке регистрации, ко мне подошел человек с типичным кавказским лицом и вручил пакет, с просьбой передать его во Внуково седому мужчине среднего роста в шляпе и с газетой "Советская Россия" в левой руке.

Когда регистрация на рейс подходила к концу, появился сержант, к которому я обращался, и провел меня в комнату особого досмотра. Здесь, в присутствии двух местных сотрудников безопасности, вскрыли сверток, едва уместившийся в моей сумке. В нем было семь с половиной килограммов транзитной маковой соломки. Я думал, что пакет вернут и меня благополучно проводят к самолету, чтобы "нормально" встретиться с покупателем. Но местные ребята пошли по другому пути: они отправили меня обратно в город в сопровождении комитетчика и шофера-милиционера.

Когда мы подъехали к железнодорожному переезду, нас почти вплотную блокировали два "жигуленка". Мои сопровождающие перепугались насмерть и тут же выдали меня преследователям, среди которых я узнал двоих, державших меня на краю крыши. Теперь меня повезли в неизвестном направлении через перевалы и непроглядную темень. Но мне уже было решительно все равно, что они со мной сделают. Свой долг я выполнил, как мог, невзирая на угрозы расправы с моей семьей. Мало того — я даже попросил у них чего-нибудь выпить, и после этого вообще закрыл глаза, стараясь успокоиться, чтобы достойно принять смерть.

Мы проехали часа полтора, потом пошла грунтовая дорога — по днищу машины застучала щебенка, и она сбавила ход; вскоре она остановилась среди заброшенных строений заводского типа. Меня потащили в темный гараж и велели спуститься по лестнице в подвал. Здесь было уютно и светло.

Я сел на стул, а мой сопровождающий поставил на стол мою сумку и вытащил из нее тот самый сверток. Тут же отворилась узкая дверь, и к столу подошел Мадуга. Он был в сапогах и фуфайке.

Я смотрел на него не отрываясь: таким запомнил его на плодоовощной базе, куда нас направляли работать во

время учебы. Тогда он бригадирствовал, как парторг группы. И еще я запомнил из той поры его злые, готовые выскочить зрачки.

— Ну, где твои тысячи дорог? — ехидно спросил он меня. — У нас хоть и одна, так железная!

— О чем это ты? — удивился я, борясь с волнением.

— Я тебя же предупреждал: у нас с такими делами шутить не любят. Придется тебе мемуары на том свете писать.

— Ну что ж, на том, так на том. Только видит Бог — я вас не сдавал и делал так, как вы просили.

— Это ты интеллигентно сказал: просили. Я никого никогда не прошу. Я приказываю. Понял?

— Ну и какие у тебя доказательства, что я вас сдал?

— Кагэбешник, который тебя вез, сознался. Мало? И еще: из линейного отдела аэропорта в свое управление звонил, сказал, что едешь с товаром, и просил встретить "очень хорошо".

"Вот и все, — подумал я, — Теперь уже нет никакой надежды — поплывет мой труп в холодной водичке Терека..."

— Но у тебя есть последний шанс...

— Все равно вы убьете меня!

— А может, и нет? Если сдашь всех своих, отправлю за кордон — там мне люди нужны.

— Это куда, интересно?

— В одно из европейских государств, а может, и в Америку. Коли заслужишь, конечно.

— А здесь стану без вести пропавшим?

— Ну и что? Мы все на этой земле немножко без вести. Или ты хочешь стать известным прахом? Чтоб тебя в коробочке жена на кладбище отнесла?

— Что вы хотите от меня?

— Совсем немного: что вашей команде известно о нас, наших связях, наших людях, нашем деле. Полная информация о вас и вашем подразделении: имена, адреса, сведения о семьях и родственниках. Ваши планы и сроки мероприятий.

— Этого я не могу знать и никогда не узнаю. Я только журналист, и это выше моих возможностей, даже если бы и очень захотел. Поэтому теперь не телись ты, Мадула. Кончай меня быстрее. У тебя нет другого пути, хоть ты бы и горел желанием пощадить меня. Твоя банда тебе этого не простит...

Он несколько секунд глядел на меня глазами полными бешенства, потом что-то прошипел на своем языке и поднялся по лестнице.

Меня заперли в подвале, поставив парашу и бочок с водой. Немного успокоившись, я соорудил из пустых ящиков подобие ложа, расстелил на нем валявшееся под стеной тряпье и стал ждать своей участи. На душе было гадко, над головой скреблись мыши, и поэтому я не придумал ничего лучшего, чем вполголоса читать стихи. Вспоминал Есенина, Блока, Гумилева, Бунина, Набокова... Так прошло несколько часов, а может, и сутки, пока не явился мой стражник Магомет со шприцем в руке.

— Сопротивляться бесполезно, — ухмыльнулся он, — иначе будет еще хуже, — и всадил мне иглу в вену.

Когда он ушел, перед глазами все поплыло — я как будто куда-то провалился. Не знаю, сколько это длилось по времени, но потом все выровнялось.

Я очнулся, чувствуя необыкновенную легкость в теле. Дверь подвала была распахнута, и на пороге стоял Мадула, держа плечики с чистой белой рубашкой. Я все понял, подошел к нему и взял рубашку. А когда надел ее, мне завели руки за спину, связали их и повели наверх.

Яркий дневной свет ослепил — несколько секунд я вообще не мог открыть глаза, а меня подталкивали коленкой к "козлу" (ГАЗ-69) со снятым брезентом. Когда я сел в него, то не увидел щитка приборов и даже педаль, а машина стояла на спуске, который обрывался в глубокую кручу. Вдоль кручи белела каменистая дорога, убегая в густые заросли пышной зелени.

Видимо, вся банда Мадулы была в сборе — около дюжины человек. Они были довольны такой необычной казнью, а профессор даже собирался произнести речь, как вдруг из-за ущелий послышался гулкий шум: два вертолета стремительно приближались к нам.

— Пускай! — заорал Мадула Магомеду, стоявшему рядом со мной.

Машину подтолкнули, и она, вздрогнув, покатилась к пропасти.

Из приближающегося вертолета ударил пулемет. Я оглянулся: Мадула и еще двое упали на землю, остальные бросились врассыпную, прячась за сараями и складами. Мой "козел" разогнался, подпрыгивая на камнях. Я решил выпрыгнуть, но с ужасом обнаружил, что привязан к сидению. И тут увидел, мне наперерез мчит-ся из зарослей грузовик (ЗИЛ-130). Сквозь грохот и шум вертолетов, с которых уже не стреляли, кто-то кричал в рупор, выставленный из кабины, чтобы я ложился

на пол. Потом было столкновение, "козел" перевернулся.

Я оказался придавленным машиной. Правая рука была сломана, лицо разбито, но от радостного ощущения, что жив, даже не чувствовал боли. Машину осторожно приподняли, и я увидел веселое лицо Ахмета.

— Живой! — воскликнул он, перерезая веревку за моей спиной.

Из ущелья донеслись одиночные выстрелы — значит, все-таки кого-то упустили. Горел сарай рядом с гаражом. Шифер так трещал, что, казалось, заглушал даже автоматные очереди.

Подшли мои коллеги, старший опер Саша Бодрый взял меня под левую руку.

— Ты уже, наверное, ни на что не надеялся? — спросил он, пытаясь улыбнуться.

— Они меня чем-то кололи, и мне все было безразлично.

— Твари! Но, слава Богу, мы хоть успели.

Мы подошли к вертолету. Здесь на траве лежал раненый Мадула.

Он смотрел на меня глазами загнанного волка. Я напрыг память и, присев перед ним на корточки, сказал на прощанье:

— Жаль, профессор, что теперь коран выйдет в другом переводе. Там о тебе была очень удачная мудрость: "Кто возился с дровами, тот возился и с золой!"

Он плюнул мне в лицо и отвернулся. Это было последним выражением его ненависти. Бандит знал, что "вышки" ему не миновать...

В вертолете у меня неожиданно закружилась голова: глаза жгло огнем, в ушах звенела какая-то шальная музыка. И вдруг я увидел живую Катю, сидящую рядом с Саидом. Она смотрела на меня в упор своими широко раскрытыми глазами. Что было потом — не помню.

...Я провалялся в больнице два месяца. Семью перевезли в другой город, и поэтому меня никто не навещал. И только когда Саша Бодрый сообщил, что при задержании убит последний преступник из банды Мадулы, на душе отлегло: я даже стал подходить к окну и в первый раз за время лечения попросился на прогулку. Однако страх еще долго преследовал меня, хотя смерти уже и не страшился. Но меня боялись родные, и я сам боялся жить. В таком состоянии я находился больше года и только теперь, как мне кажется, вполне здоров.

КАК КАЗАК НА ДНЕСТРЕ КАЧАН ПАРИЛ

Велики судьбы славянского народа! Недаром дана ему эта спокойная сила души, эта великая простота и бессознательность силы!..

Лев Толстой. "Как умирают русские солдаты"

Тирасполь прощался с погибшим казаком. Гроб с телом убитого подвезли к Дому офицеров, где собралось тысяч пять жителей. Из окон и с балконов близлежащих домов глядели на панихиду жены и дети офицеров четырнадцатой армии, которой маршал Шапошников приказал в конфликт не вмешиваться. Траурная музыка прерывалась надрывно-патриотическим голосом:

— Володя погиб за нашу молодую республику! Защитим родное Приднестровье от румынского агрессора!..

Я стоял перед гробом, держа в руках диктофон и шляпу. Судьба покойного, голос из репродуктора и мое "я" оказались связанными в узел, развяжет который только вечность. Дело в том, что наши пути уже пересекались. Пятнадцать лет назад. В комитете ВЛКСМ завода литейных машин имени С. М. Кирова, куда мы с казаком Владимиром Глининым* пришли оформляться на работу в обрубочное отделение литейного цеха.

Секретарь комитета комсомола завода, ныне активистка стачкома Приднестровья Елена Андреева, чей голос, усиленный мощным громкоговорителем, витал над гробом, чихвостила тогда бедного Глинина за то, что его в армии исключили из комсомола. Теперь же она называла его героем. Жизнь все расставляет на свои места: кому бесславие, а кому бессмертие. Помню, мне тогда тоже здорово досталось от комсомолки Андреевой за то, что я, учитель, выпускник университета... и не комсомолец. "Если бы я была директором школы, — визжала она так, что под блузкой дрожала ее грудь, — я бы тебя

* Фамилия героя изменена.

не то что в учителя, а на порог советской школы не пустила!" Но Бог ей судья, я на нее не в обиде. Она пошла своей дорогой: заочно закончила юрфак, дошла до второго секретаря райкома, потом возглавила собес горисполкома, потом что-то еще, а с ликвидацией КПСС стала "атаманом бабского батальона красно-коричневых", как выражаются ныне "демократы". Конечно, Андреева со своей командой в Тирасполе — бельмо на глазу человеческого лица Левобережья. Но что поделаешь! И она делает доброе дело. Взять хотя бы организацию этих похорон. Дюжина мужиков не вытянет такое, что нередко тащит на своих плечах эта могучая баба. А недавно она со своей командой "выбила" в одной из частей несколько бэтэров...

— Ты, наверное, баптист! — поставила она мне тогда диагноз и грозилась выявить мои религиозные связи.

Религиозных не выявила, а вот за антисоветчину однажды взгрела. Как-то на обеде я рассказал бригаде, за что выдворили из страны Солженицына. Кто-то, конечно, за пятак с дыркой стукнул. Но сделать со мной ничего не смогли — не выгонять же с работы, куда никто, кроме зэков и алкашей, не шел. Очень тяжело было в литейке. Но Бог с ней, с Андреевой. Может, потому, что потрепала она на славу нервы Глинину, теперь и плачет покаянно у гроба.

Строго и одухотворенно его мертвое лицо. Оно бело как мел, а борода словно серебряная. Как же он успел за свои сорок лет так состариться! И какую жизнью жил! Адская работа, пьянка, скандалы с женой. И тоска. А человеком он был жуть каким веселым. Ни дня без анекдотов, кажется, благодаря им и жил. Я вдруг поймал себя на том, что, приехав в Тирасполь пятнадцать лет спустя и увидев уйму состарившихся знакомых, не обнаружил в их жизни никаких изменений. Люди остались такими же, какими были раньше. Те же заботы, те же проблемы, те же анекдоты. Только вот — война. Она вырвала из самых низов, из самой серятины жизни настоящих героев. И один из них — Володя Глинин — насмешник, ерник, пьяница, но при этом первоклассный орубщик...

Я приехал из Москвы четыре дня назад по заданию еще недавно первого журнала страны "Советский Союз". Теперь он называется "Воскресенье", а за рубеж идет под названием "Новая Россия". Оформив пропуск в пресс-центр правительства Приднестровья, я предъявил документы у входа в Белый дом. Однако, пока часовые

изучали мое удостоверение, некто седобородый в казачьей форме положил мне руку на плечо. Я глядел на него не отрываясь. А он улыбался:

— Не узнаешь?

— Нет.

— А ну-ка обрубку вспомни, змей!

— Глинин?!

— Гля, признал!

— А чего ты такой старый? Мы же вроде почти ровесники.

— Жинка-стерва достала, а потом и водочка...

— Так надо бы за такую встречу!

— Отгулялись казаки. Теперь война, брат. Нельзя. А то пару плеток схлопочешь.

— Ну, расскажи, как у вас?

— Шо тебе рассказать? Ты шо, не видишь?

— С молдаванами воюете?

— Нельзя так говорить. У нас тут половина молдаван в казаках. С румынами! Все, кто с правого берега пуляет — румыны у нас называются. А Молдавия здесь осталась. Тирасполь теперь столица.

Оформив "охранную грамоту" ПМР в пресс-центре правительства, я "выбил" транспорт для поездки в район боевых действий. Это был старый неуклюжий "ЛАЗ" с тридцатилетним лихим водилой, который проскакивал между бетонными блоками, перегораживающими трассу, на бешеной скорости. Я в страхе закрывал глаза, а Глинин, сопровождавший меня, выхватывал швайку (собственноручно изготовленный на заводе штык-нож) и подставлял к горлу водиле:

— Ты помедленнее, змей, нам еще повоевать надо. А то кореша мне разобьешь, а ему в Москву репортаж передавать надо!

— Какой он тебе кореш? — удивлялся водила, сбрасывая газ.

— Да обрубщик он, напарник мой. В люди, вишь, выбился. Не то что мы с тобой — пьянь да рвань, — и поправлял ремень автомата, съезжавший с плеча от тряски и быстрой езды.

Кое-как мы с ним выпросили "АКМ" у атамана — оружия катастрофически не хватает. И всего две обоймы. Но у него еще была лимонка и швайка, а у меня газовый пистолет "РЕСК". Я так был рад встрече с Глининым, что в памяти то и дело всплывали сцены из его жизни, рассказанные им когда-то в перекур или на обеде.

— Шкода я был, а не пацан, — вспоминал о детстве

Глинин. — Было мне четырнадцать лет, когда мать на-лила мне ванну воды и говорит: "Раздевайся, сынок, и залазь, а я тебе спину помою". А я подвоху не чую, большой уже дурень, года три как она меня уже не мыла, разделся и залез. А она берет ремень, в воде его помочила и спрашивает: "А ну, скажи, кто Ленку Савенко спортил, а?" И давай мне спину полосовать. Я два дня пластом лежал. А мать ни врача, ни фельдшара не вызывала. А как-то ночью просыпаюсь, а она сидит надо мной и плачет. Ну потом я вроде девок не трогал.

— Ты расскажи, за что тебя-то из комсомола в армии выгнали? — донимал я его.

— А шо? Может русский солдат на трояк в месяц выпить? На курево даже не хватало. А я в ГДР служил, на станции Нейстрелиц. Так вот когда наши офицера контейнеры в Союз отправляли, я одного немца-крановщика и подговорил: ты с каждого контейнера бутылку требуй, у русских это принято, традицион значит, а потом вместе и выпьем. Ну и наладили мы, значит, шару. Контейнеры не грузятся, офицера к крановщику бегут, а тот: "Пан на водку даст — поедет!" Полковники матерятся: и в Германию наши заразу занесли! А потом дознание военной прокуратуры — вымогательство получается. Так тот немец, сука, меня и сдал: он, вроде, ни при чем, его подставили, ему сказали, что это русская традиция... А вместе с нами, змей, лакал... Обнимался, целовался... Ну, меня хотели под трибунал, потом сжалились — из комсомола выгнали, чему я всей душой порадовался...

Много историй рассказывал Глинин о своих похождениях. Но более всего я запомнил про его двоюродного брата Володю Маловицкого — ростовского пьяницу, геройски погибшего в схватке с бандитами. А дело было так.

Работал Маловицкий плотником в НИИ. В его подвал, где была мастерская, нередко заглядывали инженеры — раздавить пузырек. Конечно, перепадало и хозяину. И он "стрелял по рваному" у своих гостей на пиво. Особенно по утрам. А тут как назло перед зарплатой ни у кого ни гроша. В два часа пополудни должны были деньги привезти. Маловицкий целый день на лавочке перед институтом просидел — кассиршу ждал. Приехала она уже в третьем часу, из машины с сумкой выходит, а тут известные братья Толстопятовы подка-тывают. Это была знаменитая банда грабителей в Ростове с самодельными ручными автоматами и грана-

тами, а похмельный Володя им наперерез — на глазах без зарплаты остается! Ну они его и прошили крест-накрест, из-за чего и вышла у них накладочка со временем. Успели милицию вызвать. Села им на хвост группа захвата. Банду взяли. Один из Толстопятовых, всю жизнь мечтавший лучше умереть на мешке с деньгами, чем под забором, так и скончался в перестрелке на этой сумке с институтской зарплатой. Может быть, грабители и ушли бы, если б взорвалась граната, брошенная в милицейский газик. Но что-то в ней не сработало. А погибшего Володю Маловицкого похоронили с почестями, как героя. И даже улицу Портовую в его честь переименовали. Только жители долго возмущались: он нам тут все углы обмочил, а вы его фамилией улицу назвали. Но так было, и Глинин гордился своим двоюродным братом, хотя однажды в пивбаре сознался: "Трубы у него горели, похмелиться хотел, как перед смертью, а тут эти суки бабки на глазах отнимают, свои же кровные бабки, оттого и не стерпела душа брательника..."

При выезде из Григориополя я попросил водилу остановиться. Здесь вчера террористы с правого берега обстреляли машину "скорой помощи". Дед, сидевший на лавочке крайнего дома, рассказал:

— Де-то часа у два ночи дило було. Скорая помочь с Теи йихала, бабу рожать везла, дитенок був годив шить та ще родня. Йихалы воны со светом у середке, с билым флагом. Йих остановылы, подывылысь, хто таки и шо, а колы машина трохи отйихала — по ней с усих автоматов и пулеметив! Акушерку насмерть, шохвера — тяжко, роженицу та дитенка — у плэчи та у грудь...

— Это что же за звери такие, что детей и беременных?.. — возмущался я.

— Тэрргруппа, — пояснил дед со знанием дела. — Бачилы бы вы йих. Уси у наколках! Кажуть, шо у Кишиневи йих з тюрем збирають, срок на условний переписують, та сюды засылають. Ночью через Днест переправляюця, нашкодють та назад тикають. А то и днем бабы йихни сюды через мост ходють, вроде до родни, а у самих под платтямы взрывчатка привязана. Було дило, шо ловылы йих и у казачьей хворме.

— Ну бля! — вскипел Глинин. — Сейчас еще деревья голые, а как листья пойдут — хана! И переправляться не надо. Все у них уже заготовлено, все адреса расписаны — которого сперва. Только сигнала ждуть, когда начинать. Позывной у них — "Белая акация".

Когда мы забрались в автобус, Глинин закурил свою "Астру" и, сплевывая крошки табака, продолжал:

— В Тирасполе весь народный фронт арестовать надо, иначе диверсий не миновать. Я их человек двадцать лично знаю. Сам гонял. Это же такие суки тупорылые! Чего Смирнов медлит — не знаю! Какая тут, к херу, демократия, когда они такое творят?!

— Это, наверное, почти весь пединститут? — спросил я. — Там же всегда рассадник национализма был...

— Мы на чердаке пединститута столько оружия нашли! А когда они в драмтеатре свои сборища проводили, мы из него подземный ход обнаружили. Знаешь, куда он ведет? Аж в Суклею! Так вот стою я там на стреме, свечку в нишу вставил, и тут на меня один бугай прет. Думаю, затопчет. Так, ни с того ни с сего, я ему взял и в рожу плюнул — в глаз попал. Он полез вытираться, и тут я ему по зубам. Обе губы, как сосиски, так поперек и треснули. Тут и наши подоспели, повязали мы его. А эти демократы утром выпустили...

— Казаки! — выкрикнул шофер и резко затормозил.

Тут только я увидел окопы вдоль шоссе и казачьи лампы. Казаки окружили наш автобус и потребовали документы. Фотоаппарат мне велели убрать — "а то разобьем". Я расстроился, но Глинин успокоил:

— Ничо. Ты только на морды прямо не наводи. А то на родине на них уголовные дела завели, по семь лет обещают.

Мы пошли по окопам. Ребята молодые, шустрые, за словом в карман не лезут. Рядом с ними поблек даже Глинин. Вот и кубанцы, мои земляки. Я обнял одного из них:

— Зовут-то тебя как?

— Саня.

— Сюда как попал?

— В Москве на филфаке учился. Заболел, попал в больницу. Услыхал по радио, что наши воюют здесь. Вот с больницы сюда и убег.

— За что воюешь?

— За землю русскую, кровью наших дедов политую.

— Славы хочешь?

— А кто ж ее не хочет?

— А погибнешь?

— Еще больше слава будет.

— Ну а вдруг в плен?

— Казаки в плен не сдаются, — резко ответил стоявший рядом с ним донской казак. — По нам на том

берегу пилорама плачет. А если все патроны расстреляем, у меня вот лимонка припасена. Обнимемся с кубанцем и подорвемся. Правда, Саня?

— Только бы перед этим делом надо бы хорошенько качан попарить! — согласился Саня, и казаки рассмеялись.

— Что это значит? — удивился я.

— Я тебе потом расскажу, — пообещал Глинин.

— Ну а сколько за ваши головы румыны обещают?

— Голова казака — шестьсот пятьдесят тысяч стоит, — ответил Саня. — Но, учитывая инфляцию...

— Что ж так дорого?

— А то, шо мы втроем у них бэтээр в плен взяли. С одними акэемами. И еще на нем три раза в атаку ходили. Теперь он на ремонте в сельхозтехнике.

— Какой бэтээр?

— БТР-80. На вооружение в европейскую часть не поступал.

Значит, из Румынии, как и гранаты, и автоматы...

— Как вы его пленили?

— У них пулемет заклинило...

— Да... Молодцы!

— Не казачье это дело — обороняться. Наше дело — наступать. Нехай приказ дадут, мы за три дня до Бухареста дойдем! — прихвастнул донской казак.

Веселый народ казаки. Жизнь востребовала эту особую породу русских людей, которые еще недавно жили как в присказке о гармошке. Мечтали два мужика, говорилось в ней, купить гармошку. Два месяца не пили, копили деньги. Наконец купили, решили обмыть и так напились, что сил не было гармошку попробовать. А поутру проснулись — голова болит, не до нее. Надо срочно похмелиться. Продали гармошку — похмелились... Теперь это племя преобразилось. Не до питья и не до гармошек. Поистине, люди войны!

Обойдя все казачьи окопы мы двинулись к своему автобусу. Водила уже перегнал его за БМП — на случай обстрела. Но бой только приближался со стороны Дубоссар, и мы ехали навстречу ему.

— А что такое качан парить? — спросил я Глинина, встав на ступеньку "ЛАЗа".

Глинин ухмыльнулся, свистнул водиле и сел, сняв с мокрой головы фуражку.

— Ну у нас на базе есть так называемая "группа поддержки". Казачки, словом. Такие телки, пальчики оближешь. Вот мы и ходим к ним качан парить. Хочешь,

тебя к ним отведу?

— Да нет, что ты...

— А-га!.. Это если они еще захотят. Хоть и бабы горячие, а все с плетками. Кому не захотят дать — не подступишься...

— Так я их видел у Белого дома! Они все в форме, португях и с плетками за поясом.

— Во-во! У меня там такая милашка есть!.. Как с передовой вернусь — помоюсь и к ней. Горячая как огонь. А жена дома слюной брызжет, телефон обрывает: вернулся из боя или нет.

— Но ты хоть пощади ее, старушку.

— Та ей много не надо, хватает. Была б человеком, может, я бы в эту баньку и не ходил. Вернулся — сразу домой. Только она из меня за эти двадцать лет столько крови выпила, что все обрыдло. Заявление в милицию писала, что я сына спаиваю, а в партком сколько бегала!

— Твой же сын в армии.

— Ну, это до армии. Кончил он ПТУ, стал работать. Гляжу, под газом приходит. Ну я его стал со своими мужиками брать. Все ж таки под присмотром: я — стакан, он — половину, я — два, он — полный. И вместе домой. Не болтается где-то, а с отцом. Так она, выдра, участковому: мой муж спаивает сына, старого — в ЛТП, молодого на учет! Во дура!.. Можешь меня блядуном считать. Это твое дело. Только я после твоего отъезда тоже стал книжки читать. Как-то, помню, у тебя увидал такую: "Монтень. Опыты". И веришь, ездил в Одессу на книжный базар и за хрен знает сколько ее купил. Особо интересно не было, но кое-что я запомнил на оставшуюся жизнь. Как ты там Ницше, Шопенгауэра или Фрейда по памяти цитировал, так я тебе словами Монтеня по поводу качана скажу: "... некоторые добродетели, например, целомудрие, воздержание и умеренность могут быть обусловлены физическими недостатками". Скажи, что это не так! Поэтому о странностях любви говорить не будем...

Я растерялся. Седобородый казак Глинин цитирует Монтеня. Это уже слишком. Но это правда, и это прекрасно!

При въезде в Дубоссары на "Кругу" у нас снова проверили документы. Сходили к взорванному мосту. Я, с разрешения сопровождающих, прихватил с собой учебную мину килограммов сорок весом и тащил ее до самого автобуса, стоявшего у поста ГАИ, где размещался

штаб. Попросил гвардейца выяснить у командира, можно ли ее взять с собой.

— Зачем она тебе? — смеялся Глинин. — Это же против бэтээров, на нее нагрузка килограммов девяносто нужна, чтоб она рванула.

— Под Белый дом подложу или Ельцину презентую. Может, задумается, наконец, о русских людях...

Гвардеец вернулся от командира и запретил брать мину.

— Может, она не учебная, — ошарашил он меня. — Румынам в бинокли это не видать. Так шо оставьте ее здесь, мы ее обратно к мосту снесем.

Я с сожалением приставил мину к стене и залез в автобус. Конечно, везти в Москву ее было глупо и нереально. Но что-то двигало мною в случае с нею, и в этом безрассудном порыве было страстное желание прокричать на весь мир: Что же происходит с Россией?! О чем думают коты в уютных креслах Кремля?! Кто защитит славян на этой исконно славянской земле?! Ельцины, гайдары, бурбулисы, хасбулатовы?.. Да среди них нет ни одного русского человека, как не было в большевистском рабоче-крестьянском правительстве Ленина ни одного рабочего или крестьянина! История повторяется, ее уроки никого не учат! Горе пришло на российскую землю, и подлые профессора — ее нынешние правители — бросят ее в смертный час и ловко устроятся читать лекции в каком-нибудь заморском университете! Как это сделал Иуда XX века Михаил Горбачев!..

В Дубоссарах нас сытно покормили, и мы выехали на окраину города к ГРЭС. Здесь уже простреливались все улицы, и на плотину пришлось перебираться перебежками.

"Брюки не жалеть! Пять шагов — и падать!" — эту команду атамана мы четко выполняли. Но какой черт нес с нами водилу? Ему-то что делать на плотине? Тоже казачина!

Едва мы оказались на плотине, как румыны открыли огонь. Ее защитники обстреливались с двух сторон. Заунали мины. Одной снесло пол дерева. Глинин берег патроны. А казаки отстреливались одиночными.

Глинин притащил ко мне двух казаков. Один с Урала, другой — с Дальнего Востока. Подошли украинцы. Среди них — казак из Запорожья.

— Вон, видите, это микрорайон на окраине Дубоссар, — указал рукой запорожец. — Они ночью переправились на пароме — человек девяносто и несколько бэтээров —

и захватили жилые дома. Из них и стреляют. А мы не можем отвечать, потому что там наверняка люди: старики, дети. Вот они, суки, сегодня утром пристрелялись, пообедали и сейчас начнут. Так что вы давайте побыстрее и тикайте отсюда.

— Так здесь вам с двух сторон теперь — и в лицо и в спину?

— Как видите. Оно бы ничего, если б было-то оружие нормальное. Вон у него, — он кивнул на целящегося казака, — карабин аж 1943 года выпуска. Что мы им можем сделать? Ну, шины у бэтээров бьем, еще что-то в этом роде.

— Этим-то против "шилки"?

— А что поделаешь! Да еще они по своему "Месажеру" передают, что мы над ранеными издеваемся. Та если б мы издевались, не так бы обидно было. Видели бы вы их пленных! Рожи красные, квадратные, кто ранен — сразу в госпиталь. Пальцем никого не трогаем. А они?.. Знаете, когда у мертвого что-то отрубают, то кровь не затекает, потому что она уже свернулась. А у наших раненых, прямо живых, они пальцы отрубают, что курок держат. Одному лежащему казаку прямо в упор голову изрешетили, у другого такая голова была, что я его в морге не узнал — ладонями не обхватишь...

— Отчего?

— Били, опухла так.

Рядом ухнула мина. Казаки переглянулись.

— Если попадут в плотину, то хана, — продолжал запорожец. — Затопит тут все села внизу, а Тирасполь и вся Одесская область без питьевой воды останутся.

— Вы как смертники...

— А что делать? Мы готовы умереть, да вот только бы люди знали за что. И Ельцину и Кравчуку на нас насрать. Что ж это за президенты, если свой народ в беде бросают? Вон американцы за тридевять земель флот посылают освобождать своих граждан, взятых в заложники. Из-за двух-трех человек. А наши правители семьсот тысяч своих людей бросили на произвол судьбы. Убивайте всех их — хрен с ними. Или я, может быть, своим мелким умом чего-то недопонимаю? Может, нам, украинцам, за помощью к Канаде обратиться, там же тоже много украинцев. А гагаузы нехай турков зовут — тоже родственники. Должны помочь...

— Почему Кишинев занижает свои потери?

— Это вы у них спросите. Мы тут недавно их человек тридцать с лишним положили. Два дня трупы

валялись. А ночью они их перетаскали в колодец и колодец взорвали. "Месажер" передал, что у них погибло только трое... Видите, как они со своими мертвыми обращаются, что же тогда должны ждать наши раненые? Какого милосердия?

— Значит, у них оружие румынское? — переспросил я украинцев.

— Та у них, у самих, недавно в прессе просочилось, что на таможне с Румынией было задержано шесть большегрузов с оружием, а в декларации стояло: "обмундирование для полиции". Когда уже носом ткнули, они выкрутились: "учебное оружие"...

Бой разгорался. Мы бежали с плотины уже под пулями. Запорожец был прав — надо было быстрее тикать.

На обратном пути из Дубоссар мы с Глининым снова вспоминали литейку. Дело в том, что незадолго перед отъездом из Тирасполя я перешел из обрубки на заливку, и мне даже светило там стать бригадиром. А это означало, что лет через пять я мог бы получить орден Трудового Красного Знамени, а если бы вступил в партию, то можно было рассчитывать и на Золотую Звезду. Были такие разнарядки на каждый год. Так что повернись моя судьба иначе, мог бы я быть и депутатом Верховного Совета СССР и членом правительства нынешней Приднестровской Молдавской Республики. Но если бы был, был бы таким, как Глинин, — рано состарившимся седым казаком. Эта перспектива была более реальна, ибо к тому времени к власти в Тирасполе пришла бы Андреева, а она, уж поверьте, мне бы никакой Звезды не дала...

— В Кошнице бой! — гаркнул наш водила. — Ложись на пол! Может, проскочу!

Но дорогу загораживали БТР и БМП. Пришлось скатиться на обочину и выползти из автобуса, который простреливался "шилкой" как консервная банка. Автоматные очереди били, как барабанная дробь. Раскаты зенитных орудий сотрясали воздух. Семнадцатилетнему казачку на наших глазах оторвало ногу. Глинин тоже выпустил один рожок, а другой берег на остаток дороги. Часа через два все стихло, и мы рванули в сторону Тирасполя. Там я сошел у гостиницы и, взяв у Глинина домашний телефон, собирался позвонить ему за день до отъезда. Но позвонить не пришлось. Через два дня он погиб.

Газета "Днестровская правда" писала: со слов другого казака: "... Боевое дежурство кончалось. Сделали доклад

в штабе Черноморского казачьего войска в Дубоссарах. Получили приказ выехать в Тирасполь. В лесу под Григориополем пришлось снова принять бой. Казаков обстреляли из засады в 21-00. Румынские вояки предпочитают открытому бою стрельбу изподтишка и в темноте. "Я ранен в живот", — это были последние слова Владимира. (Фактически рана в грудь с сильным кровоизлиянием.) Остановили "Жигули" и отправили Владимира в Григориопольскую больницу. Остальные казаки вели бой в лесу перед Григориополем. Рана Владимира оказалась смертельной".

Я разыскал казака, который сидел рядом с Глининым в машине, когда они возвращались с дежурства в Тирасполь.

— Скажи, о чем он говорил до того, как вы напали на засаду?

Казак помялся, потом подобие улыбки скользнуло в его бороду.

— Ну мы же не думали, что смерть впереди. Собирались помыться, по стакану... а Вовка сказал: "А я хочу качан попарить"...

Бросив горсть земли на крышку гроба, опущенного на мемориале Славы в центре Тирасполя, я с трудом через станцию Раздельная (железная дорога из Кишинева была заминирована) вернулся в Москву. Настроение было гадким. Подошел к книжным шкафам в кабинете и увидел "Опыты" Монтеня. Взял книжку и, листая, пытался найти то место, что цитировал Глинин. Но на соседней странице были другие слова писателя, заключающие мудрость неоспоримую. Она была кстати: "Всякая смерть должна соответствовать жизни человека. Умирая, мы остаемся такими же, какими были в жизни..." Жизнь и смерть Глинина тоже говорили об этом.

Через несколько дней мы встретились в одном из ресторанов с канадским режиссером. Он казачьего рода, его дед эмигрант из России. Когда я рассказал ему о казаке Глиnine, он помрачнел до неузнаваемости и вскрикнул:

— А ты не думал, из-за каких сволочей гибнут казаки?

— Каких? — удивился я.

— Из-за ваших, кремлевских! Проблема Приднестровья яйца выеденного не стоит. Это же русская земля! И надо об этом твердо сказать. И все. Румынам Россия не по зубам. А казаков очень жаль...

ОЧЕРКИ

... Мы - дети страшных лет России...
А. Блок

УБИЙСТВО ПО-БОРИСОГЛЕБСКИ

Утром 28 января 1990 года к кооператору Шота, хозяину кафе "Арго" на окраине города Борисоглебска, резко и настойчиво постучали. Заспанный Шота кое-как набросил на себя одежду и открыл дверь.

— Ты спишь, — сердито пробурчал один из милиционеров, стоящих на пороге, — а у тебя тут людей убивают...

— Как убивают? — ошалел кооператор, испугавшись и за себя и за репутацию своего безалкогольного заведения, оборудованного им в неуклюжем запущенном строении.

— Пойдем, показывай место происшествия, — взял его за рукав другой сотрудник милиции.

На скользком, как стекло, гололеде, метрах в десяти от входа в "Арго", темнело бурое, расплзшееся подо льдом пятно крови, а недалеко от него — остатки распотрошенной автоаптечки. Так будет зафиксировано в протоколе осмотра места гибели двадцатидевятилетнего Александра Пономарева, заехавшего в кафе на минутку около двух часов ночи.

До сих пор так и не выяснены конкретные обстоятельства случившегося. Показания свидетелей, данные на предварительном следствии в милиции, противоречивы и запутаны. Точно подтвердить тот или иной факт никто не решается — я ничего не видел, я ничего не знаю... Типичная обывательская психология людей, которые не то что не были, но даже и не хотели быть личностями.

Чтобы доказать, что это так, обрисуем ситуацию, в которой было совершено убийство.

Итак, кафе "Арго". Около двух часов ночи. Многие посетители навеселе, так как под такую закуску, которой потчевал Шота, грех не выпить. Но поскольку кафе безалкогольное ("гениальное" изобретение бывших трагикомических руководителей), спиртное приносили с собой. И тут в дверях появляется Саша Пономарев — парень мастерской, день и ночь за рулем, работал на ремонтной

базе, но в последнее время ударился в сапожное дело (решил иметь хороший заработок, чтобы жениться и безбедно содержать семью). За столиками — друзья, знакомые и одноклассники Александра. Они удивлены его видом: в ватнике, ботинках, едва ли зашнурованных, из кармана фуфайки торчит лебяжья шейка бутылки водки. "Чего ты так?" — удивляются знакомые. "Да я на минутку, по делу", — отвечает он, протираясь между прижавшимися друг к другу танцующими парочками. Кто-то радуется: "Пономарь водку привез!" За крайним столом — двое друзей: Александр Мочалов и Сергей Попов. Первый — дюжий верзила по кличке "Слон", работавший мастером в ИТУ строгого режима, недавно представлен к офицерскому званию; другой — маленький, черненький — сержант ГАИ, пользующийся машиной Мочалова. Он якобы пошел расплачиваться за кофе, когда Пономарев потащил за рукав Мочалова на улицу, требуя от него бутылку водки, которая непонятным образом исчезла у него из кармана, когда он остановился у столика с друзьями — работниками правоохранительных органов.

Слон в этот день был не в духе: разбил машину. А тут ему еще какой-то хлюпик в фуфайке угрожает: "Если не отдашь бутылку — не найдешь на своей машине стекол и резины! Понял?" Дальше все происходило стремительно. Первый свидетель — Горохов, приятель Пономарева, еще меньше его ростом, — обхватил сзади разъяренного Слона и пытался оттащить его от падающего Пономарева, получившего страшный силы удар по голове. "Еще потом я видел замах сапога Слона, но Слон уже падал на бок, и я не успел разглядеть — достал он Пономарева сапогом или нет", — рассказывал нам Горохов. Второй свидетель — Эльмузов — утверждает, что сидел в машине спиной к спорящим и только, когда вылезал из нее, видел, как Мочалов "оттолкнул" от себя замахнувшегося на него Пономарева, или ударил его ребром ладони, отчего Пономарев сначала стукнулся головой о заднее крыло машины, а потом упал на лед.

Пономарев сразу захрипел. Из кафе высыпал народ. Гаишник Попов уже объяснял любопытным, что "пьяный" Пономарев упал и ударился головой. Потом он велел приятелям Пономарева Шишкину и Маликову взять пострадавшего в больницу. "Друзья" решили сдать умирающего в приемный покой как неизвестного, подорванного на улице (чтобы не иметь дела с милицией, поскольку сами были нетрезвы), и вытащили у него из

поскольку сами были нетрезвы), и вытащили у него из одежды все документы. Затем они отогнали стоявшую у кафе машину Пономарева к его дому, "заботясь", дабы ее не "разули", а жена Шишкина якобы пыталась дозвониться матери Пономарева, но не смогла.

В десять часов утра, так и не приходя в сознание, Александр Пономарев умер. И этим же утром милиция возбудила уголовное дело в отношении А. Мочалова по статье 108, ч. 2 УК РСФСР (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть потерпевшего).

Дальше можно было бы со всей очевидностью предположить, что наши высококвалифицированные следственные органы тщательно соберут доказательственный материал, а наш справедливый суд воздаст убийце по заслугам — как минимум лет пять лишения свободы. Но не тут-то было! Мочалов отделался лишь легким испугом: два года исправработ по месту работы с удержанием 20% заработка в доход государства...

В Борисоглебске говорят, что труп Пономарева "купили" за 9 тысяч. Мы, конечно, понимаем, что слухи слухами, и их к делу не пришьешь, но дальнейшие действия правоохранительных органов (следствия, прокуратуры, суда) по делу Мочалова вызывают недоумение и пугают своей накатанной легкостью, которая и порождает в общественном мнении различные слухи и кривотолки. Словом, это и побудило меня отправиться в командировку с кандидатом юридических наук Юрием Жуковым и попытаться разобраться в генезисе явления, которое крайне нежелательно для общества: — у нас-де запросто могут убить человека из-за бутылки водки и спокойно гулять на свободе!..

Мрачен и сер Борисоглебск поздней осенью, как, впрочем, большинство наших провинциальных городков: на дорогах такие лужи, что без сапог не проберешься, чуть в сторону — грязь непролазная, памятник Ленину с протянутой рукой непонятно зачем и для чего, по магазинам как татаро-монголы прошли... И тоска такая, что хочется по-есенински "плясать и плакать под забором" и тут же почить от боли за святую Русь, доведенную до такого безобразного состояния. А вот и кафе "Арго" — как "барак чумной" из песни Владимира Высоцкого "Дом", где

и затеялся смутный, чуждый разговор,
кто-то песню стонал да гармошку терзал,

а припадочный малый, придурок и вор
мне тайком из-под скатерти нож показал...

Да простят меня славные жители Борисоглебска, основанного еще Петром Великим, за такие метафоры, и я сто раз покаюсь, если чем-то обидел их патриотические чувства. Но в дни той грустной и тяжелой работы он казался именно таким: "где народишко — каждый третий враг"... И ближнему, и себе!

Итак, мы с Жуковым изучили дело в городском суде и стали встречаться с людьми, имевшими к нему прямое отношение. Первым делом вышли на Слона.

Он работал электриком котельной одной ПМК (после возбуждения уголовного дела о его судьбе в "гулаговской" системе не могло быть и речи) и страшно разволновался, увидев нас. Разговор, конечно, не получился: Слон то курил, то держал дымящуюся сигарету в дрожащей руке.

— Так что же все-таки произошло, Александр?

— Нелепый случай, — бормотал он. — Я его не хотел убивать...

— Но так убил же!

— Я не чувствую своей вины. Сожалею, конечно, что так вышло. Но угрызений у меня нет, он же первый ко мне привязался...

— А бутылка-то была?

— Не было никакой бутылки!

— Вы выпивали в кафе?

— Я пил только кофе, и все!

— Ну а можно было не драться? Ведь вы с ним стояли на гололеде, и опасность удариться была очень велика.

— Ну хорошо, вот что вы будете делать, если у вас попросят прикурить и потом на вас накинута.

— Не знаем, кто-то побежит, кто-то увернется. По-разному себя ведут...

— Нормальный человек сразу должен в лоб дать. Это первая реакция, — как-то нехорошо усмехнулся Слон, и уверенность, граничащая с тупостью, проглянула в его глазах.

Нам все стало ясно: этот человек живет примитивными инстинктами и признает только силу. О каких правовых отношениях толковать с ним, о каком правовом государстве говорить на этом диком уровне? Право для Слона — дать в лоб. Мы пошли прочь от этого верзилы, дрожащего перед нами от страха, как осиновый листок.

Из ПМК мы заехали в ГАИ. Но разыскать сержанта

Попова оказалось не так просто. Он был в двадцати километрах от города на трассе Волгоград-Москва, где произошла какая-то авария. Взяв его домашний телефон, мы приехали в травматологическое отделение районной больницы, где и встретились с врачом Хохловым, делавшим покойному трепанацию черепа. Как и в случае со Слоном разговор у нас был коротким и предельно ясным.

— По материалам дела, пострадавшего оттолкнули, ударили ребром ладони, сильно ударили. Что бы вы могли вспомнить, ведь вы оперировали Пономарева?

— Был удар страшной силы, — не раздумывая отвечал он. — Гематома была справа, и без удара она не возникает. Еще была ушибленная рана в области переносицы, и она могла быть получена от удара ногой. А умер он от сильного удара затылком. Мы сделали все, что смогли, — выпустили гематому с поверхности, и я думал, что он будет жить. Но оказалась еще и гематома внутри мозга, под мягкими мозговыми оболочками. А такую никто не выпустит — ни в Москве, ни в Нью-Йорке. Это кровоизлияние в четвертый желудочек мозга, это очень далеко. А прорыв в желудочек — смерть.

— Как можно в двух словах охарактеризовать причину такой смерти?

— Очень сильный удар, повлекший за собой сразу два кровоизлияния: и субдуральное и эпидуральное. А о механизме их образования я ничего не могу сказать. Я только констатирую факт, — заключил Хохлов. — Такие случаи редки и запоминаются надолго.

Мы вышли из больницы, недоумевая от вопроса: может, прав Мочалов и это случайное стечение обстоятельств? Но ведь Пономарев — молодой и крепкий парень, ему, в конце концов, не семьдесят лет! А потом Слон сказал, что удар был ребром ладони, что совершенно не вяжется с силой удара. Значит, телу было сообщено очень сильное ускорение! Вот только как? Неужели он достал его ногой? И, судя по всему, так оно и было, хотя, кажется, никто этого не видел.

Домашний телефон сержанта Попова был занят вечер, ночь и утро (видимо, снята трубка). Стало ясно, что гаишнику очень не хочется с нами встречаться, и, очевидно, он опасался не напрасно. Мы тоже сделали ход конем, и благодаря председателю горисполкома, связавшегося с начальником ГОВД, Попов предстал

перед нами в кабинете мэра города.

Верченным малым оказался этот сержант. Но, к его несчастью, мы уже располагали довольно значительной информацией о его поведении в ночь убийства. И поэтому одним из первых вопросов был такой:

— Если бы суд вынес частное определение в адрес госавтоинспекции о ваших непонятных действиях в ту ночь, то понимаете ли вы, что тут бы встал вопрос о вашей профнепригодности?

— Понимаю и сознаю. Но я-то тут при чем?

— Вы сидели за столом с Мочаловым?

— Да, сидели, кофе пили, беседовали. Там все приходили, уходили, и я ничего такого не видел. Вышел из кафе, а там толпа и говорят, что кто-то опился и упал, плохо кому-то. Ну, плохо и плохо. Я говорю: в больницу его везите.

— А почему вы не вызвали милицию, "скорую помощь"?

— А чего вызывать-то? Драки я никакой не видел, никаких синяков на Пономареве не было. А потом: откуда звонить?

— А разве в кафе нет телефона?

— Нет там никакого телефона. Да и по всему городу трубки оборваны. Неоткуда звонить. Я повторяю, я сказал: везите его в больницу. И сам посадил его в машину с правой стороны.

— А дальше?

— Я взял и ушел домой. Мне надо было на работу.

— Ну, хорошо, как вы оцениваете происшедшее?

— А чего мне оценивать? И Мочалов мне друг и Пономарев — друг. А из-за чего конфликт? Мочалов говорит, я сам не знаю из-за чего. Сказал, что пошли один на один драться.

— А водка-то была?

— Нет, не знаю. Были слухи, что Пономарев приторговывает водкой. А в кафе спиртного не было. Все сами приносили и пили втихаря в кабинетах.

— Подождите, кто еще был там, на улице? Горохов...

— Горохова там вообще не было. Он сзади сидел за столиком.

— Однако есть его показания, что он оттаскивал Мочалова от Пономарева...

— Я его спрашивал: Толь, чего было. А он говорит, что у них драка получилась. Я спрашиваю: Мочалов ударил ногой его? А он говорит, что не знает, что в темноте все было, что они так поперли друг на друга...

Дальше цитировать словоблудие сержанта Попова нет смысла, ибо и из того, что он сказал, уже все ясно. Нас волновало другое: это каким надо быть подлецом, чтобы обливать грязью покойного, называя при этом его своим другом?! Мы еще дадим оценку действиям Попова, а сейчас воспроизведем фрагмент разговора с М. Шишкиной, которая сидела той ночью в кафе с мужем Шишкиным, отвозившим в больницу бесчувственного Пономарева.

Эта женщина работает старшим воспитателем в детском саду. И поэтому разыскали мы ее довольно быстро. Она была странно удивлена нашему визиту, поскольку мы намеревались встретиться только с ее мужем, о чем она, конечно, уже знала. Но, судя по всему, мы застали ее врасплох, и она говорила с нами очень осторожно, как бы опасаясь сказать что-то лишнее.

— Погибший с мужем были товарищами, — рассказывала она. — Мы часто к ним ездили. Но в тот день были не вместе. В кафе Пономарев зашел на секунду, вид у него был не парадный — в фуфайке. Я не знаю, зачем и к кому он приходил. Через время все стали выходить покурить. Я отошла к зеркалу. Там я видела, что кого-то поднимают. Муж мне сказал, чтоб я не выходила, а потом вернулся и говорит: "Там Саша с разбитой переносицей и без сознания". И когда я вышла, он уже сидел в машине. Я говорила, что надо везти в больницу. Искали ключи от его машины. Я за щеки его попробовала: он как-то дышал странно. И когда муж поехал, я нашла ключи. Я их никому не отдала. Муж приехал, и я спрашиваю, что случилось. Он говорит, что упал. Я говорю: как упал? Вот я сейчас упаду, и меня в больницу, что ли? Не поверила, что сам упал. Вообще, за машину переживали. О том, что Саша умрет, у меня и в мыслях не было. Говорю, надо сказать матери и машину отогнать к дому. Муж предложил позвонить тете Ире. Я вот до сих пор не могу понять, почему она сейчас со мной через силу здоровается. Ведь мы же так волновались и переживали. Решили из кафе позвонить.

— А Попов нам говорил, что там нет телефона!

— Да есть там телефон, даже в справочнике есть! — она встала из-за стола и подошла к книжной полке. — Я сейчас вам номер скажу...

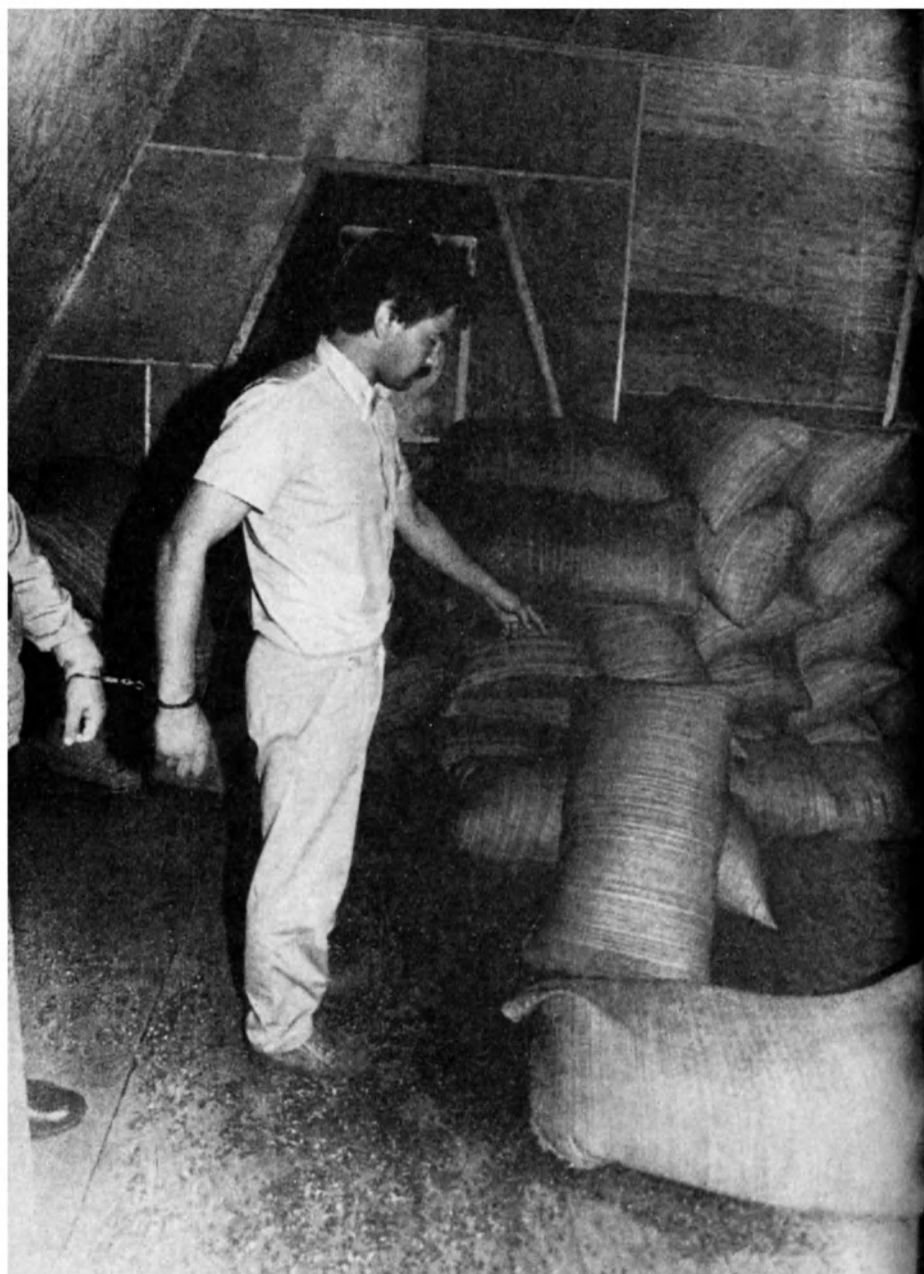
— Это уже не нужно. Так вы позвонили?

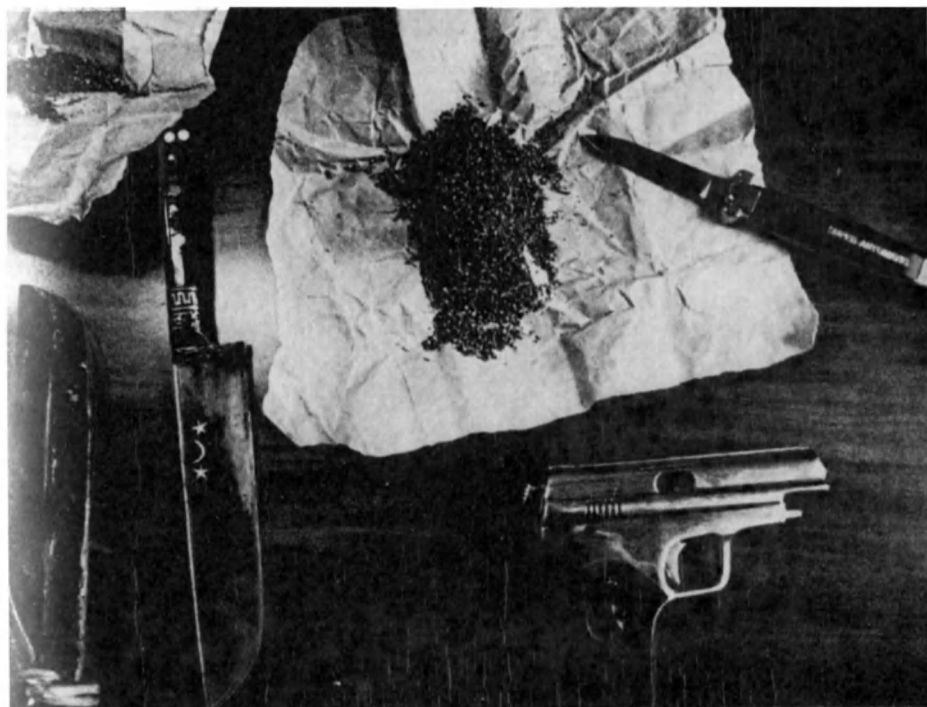
— Стали звонить. А потом из дома звонили. И до-

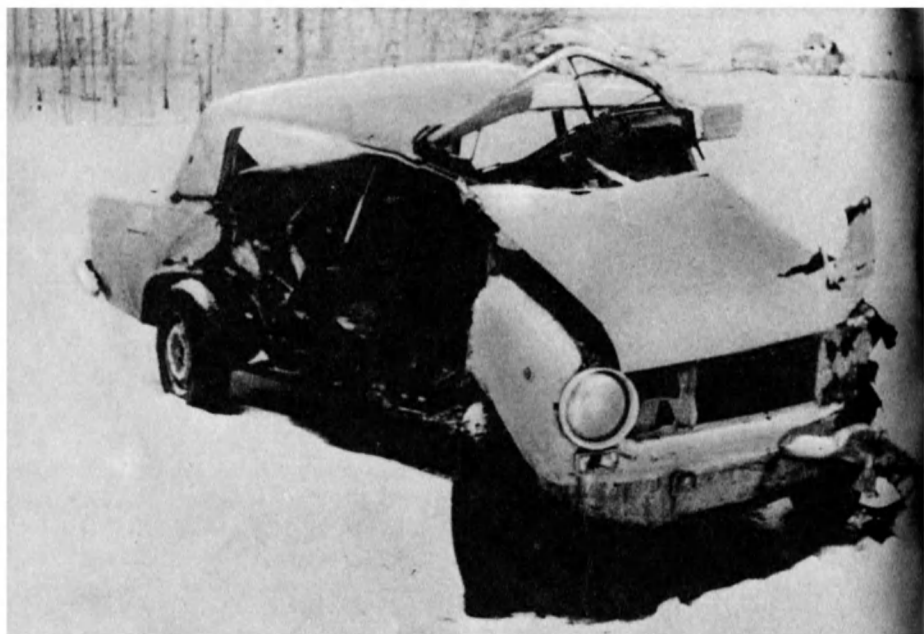
ГОРЯЩИЕ ОКРАИНЫ РОССИИ

В ПЛЕНУ У НАРКОМАФИИ

КАК КАЗАК НА ДНЕСТРЕ КАЧАН ПАРИЛ

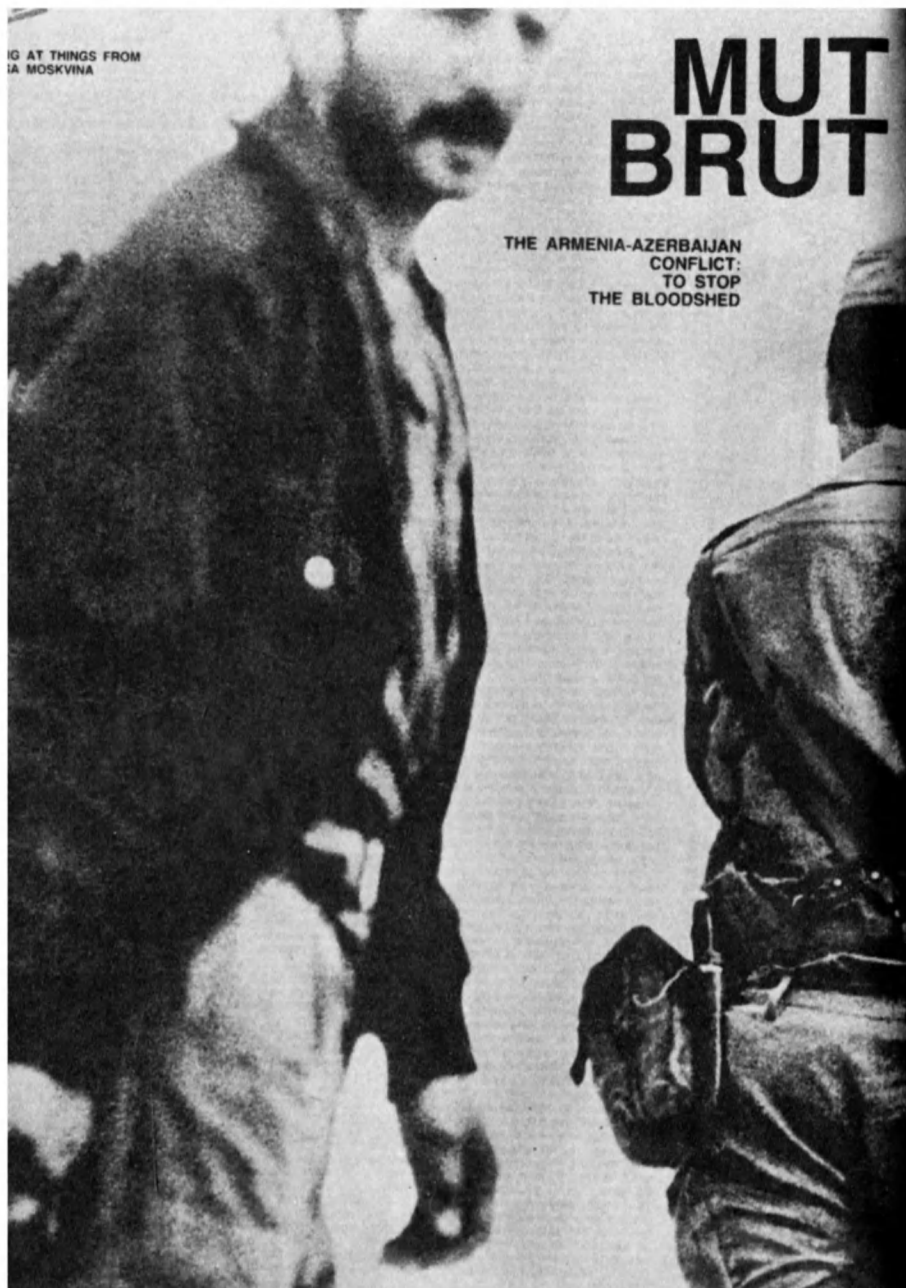

ОБОЮДНОЕ

IG AT THINGS FROM
IA MOSKVINA

MUT BRUT

THE ARMENIA-AZERBAIJAN
CONFLICT:
TO STOP
THE BLOODSHED

ОЗВЕРЕНИЕ

UAL
ALITY

"Я ХОТЕЛ БЫТЬ ПОПОМ..."

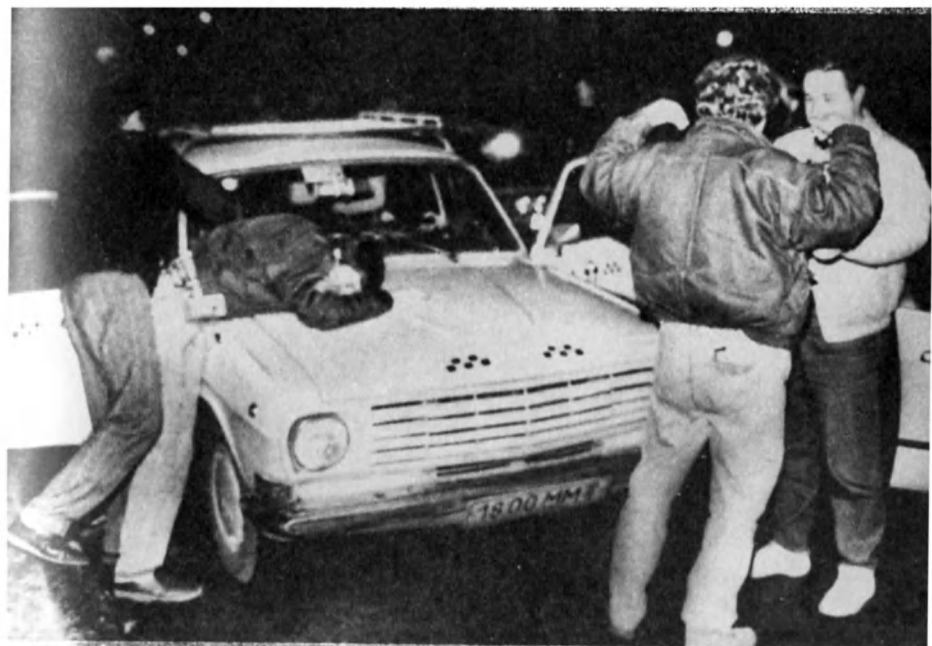

ЯВАСКИЕ ОДНОХЛЕБКИ

ТАКСИСТЫ И МАФИЯ

РИЖСКИЙ ОМОН В ТЮМЕНИ

ВЛАДЫЧИЦА ГРУЗИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

"ТРОЯНСКИЙ КОНЬ"

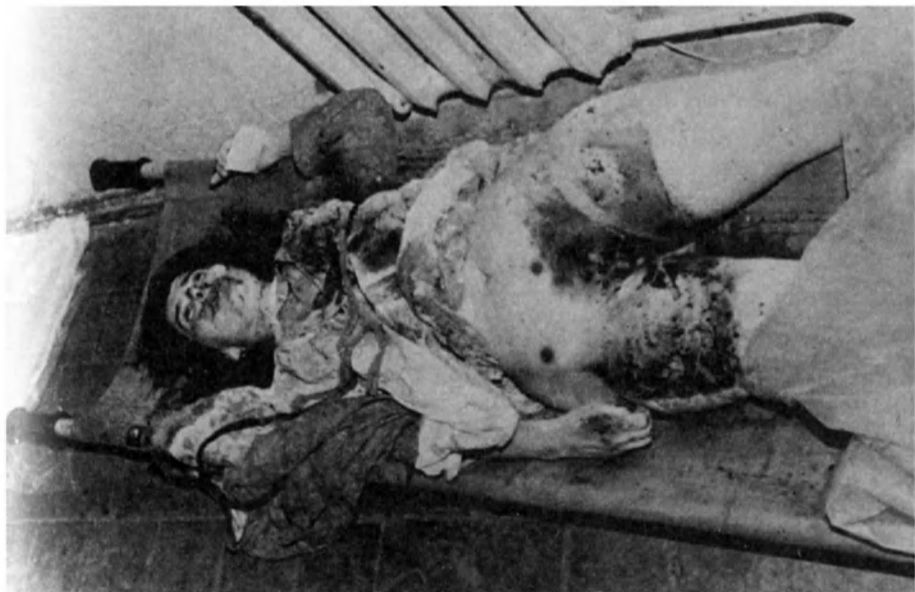

Дорогой сын или
брат даю тебе этот
планш. Спасибо вам
за ваше мужество
Вы настоящие герои
Думаю у меня болели
как вы там на этой
погоде

Дорогому
казаку

Искренне тебе
вернется давай
Ты настоящий
кошмарный
человек
я тебе

ОСЕТИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

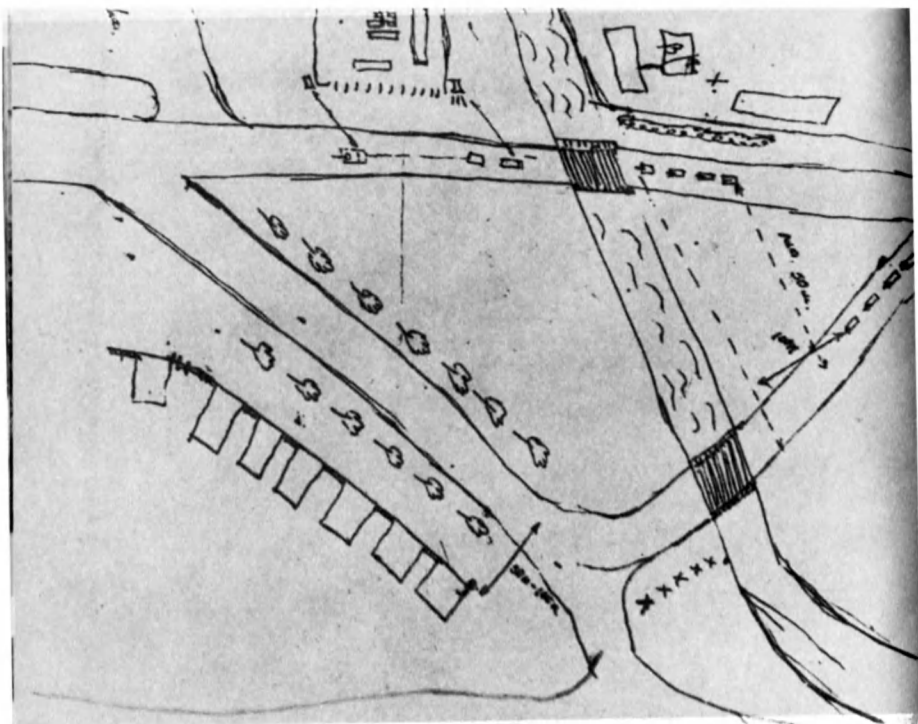

ИНГУШСКАЯ ХАМАРТЯ

звонилась я только часов в семь утра. Стала звонить в больницу, представилась родственницей. Мне сказали, что его оперируют и нужно, чтобы кто-то был. У меня грех с души, что не бросили, доставили в больницу...

— Скажите, а Пономарев выпивал?

— Он был очень независимый человек. На машине ездил всегда трезвым. В кафе бывал редко. Каким он был в ту ночь — сказать не могу.

— Чья была инициатива везти его в больницу?

— Считаю, что моя.

— И как вы оцениваете случившееся?

— Не берусь судить. Не знаю, на что опирался суд, я там не была. Во всяком случае знаю одно: до последнего говорили, что упал...

Вечером М. Шишкина позвонила нам в гостиницу. Голос у нее был обеспокоенным, как у человека, который проговорился.

— Я хотела вам сказать, что я ничего не могу утверждать. Я ничего не видела.

И мы решили, что теперь встречаться с мужем уже нет никакого смысла — оставим его в покое, за это он нам, разумеется, будет очень благодарен.

Утром следующего дня в кабинете первого секретаря горкома партии А. Мезинова нас ожидал важнейший борисоглебский персонаж, деятельность которого как раз и формировала общественное мнение людей о состоянии социальности в городе. Перед нами сидел Кострыкин — прокурор города.

Сразу оговоримся — мы пришли побеседовать, получить какую-то информацию по конкретному делу, что гарантировано нам законом о печати. Однако Кострыкин (видимо, уже достаточно информированный о наших действиях) решил, что вызван на допрос, и приготовился к "схватке" с журналистами, "копающими под него". И по правде сказать — не мешало бы и копнуть, потому что существует строгий порядок по производству дознания и расследования подобных дел: на место происшествия выезжает следственная бригада, оперативно опрашиваются все свидетели и очевидцы, у подозреваемых берется анализ на содержание алкоголя в крови, и, при необходимости, они берутся под стражу, чтобы не могли повлиять на объективный ход расследования всех обстоятельств происшествия. В нашем случае ничего подобного и близко не было. И хотя милиция с опозданием взялась за дело (было упущено время и

некоторые концы ушли в воду — мы имеем в виду степень опьянения Мочалова), она была на правильном пути: очевидное умышленное нанесение тяжких телесных повреждений. Ну а дальше происходит совсем непонятное: следователь прокуратуры Ермаков "совершенно случайно" оказывается в морге и, увидев труп Пономарева, остается на вскрытии, вдруг "решив", что это его труп".* Затем материалы на Мочалова забирает из милиции прокуратура и возбуждает дело уже не по ст. 108, ч. 2, а по ст. 106 (неосторожное убийство). В соответствии с УПК здесь, казалось бы, все верно, но... Вот об этих "но" нам и хотелось побеседовать с Кострыкиным.

— У нас были свои доводы, брать его под стражу или нет. Это всегда решает прокурор, — набылся Кострыкин. — Ведь вы же знакомы с делом. Это неосторожное убийство. А в народе много чего говорят. Видите ли, товарищи, прокуратура закончила следствие, суд осудил, областной суд приговор утвердил!

— Извините, а почему это неосторожное убийство?

— Ну, эти товарищи были ранее знакомы, в кафе сидели. Этот, Пономарев, говорят, вином приторговывал. Ну и один одного пригласил, стали разговаривать. Потом тот этого оттолкнул, и этот упал и об лед головой ударился. Ни драки не было, ничего не было. Ни убийства никакого, и никто их не разнимал. А судебная практика гласит, что это неосторожное убийство. Мы расследовали, направили в суд, суд осудил, областной утвердил!..

— Вы знаете, при знакомстве с делом нам сразу бросилось в глаза тенденциозность следователя прокуратуры в плане смягчения обвинения, а отсюда и умаление объективности...

— Вы начинаете на меня давить. Здесь мы материалы уголовного дела анализировать не будем! Вы меня допрашиваете! А этого делать нельзя!

— Одну минутку, — повернулся к прокурору А. Мезинов, — вы находитесь в кабинете первого секретаря, вы коммунист, официально приглашены. Можно выслушать спокойно? Я не вижу причин, которые могли бы препятствовать нормальному рассмотрению этого вопроса. Принято во внимание качество расследования, и мы просто смотрим по ходу этого дела. Тут и этика должна быть. А я вижу такую вашу горячность и что вы даже выслушать не хотите...

* Все дела об убийствах расследует прокуратура.

— А меня сейчас начинают допрашивать!

— Сейчас? Сию минуту? Да зачем? Не надо.

— Не надо им меня допрашивать! Товарищи грамотные, знают свои права и обязанности. Пусть истребуют дело, прокуратура РСФСР мне укажет на ошибки и даст указание. И мы все исправим! Такой закон! Мы все сделаем. Ведь никто не застрахован от ошибок. Вот посмотрите, у меня четверо помощников только что из университета пришли. Так они еще народный суд от товарищеского отличить не могут. Вот по этим бумажкам, что вы мне показываете, помощник проверял и разбирался. А закон подписывает прокурор! Тут не в амбиции дело.

— Если вы говорите о законе, то закон обязывает прокурора принять все меры к своевременному, правильному и объективному расследованию. По этому делу своевременность и объективность были утрачены с самого начала...

— Если так беседовать... Пишите, что прокурор Кострыкин неграмотный, ошибся, но его ошибку поддержал районный и областной суд. По этому делу мы больше не будем говорить!

Кострыкин ушел. Мы еще долго говорили с первым секретарем и мэром. Конечно, с таким прокурором работать тяжело. Ведь с одной стороны — буквоед, формалист, служака, жаждущий указаний сверху и готовый ради них даже шею себе своротить. Но с другой — удивительный либерал и демократ.

Из горкома мы приехали в суд, где были любезно приняты судьей Перфильевым, председательствовавшим по делу Мочалова. Он уже ждал нас и был готов к разговору. Но нам надолго врезались в память его первые слова, сказанные два дня назад: "Дело это хитрое". Действительно, хитрое. Теперь мы сами убедились, и нам предстояло разобраться в этой хитрости, понять ее глубину и узнать, чего она стоит.

— Дела подобной категории сложны и в расследовании и в рассмотрении в судах, — начал Перфильев. — Ситуация складывалась в кругу лиц в состоянии опьянения, в какой-то степени заинтересованных. Влияние на них оказывало знакомство и с осужденным и с потерпевшим. Многие категории здесь оценочные. Но окончательную оценку все же давал суд. Я сделал все возможное для выяснения истины, иначе бы не подписал приговор. Хотя на практике у нас с прокурором доходит

до смешного. Как минимум, треть дел мы переквалифицируем. Они всегда дают "с запасом", у них этот "запас" браком не считается. А у нас — это брак, если нас вышестоящий суд "поправляет". А в этом деле даже была "подсказка" на необходимую оборону: отмахивался, защищаясь. Но мы ее не приняли. Удар был нанесен умышленно, на почве обоюдной ссоры.

К сожалению, мы с Перфильевым говорили на разных языках. Он пытался убедить нас, что прокуратура ему подсказывала оправдать Мочалова, а мы ждали от него совсем другого — почему он не вернул дело на следствие, определил меру наказания по самому минимуму 106-й, ведь он мог дать по той же статье и три года лишения свободы? И тогда не было бы никаких жалоб... Но он упорно утверждал, что сделал все возможное для выяснения истины. Тогда почему это дело "хитрое", если истина выяснена? И мы попросили его абстрагироваться и дать свою субъективную оценку.

— Субъективную оценку? — усмехнулся он. — Защитник Мочалова считает, что он вообще должен быть оправдан... Как правило, в суде сталкиваются два противоположных интереса. И один всегда недоволен. Но правосудие должно быть выше любых интересов и недовольств. Свою точку зрения я высказать затрудняюсь. Есть приговор, и мое мнение в нем отражено. А как оно формировалось — это тайна совещательной комнаты.

Мы не стали больше отнимать время у судьи. Поблагодарили за содействие и стали прощаться.

— Но скажите все-таки на дорожку: вы испекли пирог из теста, замешанного прокуратурой?

— Разумеется, — улыбнулся он. — А были бы в этом тесте изюминки, пирог бы вышел совсем другим.

Здесь Перфильев был действительно искренним. И мы попытались раздобыть эти изюминки в надежде, что тесто все же придется месить заново и они будут кстати. Поэтому и предлагаем читателю свою правовую оценку борисоглебского убийства, подкрепленную ссылками на судебную практику, которую очень уважает прокурор Кострыкин.

С правовой точки зрения оценка следователем, прокурором и судом обстоятельств причинения смерти Пономареву четко обнаруживает два подхода к этим обстоятельствам, два логических пласта мышления профессиональных юристов.

Первый — это вскрытие истинного отношения обвиня-

емого, а затем подсудимого Мочалова к совершенным им действиям и наступившим последствиям. Что здесь констатируется? Умысел (прямой или косвенный) или неосторожность (в форме преступной небрежности или преступной самонадеянности).

Второй — анализ доказательственного материала: оценка в совокупности всех доказательств, устранение противоречий в них, оценка всех "недомолвок" свидетелей.

Пласты эти хотя и взаимосвязаны, но позволяют говорить о них раздельно. В этом деле они отличаются большой сложностью, неоднозначностью. При этом вскрытие первого пласта, объективное, непредвзятое, чрезвычайно ответственное, ибо обязывает и следователя, и прокурора, и суд правильно квалифицировать действия виновного: или по статье 108, ч. 2 УК РСФСР (умышленное причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего), или по статье 106 УК РСФСР (неосторожное убийство).

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 27 июня 1975 г., при умышленном причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, "отношение виновного к наступлению смерти выражается всегда в неосторожности". (Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР, М., 1987, стр. 626.) Как видим, весьма близко соприкасаются составы этих двух преступлений по субъективной стороне (и там и там неосторожность по отношению к смерти потерпевшего), поэтому и в судебной практике из-за этой близости нередко ошибки. Верховный Суд СССР и РСФСР неоднократно указывал на них судам.

Так, Военная коллегия Верховного Суда СССР по делу С. указала, что при разграничении ч. 2 ст. 108 и ст. 106 УК необходимо исходить из того, что неосторожное убийство предполагает отсутствие умысла виновного как на причинение тяжких телесных повреждений, так и на причинение смерти потерпевшего. (Бюллетень Верховного Суда СССР № 6 за 1966 г., с. 40 — 41.) "Преступные действия, — говорится в другом определении Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР, — могут расцениваться как неосторожное убийство лишь в том случае, когда виновный не имел умысла ни на причинение смерти потерпевшему, ни на причинение ему тяжкого телесного повреждения". (Сборник постановлений Президиума и определений Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972. М., 1974, с. 285.)

Совершенно очевидно, что в случае причинения от чьих-то действий телесных повреждений, повлекших смерть, следователь, прокурор и суд обязаны исследовать и оценить одинаково объективно и отношение виновного к причинению телесных повреждений, и отношение к наступившей смерти. Недопустимо констатировать неосторожную вину по отношению к смерти и оставлять без оценки степень вины по отношению к тяжким телесным повреждениям.

Увы, следователь Ермаков, прокурор Кострыкин провели эту оценку необъективно, можно сказать, оставили вообще без оценки отношение Мочалова к тяжким телесным повреждениям.

Давайте вернемся к самому началу следствия, когда дело находилось еще в Борисоглебском ГОВД. Выяснив, что Пономареву причинены опасные для жизни телесные повреждения (хотя он и был еще жив), обнаружив при осмотре места происшествия следы крови, опросив очевидцев, следователи ГОВД зафиксировали факт нанесения в процессе ссоры Мочаловым удара кулаком в лицо Пономареву, отчего последний поскользнулся и упал, ударившись головой об асфальт, покрытый льдом, и получил тяжкие телесные повреждения. Мы убеждены, что первая версия, первые "наметки" юридической квалификации следователям были ясны: 108, ч. 2 УК. По отношению к смерти Мочалов действовал неосторожно, а по отношению к тяжким телесным повреждениям — умышленно, с косвенным умыслом. Вся обстановка ссоры подводила к этому. Во-первых, Мочалов много выше и сильнее Пономарева, во-вторых, ссора происходила на покрытом льдом и укатанном асфальте (есть отметка об этом и в протоколе осмотра места происшествия). Нанося сильный удар, Мочалов должен был предвидеть, что потерпевший который был без головного убора, с большим ускорением упадет на лед, и сознательно допускал причинение ему именно тяжких телесных повреждений. Типичный косвенный умысел. Дело подсудственно ГОВД, поэтому прокуратуру в первый день после ночного происшествия в кафе "Арго" даже не ставят в известность, а проводят обычное в таких случаях дознание. Однако на второй день, уже после вскрытия, на котором случайно присутствовал Ермаков, прокуратура истребует из ГОВД материал, и следователь Ермаков с согласия прокурора возбуждает уголовное дело не по статье 108, ч. 2, а по статье 106 УК. Ну а на допросе Мочалова в качестве подозреваемого его удар превраща-

ется уже не в удар, а в "отмашку", а точнее (после настойчивых вопросов следователя) в "удар ребром ладони". Это понятно. Он имеет право на защиту. Теперь только объективные данные и их правильная оценка позволяют подойти и к квалификации преступления.

Здесь уже по законам взаимопроникновения возникает второй пласт, тоже очень сложный, — доказательства. И первое из них — показания очевидцев. А очевидцев должно быть много: ведь дело происходило возле большого (70—80 человек) кафе "Арго". Среди ночных посетителей много приятелей и одноклассников и Пономарева и Мочалова. Да, должно быть много очевидцев конфликта, потому что начался он еще в помещении кафе. Но, увы, очевидцев нанесения удара (или ударов) по делу оказалось двое: Горохов и Эльмусов, причем последний сидел в машине и вряд ли мог подробно разглядеть то, что происходило у заднего крыла его машины (он сидел за рулем). Второй свидетель Горохов рассказал о том, что Мочалов не только рукой ударил в лицо Пономарева, но и "достал" его, падающего, обувью в сапог ногой, причем в лицо, в переносицу.

И именно этот удар стал причиной того ускорения, с которым падал и ударялся об лед потерпевший. Судебно-медицинская экспертиза подтверждает факт этого удара со всей категоричностью. Горохов утверждает, что сам оттаскивал Мочалова от потерпевшего. Однако на очной ставке Мочалов говорит, что вообще не видел Горохова на месте ссоры, и отрицает удар или замах ногой. Он все время подчеркивает, что не видел, как падал Пономарев, т.к. сразу после удара отошел от него и вернулся в кафе. Сомнения возникают? Безусловно. И обоснованные.

В кафе с Мочаловым был его приятель, работник РОВД Попов, который видел и слышал начало ссоры, а после падения Пономарева, вместе с другими его знакомыми, вышел из кафе, видел, что Пономарев без сознания, распорядился, как он сам говорит, отвезти его в больницу, но, нарушив не только нравственный, а и прямой служебный долг, не вызвал на место происшествия милицию, хотя в кафе был телефон. Объясняет он это тем... что в кафе не было телефона. Приятели потерпевшего Шишкин и Маликов, отвозившие его по распоряжению Попова в больницу, изъяли из его куртки документы и сдали его в приемный покой как неизвестного, а затем вернулись в кафе и отогнали машину

Пономарева к его дому, а жена Шишкина пыталась из кафе позвонить матери Пономарева, но не дозвонилась.

Проверены ли возникшие сомнения в правдивости показаний всех этих лиц? Нет. Единственная версия следователя и прокурора о неосторожном убийстве "подавила" все другие версии. Вокруг нее "формировался" доказательственный материал. Вот яркий пример. Горохов утверждал, что Мочалов ударил уже начавшего падать Пономарева ногой в лицо или по голове. При проведении судебно-медицинской экспертизы в ряду других вопросов ставился и этот, но в какой форме? Цитируем постановление о назначении экспертизы: "Имеются ли объективные данные о нанесении Пономареву удара в лицо обутой ногой? При наличии таких повреждений был ли нанесен удар с такой силой, что повлек получение повреждений, определивших наступление смерти уже лежащего потерпевшего?"

Эксперт подтверждает факт причинения телесных повреждений в область переносицы, считает, что они могли быть причинены обутой ногой, но не с такой силой, чтобы вызвать наступление тяжких телесных повреждений или смерти.

Конечно, вопрос сформулирован как подсказка ответа. Ведь если проверяется версия об умышленном причинении тяжких телесных повреждений, то вопрос должен быть поставлен так: мог ли удар ногой в лицо падающему человеку повлечь то ускорение его падения, которое привело к столь сильному удару головой об асфальт?

В деле имеется странный документ. Это постановление следователя о ПРЕКРАЩЕНИИ уголовного дела по статьям 103 и 108, ч. 2 УК. Значит, дело возбуждалось именно по этим статьям? Вполне резонный вопрос. Но следователь Ермаков объяснил нам, что дело по этим статьям не возбуждалось, но могли быть (у него лично не могли быть!) сомнения: а нет ли здесь умышленного причинения тяжких телесных повреждений или смерти? Но что интересно, сомнения здесь не проверяются, а просто отсекаются. Причем в постановлении пространно доказывается отсутствие умысла в причинении СМЕРТИ, но его и не должно быть, если говорить о статье 108, ч. 2 УК. Зачем ломиться в открытую дверь? А умысел на причинение телесных повреждений? Он и не исследуется. Но ведь вывод о наличии косвенного умысла именно на причинение увечья (удар рукой, а затем ногой падающего) напрашивается из заключения эксперта.

Увы, его не сделали ни следователь, ни суд.

Суд прошел "проторенной дорожкой", повторив в приговоре оценку следователя и в отношении доказательств, и в отношении состава преступления. Сомнения, которые вполне могли быть проверены следствием, были судом, как водится, истолкованы в пользу подсудимого. Настораживает и то, что по делу проведено собрание коллектива МП МК "Борисоглебская", где потерпевший, проработавший там всего 3 месяца (можно ли узнать человека за этот срок?), взят на поруки, точнее, заявлено ходатайство о взятии на поруки.

Приговор суда — два года исправительных работ по месту работы. Родители погибшего, потерявшие еще неженатого сына, опору и надежду свою, приговор понять не могут. Они никогда не согласятся с ним. Да и не надо быть большим юристом, чтобы отчетливо видеть, что необъективность, предвзятость, нежелание исследовать до конца непростые перипетии этого трагического события привели к вынесению приговора, вызывающего большие сомнения.

Еще до вступления приговора в законную силу в редакцию газеты "Советская Россия" обратилась с жалобой И.К.Пономарева — мать погибшего А.Пономарева, — в которой и боль, и отчаяние, и недоумение по поводу приговора. Ее письмо было взято на контроль, и областной прокурор Ю.Горшенев пообещал мне разобраться в этом деле. Действительно, вскоре в редакцию позвонил начальник уголовного отдела областной прокуратуры А. Спицын и доложил, что приговор "засилили".

Несколько позже мы с братом погибшего С.Пономаревым побывали на приеме у и.о.начальника управления по надзору за рассмотрением уголовных дел Прокуратуры РСФСР А. Михайличенко и оставили жалобу, в которой просили обратить внимание на суть вопроса. Реакция была до безобразия наплевательской: дело не то, что не затребовали в Москву, а поручили областному прокурору Горшеневу ответить И.К.Пономаревой. Что он и сделал, запросив из Борисоглебска лишь копию приговора суда и переписав из нее несколько фраз. Точно такую же отписку получила и редакция журнала "Социалистическая законность", которая подключилась к этому делу, — за подписью того же Горшенева, который дела и в глаза не видел. И мы в недоумении: нет ли здесь покровительства вышестоящего начальства?

Таким образом, прекрасно зная этот механизм, прокурор Борисоглебска дьявольски уверен, что если даже

дело и истребуют, никто в нем детально разбираться не будет: махнут рукой и оставят без изменений.

Это, так сказать, правовая оценка борисоглебского неосторожного убийства. Но есть в нем и сторона морально-нравственная, которая порядком выше уголовных кодексов.

Суть ее в том, что круг свидетелей и очевидцев убийства совершенно не знаком с одной из важнейших заповедей Моисеевых, лежащих в основе всех религий земли: "Не послушествоуй * на друга твоего свидетельства ложна". И поэтому эти люди на вполне сознательном уровне образовали своего рода заговор, возможной жертвой которого завтра может стать любой из них. Конечно, их гнетет некая неясная вина, еще неосознанная в категорию греха. Но пока они рабы своего животного страха — ведь надо нести какую-то ответственность за дачу ложных показаний. Однако им не ведом еще высший страх, когда надо отвечать за наконец-то осознанный грех. И по закону: "всякая неправда есть грех" — "Бог видит грех и наказывает за грех" — "возмездие за грех — смерть".

А что касается Слона-Мочалова, то для него у нас тоже есть совет, если, конечно, он в состоянии его понять.

Когда мы беседовали с хозяином кафе Шотой, кооператор высказал в какой-то мере спасительную для осужденного версию: бутылку из кармана Пономарева мог "снять" кто-нибудь из танцующих. Что ж, если допустить ее, то грех Слона еще может быть как-то смягчен: явится раскаявшийся танцующий, которому практически ничего не грозит (мелкое воровство, совершенно не предполагавшее такого финала), скажет, что Мочалов действительно не виноват... А не явится — пусть его Слон где угодно отыщет, это уже его забота: искупать кровь на себе. Трудной будет у него задача, но все-таки появится хоть какой-то шанс остаться человеком.

Но если... Если эту бутылку "снял" именно он, да еще и "неосторожно" убил обворованного им человека и, не дай Бог, потом "раздавил" ее, то тогда перед нами конченный патологический тип и ему не жить среди людей, как бы он этого ни хотел. Он выродится в труп —

* Послушествовать — свидетельствовать, давать показания в качестве свидетеля (церкв.).

существо отвратительное и смердящее. Ибо его руками некто созидал сущий ад: довел людей до такого скотского состояния, когда убивают друг друга из-за бутылки.

И последнее.

Опыт изученного дела, словно в кусочке зеркала, отражает пороки нашего общества, шагающего без национальных преданий, недоразвившегося ни до какой религии, ни до какого долга, но сатанински уверенного, что оно уже переплюнуло всякую религию и всякий долг. А мнимая широта его есть результат нашей внутренней расслабленности и даже распущенности, питаемой отсутствием элементарной сдерживающей нормы. И отсюда — неприкрытая похоть, наглая и циничная усмешка в ответ каждому, кто даже с немим укором встанет перед ним.

И тогда о каких заповедях речь, если природа нашего человека не предусматривает ни нормы, ни этики, ни морали, на которых основываются самые обычные правовые отношения, возникшие не одно тысячелетие назад?..

1990 г.

"Я ХОТЕЛ БЫТЬ ПОПОМ..."

исповедь бывшего воина-"афганца", осужденного по ст. 146 УК РСФСР (разбой) и ст. 108 (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть потерпевшего) на 10 лет лишения свободы в ИТУ усиленного режима.

"...Вот потрянуло и меня, словно триста восемьдесят вольт ханнул. А был бы в резиновых перчатках, то обошлось бы. Только их у нас не выдают... Снятся ребята, нельзя сказать, что часто, но одно время, этой зимой, зачастили портреты. Приходят в основном живые, и вижу только одно лицо, как на фотографии. Я попросил маму, и она выслала мне фотки. Сейчас вроде перестали сниться. Эдика из Риги видел не один раз. Это мой друг и первый погибший. Был вылет на вертушках, и никто не знал, что на обычном контрольном выходе завяжется бой. Снилось его лицо: он лежит в цинковом гробу, и я наклоняюсь близко к смотровому окошку, а у него по глазам ползает муха — видно, попала при закрытии гроба. Я разбиваю стекло, чтоб убрать муху, — бледное лицо становится черным... С мухой действительно было на самом деле. Мы ездили за Эдиком в морг и, когда искали среди гробов своего, нашли только по тельняшке — благо там он один десантник был. Свет был тусклым, а когда вынесли на улицу — лежит и спит, не больше. И вот эта муха. Я так запомнил ее, что она и приснилась. А здесь еще все в один голос закричали, что война неправильная, жертвы ненужные!.. И получается, родился человек для того, чтоб упаковали его в железо, как тушенку, и закопали не с крестом на шее, а с афганской мухой на лице..."

Древние греки всегда пытались разглядеть в трагических судьбах людей некую трагическую вину или роковую ошибку. Героями же считались те, кто мог идти

против судьбы, умел сохранить чистоту своей души вопреки всем обстоятельствам и не взирая на то, останется он в живых или нет.

Судьбы бывших воинов-"афганцев" в основном трагичны. Конечно, есть среди них исключения, о которых следовало бы рассказать со всей страстью души растревоженной. Но в данном случае речь о тех ребятах, кто, уцелев на этой страшной войне, не только не смог устроить свою жизнь на родине, но еще и совершил тяжкие преступления...

Так, например, в исправительно-трудовых учреждениях Ярославской области томятся за колючей проволокой двадцать граждан такой категории, осужденных к различным срокам лишения свободы. И что потрясает: при беглом знакомстве со списком этой "двадцатки" обнаруживается зловещий стереотип — грабежи, разбои, убийства, изнасилования... Что же это такое? След войны или криминогенная наследственность? А может, и то и другое?..

Было бы наивным полагать, что преступниками их сделал Афганистан, хотя почти все осужденные пытаются свалить на него. Без сомнения, здесь есть определенная причинно-следственная связь. Но вот какая?

Величайшие умы человечества считали войну явлением зоологическим, антиподом культуры. Вспомним, к примеру, "жалкого человека" Лермонтова — скорбный страдающий возглас русского офицера, участвующего в захватнической войне. И именно такой скорбной и страдающей была афганская война — распалившая звериные, зоологические инстинкты наших ребят, поднявшая из глубин подсознания животные страсти. Вот в этом плане Афганистан сделал с нашими воинами свое черное, грязное дело. Здесь связь очевидна.

Побеседовав с несколькими осужденными "афганцами", мы остановились на человеке, одаренном от природы исповедальным чувством и пронизательным умом. Это — с одной стороны. С другой — перед нами сидел типичный преступник, что было до боли горько сознавать. Приведем короткую справку:

"Бирюков Александр Алексеевич, 1961 года рождения, русский. Осужден по ст. 146, ч. 2, п. "а", "в"; ст. 108, ч. 2. Срок — 10 лет. Начало срока: 28.04.1988 г. Конец срока: 28.04.1998 г. Условно-досрочное освобождение и условное освобождение не применяется. Может быть направлен в ИТК поселение по отбытии 2/3 назначенного срока. С момента прибытия в учреждение из

СИЗО г. Загорска, где допустил ряд нарушений, имеет ряд поощрений за хорошее отношение к труду и активную общественную работу. По характеру хитер, разговорчив. Физически развит хорошо. В среде осужденных уживчив. Пользуется авторитетом. Занимается физической культурой, много читает. Состав преступления признает частично и считает, что осужден необъективно".

Почти два дня, проведенные в беседах с этим человеком, оставили в моей душе неизгладимое впечатление. И подтверждением этому были не только его стихи и заметки, но искренняя исповедь о себе, правда, нередко вперемешку с игрой в красивую позу, желанием заработать себе как можно больше положительных дивидендов. Когда я слушал его, то невольно вспоминалось короленьковское: "В каждом злодее есть что-то человеческое... Умейте найти нити..." И аналогия провалилась...

Лет сто с лишним назад ссыльный студент Владимир Короленко (впоследствии великий русский писатель) пытался разобраться в психологии одного "убийца", который заявил, что у него "такая линия" в жизни: убивать и сидеть в остроге. "Что это за линия?" — сокрушался Короленко. И ответ был прост: "Потому, что все мы сызмалетства на тюремном положении". Так же и в беседе с Сашей Бирюковым — буквально с первых слов — поразил его ответ: "У меня своя линия в жизни". И я попросил объяснить, что это такое.

— Ну линия эта тянется с детства. Вот когда я ходил в школу, мне там ничего не было интересно. Привлекали только сильные и физически крепкие люди. Я обожествлял физическую силу и красоту тела. Хотя по физкультуре у меня не было никаких достижений, нашу физкультуру я считал дебильной: руки вместе, ноги врозь, попрыгали, побегали... Но когда кончил десять классов, то хотел быть не врачом, не космонавтом, а попом.

— Почему?

— Я с бабушкой очень часто ходил в церковь, а потом и меня самого туда тянуло: там было так все правильно, как и должно быть по жизни. Я видел, как там все естественно, видел, что туда люди приходят с болью, а если и просят, то просят для кого-то, не для себя... В Бога, пожалуй, не верил, да и молитв не читал. Схожу с бабушкой на час-полтора, и этого мне достаточно. А когда выхожу из церкви и опять попадаю

в окружающую реальность, то становлюсь таким же, как и все остальные: верил только себе и в себя... Поэтому, наверное, и в духовную семинарию не пошел. Улица сама по себе и наша атеистическая пропаганда были настолько сильны, что я раздвоился. А тут еще кодла у нас была, человек двадцать-тридцать, свои лидеры, свое движение. В конечном счете она-то и определила мою линию.

— Ну и куда она вывела?

— Я пошел в спортзал и стал качаться. Железом занялся. Потом призвали в армию. Сначала были тульские лагеря. Полгода в них побыл и... Афганистан. Для меня это было полной неожиданностью. Накладочка вышла. До того, после удачных учений, я был поощрен отпуском и съездил домой, где расписался с одной женщиной, а тут — на тебе — Афган! Я места себе не находил, оббегал все, что можно, оббивал пороги до последнего. И когда уже пришел туда, где решают окончательно, мне сразу в лоб: "Что, боишься?" Боюсь, говорю. А что вы хотели. Если б знал, не женился. А они: "Мы уже ничего не можем сделать, ты в списках". У меня все и оборвалось. Махнул рукой и решил, что теперь придется, как всем. Поехали мы туда какой-то пьяной чумной толпой. Все продавали, со всеми прощались. Ехали уже все обреченные. 26 декабря семьдесят девятого года высадились недалеко от Кабула. Зима прошла без единого выстрела, как-то вспячку. Только вот месяца два не мылись и мерзли — нам же говорили, что там пальмы растут, и мы приехали кто в чем. А там зима пострашнее советской. Только и знали, что благоустраивались: ставили брезентухи, рылись.

— Ну а кормили как?

— Поначалу кормежка была такая... ну клейстер, что хлеб, что...

— Как здесь?

— Здесь райский хлеб, если б мы такой там ели! Потом, правда, намного лучше стало, да и дела сильно пошли. По нарастающей. Мы, значит, просто въезд в Кабул охраняли, пакеты возили, офицеров при Кабуле сопровождали, потому что уже постреливать начали. И по первости мне очень понравилось играть в эту войну. А потом, когда вылеты начались, война-то как закрутилась, уже стало не до шуток. Летом совсем весело стало: положим, где-то обстрел, завалы, машины горят — мы туда на вертушках, караваны шмонать.

— Что, мало платили? На шмотки и магнитофоны не хватало?

— Шмотки? Да они у нас как-то естественно были, без проблем. А деньги зачем? На кой они, если мы на операции вылетали? Шмоны — это была наша зарплата, личная. Это было как должное. Особенно, когда у нас ранения были, или, не дай бог, кто-то погибал, то мы забирали все, подчистую... — он смолк и отвел глаза.

Я переглянулся с заместителем начальника лагеря по политико-воспитательной работе подполковником внутренней службы Сергеем Васильевичем Нагорновым. Уникальный он человек: двадцать пятый год служит в системе исправительных дел и не очерствел, не утратил человеческого участия в судьбах осужденных, как многие и многие офицеры. Просто поразительно: от зари до глубокой ночи среди грязи, низости, подлости, а душа такая, же как четверть века назад, — вот из кого бы поп получился!

— Я прошу прощения, конечно, — заговорил он тихо, грустно глядя на осужденного. — Мы Саша, с тобой на тему мародерства не говорили. Это всегда осуждалось. А вот как все это выглядело у вас?

— Ни разу не обсуждали, как это выглядит. Мародерство — не мародерство — не было у нас такой морали. Погиб человек — и готовы были на все. Вообще, все крушили. Ну, а когда хорошая вещь лежит, тут уже чисто подсознание срабатывает. "Айва" там, или "Шарп" стоит, джинсы или тряпка красивая — взял с собой и пошел. Да, поначалу особысты работали, отнимали, а потом рукой махнули: ну что сделаешь, они же на операции были! И, по-моему, они боялись больше нас. А еще там такие жиганы были, ну чистые жиганы — где стрельба, там и они. А были и такие — где стрельба, там их никогда не видно. Вот тогда-то у меня и характер здорово поменялся, тогда и начала определяться эта самая своя линия. Если, положим, взять линию мародерства, то здесь все четко распределилось. У нас это все само по себе шло: бой прошел, что осталось — прошмонали и забрали. А потом, когда ребята гробы на родину отвозили, мы все это барахло родственникам погибших передавали. А гады, которые специально этим занимались, чистым мародерством, — специально убить, чтобы взять, — они в нашем разведбате не воспринимались. Наши — просто деревню прошмонали и ушли...

Такие откровенные признания в "гуманном" мародерстве (специально не убивали, чтобы взять) я слышал от

каждого осужденного "афганца", с кем удавалось беседовать. Но вот показания другого зэка, имени которого не называю, дабы там не растерзали:

— Часто ходили по кишлакам за анашой, героином, вещами...

— То есть в самоволку, чтоб грабануть?

— Это и не в самоволке, это непосредственно на операции: грабили и мародерствовали. Это давно всем ясно.

— Но за это как-то наказывали?

— Как правило, все сходило с рук. Если знаем, что мы непосредственно возле кишлака остаемся на ночлег, то, как правило, свидетелей в живых вообще не оставалось. Если где-то в доме грабим — всех расстреливали.

— Вы принимали участие?

— Я был вместе со всеми. Правда, если где-то офицер с нами, то, естественно, он не позволял, чтоб на его глазах...

— И детей расстреливали?

— ?

— Детей расстреливали?

— ...Детей, как правило, совсем маленьких никто не трогал... Ну там если ему пятнадцать-шестнадцать лет и он бегают, то... А так, как правило, у кого оружие видели, всех убивали...

В ответах этого осужденного бьет по нервам фраза "как правило". Что же это была за "интернациональная помощь афганскому народу", если, "как правило", творили такие дела?! Но вернемся к Бирюкову, к тем обстоятельствам, которые формировали его линию судьбы. Ведь он, как многие десантники, был уверен, что охраняет южные рубежи Отечества и шел в атаку со словами "За Родину! За Сталина!", ибо "За Брежнева!", как все утверждают, никто не кричал.

— Когда стали возвращаться ребята, которые на "Черном тюльпане" гробы в Союз отвозили, то настроение у нас резко упало. Парень наш приехал, Колька, он рассказывал, как нашего брата хоронят, что все это делается т и х о, н о ч ь ю, чтобы люди н е з н а л и. Нет, чтобы по сигналу, как положено, как мы провожали. Ну это как долг. Мы просто тогда раздавлены были: что же это такое происходит? Ведь что самое тяжелое: когда вместе со всеми у гроба стоишь, так вот на всех смотришь и думаешь, что каждый из нас может быть там и должен быть там, особенно, когда я с Эдиком, ведь он вместо меня пошел... вот тогда и думаешь — быстрее бы операция, и я возьму не семь магазинов,

а десять, и как можно больше, больше!.. Только мстить, только одно... И какое там воспитание, и кто нам будет преподавать: так это или не так? И зачем нам это нужно? Мы видим реальность: наших убивают — значит, и мы должны убивать. Меня иногда спрашивают: где легче — там или здесь, в зоне? Я не знаю, где легче, но там было проще. Это точно. Там сразу все видно: кто трус, кто нет. Здесь можно как угодно все преподнести: плохое выдать за хорошее и наоборот. А там нет. Некоторые даже сами кричали: "Какой я был сволочь!" А однажды одного человека десантник просто за рукав взял и за себя поставил. А потом у десантника ранение обнаружилось. А у человека после этого сдвиг по фазе пошел: как это ты меня собой закрыл? О чем ты думал? А он: "Я ни о чем не думал, я только видел, что тебя могут убить". — Здесь осужденный Бирюков смолк и задумался.

Конечно, о наградах расспрашивать неудобно. Ведь он — 1961 года рождения, был в числе первых из "ограниченного контингента", а в первые годы, как известно, награждали почти только посмертно. Но, как говорится, слава Богу, что живой остался. Это, пожалуй, самое главное. Ведь дома мать все глаза выплакала, жена с сыном дожидаться не могли. И вот родная Ивантеевка, Афган, будь он проклят, позади...

— Ну сначала помыкался: то слесарем был, то шофером хотел стать, то еще кем-то. Но больше всего убивало сознание какой-то серой рабской перспективы: дом — завод, завод — дом, воскресенье — парк, пиво, понедельник — опять завод... какой-то замкнутый круг! Я вдруг понял, что повторяю отца, его брennую судьбу — от зарплаты до получки, постоянную нужду, рабское смирение перед обстоятельствами. А рядом люди жили красиво: модно одевались, ездили в тачках. И в итоге встретил одного человека, он работал мясником и жил во! Глаза у меня на лоб полезли: как это так, что и денег у него полные карманы, и ребенок его лучше моего ходит, и свободное время интересно проводит — бассейн, турпоездка, бани... Словом, живет, как хочет, и работа непыльная: смену отработал (это два дня) — двести пятьдесят колов. Я так прикинул, что за тридцать дней — семь пятьсот получается. Думаю, вот это да, дай попробую. А мне говорят, что учиться надо три месяца. Я с женой то да се, а она — ни в какую! Нет, и все! Она-то сама в торговле работала, всю кухню изнутри знала. "Нельзя тебе с таким характером, не

выдержишь, слишком горячая голова". Так я тайно от нее на учебу ездил, стал тайно мясо домой приносить. А потом, как узнал, как надо работать, так по наклонной и покатился: кабаки, женщины, деньги неразменные. К жене приезжал, чтоб от ребенка откупаться. Считал, что так и должно быть: после Афгана я должен капитально пожить, погулять. Ну так и до развода дошло. Втянулся в веселую карусельку и жил одним днем: без ресторана, без девочек уже и жизни себе не представлял. Нет, накопительством я не занимался, просто жил свободно и красиво: бабки как приходили через правый карман, так и уходили через левый. А потом и как-то престижно было мясником быть!

— Так ты же попом мечтал...

— Какой уже из меня поп после Афгана? Даже как-то смешно. Я-то и раньше вспыльчивым был, а после такой мясорубки и подавно: если вижу, что не прав человек — сразу ему в лоб. Помню, гуляем мы как-то на свадьбе, а один парняга все домогался. А мне говорят: "Саня, ты его успокой, он тебя послушает". Ну, я ему раз сказал, два сказал, а потом его со стороны предупредили, что я "афганец". А он повернулся в мою сторону и кричит: "Да я тех, кто там служил, на х... видел!" Как я это услышал, сразу решил, что буду бить до тех пор, пока не оттащат. Так я сто девятую схлопотал, год условно.

— Умышленное телесное повреждение?

— Да. А потом еще по двести шестой возбуждали. Бывшего мужа своей жены помесил. Ехали мы как-то в автобусе, я был с ребенком на руках, ну, и она мне рассказывала, как ее первый муж, пьяный, при людях по-всякому обзывал, это когда я еще служил. И тут он сам в автобус заходит. Ну я, как ребенка в одной руке держал, так другой его пару раз и замочил — челюсть сломал...

— А у тебя психиатрическая экспертиза была?

— Да, конечно. Там очень четко написали: изворотлив, лжив... Хитро так было написано.

— Ну а сюда зачем приехал?

— Кхе.. Даете. Значит, если по моей делюге, как у нас говорят, у меня чистая сто сорок пятая — грабеж — должна быть. Но так как теперь в Совдепии очень сильно борются с преступностью, у меня — сто сорок шестая, вторая и сто восьмая, вторая. Это потому, что у нас следствие беспредельное, ну а суд... Да что такое суд? Это так, говорили, одно успели написать, другое. Но,

оказывается, уже все заранее было написано, а потом только говорили. И срок уже был написан. Правда, год мне все же за Афганистан скостили. Напарнику моему, зэку бывшему, одиннадцать дали...

— Так что же все-таки произошло?

Он тяжело вздохнул и собрался с мыслями.

— Преступление очень характерное. Встретился с одним товарищем, подчеркиваю, товарищем, выпили, выпили, выпили, выпили. Главное, товарища-то подвезли, как извне: таксист остановился и спрашивает: "Саня, ты не знаешь наших "афганцев"? Тут у меня в машине "афганец" сидит и интересуется". Я говорю: "Как "афганец"? А ну давай его сюда!" Товарищ-то просто ездил на тачке и искал, с кем из "афганцев" можно выпить и по телкам... А со мной еще друг был, ранее судимый, три года тащил. И у нас компания получилась. И пошло-поехало: для меня "афганец" — это все. Сразу водочку, чтоб разговор был, поплакаться. Ну, а когда побольше-то водочки выпили, смотрю: а "афганец"-то фуфлыжный. Он себя выдавал за бойца, дескать, на операции ходил. Да и говорил вначале очень умно, было похоже, потому что есть такие вещи для тех, кто служил в Афганистане, что по ним очень легко определить: ходил на операцию или нет. И когда я его купил, что называется выкупил, я снял с себя запрет, который обычно на себя накладывал: "афганец" для меня, что называется, брат родной. А он был просто специалист по вертушкам, очень крупный, за что и просили одиннадцать. Ну, я отнял у страны хорошего специалиста. А там у нас к ним всегда ненависть была, потому что они как попрошайки: прилетаем с операции, а они — дай и дай! Ну, мы, значит, пили, пили а потом он и говорит: "Я вижу, Саня, у нас все будет нормально, давай мне девочек". Я говорю: о чем базар, сейчас сделаем. Деньги-то у тебя есть. Он говорит: "Ну а как же?" Показал там пачки, я говорю: хватит, хватит... И потом не рассчитали, опять выпили. А здесь же зэк сидит, и у них началось: тот "афганец", а тот зэк... Товарищ-то зэка учить стал: "Ты молодой, ты жизни не видел, ты не знаешь, что такое Афган..." А у нас же не принято так кричать, что я, мол, "афганец" и т.п. И у них завязалось непонятное, я разнимал, потом подумал: надоел он уже, это не "афганец"... Я не хочу сказать за всех этих техников, но отчетливо помню, когда мы шли с операции, как прибегали другие техники: дай, дай! А мы же брали не для того, чтоб им дать, а чтобы хоть

в чем-то создать себе комфорт, чтобы как-то отвлечься... И когда товарищ-то этот в конце разговора контроль потерял, он тут на мелочи и прокололся. Потом у них с зэк-ом получилась драка, ну, я тоже участие принимал, разнимал. Ну, товарищ упал, подумаешь там, был немножко побит. А денежки — вот они, ну, я их и взял. Мы с Сережкой их поделили. Оставили ему на дорогу. Решили, что оклемается, выберется и уедет.

— Денег много взяли?

— Я уж точно и не помню. Где-то тысячу с чем-то... Я когда еще брал их, Сереге так и сказал: деньги это не его, это мои, это он мне привез долг. И наверно, уж тогда мысль у меня промелькнула, что сюда попаду...

— Значит, ты хочешь сказать, что ограбления не было. А суд тебя осудил, что ты с целью ограбления?

— Конечно, именно так. А скончался он вообще при странных обстоятельствах. У них с Серегой-то обычная драка была. Я даже и особой крови не видел. Все было нормально. А когда его нашли, он был в одних трусах. Может, кто его забил и раздел. Я больше ничего не хочу говорить, срок есть, и все. Приписали, что это разбой, что организовано...

Пожалуй, практически любой зэк считает, что осужден неправильно и необъективно. Все, с кем мы беседовали, либо уже писали, либо собираются писать, как они выражаются, "помилуху". А один из "афганцев" прямо так и заявил: "Мы же там все наркотики употребляли для психологической разгрузки и приехали психически больными людьми. Нас надо всех лечить, а нас по лагерям сажают". Что ж, без сомнения, здесь есть проблема — и правовая и медицинская. Указ об амнистии бывших воинов-"афганцев" не распространялся на лиц, совершивших преступления на родине, после службы в Афганистане. Прощались разбой и грабежи на чужой земле, под эгидой "интернациональной помощи". В управлении по исправительным делам УВД Ярославского облисполкома мне рассказывали о попавшем под этот Указ лейтенанте-"афганце": останавливал автобусы, выводил и грабил, а тех, кто сопротивлялся, — убивал. Да и поймали его случайно: в одном из автобусов находился брат афганского дипломата. Получил этот мародер, согласно приговору военного трибунала, пятнадцать лет, но отсидел года два-три и вышел на волю — под Указ попал. "Ему бы сидеть и сидеть", — утверждали офицеры Управления, знавшие его как порядочную мразь уже в лагере. Что касалось же дру-

того амнистированного "афганца", то здесь вопросов не возникало: бывший штабной писарь систематически вносил свою фамилию в середочку ведомости представленных к наградам, и все в спешке подписывали, не обращая внимания; попался "герой"-писаришка, когда уже совсем обнаглел — к Ордену Ленина себя представил. Вообще, мне кажется, что растленные души "афганцев" еще долго будут будоражить общество.

Но случай с Сашей Бирюковым особый. К двум судебным разбирательствам, предшествовавшим его главному преступлению, у него претензий нет. Там, и по 109-й и по 206-й, утверждает он, все было правильно. Но в случае с товарищем... Словом, он считает, что разбоя (нападения с целью завладения) не было, был только грабеж, да и тот подает так, что товарищ "привез ему долг по Афгану". Конечно, не нам квалифицировать состав его преступления. Он его совершил и за него осужден. Вопрос в другом: по 145-й сроки поменьше, и поэтому вполне естественно его желание выйти на волю как можно быстрее. Но есть и другая сторона в этом деле: причинно-следственная закономерность той самой линии жизни Бирюкова, которая вполне логично привела его к тому, чтобы "сесть капитально". Он уже чувствовал, что сядет, был даже готов к тому и... услышал свой внутренний голос:

— Перед этим я хотел начать новую жизнь, бурную деятельность. У меня сарай такой есть, в деревне, кирпичный. Отец там его захламил, чего-то мы хотели там раньше держать, поросят и т.п. Я этот сарай так отделал, кругом все побелил, стоячки кругом, где поросенку приткнуться, где бычку... Долго его отделявал и все своими руками. Решил, что пора со своей линией завязывать, потому что чувствовал, что уже все: и женщины, и ресторанчики мне не интересны, и что-то уже мешает. И вот сижу я там, в этом чистеньком сарайчике, где-то дня за два, за три до случившегося, душа у меня радуется, и вдруг... Я все отлично помню... Говорю своим голосом, но сам при этом не говорю, но слышу: "Да, Саня, а бычков тебе здесь не выращивать". Я даже испугался очень сильно, потому что я настолько мнительный в этом плане. Думаю, да нет, нет, нет, не может быть... И что самое интересное — подкосил только этот "афганец". Практически. Уже оставалось недели две до покупки поросят, уже было все готово. И вот вышел я в эту Ивантеевку и ходил, ходил, ходил... Кого я искал? И тут мне этого товарища подвезли... Значит, уже

шла судьба и от нее мне не суждено было уйти... А перед этим еще, недели за две, сидим мы за столом с братом, который тоже срок ташил. И я возьми, да и ни с чего скажи: ты даже сесть не можешь толком, ну что такое три года? Вот я-то сяду лет на десять... И вот потом через пару недель в сарайчике, и потом "афганец"...

Да, не смог Бирюков пойти против судьбы, не смог удержать себя в водовороте обстоятельств, слепо следовал так называемой своей линии в жизни и где-то даже принимал ее как должное. Когда мы прощались, он принес странички из своего дневника, где, на мой взгляд, было выражено то главное, ради чего мы с ним говорили целых два дня. И вот что он писал по ночам:

"...Кому мы нужны и кто сможет нас понять? Ведь никто не ответит на вопрос, за что мы воевали? Тогда, в восьмидесятом, я не задумывался над этим. Я смотрел на все, что меня окружало, сквозь прицел автомата и знал одно: буду медлителен, неточен — значит, холодный цинк. А за этим — мать, жена, сын... Человек от природы наделен инстинктом самосохранения, который порождает страх смерти и ужас перед ней. Но больше всего я боялся не за себя, а за то, что будет с моими родными и близкими, если вдруг... Ведь они очень ждали и молились за меня. А я убивал, потому что я солдат. И конечно, я чувствовал страшную вину перед теми женами, матерями и детьми, которые хоронили свих мужей, сыновей и отцов, погибших от пуль моего автомата. И мы и они одинаково боролись за жизнь. Для нас они все были душманами, мы для них — оккупантами..."

Мне часто казалось: что всему виной "Аврора", что однажды пальнула по Зимнему, и эхо ее залпа до сих пор отдается в нас. Как посрывали кресты и пона-тыкали вместо них фанерные звезды, как порубили топорами иконы, а вместо них — дешевые плакаты, как запели "Союз нерушимый...", — так и покатилося все к чертовой матери. Задушили все человеческое, и потому люди рождались уже с цепями на руках. Чуть повыше отцова колена — на тебе октябрятский значок, носи и будь достоин. Подрос выше отцова пупа — на шею красный галстук, затяни потуже и будь достоин. И пошло, поехало... И если был достойным — держи партийный билет, грамоту на льготную жизнь. В те годы эта организация была на высоте. Тогда она была бессмертна! И разве тем "богам" было до нас? Разве

они задумывались об искалеченных судьбах интернационалистов — слепых, обгорелых, без рук, без ног, без половых органов... Раньше я говорил: будь проклята эта земля, этот народ, я ненавижу тебя, Афганистан! Десять лет спустя я говорю другое: будь проклят тот, кто послал нас туда! Я часто вижу тех, кто был там со мной. Они сняты мне. И что интересно: сразу после Афгана бурная застойная действительность так настучала по голове, что вроде бы и забывать стал. А здесь снова всплыло и спать не дает по ночам. Вообще, неволя отличается от воли тем, что за колючим забором есть много времени подумать, как-то определиться и научиться воспринимать свое собственное отношение к жизни. Здесь как-то все встает на свои места, но это только здесь. Ибо для многих сладкое слово свобода — это такой наркотик... Словом, если кто и выходит отсюда нормальным человеком, то только не с понятием, чтобы приносить пользу обществу, а скорее всего с намерением просто жить и не мешать другим. Но это единицы. Основная же масса выходящих отсюда — злые, серые, искалеченные и никому не нужные люди. Они — продукт и результат наших жутких сроков, беспредела на следствиях, беззакония на судах. На мой взгляд, сейчас "афганец" и зэк — одно и то же лицо. Здесь и неустроенность, и злоба, и жажда мести. Потому что опыт показывает, что правды все равно не добьешься и все опять сойдется на невинном. Ведь наша система расколола общество: одни всегда работают от слова раб, другие всегда виноваты, третьи — те, кто при голосовании воздержался, четвертые — уже прямые враги, пятые — кто плохо по-русски говорит и т.д. Четкая система стрелочника, прямо-таки целая наука. И коли попал под колесо, в немилость — нет тебе веры. Остался без ног — мы тебе костыли на день рождения подарим, книжицу льготную — живи, не хочу... Вот и ответ на вопрос, что дал мне Афганистан. А научил он меня, конечно, многому. И если выражаться точнее, война, в основном, не дает, а испытывает тебя как мужчину, как личность, как человека. Здесь нельзя лгать, здесь на каждом шагу чувствуется дыхание смерти, и поэтому отношения между людьми становятся более упрощенными, чистыми и естественными. А когда возвращаешься домой, под ясное мирное небо, то очень удивляешься, что тебя никак не могут понять те, кто там никогда не был. Конечно, в этом

нет их вины. Просто психика и восприятие определенных ценностей у "афганцев" стали другими. А со стороны кажется, что это несдержанность, нахальство..."

Когда я миновал последние электрические двери с надписью "Входить не более 3-х человек" и оказался по ту сторону серебристых змей (названных "егозою"), обвинивших несколько рядов колючей проволоки на изоляторах, то вспомнил юношескую мечту осужденного Бирюкова: "я хотел быть попом." Вот и вышел из него "афганский поп" — комендант жилой зоны, а "приход" — учреждение ЮН — 83/8. Конечно, зэки его побаиваются и порядок в зоне коменданта образцовый, да только "церковь" эта на тюремном положении...

Несколько позже я встретился с матерью Бирюкова — Валентиной Сергеевной. Эта рано состарившаяся и седая как лунь женщина тяжело вздохнула на мою просьбу рассказать о сыне.

— В народе говорят, что майские дети будут всю жизнь маяться, — горько проговорила она. — А Саша в детстве был очень впечатлительным и эмоциональным мальчиком. Помню, когда ему было три годика, я его возила в кукольный театр, в Москву. Там, после спектакля, выступили актеры с увеличенными лицами, и он настолько испугался, что стал заикаться. Что-то похожее происходило с ним и после возвращения из Афганистана: ночами кричал, стрелял, а днем разговаривал шепотом. Еще бабушка его просила: "Говори громче, а то я не слышу". А однажды рассказал, почему от него писем долго не было. Они тогда в окружение попали и долго выходили из него. Говорит, их всех трясло, как эпилептиков. И после этого всем выдавали справки, подтверждающие сильные психические расстройства. А он от справки отказался, надеялся, что все пройдет. Да и как-то ему стыдно и неудобно было — молодой парень и психбольной... А потом, потом пить начал, поздно приходил, говорил, что встретил друга — "афганца". Я пыталась лечить его от алкоголизма, на сеансы в Москву ездили. А тут и развод как раз... Потом в торговле у него какие-то неприятности пошли, и он до того извелся, что мне и говорит: "Завтра пойду в военкомат и буду проситься обратно в Афганистан!" Я ему: сынок, что ты, помилуй Бог"... — и тут Валентина Сергеевна заплакала.

Свой отказ принять присягу на верноподданство Ко-

роленко мотивировал тем, что законные власти злоупотребляли правом произвола. "Произвол вторгается во все отправления жизни, — писал он в своем заявлении на имя пермского губернатора Енакиева, — часто самые честные и законные, и, задушив эти стремления в лучших проявлениях, отклоняет жизненные течения с пути идейной переработки и закона на путь личных столкновений. Он порождает тот разлад между законным требованием и требованием совести, который я решаюсь выразить в настоящем случае..."

Судя по всему, в России за последние сто лет так ничего и не изменилось. Произволом было введение войск в Афганистан, произволом были грабежи и разбои наших бывших воинов-"афганцев", произвол привел их на скамью подсудимых, в тюрьмы и зоны, где теперь они, в свою очередь, страдают от произвола отдельных лиц из администрации и, конечно же, от воровской элиты, руководимой паханами. Но это уже другая наболевшая тема, от которой страдает и сам подполковник Нагорнов. Ведь его, как и многих нас, беспокоят судьбы эзков-"афганцев", трагическую вину которых он видит все в том же произволе, а существующая система перевоспитания — увы, не панацея от него. И не один Нагорнов в Ярославском УИДе не верит в идею воспитания. Даже большое гулаговское начальство считает, что для реализации этой идеи нет ни кадров, ни убежденности, ни материальной базы. Прежде всего нужны специалисты-психологи, которых нет и их никто не собирается готовить, а в самом процессе воспитания не должен превалировать принудительный труд. Но об этом говорить серьезно пока никто не осмеливается, и потому, естественно, нет надежды, что осужденные "афганцы" смогут вернуться к нормальной жизни. Ибо они плывут по ее течению, следуя линии своей судьбы. Но на Сашу Бирюкова я все же надеюсь, как на исключение из правил. Дал бы Бог сил и воли этому "афганскому попу" стать тем, кем он хочет. Хотя бы через восемь лет. Ведь есть же в его стихотворных опытах такая строка:

"Молись, человек, чтобы грех рождался мертвым..."

ЯВАССКИЕ ОДНОХЛЕБКИ

Заметки о жизни осужденных женщин

Порочные люди хотели исправлять порочных людей и думали достигнуть этого механическим путем. Но из всего этого вышло только то, что нуждающиеся и корыстные люди, сделав себе профессию из этого мнимого наказания и исправления людей, сами развратились до последней степени и не переставая развращают и тех, которых мучают.

Лев Толстой. Воскресение

Пять лет назад в исправительно-трудовых учреждениях России содержалось более 65 тысяч осужденных женщин. К началу нынешнего года цифру "подогнали" к статистике цивилизованного мира. Теперь у нас за решеткой "всего" 19 тысяч осужденных к лишению свободы представительниц прекрасного пола и с ними около 500 детей до трех лет. Однако специалисты с ужасом обнаружили, что такая "гуманизация" привела к резкому росту женской преступности в стране. Значит, взятый курс судебной практики (к большинству женщин перестали применять меру наказания в виде лишения свободы) оказался неприемлем для нашего общества. Но это лишь одна сторона проблемы.

Другая — судьбы самого персонала женских тюрем и лагерей. О женщинах, носящих военную форму внутренней службы, можно сказать, что они не менее несчастны, чем сами зэчки. Я даже слышал, как одна осужденная съезвила в адрес начальницы: "Я вот еще два года отсижу и выйду, а ты будешь в зоне двадцать пять лет кумарить..." И в ее словах немалая доля истины, потому что тюрьма есть тюрьма, и тем она страшнее и ужаснее, чем хуже и безобразнее общество, которому она принадлежит.

О том, как живет наш осужденным женщинам,

каков преимущественный состав их преступлений, а также об их взаимоотношениях с администрацией зон я и хотел бы рассказать в этих заметках, написанных по материалам командировки в Мордовию.

Станция Потьма. Серые бараки, построенные еще в тридцатые годы, колючая проволока и охранные сооружения лагерей, что разбросаны среди лесов и болот. Центр этого архипелага в поселке Явас, где находится Управление исправительных дел — Учреждение ЖХ-385, своего рода государство в государстве, напрямую подчиненное Службе по исправительным делам и социальной реабилитации МВД СССР. Реальная власть в округе принадлежит начальнику управления, хотя есть тут и поссоветы, и исполкомы. Но они бедны и зависимы, как и эски за колючей проволокой.

Тому, кто не бывал в Явасе, покажется странным этот поселок. Будто время тут остановилось где-то в году сорок четвертом: половина женщин на улице в военной форме, ребятишки в детском саду играют в конвоирование. Впрочем, удивляться нечему: начиная с 1928 года здесь целые "династии" (деды, отцы и внуки) служат в исправительной системе. А одна женщина, майор внутренней службы, то ли с иронией, то ли с горечью призналась: "До того к форме привыкла, что дома халат надену, и такое ощущение — как из бани пришла".

На окраине поселка женское Учреждение ЖХ-385/2. Рассказывает заместитель начальника политотдела управления В. Головин:

— Там преимущественно детоубийцы, мужеубийцы, грабительницы и разбойницы, совершившие преступления с особой жестокостью, расчленением трупа... И что самое страшное — никакого раскаяния. Почти все убеждены, что сидят ни за что. Поговоришь, вроде бы и сострадание просыпается, а откроешь дело — волосы дыбом. Одна девица своего ребенка утюгом до того била, что от утюга ручка отвалилась, другая своих детей, двух- и четырехлетнего, в топку кочегарки бросила, третья любовнику голову отрезала и три дня в сумке носила, чтоб его жене показать. Расчленяют трупы, варят в кастрюлях, разбирают, как на холодец, и опускают в унитаз. •А бабки-то с какими сроками сидят! Отсюда им одна дорога — на кладбище.

— В основном за что сидят?

— По сто второй статье — за умышленное убийство. Дедов своих порешили. Такова уж женская жестокость. Не знает границ. Присутствуют моменты и шокового со-

стояния, но психиатрическую экспертизу все прошли, и все признаны вменяемыми. Видимо, не только физиология, но и психология у женщин иная, чем у мужчин. Мужик замочил и пошел, расчленение — чрезвычайно редкий случай, а у женщин — чуть ли не система. Им надо поиздеваться над трупом: глаза выколоть, половой орган отрезать, разрубить на куски. Определенно, здесь есть какая-то закономерная зависимость от пола. Вот, например, Катя. Недавно освободилась. Работала на заводе, никто даже не догадывался, что она беременна. Пошла в обед в туалет, там родила, ребенка удушила, ветошью обмотала, потом в Ленинской комнате кумач со стола сняла, трупик в него завернула и там же оставила. Вернулась на рабочее место, до конца смену за станком отработала и домой ушла. И никогда бы не разоблачили, если бы сама не созналась и уборщица не сказала, что слышала из туалета какой-то писк. А когда она у нас в зоне рожать собралась — забеременела, видимо, на свидании, — мы за ней по пятам ходили, чтоб с ребенком ничего не сделала. Родила, ушла по амнистии.

— Ребенка-то взяла?

— Взяла, как не отдашь. Они, чертовки, здесь детьми здорово прикрываются — с кормящей матерью администрация ничего сделать не может: работать не заставишь, в штрафной изолятор нельзя. Вот и спекулируют на детях. Шесть раз в сутки полчаса на кормление плюс час на общение — по приказу министра внутренних дел. А как освобождаются, тут же ребенка и бросают. Забирают единицы. Да и то одна тут недавно двухлетнего до станции довезла, камнем по голове трахнула, в мешок и в туалет, в выгребную яму. Хорошо, мужики мимо шли, услышали плач, вытащили.

— А детей вы куда отправляете?

— Три года исполнится — в детдом. Просим матерей: откажитесь, хорошие люди усыновят, воспитают. Не отказываются. У иных ни кола ни двора, годами в детдом не навешиваются. А как восемнадцать чаду исполнится, начинают разыскивать, ведь дело к старости. Да что рассказывать. Сами увидите.

И увидел. Страшно стало. От того, что эти люди не считают себя виновным. Почти каждая осужденная создает себе миф, легенду, оправдывающую преступление: виноваты следователи, судьи, только не она сама. Не ищут корень зла в себе, не хотят искать. И подумалось мне: а может, это своего рода защитная реакция, чтобы

выжить, заглушить вину, укрепить волю и надежду на то, что все наладится и этот кошмар никогда не повторится? Не знаю. Но то, что здесь я хотел услышать (стон женской души за колючей проволокой, житейские исповеди, признания в общении с Богом), так и не услышал. В помиловках (просьбах о помиловании) преступницы формально пишут, что вину признают и раскаиваются, на вопрос о Боге пожимают плечами или поддакивают, что, дескать, в церковь иногда заходили. Но веры-то ни у кого нет. Нет и чувства раскаяния. Их сознание можно безошибочно назвать безрелигиозным.

Вот, познакомьтесь.

"ЗДЕСЬ ЛЮДИ СТАНОВЯТСЯ ЖИВОТНЫМИ"

Иванова Ирина*, 1964 года рождения, русская, студентка, осуждена в 1984 году по статье 146, ч. 1 и 2 УК РСФСР (разбойное нападение с целью завладения личным имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни) на 15 лет лишения свободы. В коллективе уживчивая, исполнительная, в обращении вежливая, сдержанная, С 9.08.90 г. переведена на улучшенные условия. Администрация учреждения ходатайствует о помиловании осужденной, отбывшей уже почти восемь лет в заключении. В ее деле находится извещение о смерти мужа, расстрелянного по приговору Верховного суда РСФСР.

— Мне было семнадцать лет, когда мы с ним познакомились, — рассказывает Ирина, смахивая слезы. — Он был очень красивым и талантливым парнем, обладал даром очаровывать людей. Это был человек высшей породы и легко достигал любой поставленной цели. Из таких людей получаются или герои, или преступники. Судьба избрала его для последнего. В нашем знакомстве была какая-то фатальность. Я была ослеплена, околдована. Теперь я проклинаяю его, хотя его уже нет на свете ровно столько, сколько я здесь нахожусь. И еще семь лет сидеть мне в этой клетке! — Она закрыла лицо руками, сквозь пальцы закапали слезы. — Я хочу все забыть, не хочу вспоминать! Отпустите меня!

Я молчал, помня многочисленные эпизоды из приговора Верховного суда. Они с мужем объехали чуть ли не всю страну, совершали кражи, убивали людей. Перед глазами стояла строка, рефреном пробегавшая по объемистому приговору и резюмирующая его: "Во всех случаях хищений исполнительницей являлась Иванова".

* Фамилия по просьбе осужденной изменена.

она все валит на мужа, которого нет на свете, вызывает сочувствие и сострадание вполне резонными аргументами: была несовершеннолетней, запугана угрозами и побоями. Но мне трудно понять ее. Может, потому, что слишком хорошо знаю ее дело.

— Поздно вы приехали, — продолжает она, немного успокоившись. — Раньше надо было. На суде меня слушать никто не хотел, не говоря уж о том, чтобы как-то понять.

— Но вас-то не расстреляли.

— Да лучше бы расстреляли! Вы знаете, что такое пятнадцать лет для молодой женщины? Ведь мне всего девятнадцать было. Лучшие годы в этом вонючем болоте. Здесь же оскотинивают людей! Здесь люди становятся животными!

— Это как понять?

— Это не понять тем, кто здесь не был. Оскотинивание происходит с любым, кто отсидел лет пять. С одной стороны, среда — отбросы общества, самые низы: алкоголички, бродяжки, проститутки. Они, кроме грязных углов и помоек, ничего на воле не видели, а сюда приходят, как говорят, отмываться. Здесь чистые простыни, хоть какое-то трехразовое питание. Но самое страшное, что они насаждают здесь свою психологию и мораль, к которой надо приспособливаться, чтобы среди них выжить. Иначе будешь выглядеть белой вороной. А с другой стороны — сама лагерная система, которая работает на превращение людей в послушное стадо. Здесь нельзя быть личностью — забьют со всех сторон. Обыдляют. И поэтому приходится становиться быдлом и молчать, дожидаясь конца срока. А у меня вообще нет никакой перспективы.

— Ну, почему же? Написали помиловку...

— Я не надеюсь, что мне сбросят несколько лет, хотя и на улучшенном положении. Вот вы о душе спрашивали? Так души уже давно нет. А чувство вины с годами притупляется. Я восемью годами такой жизни уже расплатилась за нее. Мне кажется, что все, что было у меня, было не со мной. Я глубоко убеждена, что никогда не совершу такого, что совершала по принуждению мужа. Но этот срок! Ведь все зависит от того, как, с какой стороны рассматривать меру наказания. Я считаю, если вина безмерна — убивайте, но зачем же мучить человека пятнадцать лет? Зачем такие сроки? Ведь люди озлобляются на весь мир, ни во что не верят, опускаются, сожительствоуют друг с другом, чтобы как-то

протянуть время.

— Это вы об однополой любви? А скажите, интеллект в этом как-то участвует?

— Вообще истоки этой любви — в потребности о ком-то заботится. Но большие сроки и в этом плане пагубно влияют на женщин. По выходе на свободу они уже не только не смогут жить с мужчинами, но даже не реагируют на них. Такие "семейные" пары администрация называет однохлебками, пытается сыграть на их отношениях. Хотя в общем-то сожительство здесь наказуемо. Если кого-то застанут в одной постели — лишают посылок, свиданий, помещают в ШИЗО. Но это было, есть и будет. Это неотъемлемая часть лагерной жизни, ее внутреннее содержание. — Она смолкла и отвернулась.

Я тоже задумался. Даже проникся сочувствием к ней. Но Ирине, увы, не поможешь. Слишком тяжела ее вина — на ней кровь неповинных.

— Вы знаете, очень мучит сознание того, что ты никогда больше этого не совершишь, — снова заговорила она. — Вот существовал бы такой прибор, который мог бы определять, действительно ли человек никогда не совершит и не повторит преступления, так я уверена, что в отношении меня он дал бы такой ответ. Но кому это докажешь? Такой системы определения рецидивов у нас нет. Зато есть система другая — ожесточить и озлобить человека до крайнего предела.

— Но все-таки вы надеетесь, что вернетесь к той жизни?

Она вздрогнула, будто чего-то испугавшись. Слезы снова покатались по впалым щекам.

— Я не знаю, как до т о й жизни дожить, — еле слышно прошептала Ирина. — Я забыла, какая она, та жизнь. Понимаете, я уже даже не представляю себе, как можно спокойно пройти по улице и купить мороженое... — Она разрыдалась, потом вскочила со стула и вскрикнула хриплым голосом: — Отпустите меня! Не травите душу!

Мне стало стыдно своей дотошности, и я согласно кивнул. Когда она вышла, я почувствовал дикую тоску и попросил замполита колонии Анну Васильевну Сучкову пригласить осужденную с менее тяжким преступлением.

— Есть Люда Французова, валютная проститутка, — предложила Сучкова.

"Я ПРОЖИЛА В ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ"

Философ нашего времени сказал: "Счастье — это переживание радости бытия". С этим трудно не согласиться. И

потому человек, который на свободе купался в деньгах и был от этого счастлив, лагерное бытие считает загробной жизнью. Особенно когда этот человек — симпатичная молодая женщина, утверждающая, что была счастлива потому, что трудилась как пчелка. Вот одна из них...

Французова Людмила*, 1964 года рождения, украинка, закончила среднюю школу с золотой медалью, была комсоргом школы в старших классах, владеет английским языком. Осуждена Верховным судом РСФСР в 1986 году по статье 88, ч. 1 и 2 УК РСФСР (нарушение правил о валютных операциях, спекуляция валютными ценностями в крупных размерах). Приобрела, нарушая правила о валютных операциях и спекулируя валютой, 208 092 рубля. Срок — 9 лет. По характеру общительная, спокойная, целеустремленная. В коллективе уживчивая.

— Не знаю, как остальные, — легко и интересно рассказывала о себе Людмила, — но я вот действительно сижу ни за что. У меня нет никакого сознания вины. Тем трехлетним периодом своей жизни я вполне удовлетворена и жила бы так и дальше, если бы не посадили. Ну, грубо говоря, были у меня любовники, подарки дарили. Это же мое личное дело. А потом, я занималась нормальным бизнесом: купила подешевле, продала дороже. Где тут криминал? Ни в одной цивилизованной стране такой статьи нет. А мне в обвинительном заключении написали: "Подрывала экономическую мощь СССР, нанесла моральный ущерб Советскому государству..." Это я-то подорвала, нанесла? Я же все своим трудом. Сейчас вообще говорят, что восемьдесят восьмая статья якобы из кодекса уходит в связи с переходом к рынку, что она сейчас в замороженном состоянии. Вот мне и обидно. Я уже по всем инстанциям написала, а толку никакого. Ей-богу, прямо заколдованный круг.

— Расскажите, как вы здесь оказались.

— Да что рассказывать. В МГУ на экономический поступала, хотела пойти по законному пути: окончить Университет, иметь денежную работу. А тут этот конкурс дурацкий — одного балла не добрала. Тем более что одни люди пообещали меня по блату протолкнуть, потом они мошенниками оказались. А ведь я была перспективной девочкой. Ну, поплакала немножко, у тетки сначала пожила, потом квартиру сняла, осмотрелась. Вижу, не надо быть министром, чтобы иметь хорошие деньги. Ведь

* Фамилия осужденной изменена.

категории людей, которые просто не хотят жить в нищете. Ну и направила свой талант в нужное русло. Мужа фиктивного завела, чтобы квартиру поделить. А потом смотрю, смотрю — надо к какому-то берегу причаливать, потому что рано или поздно могу оказаться в местах не столь отдаленных. Все взвесила и решила из этой страны уехать, у меня уже перспектива была, жених из Австрии появился, да вот пригребли раньше, не успела. Но я все равно уеду, меня ничто не остановит, тем более что сейчас полегче с выездом стало. Пока это у нас наладится рынок, то да се — жизнь пройдет. А я не хочу существовать, как все у нас, каким-то быдлом в стаде, довольствоваться тем, что есть. Я девушка деятельная и буду стараться улучшать свое материальное положение.

Когда меня взяли, мне всего двадцать лет было. Глупа была. Не знала, как себя вести. А им было невыгодно мелких сошек брать, вот и стал на меня следователь давить, всякие признания выжимать — словом, делать так, как ему хотелось. Первоначальная сумма их никак не устраивала. Держали меня в Лефортове девять месяцев, а за это время, сами знаете, любой может обломиться. Причем условия жесткие. А они мне с издевкой: "Вы в такую тюрьму попали, все равно что на курорт". А курорт такой: камера на двоих, даже радио нет, да еще с тобой человек сидит, который на них работает. Это я уже потом поняла. Что со мной первые три месяца было — не описать. Сплю и свободу вижу, а просыпаюсь — камера. Ну и со мной истерика. Какие я могла показания в таком состоянии давать? А они опять с ехидцей: "Мы же не говорим, что у вас там "Боинг-701" стоит." А когда я начинаю доказывать, что у меня вот такие и такие расходы были, смеются. Ну, откуда они могли знать, какие у меня суммы? Так они меня долбили, суммы накручивали. И довели до такого состояния, что мне уже жить не хотелось, было все равно. А тут еще стали на искренность давить, якобы на дачу каких-то смягчающих вину показаний. И я поверила, что чем больше наговоришь, тем меньше дадут. Маму обысками замучили. В общем, наговорила, с моей стороны полная игра была. И нангралась на девять лет. А иск совсем бешеный накрутили — двести тысяч...

— И уже пять лет отсидели?

— Да, эти пять лет я прожила в загробной жизни. Недаром люди тюрьмы боятся. Здесь так душа страдает, что не передать. Забор у нас как какая-то граница с

другим миром, и появляется чувство отдаленности от людей. Никаких стрессов и страстей, кроме отрицательных. Здесь время как бы останавливается, замирает. Чувствуешь, как физиологически стареешь, смотришь, кожа посерела, морщины появились. И душа озлобляется. Вроде бы и живой человек, и как-то приспособливается, но в душе такую слезную трагедию носит, что никакой мечты, никакой мысли у него нет. Как живой труп. И вся эта зоновская жизнь становится твоей, ты как-то в ней размешиваешься, растворяешься, черствеешь. Я здесь такой эгоисткой стала, себя не узнаю. Раньше я сама себе нравилась, милостыню старушкам подавала, а теперь... На многое закрываю глаза, какое-то отупение со мной произошло. Чувствую, что умирают клетки, мысли. Какая-то медленная мучительная смерть. От срока устаешь не столько физически, сколько морально. Ведем себя как мыши — чем тише, тем лучше. Да еще эта система ужасная. Никогда не думала, что сюда попаду...

Были первое время срывы психические. Поплачешь, и вроде легче. И, конечно, здесь большую роль играет поддержка с воли. Поначалу вообще кошмар был: подъем в четыре утра и до семи вечера на фабрике пашешь. Приходишь без рук, без ног. И так каждый день. А потом — окружение. Многие тут без дома, без рода-племени, на них эта система такого гнетущего давления не оказывает. Наоборот, они как бы отходят от того безобразного образа жизни, который вели за забором. Впечатление такое, что для них это вовсе не наказание. Смотришь, белеют, прически появляются. А если срок у них два-три года, диву даешься: приехали, перышки почистили и дальше. Но лично для меня это большая кара, большой облом вышел, хотя я уже и опыта набралась, на жизнь другими глазами смотрю. Оценила, что такое свобода, раньше я об этом просто не задумывалась. Не буду утверждать, что выйду я на волю и сяду на черный хлеб. Конечно, никого не убью и не ограблю, тем не менее, если где можно будет найти какие-то лазейки, своего шанса не упущу и, естественно, за семьдесят рублей работать не пойду. Лучше буду здесь сидеть.

Вообще я этим строем, этим обществом настолько разочарована, что у меня давно нет никаких патриотических чувств. Нет никакой справедливости. Чем я виновата, если люди, с которыми я имела дело, спокойно на свободе разгуливают, живут без проблем? Вот

я в отпуске была и их на рынке видела. Это же волки, и они на воле. Там целая мафия. И она есть, была и будет. А я сижу за то, что своим трудом и стараниями... Где тут справедливость?

— Но вы-то сейчас неплохо устроились?

— Да, здесь мне уже года полтора везет — работаю в таком месте, что могу сохранить здоровье. На кухне в Дээмэре. Там молоко, кефир, другие продукты, что-то перепадает. Ну и посылки получать почаще разрешили. Нет такой необходимости искать кусок хлеба, как когда на фабрике работала. Сейчас мне бидон молока литров на сорок привезут, так я его зацеплю, как пушинку! — Она звонко рассмеялась. — Да и за собой стараюсь следить. Не хочу отсюда старухой выйти. Пусть хоть и в тридцать лет. Здесь никто ни за фигурой, ни за кожей не следит. Спортзал есть, да в него никто не ходит. Хоть бы аэробикой занимались, что ли...

— А какие тут развлечения?

— Ну, скажем, сожителство. Поначалу я очень удивлялась, почему это на свободе так явно не выражено, как здесь. Ведь есть же там лесбиянки и прочие. Но здесь это просто даже заразительно. Первое время человек плюется, а потом смотришь, пожил, пожил на зоне и нашел себе какой-то объект. Появляются какие-то эмоции, какая-то игра чувств. Наверное, так легче прожить. Кто-то играет роль мужчины, кто-то роль женщины, и, представьте себе, появляется семья. Питаются вместе, стирка, еще какие-то совместные дела. Устраивают танцы, заводят в зоне моду. Разумеется, и физиологическая потребность присутствует, но важнее все-таки момент развлечения и приспособленчества, чтобы пользоваться тем, что есть у объекта. Вот, положим, есть люди, которые чувствуют свое превосходство перед другими, и они заигрывают с администрацией. Их ставят бригадирами, потому что они могут потрясти, побить, если, положим, человек плохо работает. На это начальство закрывает глаза, если ради дела. И вот, когда у бригадира появляется вторая половина, то появляется своего рода... семейный подряд. И начинают руководить вдвоем. Смешно сказать, а явление страшное. И жаловаться на них бесполезно. Хотя администрация негативно относится к сожителству, она, видимо, понимает, что с ним ничего не сделаешь. И вот со стороны на эту пару смотришь и удивляешься — настоящая семья. И их не просто секс интересует, а сами отношения... Может, потому, что здесь дружба как таковой и нет. Чуть что

у пары возникло, сразу ставят клеймо: однохлебки. Но, по большому счету, мне кажется, что это не настоящее, а раздутое, выдуманное. Просто от того, что нечего делать, нечем развлечься. Хотя это нередко выходит за рамки игры. Дело в том, что их отношения отличаются большей преданностью, чем отношения между мужчиной и женщиной. Бывают и драмы, и ссоры, и драки. А одна на почве ревности даже с третьего этажа выбросилась. Правда, жива осталась.

А все это оттого, что сроки у нас дикие. Установили бы предел для женщин хотя бы в десять лет. Конечно, есть преступления ужасные, но десять лет — это вот так, под завязку. Многие статьи просто устарели, а за шесть лет перестройки у нас даже нового кодекса принять не могут. Я до сих пор не перестаю возмущаться. Почему мы не имеем права на участие в референдуме? Нас что, гражданства лишили или как? Ладно там голосование, депутатов избирать, но сказать свое слово по поводу целостности страны?! Ведь мы тоже жители СССР! И удивительно, что очень давно амнистии нет. С восьмидесят седьмого года ни одного акта о помиловании! Причем по республикам амнистии прошли: Грузия — пожалуйста, Прибалтика — пожалуйста. А о чем же наше Российское правительство демократическое думает? С преступностью борется? Так здесь, в зоне, сидят случайные люди. Основные преступники — гангстеры, мафиози разные — на свободе гуляют. Я, конечно, и за Россию, и за демократию, только демократия эта к нам, осужденным, никакой гуманности не проявляет. И, судя по всему, не собирается. О какой тогда справедливости говорить? Вон моя подельщица уже лыжи на волю навострила. Ее, видите ли, признали раскаявшейся, она помогла раскрыть преступления и за это всего шесть лет получила. И иск у нее на восемьдесят тысяч, хотя она этим делом с семьдесят шестого года занималась, а у меня "трудовой стаж" всего три года. Ну, она, конечно, была поумней, ей уже за тридцать было, а я... Поэтому, пройдя всю эту школу, я поняла, что здесь я никому не нужна, и поеду в другую землю, которая, может, меня лучше примет. Думаю, что от этого никто не пострадает.

Я не решусь комментировать слова Люды Французовой. Конечно, на фоне всех тех преступлений, за которые осуждены узницы Учреждения ЖХ-385/2, ее "бизнес" выглядит безобидными проделками. Довольно

интересным мне представился рассказ ее о жизни в зоне, об окружении, которое действительно считает себя жертвой несправедливых судов. Есть еще в этой зоне люди, о которых можно долго рассказывать. Хотя бы о пожарнице Гаджиевой, пригласившей к себе в дом председателя исполнительного комитета московской мусульманской мечети, которого она опоила снотворным, связала и держала на полу с кляпом во рту, пока он не скончался. После чего она упаковала труп и подожгла его в лифте. Ее приговорили к смертной казни, потом заменили пятнадцатью годами, а амнистия 87-го года скостила ей пять лет. Она меня убеждала, что убийства не совершала, что пострадавший хотел ее изнасиловать, и она не знала, как от него избавиться.

Вечерами, в гостинице, когда я прослушивал записи на пленке, мне вспомнились "Преступление и наказание" и "Анна Каренина". Достоевский писал, что на каторге Раскольников не раскаивался в своем преступлении и виновным себя признавал только в том, что не смог вынести его тяжести и поэтому явился с повинной. Раскольников проклинал себя за то, что спасовал перед муками совести. В нашей действительности этой проблемы нет. Раскольников ни Ивановой, ни Гаджиевой и в подметки не годится. Размазня, слабак. И это лишний раз подтверждает, насколько низок, мелок наш современник, насколько пало и развратилось нравственное сознание народа. И если поруганная, раздвоенная любовная жизнь Анны Карениной убивает ее душу, то что тогда можно сказать о любвеобильной Людмиле Французовой, золотой медалистке и бывшем комсорге?..

Но тут меня осенило: с какой это стати осужденные будут изливать передо мной душу? Кто я такой для них? И почему взялся рассуждать о том, плохи они или хороши? Ведь не может человек, кем бы он ни был, устоять перед высшим нравственным законом, в нем обязательно идет какая-то работа, карающая его своеволие и гордыню. Только вот какая? Но это ведомо только самим преступникам, о своих муках они никому не скажут. И поэтому ни о каком перевоспитании, конечно, не может быть и речи. А в наших тюрьмах это, пожалуй, и вовсе исключено. По самой элементарной причине: мы еще не в состоянии содержать ни одну тюрьму, отвечающую европейским требованиям.

В Германии, например, на тюрьму для 700 осужденных (в Учреждении ЖХ-385/2 их около 800) приходится 500 служащих. Из них психологов — 3, педагогов — 3,

социальных работников — 9, контролеров, воспитателей и мастеров — 116 и т.д. Все социальные работники — юристы.

А что у нас? Одни проблемы. Но особенно тревожат меня судьбы малюток из зоновского Дээмэра (ДМР — Дом матери и ребенка). Ведь, как правило, они родились от пьяных зачатий, под воздействием медикаментозных средств, с наследственной предрасположенностью к психическим заболеваниям, с ослабленным иммунным фондом, низкой сопротивляемостью организма. Что будет с этими детьми, что их ждет? В Учреждении ЖХ-385/2 их около пятидесяти. Практика показывает, что девяносто процентов из них — кандидаты в детские дома. А потом... потом многие из них повторяют крестный путь своих матерей. В Явасе, например, мне показали такую пару, осужденную, которая родилась в этой же зоне, и контролера — дочь служащего этого учреждения. Вот они, наши "династии", которые пора заносить в Книгу рекордов Гиннеса.

В день моего отъезда из Мордовии в Учреждение полковника Зуйкова поступили еще шесть женщин. Две из них — 1966 года рождения, подружки, которые в пьяном угаре в присутствии своих маленьких детей удушили мужа одной из них (под крик малюток: "Не убивайте папку!"), разрубили труп пополам. Одну половину выбросили в озеро, другую закопали в сливной яме, в огороде. Обе осуждены по статье 102 УК РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах) к 15 годам лишения свободы. С этими я уже не разговаривал. Лишь отметил про себя, что полку явасских однохлебок прибыло, и пошел прочь от этого проклятого места, ощутив какое-то опустошение в душе и страх за будущее Отечества.

Потьма — Москва

ТАКСИСТЫ И МАФИЯ

23 октября 1991 г. около трех часов ночи 28-летний водитель 18-го таксомоторного парка Москвы Владимир Матвеев выехал из аэропорта "Домодедово" с двумя молодыми пассажирами, выходцами с Кавказа. На 21-м километре от Москвы пассажиры ударили Матвеева топором по голове и набросили на шею удавку. Теряющий сознание водитель резко затормозил и съехал на обочину дороги. Потом его три раза пырнули ножом в горло, еще раз в грудь и выбросили из машины. Убийцы перестались: как показала судебно-медицинская экспертиза, смерть наступила от удушения...

Пытаясь выбраться на трассу, преступники попросили помощи у проезжавшего мимо водителя 5-го таксопарка. Таксист вытащил машину Матвеева на дорогу и, заподозрив неладное, рванул к Москве.

У поста ГАИ при выезде на МКАД он сообщил о своей догадке, и после того как угонщики не остановились на отмашку милицейского жезла, включился в погоню вместе с сотрудниками госавтоинспекции. Погоня продолжалась недолго: у Борисовских прудов машину беглецов занесло, она врезалась боком в бетонный столб и разлетелась на две половины.

Эксперты-криминалисты навели косметику на лица трупов и разослали снимки по всему кавказскому региону, одновременно они были переданы для опознания по московскому каналу ЦТ. Уже через неделю в Москву приехали родственники разыскиваемых. Ими оказались 25-летний Муса Мамедов и 18-летний Ильгар Мирзоев. Причем первого узнал занимавшийся частным извозом житель Москвы, у которого Мамедов отобрал и угнал "Волгу".

Следствие показало, что убийство Матвеева (у которого остались жена и сын) было совершено с целью завладения машиной — новой моделью "ГАЗ-24(10)", цена на которую поднялась на "черном рынке" до полумиллиона. Преступление раскрыто, дело прекращено, но...

Но тут грянули массовые выступления таксистов, требовавших у городских властей принятия решительных мер по обеспечению их безопасности и высылке всех "кавказцев" из Москвы. Мэрия начала переговоры со стачечным комитетом таксистов, в кабинетах начальников ГУВД анализировались справки и результаты обследования таксомоторных парков, начальник МУРа Федосеев запер всю информацию в сейф, не подпуская к себе журналистов. Принимались меры по пресечению выступлений в печати — не дай Бог спровоцировать межнациональный конфликт в столице. Усилия были не напрасны: вспышку удалось загасить, спустить на тормозах...

Проблема таксистов оказалась столь сложной и многогранной, что тут не обойтись без анализа политического, экономического, социально-бытового направлений, которые вкупе и должны выявить истинные причины конфликта. Вот почему я обратился к одному из лучших специалистов исполнительского звена ГУВД Москвы с просьбой пролить свет на некоторые криминальные аспекты страшного треугольника: таксисты — "кавказцы" — мафия. Полковник милиции ИКС (я не называю его имени по понятным причинам) рассказал следующее:

— Все началось с, казалось бы, безобидных вещей. Лет двадцать назад, в благословенные времена бржневского правления, в Москву и подмосковные города хлынул так называемый первый эшелон иногородних, преимущественно выходцев из республик Закавказья и Средней Азии. Эти всевозможные кунаки и кумовья появились у председателей и зампредов исполкомов разных уровней с небескорыстными предложениями сотрудничества в распределении на рынках города и области цветов, фруктов, овощей, вина — словом, всего того, что растет и производится на юге. Кунаки появлялись с подарками, что тогда было в общем-то обычным явлением: протекционизм и коррупция процветали. За определенную мзду им были отданы приоритетные торговые точки, и вскоре у этих людей появились большие деньги. Они прописались, породнились и стали внедряться в городские структуры торговли, сервиса, распределения в широком смысле слова. И не важно, на какую должность устраивался тот или иной приезжий. Известны случаи, когда человек числился рабочим магазина, а фактически был его директором, потому что весь доход шел ему в карман. Потом эти люди устраивали своих родственников

и полуродственников как поставщиков и экспедиторов, затем как продавцов и товароведов, а к началу восьмидесятых годов уже как директоров магазинов и фирм. Словом, к началу перестройки возникла такая ситуация, что, куда ни глянь (мы имеем в виду сферы торговли, распределения, сервиса и т.д.), везде замесили люди этого первого эшелона. И через задние ходы магазинов, баз и складов пошел на юг импорт, мебель, ковры, хрусталь...

Разумеется, здесь и далее речь идет о криминогенных элементах. Подавляющее большинство приезжих — люди честные и порядочные.

— Интересно, люди каких национальностей прежде всего перебирались к Москве?

— Преимущественный захват торговых точек осуществили люди татарской национальности, их прилив начался сразу после окончания второй мировой войны: они переселялись в столицу целыми районами из Горьковской области. Их влияние — одно из сильнейших среди национальных меньшинств города и области. Еврейское влияние в результате эмиграции значительно ослабло, хотя в аппаратах управления торговлей и вообще распределения евреев много. Очень выросло за последние годы число выходцев из кавказских республик: Азербайджана, Армении, Чечено-Ингушетии, Дагестана... Весьма любопытная община — ассирийская, по численности не уступающая татарской. Она более всех организована, сплочена. Есть, конечно, и люди других национальностей. И русские в том числе.

— Значит, существовал определенный механизм образования таких общин в Москве и вокруг нее?

— Конечно. Невзирая ни на какие преграды в прописке и жилье, этот первый эшелон, осевший в подмосковных городах типа Долгопрудного, Балашихи, Щелкова и других, потянул за полуродственниками остальных земляков. Сначала их устраивали как лимитчиков в автобусные парки, потом они переходили в структуры, связанные с распределением и сервисом. Эти люди брали на себя посредничество, через них распространялось взяточничество. Словом, способ, который приобрел характер межобщинной, межгрупповой, межнациональной поруки, обогащал хозяйственников и управленцев служб города и области. А дальше произошло следующее. Эти "авторитеты" распространили свое влияние на криминогенную среду: судимых, психбольных, проституток, наркоманов, картежников, лиц других

категорий, находящихся на учете правоохранительных органов.

— Так это же огромный живой организм!

Разумеется. На сегодняшний день мы знаем о существовании порядка десяти крупнейших московских группировок, поделивших город на зоны влияния. А такси — одна из сфер этого монстра, который представляет собой мафию по национально-производственному признаку. Потому что это не только возможность бесконтрольного использования автотранспорта практически в любое время и для любых целей, а еще и возможность подхода к распределению автомашин, запчастей, горюче-смазочных веществ, ремонтной базы и многого другого. Но в первую очередь это средство для совершения преступлений.

— А роль приезжих?

— Вот тут мы и подошли к главному. Из двух миллионов приезжающих в столицу — даю голову на отсечение — около сотни тысяч приезжают грабить и воровать. Взять тех же лиц татарской национальности. Редкая семья, живущая в Москве, не принимает хотя бы раз в две недели иногородних гостей. А это, как правило, пять-шесть человек. И если вам попался один чеченец, то тут — за ним еще десяток. Чеченцев просто очень много. Смотришь, по возрасту человек должен бы быть в армии, а у него куча "липовых" справок. Большинство из них в возрасте от 20 до 25 лет мотивируют свой приезд самыми разнообразными предлогами: приехал на лечение, поступать в аспирантуру, инвалид первой, второй, третьей группы... Словом, масса предлогов, какие только знает человеческая хитрость. О фиктивных браках я уже не говорю.

— Давайте вернемся к таксистам. Какие криминальные характеристики уместны в отношении этой профгруппы?

— Это очень взрывоопасная среда и, кстати, очень организованная. У них есть лидеры, среди которых можно встретить людей с двумя высшими образованиями и даже кандидатов наук. Они видятся, знают друг друга, подвержены общим настроениям. Им ничего не стоит в течение нескольких минут собрать у Моссовета или на Октябрьской площади сразу сотни две машин. У нихработан опыт самозащиты: монтировки, холодное оружие; по оперативным сведениям, у многих есть и огнестрельное оружие, а о газовом я уже и речь не веду. Их настроение может быть использовано экстремистскими

группировками для создания конфликтных ситуаций, массовых беспорядков. Кроме того, доля участия таксистов в преступлениях резко возросла при развитии бизнеса криминальных структур: рэкета, проституции, торговли наркотиками, квартирных краж. Точка отсчета здесь — Указ о борьбе с пьянством, который всю торговлю спиртным с 18 часов до 8 утра сместил в такси, выступившее в качестве посреднического звена. А с появлением кооперативных и коммерческих структур огромная масса машин была скуплена: таксисту платилось в час от 50 до 100 рублей, чтоб он был под боком. Это его устраивало: не надо мотаться по городу, чтобы делать план, изнашивать машину, да и безопасно — никто не нападет, не ограбит, не убьет.

— Тем не менее, число нападений на таксистов резко возросло...

— Я назову некоторые цифры за последние годы. В 1987 году в Москве зарегистрировано 36 случаев разбойных нападений на таксистов, два из них со смертельным исходом. В 1988-м — уже 57 случаев с двумя смертями. В 1989-м — 72 нападения с пятью смертельными исходами, а за 9 месяцев 90-го года напали 52 раза и убито было 8 человек. Я бы не сказал, что таксистов гибнет больше, чем представителей других профгрупп. Но эта статистика говорит о тенденции правонарушений в такси и заставляет задуматься о том, куда мы катимся. Водители утверждают, что нападения на них обусловлены отсутствием у таксистов средств защиты. Однако есть тут и другая сторона. Среди таксистов очень много таких, по которым плачут тюремные сроки по статье 156 2 УК РСФСР (получение незаконного вознаграждения путем вымогательства). Вымогательство приобрело такие наглые формы, что нервы не выдерживают не только у пассажиров: больных, пенсионеров, людей, спешащих на вокзалы и в аэропорты, но и у сотрудников милиции: в прошлом году оперуполномоченный одного из столичных отделений милиции даже застрелил из пистолета на стоянке одного такого хама — водителя 2-го таксопарка. Конечно, таксистская профгруппа работает в сложных психических и физических условиях, но то, что это одна из категорий пособников, а порою и участников всех преступных группировок, не вызывает сомнения. Так что они не только жертвы, но в такой же мере и хищники. Я бы вам советовал обратиться в Мосавтолеттранс, ГАИ, отдел по борьбе с организованной преступностью

МУРа. Они дадут вам очень много конкретного материала.

Я последовал совету полковника ИКС и на следующий день приехал в отдел кадров Мосавтолеттранса, который уже можно назвать бывшим в связи с его реорганизацией.

Прежде всего мне показали "Должностную инструкцию водителя легкового такси г. Москвы", в которой строго-настрого записано: "Водителю запрещается:... получать в качестве платы за проезд иностранную валюту... хранить в автомобиле спиртные напитки..." В конце инструкции находится отрывной талон "Обязательство" в том, что водитель имярек обязуется беспрекословно выполнять ее, в чем и расписывается. "Обязательство" подшивается в личную карточку водителя.

Потом по документам и приказам я проследил всю кадровую диалектику этого ведомства. До повышения тарифов за проезд (1977 г.) преобладала тенденция падения производственной дисциплины и дисциплины обслуживания клиентов. Текучесть кадров росла, и в таксопарки стали принимать на работу всех подряд, независимо от криминального прошлого. В 1979 году появился приказ начальника Управления легкового транспорта по улучшению обслуживания населения и повышению производственной дисциплины, в котором одним из пунктов было записано: "Исключить случаи приема на работу в таксомоторные парки лиц, ранее уволенных по компрометирующим их мотивам и допускаям нарушения дисциплины". При этом всем начальникам отделов кадров таксомоторных парков (ТМП) было устно разъяснено, что под этот пункт попадают все ранее судимые. ВЦСПС захлестнула лавина жалоб бывших водителей, освободившихся из мест лишения свободы, которым отказывали в приеме на работу. И по предписанию профсоюза уже в начале 1980 года этот пункт был отменен как противоречащий КЗОТу. В андроповский, 1985, год произошла смена многих руководителей ТМП, в отделе кадров Мосавтолеттранса была создана комиссия по проверке водительского состава всех парков. В результате проверки выяснилось, что все ранее судимые водители имеют нарушения трудовой и линейной дисциплины. Они были взяты под жесткий контроль и предупреждены, что в случае нарушения ими должностной инструкции будут уволены. Вообще 1985-1986 годы можно назвать годами массовой чистки в таксистских рядах, ибо за этот период в Москве было уволено

10 тысяч таксистов из 32 тысяч, работавших в ТМП. Соответственно снова было дано указание всем кадровикам: лиц, ранее судимых и имевших трудовые нарушения, на работу не брать. Вместе с тем был усилен линейный контроль, штат контролеров и диспетчеров значительно увеличен. Однако законы о госпредприятии и предпринимательской деятельности, принятые в 1989-1990 годы и способствовавшие повышению плана выручки таксистов (ибо 80 процентов всей прибыли от таксопарков шло в доход государству), привели к тому, что качеству обслуживания пассажиров перестали уделять должное внимание. Опять стали набирать водителей из ранее судимых, а функции линейного контроля сводились к минимуму: контролеры лишь регулировали очередь на стоянках таксомоторов.

Последним Постановлением Правительства Москвы от 30 июля 1991 г. о создании комитета пассажирского транспорта предусматривалась реорганизация Мосавтодегтранса в Управление пассажирского транспорта, которое должно было начать свою работу с 1 октября 1991 г. Одна из функций этого управления — контроль за водительским составом. Причем на всю Москву 5 специалистов-контролеров с окладом 380 рублей в месяц (денег, дескать, нет, потому что комитет на хозрасчете).

Таким образом, по состоянию на конец ноября в Москве работает 29 тысяч машин такси, хотя потребность в них в пять раз больше (норма — 5 машин на 1 тысячу жителей, а фактически — 1,7 машины).

Я попросил статистику жалоб пассажиров на работу таксистов (вымогательство, отказ в обслуживании, подбор пассажиров, грубость). И был удивлен: в 1989 году — 444 жалобы, а в 1990-м — 293, за 8 месяцев 1992 года — 80... Однако объяснение оказалось простым: люди устали заниматься бесполезным занятием — писанием жалоб, а таксисты чуть ли не в несколько раз меньше сажают пассажиров в машины...

В тот же день попал на прием к начальнику отдела Уголовного розыска ГАИ Москвы.

— Дело не в том, что не хватает машин, а в том, что девяносто процентов москвичей, попросту говоря, таксистами не обслуживаются, — авторитетно пояснил он. — Вы посмотрите, сколько машин отстаивается у вокзалов и аэропортов с включенными таксометрами в ожидании выгодных таксисту пассажиров. А это все государственные машины, и водители обязаны возить всех, они за

это зарплату получают, которую я им вообще бы отменил, подобно тому, как в свое время Петр Первый назначил низкое жалованье или вообще не платил егерям, рыбоохранникам и представителям других профессий, говоря, что "должность сия воровская есть!"

— Ну, а если серьезно?

— Если серьезно, то я вам официально заявляю: везде налицо нарушение должностных инструкций таксистами, наплевательское отношение к человеку, наглое вымогательство денег. Они запрашивают за проезд от Курского вокзала до Домодедова по 700 рублей, с Казанского вокзала в Шереметьево возят за 1000 рублей, с Киевского во Внуково — за 1500. Известны случаи, когда эти ребята — так называемые шофсры-мастера — зашибают в день по 10 тысяч. И, я подчеркиваю, на государственной машине! О какой приватизации речь? Они и так уже давно приватизированы — без денег! Так что пусть мэрия своими проектами не обольщается...

— Известно, что статья 156² УК РСФСР — это статья для БХСС, а вот ваша служба как может влиять на работу такси?

— А никак! Здесь ничего юридически не отработано, никак не урегулировано и не регламентировано. Заставить водителя везти пассажира мы не можем, проверить, что он везет, тоже не в нашей власти. Словом, наказать мы никак не можем, кроме как за нарушение правил дорожного движения. А здесь они все ушлые, профессионалы. Лишь иногда превышают скорость, ссылаясь на то, что пассажир опаздывает на поезд, самолет. Или слишком резво перестраиваются в другой ряд. Единственное, что мы можем, — предупредить по статье 125 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (самовольное использование транспортных средств). Но она предусматривает по самому потолку штраф до ста рублей...

— К вам поступают жалобы от пассажиров на таксистов?

— Единицы. В 1987-1988 годах их было не более 3-5 штук. Но, как правило, до суда они не доходят. Ибо тут арбитром должен выступить закон, а закона такого нет...

— Что, по-вашему, нужно, чтобы такси занимались тем, для чего они предназначены?

— Нужно возобновить деятельность линейного контроля и создать специальное подразделение по

правонарушениям на транспорте, работники которого могли бы производить проверку комплексно: и по административным, и по уголовным, и по ведомственным линиям. Только такая инспекция может спасти такси для людей. На мой взгляд, это единственный путь...

По дороге из ГАИ заехал на Курский вокзал побеседовать с работниками Уголовного розыска ОВД станции "Курская". То, о чем рассказали, повергло в уныние. Оказывается, камеры хранения забиты ящиками масла, конфет, табака и других продуктов и товаров для вывоза на юг. Привоза в Москву практически нет, ибо, по рассказам приезжих, все большие грузы снимаются с поездов местной милицией. Это подтверждают и проводники вагонов. А увозят преимущественно азербайджанцы, армяне, жители Дагестана, Чечни, любезно пользуясь услугами таксистов, которые умудряются загонять машины прямо на перрон. Те самые таксисты, которые проклинаят "кавказцев" за то, что те их грабят и убивают. Вот вам психология профгруппы: днем они бастуют с требованием гнать всех "кавказцев" из Москвы, а вечером оказывают им услуги в вывозе дефицита, в кражах и грабежах...

В МУРе рассказали о так называемых "челночных группах" "кавказцев", которые успешно "гастролируют": натворив дел у себя на родине, они едут в Москву сбывать товар (от цветов до наркотиков), а потом возвращаются на ворованной или угнанной машине, чтобы там "толкнуть" ее за большие деньги. Видимо, убийцы таксиста Матвеева, Мамедов и Мирзоев были из этих. Ведь только за один день дежурства (до 20 часов) из Москвы было угнано 25 новых автомобилей "Жигули", не считая машин других марок.

А за девять месяцев 1991 года в Москве было задержано за разбои и грабежи 227 лиц кавказских и среднсазиатских национальностей, из них "чистых кавказцев" — 158 человек, а из этих — 82 жителя Дагестана. По отношению ко всем разбоям и грабежам в Москве это составило 51,9 процента преступлений. Причем почти во всех неизменно участвовали московские таксисты.

Мне удалось встретиться с Леной Матвеевой, двадцатипятилетней вдовой погибшего таксиста. Узнал, что ее муж по специальности был радиомонтажником, отслужил в армии, женился и пошел работать в такси, чтобы содержать семью: бабушку и спивающуюся мать (отец

где-то давно пропадал на Севере и, может быть, еще не знает, что его сын погиб).

— Тот вечер я хорошо помню, — рассказывала Лена. — Днем у них была распродажа, он позвонил и сказал, что купил кроссовки и туфли. Потом заехал в садик за Юрой, и они пришли с ананасами, я рассердилась: денег и так нет, а он транжирит. "Ничего, — говорит, — мать, когда-то ты еще ананасов поешь..." Поужинал и стал собираться на смену. Сказал, что в июне у него отпуск и подойдет время выкупать машину. Договор у него был: летом машина шла на списание, и ее можно было выкупить за тридцать процентов стоимости. Попросил, если кто из моих родственников будет звонить, чтобы сказала, что нам нужны деньги. Даже сестру мою уговаривал, чтобы повременила замуж выходить, а то на свадьбу потребуются большие расходы.

— А сколько он зарабатывал?

— Вот пенсионное удостоверение на Юру, третья часть от Володиной зарплаты. — Она протянула книжечку. — Пенсия 131 рубль в месяц, значит, средняя зарплата у него была 390 рублей. Правда, в последний месяц он 700 принес, а за октябрь до 23-го числа, когда он погиб, мне в бухгалтерии всего 150 выдали.

— Детский фонд помог?

— Да. Выдали единовременное пособие — тысячу и назначили ежемесячно по сто рублей.

— А похороны, поминки, памятник?

— Это за счет таксопарка, и еще за отпевание в Коломенском. Когда Володина мать умерла, ее там отпевали, и ему понравилось. А мужем он был очень хорошим, не пил, все с машиной возился, она у него как новенькая была. А во время путча, в августе, он три дня у "Белого дома" был, я тогда болела, с температурой под сорок лежала. Так он мне через каждые два часа звонил, но от "Белого дома" не уходил...

Все смешалось в голове бедной вдовы, и сознание невосполнимости утраты, и ананасы, и наивная гордость за покойного мужа, готового отстаивать демократию и свободу... Хотя и не очень-то вязалась обстановка квартиры с образом "гражданина Кале", который рисовался Лене в лице Володи. Конечно, о мертвых плохо не говорят. Но с "Белым домом" она переборщила — не о том она плачет по ночам...

Перед нами была типичная таксистская семья. Стены комнаты увешаны коврами, заставлены "музыкой". Глав-

ным в жизни были деньги, желание "красиво" жить. Разумеется, Володя Матвеев был неплохим парнем. И была у него вполне земная мечта: жить богато и счастливо, выкупить машину и ездить с семьей в деревню жены. Именно это страстное желание разбогатеть и сгубило его. Ведь он работал в ту смену до 21 часа, а посадил своих убийц в машину около трех часов ночи в Домодедове. Здесь все логично: он сам себя определил в зону риска ради выгоды. По большому счету — он себя и погубил. Как ни крути, иное не вырисовывается.

— Как вы думаете, из-за чего его все-таки убили?

— Думаю, он дрался из-за машины, — ответила Лена. — Мне следователь говорил, что до этого было два таких случая, когда водителей, оглушив, из машины выбрасывали. Те двое остались живы. А он, наверное, сопротивлялся, машина уже почти наша была...

— Но угонщики охотятся за новыми автомобилями...

— А она выглядела как новая. Он с ней днем и ночью возился, весь порошок у меня перетаскал, все подчищал, менял. Жить без нее не мог.

— А как восприняли его гибель сменщики?

— Они меня к нему в морг возили, а потом один сменщик несколько дней вообще не мог на работу выходить. Где-то через неделю после похорон на заказ выехал, а там "кавказцы". Так он их не посадил, уехал...

Сменщика Володи Матвеева можно понять. И не случайно для всех московских таксистов "кавказцы" стали врагами. Но все ли таксисты такие уж невинные жертвы? Отнюдь. Среди них немало таких, что похлеще "кавказцев". Обратимся к статистике отдела МУРа, занимающегося кражами, разбоями и организованными грабежами.

В 1989 году были задержаны 72 преступные группы общим составом 273 человека. Уголовные деяния этих банд квалифицировались по статьям 145 УК РСФСР (грабеж) и 146 УК РСФСР (разбой). Причем в таком соотношении: грабежи — одна треть, разбой — две трети. Каждая из групп-банд использовала для преступления по 3-4 машины такси с их водителями, большинство которых, как ни странно, выходило сухими из воды.

А дело здесь вот в чем. Когда таксист "подвязывается на дело", он себя страхует: по договоренности с преступником он может "слинять" на полпути, почуяв, что что-то не так. Однако если вляпается, то преступник,

как ни странно, его "не сдает". А вот он...

Все мы знаем, как тяжела работа следователя. Наше процессуальное законодательство настолько несовершенно, что порою, чтобы засадить матерых преступников, следственные органы иногда вступают в сговор с мелким преступником, пообещав взамен свободу. Ибо самое слабое место — доказательственная база. А если она недостаточна, то суды возвращают дела на доследование, а преступников зачастую выпускают на волю, где они могут сотворить еще черт знает что. Так вот, таксисты, случается, "сдав" исполнителей, уходят от суда. Это горькая правда. Хотя многое здесь зависит и от настойчивости следователей, и от самих пострадавших. Как, например, в случае ограбления немки Клары К.

Эта женщина, несколько лет прожившая в Москве, вышла со своим спутником-немцем из гостиницы "Интурист" на стоянку такси. Клара К. обращалась к таксистам с просьбой отвезти на Ленинский проспект, но те заламывали невероятную цену. И тут подходит невзрачный водитель машины, стоявшей в стороне, и предлагает свои услуги всего за десять рублей. Клара соглашается, и таксист кивает на свою машину: "Вы садитесь, а я сейчас позвоню и поедем, мне туда по пути. Какой, вы сказали, дом? Ага. Ну, садитесь". Позвонив, он пожурил скромных немцев, не решившихся сесть без хозяина в машину, и они поехали. Позже Клара К. вспоминала: "Я еще очень удивлялась: почему он едет так медленно? Ведь все таксисты гоняют по Москве как ненормальные. А когда он не остановил там, где я просила, я поняла, что здесь что-то не так..."

В самом деле, подъехав к нужному дому на Ленинском проспекте, Клара К. захотела выйти со своим спутником и пешком пройти до подъезда. О чем и попросила водителя. Но тот, ни слова не говоря (якобы желая подвезти до самых дверей), свернул под арку, где вдруг их ослепили фары другого автомобиля. Из преградившей им путь машины выскочили несколько человек. Распахнув дверцы такси, они ударили таксиста по голове, сорвали с Клары К. серьги, кольца, отняли сумочку, обчистили ее спутника и так же мгновенно исчезли. Таксист "пришел в себя", поохал, поохал, посочувствовал и даже предложил отвезти пострадавших в немецкое посольство. Там он оставил свои координаты, номер машины и т.д., немножко напутав, якобы от волнения. Видимо, он так бы и прошел как свидетель, если бы не потерпевшая Клара К. Со свойственной ей не-

мецкой педантичностью она стояла на своем до конца, утверждая, что таксист — не свидетель, а соучастник. Доказательства удалось добыть, и "тоже пострадавший" водитель такси сел на скамью подсудимых.

В МУРе даже привели эпизод, когда два напарника, работающие на одной машине такси, через ночь менялись ролями: "выходной" становился грабителем, а в следующую смену — наоборот. Это маскировалось под охрану машины и товарища по работе.

К концу ноября уже появилась кое-какая цифирь по 1991 году по Москве, говорящая о преступлениях в такси (в отношении водителей и в отношении пассажиров). В отношении таксистов за одиннадцать месяцев было совершено 13 опасных преступлений, из них раскрыты 7 разбойных нападений и 1 грабеж. 5 преступлений еще не раскрыто. В отношении пассажиров за этот же промежуток времени в такси совершено 10 разбоев и 3 грабежа. Раскрыты 5 разбоев и 1 грабеж.

Получается пятьдесят на пятьдесят. И жертвы, и хищники. Один мой хороший знакомый, чеченский писатель И. Эльсанов, назвал таксистов "ручками от кувшина". Он имел в виду пословицу своего народа: "Гончар приделывает ручку к кувшину там, где ему захочется". "Гончар" — это в данном случае мафиози. Тогда я проводил журналистское расследование по делу арестованного чеченца Хозы (Н. Сулейманова), который пользовался услугами десятка таксистов из разных московских парков. Все они, зная о преступных делах Хозы, так и прошли свидетелями: нам платили, мы возили, а что и зачем — не знаем, не интересовались.

В деле Хозы, помимо таксистов, был один персонаж, Герой Советского Союза генерал Ю. Чернигин. Вычислили его в Грозном, когда ездили по дворам, где громоздились едва укрытые целлофаном от дождя мебельные гарнитуры, привезенные из Москвы для перепродажи за три-четыре "черные" цены. В те дни газета "Грозненский рабочий" помещала материалы под названием "Лихой казак Юрий Чернигин". Журналист восхищался генералом-москвичом, получившим высокое звание еще в 1942 году. Генерала и героя встречали с почестями высокопоставленные люди республики, он был украшением застолий, где вперемежку с отцами города и руководителями компартии ЧИ АССР сидели бандиты и мафиози всех уровней. Именно эти мебельные гарни-

туры шли через Хозу и Чернигина, который оказался не только лжегероем, но и лжегенералом. Он был сыном одной из сотрудниц аппарата Лаврентия Берия, 1925 года рождения, за время войны окончил одно за другим два офицерских училища (минометное и горноартиллерийское) на фронт прибыл 15 апреля 1945 года в должности адъютанта командира. Чернигин состоял в фиктивном браке с сестрой Хозы. Он был четырежды судим, а в суде над Хозой не только выступил в его защиту, но и уговорил одного ветерана войны дать ложные показания в пользу обвиняемого. Следствие по делу лжегенерала и лжегероя Ю. Чернигина прекращено несколько месяцев назад по причине его смерти. Однако за ним стояли другие генералы и герои, уже, к сожалению, настоящие. Такое сращивание людей заслуженных и уважаемых с уголовным миром — одна из черт нашей мафии, где таксистам отведена роль ручек от кувшинов изобилия. Ну а по поводу "гончаров" я снова обратился за разъяснениями к нашему знакомому полковнику ИКСу. Он, как всегда, был откровенен:

— О московских чеченцах-мафиози можно сказать, что они сейчас в фаворе. Дело в том, что напряженная обстановка, возникшая в их республике, не способствует осуществлению на них какого-либо давления. Что же касается мафии вообще, то сейчас ею фактически проводится массированное разложение всего общественного сознания, которое могло бы тяготеть к демократическому направлению, демократическому мышлению. Это делает верхушка мафии, и это очень серьезно. Вы протрите глаза: выступают, рвутся к власти, приватизируют именно те, кто раньше был обеспечен гораздо лучше остальных.

Полковник взял сигарету, размял и закурил. Наш разговор коснулся участия радиофицированных такси в августовских событиях в Москве, о чем писалось в нашей прессе.

— Я бы не сказал, что их роль так уж значительна, — сказал ИКС. — А среди таксистов мнение такое: продержись путчисты на недельку подольше, и все бы сошло им с рук. Потому что те двадцать тысяч, что были у "Белого дома", погоды бы не сделали... Народ смирился бы с тем, что произошло. В принципе настрой общественного сознания такой (я не касаюсь интеллектуальной элиты), что нужен хлеб, нужна уверенность в завтрашнем дне, и не важно, кто там, в "Белом доме",

сидит, Ельцин или Жириновский. Людям нужна стабильность. Все уже поняли, и всем надоела эта возня, которая ничего в жизни к лучшему не меняет.

— Но давайте вернемся к таксистам. Были попытки решения вопроса технического оснащения машин такси охранными устройствами и приспособлениями?

Полковник ИКС показал толстую папку. Масса проектов, предложений, от кнопок сигнализации до пуленепробиваемых саркофагов. На осуществление всего этого, как всегда, не оказалось средств. А защитные экраны, изготовленные кооператорами, несовершенны — в машине жарко (экранируется решительно все), водитель, можно сказать, варится в собственном соку. Экран стесняет движения, затрудняет обзор — водитель не видит, что у него сзади, особенно в дождь и туман... Самый лучший проект — это новая модель специальной автомашины-такси. Но кто и когда начнет ее серийный выпуск?

— Но не здесь собака зарыта, — продолжил ИКС, размяв окуроч в пепельнице.

Он достал видеокассету с записью встречи таксистов, представителей столичной мэрии, ГУВД и ГАИ во Дворце культуры автомобилистов. Отмотав пленку, остановив монитор на моменте, когда милицкий генерал из президиума сообщил сидевшим в зале таксистам о своей зарплате. Самодовольный хохот сотряс своды зала. Потом послышались предложения: "Идите к нам работать, свою зарплату будете иметь за день!"

— Вот, пожалуйста, — прокомментировал ИКС. — Это же волки, которые хотят драть овец и оставаться неуязвимыми. И грабить и убивать их будут до тех пор, пока они сами не перестанут драть по три шкуры. В некоторых таксопарках среди водителей преобладают ранее судимые, там вообще круговая порука, и выявить их преступные намерения бывает очень сложно. Я имею в виду 11-й, 8-й, 13-й таксопарки, хотя в принципе водители с преступными намерениями есть в любом парке. Я говорю о тех, кого мы знаем, но таких, кто не "засветился", гораздо больше...

— Значит, милиция практически бессильна бороться с преступлениями в такси?

— Нет, почему же, борется. Но в каком она положении? Не хотят люди идти служить в милицию. Нищенская зарплата, бытовая неустроенность, стрессы. Вот я десять лет был опером. Кошмарная жизнь. Взламываю дверь, а там повешенный — шея, как у гуся, вытянута. Врачи отказываются подходить, а в ванной —

еще разложившийся труп в воде. И все это надо брать своими руками, потому что у нас нет таких служб... Подсчитано, что нервно-психические перегрузки нашего опера в три с лишним раза выше, чем у космонавтов. А сколько спиваются! Из первоначального состава до пенсии доживают всего 10-15 процентов сотрудников. И что самое страшное, деформируется и деградирует психика. За что? За какие блага, за какие идеи? Я тоже начал было пить, вовремя остановился, почувствовал, что пропаду.

В милицию люди должны отбираться на конкурсной основе, как на физмат или журфак. Сюда необходим приток интеллскта. Но ни один родитель сознательно не готовит своего ребенка к работе в милиции. Здесь грязно, мерзко. Общение с преступным миром, кроме отвращения, ничего не вызывает. А если говорить о степени риска работы в ночное время! — Он махнул рукой и снова закурил. — Вот потому и идут в милицию люди, у которых нет выбора. Идут по нужде, в основном из-за жилья. Как им совладать с сытыми и вооруженными до зубов преступниками? Сходите в МУР, посмотрите на коллекцию оружия, изъятого у банд и у таксистов. Комментировать — нет слов!..

И я заглянул в МУР. Передо мной выложили не только ножи, топоры, пистолеты, но даже гранатомет, пехотные мины (и все это возят таксисты). А вечером встретился с ответственными работниками Уголовного розыска ГАИ. Меня интересовала ситуация с угонами автомобилей и доля участия в ней таксистов. И вот что я узнал.

В начале 1989 года Уголовный розыск насторожил повальный уход молодых таксистов в ночные смены. Всем оперативным группам по задержанию была дана команда во время специальных ночных мероприятий обращать особое внимание на пустые машины такси, шныряющие по дворам и подворотням. Результаты сказались незамедлительно: последующая проверка номеров всех "засветившихся" машин такси и их водителей показала, что они прямо или косвенно участвуют в кражах автомобилей. В 1990 году было зафиксировано 20 случаев задержания таксистов, причастных к совершению угонов и краж. В 1991 — меньше, только 12 аналогичных эпизодов. Однако радости тут мало: таксисты просто переориентировались — намного выгоднее и безопаснее возить кооператоров и драть втридорога с пассажиров, чем рисковать свободой. Хотя участие таксистов в такого

рода преступлений все еще довольно значительно. Назовем некоторые имена.

Советским РУВД задержан с поличным Никита Митин, 1968 года рождения, водитель 18-го таксомоторного парка. Используя свою автомашину такси, он с мая 1989 по 1990 год совершил пять краж лобовых стекол с автомобилей "Жигули". Все эпизоды доказаны.

С ноября 1989 по январь 1990 года преступная группа в количестве 6 человек занималась кражами автомашин в Москве с последующим сбытом их в Коломне. Угоняли преимущественно "Москвичи", "Жигули" и "Волги". Чтобы не возвращаться домой порожняком, крали в Коломне автомобильные детали из гаражей. Вот состав группы: возраст не более 30 лет, двое ранее судимых, один водитель 12-го таксопарка некто Копейкин, 1967 года рождения. Он и был наводчиком: ездил ночами по дворам, высматривал стоящие автомобили, подвозил сообщников к месту будущей кражи.

Сейчас возбуждено несколько уголовных дел по кражам автомобилей и запчастей, где фигурантами являются таксисты. До окончания следствия и суда над ними имена и номера таксопарков, где они работали, не называем. Добавим лишь, что кражи они совершали не только в Москве, но и по области.

Таким образом, по сводкам ГАИ, за 11 месяцев 1991 года в Москве угнано 1935 легковых автомобилей, преимущественно "Жигулей", но есть и "Волги", их 146, в том числе 25 машин такси.

Порочный круг: воруют таксисты, воруют у таксистов, режут друг другу глотки и таксисты, и "пассажиры". Знакомясь с оперативными сводками, я содрогался: наша действительность страшнее всякой фантазии! Все деформировано — от мироощущения до элементарных нравственных понятий. Живем в стране, где деградируют даже законы самого преступного мира!

А что завтра? С таксистами все ясно. В криминалистике есть наука виктимология, ее предмет — жертвы, которые сами способствуют, а то и провоцируют совершение преступлений. Типы этих жертв патологичны, как патологично общество, их породившее. Оно даже не осознает степень своего грехопадения. Мы стали легкой добычей мафии, которая может делать с нами все что хочет.

Полковник ИКС считает, что идеи того же Жириновского через какие-нибудь два-три месяца вполне могут найти своих исполнителей. И тогда все забудут.

Если сегодня люмпен "толкает" кроссовки или куртку, то завтра он разобьет витрину, потом вооружится автоматом и будет себя очень неплохо чувствовать под видом национального гвардейца...

А пока все смешалось в кучу: и таксисты, и "кавказцы", и мафия. Дай Бог, чтобы ограничилось только разбирательством внутри этого треугольника...

РИЖСКИЙ ОМОН В ТЮМЕНИ

Первого декабря у бывшего рижского ОМОНа день рождения. Создан он был, как известно, согласно секретному приказу министра внутренних дел СССР в августе 1988 года, который узаконил ОМОН во всесоюзном масштабе "Положением № 603". По положению средняя численность отрядов, вошедших в подчинение республиканских МВД, должна составлять 100 — 300 человек, экипировка в зависимости от условий: короткоствольный автомат, пистолет, бронежилет, щит, резиновая дубинка. Основные функции и назначение отрядов: освобождение заложников, ликвидация преступных формирований, оказывающих вооруженное сопротивление, пресечение массовых беспорядков и драк, воздействие на возбужденные провокациями толпы людей и др. Создание частей ОМОН мотивировалось ростом преступности. Причем, с самого начала существовало два вида нового подразделения: "специального назначения" (ОМСН) и "особого" (ОМОН). И если первые должны были заниматься в основном захватом опасных преступников и банд, то вторые... Впрочем, приказ потому и был секретным, что "особых" пытались использовать по-особому. Приведу выдержки из некоторых прибалтийских газет, освещавших деятельность рижского ОМОНа до его передислокации в Тюмень.

"АНГЕЛЫ СМЕРТИ В ЧЕРНЫХ БЕРЕТАХ"

Их проклинаят и на них молятся. В них играют дети и их руками делают политику взрослые. Вооруженные парни в черных беретах стали черными ангелами нашего времени. "ОМОН — суперстар" — пишут на заборах дети перестройки. Как родилось это явление "особого назначения"? Что предшествовало родам? Кто его вдохновлял? Как вчерашние милиционеры, которых готовили защищать народ от преступников, сегодня сами стали теми, от кого народу приходится защищаться?"

"С начала 1991 года по данным независимых экспертов 114 человек погибли в результате действий ОМОНа и внутренних войск СССР."

"Впервые ОМОН вышел из подчинения республиканским властям в сентябре 1990 года в Риге. Как заявил в интервью "Московской правде" анонимный майор: "Когда МВД республики предложило нам деполитизироваться, нашей задачей стала защита прав граждан, Конституции СССР и Конституции Латвийской ССР".

"ПРОДЕЛКИ ОМОНа

Десятого октября 1990 года поздно вечером у магазина "Ветра" остановились две машины, желтые с синей полосой, ну в точности милицейские. Из них вышли с десяток крепких ребят в штатском и отрывисто представлялись стоящим у магазина людям как "латвийская полиция". Шестерых мужчин они сразу поставили лицом к стенке, по нескольку раз ударили и стали заводить в машины. Двоим удалось бежать. Остальных привезли на пляж. Прямо в одежде их заставили войти в студеное осеннее море и плыть. "Представители полиции" тем временем развлекались стрельбой: то ли в воздух, то ли в воду по потерпевшим — точно пока не установлено. Во всяком случае в песке потом были найдены гильзы. Одного из потерпевших "люди в штатском" заставили выпить две бутылки водки почти залпом, после чего раскачали за руки и ноги и бросили в море. Потом они сели в свои желто-синие машины и уехали.

Экспертиза доказала наличие у всех потерпевших телесных повреждений. Что касается того, кого заставили выпить две бутылки водки, то он попал в реанимацию с диагнозом "утопление в море" и "алкогольное отравление".

"9 ноября рижский ОМОН совместно с подразделениями ВМФ захватил в Юрмале здание горкома партии, которое должно было по решению республиканского арбитража перейти к Совету. После этого постановлением парламента Латвии омовцы Риги были лишены статуса работников милиции, но их взяло под опеку союзное МВД".

"2 января 1991 года рижский ОМОН захватил Дом печати и поднял над ним красный флаг."

"16 января рижский ОМОН открывает стрельбу у места своей дислокации, на мосту Вецмилгравис. Убит шофер проезжавшей по мосту машины. 20 января омо-

новцы штурмуют МВД республики. Погибло 2 милиционера, охранявших здание (украинец и белорус), один прохожий, 2 кинооператора, снимавших инцидент".

"Средний возраст омоновцев — 26 лет, старший — 1944 года рождения, младший — 1971-го. Главным образом русские, около 20 латышей, есть украинцы, белорусы, татарин, грузин. У многих — семьи, живущие в Риге. Питание "черные береты" получают из военного училища имени Бирюзова. Количественный состав отряда за пределами базы неизвестен, как неизвестно точно, сколько и каким оружием, какими техническими средствами они располагают. На базе не скрывают: "Нас сейчас куда больше, чем было. В ОМОН перешли многие милиционеры с оружием и техникой."

"Министру внутренних дел Латвийской ССР полковнику милиции т. Вазнису А.В. об отряде милиции особого назначения:"... Как вам известно, со стороны союзного министерства приняты меры усиления контроля за оперативно-служебной деятельностью отряда. В этих целях ОМОН временно передан в подчинение командиру 42-й дивизии внутренних войск МВД СССР..." Подпись Б. Громов."

"Бруно Штейнбрик, до 18 июня прошлого года министр внутренних дел Латвии.

— В октябре омоновцы объявили, что не будут подчиняться министру Вазнису, что остаются верны Конституции СССР, присяге и партийной дисциплине. Бакатин перед отъездом в Канаду сказал, что их надо разгонять и разоружать. Такое формирование опасно при любом правительстве. Пришлых командиров они не признают. Авторитетом пользуется Чеслав Млынник, не отличающийся сдержанностью. Отряд контролируется и особым отделом округа. Их анархизм опасен. Не исключаю новых вылазок. Не думаю, что они выполняют чьи-то конкретные указания, но не исключаю, что им могут подбрасывать информацию, провоцирующую ребят на те или иные действия."

"17 января, на следующий день после операции "черных беретов" на вецмилгрависском мосту и гибели Мурниека, старший сержант ОМОН Герман Глазов подал рапорт об отставке. "Мы слишком далеко зашли, — сказал он. — После этой смерти будут еще другие."

Сейчас Г. Глазов скрывается: после его встречи с руководством парламента ему стало известно, что вчерашними товарищами по оружию он приговорен "как изменник".

— Командир отряда Чеслав Млынник нам говорил: "Ребята, в Латвии поднимает голову фашизм. У нас есть данные, что здесь каких-то два министра работают на ЦРУ, поэтому и в магазинах ничего нет — все продается "туда". Они против нас, русскоязычных, поэтому если вы хотите здесь жить — боритесь". Мы поверили. И я сначала этому верил.

Обо всей этой шумихе, которая здесь началась, чтобы ввести президентское правление, мы знали месяца за полтора. Да, где-то еще в декабре нам говорили, что потерпеть надо до 15 января. А потом в Латвии будет президентское правление, и мы станем личной гвардией наместника президента. Командир говорил: "У каждого из вас будет по машине "Ниссан" и по квартире в центре Риги".

Корреспондент "НБГ" Татьяна Фаст опубликовала свою беседу с анонимным рижским омоновцем, которой в самом деле хочется верить. Приведем фрагменты беседы:

— Зачем идут в ОМОН? Вот ты лично зачем пришел?

— В свое время это был самый престижный отряд милиции, попасть туда было делом чести. Кроме того, я серьезно занимался спортом, а в ОМОНе — спорт на первом месте. Ну и финансовое положение прельщало.

— Омоновец много получает?

— Зарплата у сержантского состава, например 220-235 рублей в месяц. Но благодаря кооперативу "Викинг", в котором состоял практически весь отряд, эта сумма увеличивалась еще на тысячу.

— Оплачиваются ли отдельные операции?

— Я бы не хотел об этом говорить... В общем, да. Но делалось это тайно, по определенной сетке, приближенным подбрасывалось побольше, некоторые получали до несколько тысяч. Думаю, есть люди, находящиеся в отряде по материальным соображениям.

— Зачем, по-твоему, нужна была эта "доплата"?

— Чтобы держать костяк, который проводит нужную политику."

Вот некоторые выжимки из балтийской прессы о жизни "особых" в Риге. Впечатление ужасное: прямо-таки какое-то неуправляемое бандитское формирование, у членов которого мешки денег и руки по локоть в крови. А когда отряд передислоцировался в г. Тюмень, слухи о нем разползлись по кабинетам министерства внутренних дел Союза: из 160 бойцов личного состава в Сибирь

поехали 90 без оружия и документов, где на договорных началах осуществляют охрану общественного порядка; остальные 70 человек — ушли в "зеленые братья" — бродят в латвийских лесах с автоматами. И эту чушь, видимо, докладывали министру.

А в Тюменском аэропорту меня ждала новая нсожданность. Оказывается, что в области 16 ИТУ разных режимов и чуть ли не самая большая преступность в стране. Вот почему, дескать, начальник УВД области В. Башарин "приютил" этих отчаянных ребят у себя, пообещав им жилье и зарплату в 400 рублей в месяц. Но не о борьбе с преступностью и не об омовских семьях пекся Башарин (которые, кстати, разместил в летнем пионерском лагере). За свой благородный жест он досрочно получил генеральский чин, который не видать бы ему никогда с такими криминогенными показателями области. Снова спекуляция на судьбах людей, — подумалось мне. — Снова на хребте этого ОМОНа кто-то делает себе карьеру. А утром следующего дня я сидел в кабинете заместителя генерала, начальника управления охраны общественного порядка (УООП) области полковника милиции Э. Пахомова. Он — бывший "афганец", человек прямой и суровый.

"ЭТО ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ, — так начал свой монолог о бывшем рижском ОМОНе полковник Пахомов. — По договоренности МВД Латвии и МВД России ребята ушли оттуда без крови. Все свое оружие они сдали в 42-ю дивизию ВВ МВД СССР. Приехали со своим флагом, личными делами, одним автоматом и двумя пистолетами, взятыми для охраны. Всего прибыло 69 семей и 109 бойцов в возрасте от 28 до 35 лет. Для нашей области, где бешеный рост преступности, лишние штыки стали большим подспорьем. 25 человек из отряда уволились в Риге, часть бойцов в период дислокации находилась в отпусках, потом они стали прибывать сюда. На сегодняшний день в отряде Чеслава Млынника 127 бойцов, а всего в отряде числится 150 человек, из них — 3 вольнонаемных и 28 офицеров. Здесь мы часть людей сразу откомандировали в Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск. Примерно человек по десять. Там они успешно работают. Это очень интересные люди. Каждый из них на голову выше любого нашего сотрудника патрульно-постовой службы.

Это очень интернациональное формирование. Объеди-

няла их идея борьбы за сохранение Союза ССР. Есть в отряде латыши. И что интересно, по внутреннему духу, по морально-психологическому складу они сильно отличаются от уроженцев Ивано-Франковска или Москвы. Болтают, что они в Риге стреляли и вешали, не разбираясь. Дескать, там возбуждено много дел по их причастности к каким-то преступлениям. Я вполне допускаю, что есть много дел, но ведь это дела по факту. А не так: пришли, обнаружили труп, осмотрели его и кто-то сделал вывод, что это работа ОМОНа. Так же нельзя. Я не могу с этим согласиться. Может, что и так. Но кто конкретно из омовцев пустил пулю в лоб тому или иному таможеннику? Ведь это же надо доказать. Если из моего пистолета выпущена пуля, то разговоров нет. А если ее нет? Ведь других доказательств там нет. И поэтому обвинять весь ОМОН — это абсурд. Обвинять отдельных лиц и его командира? Тогда надо обвинять и Президента СССР, который издал Указ об уничтожении всех незаконных вооруженных формирований, какие имеются на территории всех республик. Конечно, при наличии доказательств, те, кто это заслужил, должны нести ответственность. Но не весь же ОМОН, не все 127 человек. Это нравственно здоровые и физически крепкие люди. Действуют они в основном в соответствии с законом. У многих за плечами средние и высшие школы милиции. Словом, уверенность в силах у них есть, и я думаю, что с парнями можно работать. Из этого отряда и спецназа мы сформируем отличный полк ППС (патрульно-постовой службы). А то, что здесь у нас их откровенно шельмуют и травят, я думаю, что все это не без участия преступных группировок. Мафиозные структуры области, переплетенные с отдельными представителями местных властей и некоторыми работниками правоохранительных органов, очень недовольны решением МВД России о создании на территории Тюменской области своего ОМОНа."

Полковник Пахомов рассказал о том, что по материалам местной прессы, "освещающей" действия ОМОНа, проводится служебное расследование. И на следующий день я получил подборку этих материалов.

ТРАВЛЯ

"ТЮМЕНСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ" 13.09.91 г.

7.09.91 г. около 10 часов вечера в ресторане гостиницы "Прометей" сотрудники ОМОНа скрутили гр-на

Франции профессора Фредерика Виглесса, ударили резиновой палкой сопровождавшего его тюменского партнера по бизнесу Александра К. Только после этого тщательного обыска их оставили в покое. Александр К. в редакции продемонстрировал следы "демократизатора" на своей спине, лицо тоже было рассечено в нескольких местах. Гр-н Франции 10.09.91 г. подал официальное заявление в МИД СССР.

В этот же вечер у гостиницы автоматом было выбито лобовое стекло и стойка в автомашине "Тойота". Несколько водителей, требовавших объяснений от "черных беретов", получили телесные повреждения.

6.09.91 г. около ресторана гостиницы "Прометей" были подвергнуты унижительной процедуре обыска четверо англичан из компании "Бритиш Петролеум", которые выразили свое недовольство местным властям. В тот же день лихие "омоновцы" выбили двери в женском туалете.

"ТЮМЕНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ" 13.09.91 г.

В ночь с 6 на 7.09.91 г. в 23.30 в ресторан гостиницы "Прометей" ворвалась группа омоновцев из тринадцати человек. Мгновенно перекрыв все входы и выходы, они заставили посетителей предъявить документы, тех, кто пытался возражать, избили. Наиболее подозрительных поставили к стенке и обыскали. На вопрос заезжего москвича: "А где вы были, когда мы Белый дом защищали?" один из молодцев ответил: "Жаль, что нас там не было, мы бы быстро порядок навели". Ворвались в женский туалет и за волосы выволокли злостно сопротивлявшуюся женщину. Она кричала: "Что вы меня шупаете?"

"ТЮМЕНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ" 18.09.91 г.

Председатель Горсовета особенно негодует в связи с тем, что в ночь на 13.09.91 г. народного депутата Тюменского Горсовета, "несмотря на предъявление депутатского удостоверения, выкинули из машины на мосту и начали обыскивать". Он расценивает эти действия как хамство и нарушение закона.

"ТЮМЕНСКИЕ ВЕДОМОСТИ" № 35, сентябрь 1991 г.

Вадик К. "Меня и мою жену обыскали только за то, что я спросил: "Ребята, а кого вы ищите?"

За почти аналогичный вопрос получил удар ногой в пах и почку некий Б. Также был избит наш чемпион по культуризму Андрей Старцев, небезызвестный жур-

налист Виктор Строгальщиков подвергся личному досмотру возле ресторана "Прометей". Станислав Нечволода, автор статьи, получил удар кулаком в нос.

Среди потерпевших и опер. шестого отдела УВД.

Курсанты школы милиции затеяли драку с ОМОНам около ДК "Геолог".

Место расположения ОМОНа было обстреляно из автомата Калашникова.

Пять юных мстителей около гастронома "Центральный" напали на одинокого омовца, который решил прогуляться.

В ресторане "Факел" двое парней избили наряд ОМОНа в составе из 8 человек.

В ресторане "Стрела" компанию из 12 человек проверил наряд ОМОНа, особенно тщательно ощупывали девушек, выясняя, не спрятали ли они под бюстгалтерами обрезы. Один из удивленных парней спросил, на каком основании идет обыск, и тут же получил кулаком в грудь.

У ресторана стояла "Волга", ее хозяина заставили открыть машину, сняли руль, рычаг переключения передач, чехлы с кресел, распотрошили записку, ничего не найдя, бросили все это около машины и удалились.

"ТЮМЕНСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ" 20.09.91 г.

Возле ресторана гостиницы "Прометей" были остановлены и оскорблены гости с дружественного юга страны. Взращенные благодатными солнечными лучами и воспитанные "кодексом чести горца" ребята предложили автоматчикам сбросить форму и отойти один на один. Рижские "Джий-ай" восприняли предложение без воодушевления и вскоре уехали.

Днем позже там же сотрудники ОМОНа при помощи резинового "демократизатора" удалили зуб тюменцу А.В. Поплатился он за нежелание вывернуть карманы и встать "на шпагат". Огорчившись из-за отсутствия запрещенных предметов в карманах А.В., рижские подданные поехали дальше на поиски приключений.

В "Тюменских ведомостях" (№ 37, октябрь 1991 г.) Станислав Нечволода публикует материал: "МЕНЯ ИЗБИЛИ И РАЗДЕЛИ ОМОНОВЦЫ", — УСПЕЛ СКАЗАТЬ ВОЛОДЯ ЕФИМОВ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ". А на пятой полосе подборка о новых "подвигах" ОМОНа под заголовком: "У РИЖАН ДВЕ СЛАБОСТИ — РЕСТОРАНЫ И ЖЕНЩИНЫ: РЕСТОРАНЫ ОНИ СТАВЯТ НА

УШИ, А ЖЕНЩИН БЬЮТ ДУБИНКОЙ ПО ГОЛОВЕ". КОММЕНТИРУЕТ ЕЕ НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ РСФСР, местный уроженец Виктор Егоров: "в действиях ОМОНа есть грубости, но вина за это ложится на несовершенство законов СССР в области права". Вдумайтесь в эти безграмотные слова и можете себе представить уровень этого народного избранника.

Оперативный отдел СОУ УВД проводил служебное расследование по проверке всех фактов, опубликованных в печати. И что же вы думаете? Журналисты, подписавшиеся под той или иной информацией, скрывались и уклонялись от оперативников. Они ссылались на слухи и тех информаторов, которые пожелали остаться неизвестными, потому, что, дескать, боятся возмездия ОМОНа. Так что же это за "профессионалы" работают в местных газетах, если откровенно травят людей на основании слухов? Кто такие "Александр К.", "четверо англичан", анонимный народный депутат, тюменец "А.В."?

От этих публикаций пахнет уголовно наказуемым деянием — статьей 130 УК РСФСР (Клевета). И ОМОН имеет все основания обратиться с соответствующим иском в суд. А жареха типа "Меня избили и раздели омовцы", — успел сказать Володя Ефимов перед смертью" тоже сфабрикована. Ведь это уже давление на следствие и суд. Докатались тюменские "демократы" от прессы дальше 37 года: какая-то газета без суда и следствия сама выносит приговор по обвинению в убийстве! В любой цивилизованной стране за такие дела Станислав Нечволода давно бы пошел по этапу.

Так что в Тюмени отношение к отряду неоднозначное.

"ПУСТЬ У НАС БУДЕТ ОМОН, СВЯТОЕ ДЕЛО ДЕЛАЕТ"...

Конечно, тюменские мафиози в ужасе: как это так — остановиться по требованию омовца и позволить обыскать свою машину? Ведь они привыкли ездить по городу полупьяными и вообще плевать на гаишников. Что для них местная милиция? Какие-то там анискины, которых можно купить с потрохами. В Тюмени уже привыкли: дерутся двое — собирается толпа, и все стоят и смотрят, милиция подъезжает и тоже стоит и смотрит, кто кому навалает — подходить опасно: не дай бог зашибут.

Однажды я с сотрудником милиции зашел в магазин.

Следом за нами подкатил ОМОН на своем "Рафике". Босц взял два пакета молока и стал в очередь. Мой сопровождающий изумился: "Чего он к кассе не подойдет, ведь он же в форме? Я специально форму надеваю, чтобы без очереди..." Что я мог ответить, кроме:

— Ведь ты же майор ППС, старик, а это о м о н о в е ц !

Один из дней я общался с простыми тюменцами на улице, и на мой вопрос об ОМОНе они расплывались в улыбках, теперь можно спать спокойно — преступность мгновенно упала. И слушая их, я понял то главное, ради чего эти ребята ставят "на шпагат" кожаные куртки и обыскивают ресторанные достопримечательности. Это главное в том, чтобы напомнить оскотинившимся людям, что они еще все-таки люди, а не звери.

В тюменском аэропорту, к примеру, рассказывали мне подходит очередь на такси женщине с ребенком на руках. Трое пьяных мужиков отпихивают ее, садятся в подошедшую машину. ОМОН нагоняет таксиста и перекрывает ему дорогу, затем выбрасывает мужиков из машины и приказывает таксисту вернуться, взять женщину и измученное в дороге дитя. Попутно таксисту внушается, что если он поступит аналогичным образом еще раз, то пусть пеняет на себя.

Другой пример. Омоновцы поймали спекулянта водкой. Выдернули его из машины, обнаружив в ней на заднем сиденье целый ящик "Пшеничной". Заставили спекулянта собственноручно открыть все бутылки и вымыть водкой свою машину. Жестоко? Конечно. Но как быть с такими подлецами? Они по-другому не понимают. Ведь спекулянт наверняка был уверен в том, что если его накроет милиция, он от нее откупится той же водкой.

А вот что мне сказали люди, которым, казалось бы, ОМОН должен мешать.

Гюльмирза Абдулов, кооператор:

— Смелые они ребята, страх наводят, и это хорошо. Пусть мою машину обыскивают, я честный кооператор, мне бояться нечего. Ни оружия, ни наркотиков в моей машине нету. А как только ОМОН у нас появился, знаешь, сразу рэкет пропал. Как он меня, гад, замучил! А теперь пропал. Теперь я ночью могу спокойно спать и дети мои тоже. Я з а ОМОН двумя руками.

Роланди Милов, директор коммерческого магазина "Эдем":

— С моей груди упал золотой крестик, мама пода-

рила, три тысячи стоил. А у меня, знаешь, нижняя пуговица на животе расстегивается, вот он через дырку и упал. А я иду, ничего не подозреваю. И вдруг омоновец ко мне подходит и протягивает его мне: "Если это твой, возьми". Знаешь, я чуть не заплакал, крестик этот мне дороже миллиона, мама на груди его для меня согревала. Я говорю омоновцу: у меня любой товар есть, вот визитка, заходи, дорогой, в магазин, бери, что хочешь. И, знаешь, он на следующий день заходит в гражданском и с женой. Я ему подарить что-нибудь хочу, а он: "Ничего не надо, я просто зашел убедиться, что на визитке все правильно написано". Пусть у нас будет ОМОН, святое дело делает...

И с Роланди можно согласиться. Только за три недели пребывания бывшего рижского ОМОНа в Тюмени им раскрыто более тридцати уголовных преступлений (не считая административных).

Среди них:

тяжкие телесные повреждения — 1,
разбой — 1,
грабеж — 3,
хулиганство — 7,
угоны автомобилей — 10,
за ношение огнестрельного оружия — 2,
за ношение холодного оружия — 1,
изъятие наркотиков — 3,
изнасилование — 1,
краж личного и государственного имущества — 5.

Вот в этих цифрах результаты обысков машин и граждан, шмонов в ресторанах.

Может пострадать невинный? Разумеется. Но у кого не бывает ошибок? У нас же повиноваться блюстителю порядка, олицетворяющему закон, за семьдесят лет так и не научились.

А кому-то ОМОН в Тюмени — как кость в горле. Вот и началась в городе травля этих ребят буквально с первого дня их приезда.

СЕРЖАНТ ОМОНА

Он подвозил меня к гостинице "Колос", где в одном из крыльев — бывшем общежитии партийных курсов обкома — разместились семьи бойцов, переехавшие из пионерлагеря. Номеров не хватает. Есть комнаты, в ко-

торых живут по две семьи с детьми. Но девчонки держались молодцом.

— Что вас привело в ОМОН? — спросил я молчаливого сержанта за рулем. — Говорят, вы хорошо зарабатываете...

Он тихо рассмеялся, а потом вдруг сделался серьезным и сосредоточенным.

— Неделию назад нам позвонили, трое пьяных мужиков с обрезом отняли у охранника моста револьвер. Мы прибыли туда вместе с милицейским нарядом. Охранник плачет, показывает в сторону, куда ушли мужики, уже темнеет, да и мы приехали без оружия. Я схватил фонарик, а милиционеры меня за руки: "Куда ты? Может, вооруженный наряд вызовем?" Я вообще обалдел: вы же милиция, кого же еще вызывать? Время-то уходит... Ну накрыли мы их в темноте, фонариком прямо в глаза: "Стой, стрелять будем!" Откуда же они знают, что у нас нет оружия. Взяли, разоружили... Вот, наверное, ради таких операций и пришел я в ОМОН...

— Отчаянные вы головы!

Но мои слова он пропустил мимо ушей.

— А когда я пришел в отряд, я зарабатывал 230 рублей. Все мои друзья-приятели по кооперативам устроились, кто-то дело свое открыл, кто-то ремонтом занялся. Спрашивают у меня, сколько ты получаешь. А когда я отвечал, они говорят: "Ты что — дурак? У тебя такие данные и все такое. Иди вот охранять того мужика. Приглашает..." Ну, а я говорю: позвольте, я в ОМОН пошел, чтобы бороться с подлецами, и как я буду называться после того, если пойду охранять того же подлеца? Пусть я буду работать за эти копейки, но я буду работать во благо чего-то. И все мои бывшие дружки чуть ли не хором сказали: "Дурак. Это не модно". А в отряде люди собрались по убеждениям, им не надо навязывать какие-то идеи, что-то объяснять. Всем нам дорога культура русского человека, его традиции. Мы не можем спокойно наблюдать, как в нашем народе культивируется дьявольское: утопи ближнего, ибо ближний, приблизившись, утопит тебя. А ведь все начинается не с силы физической, а с силы духа. Любого сильного мужика при желании можно обломать. Но когда речь идет о его убеждениях, о его жизненной позиции... Это сломать нельзя, если он все это выстрадал и пытается жить по своим принципам. Конечно, огромную роль в становлении человека играет воспитание. Вот взять хотя бы мое детство и юность — октябрения, пионеры, комсомо-

лия. Тогда хоть что-то да вкладывалось, пусть даже те же заветы Ленина. Для того, чтобы быть пионером, надо быть честным, сильным, храбрым, смелым... А теперь что дают детям, как их воспитывают? Как делают деньги? Как увильнуть? Кому подлизать? Какие-то школы юных бизнесменов открывают... Это же черт знает что такое! Я бы сказал, да не для записи. И если по этому принципу будем воспитывать детей, тогда о каком нашем будущем мы можем говорить?..

ОМОНОВКИ

Их передо мной шестеро. Мы сидим на общей кухне. Детишки пяти-шести лет то и дело появляются в дверях, жмутся к матерям. Я прошу женщин назваться хотя бы по именам. Назвались только три: Анитэ, Маша, Марина... С национальностью попроще: латышка, русская наполовину, украинка, белоруска...

— Сначала нас приехало пятнадцать семей, а теперь, спустя месяц, нас шестьдесят девять. В Риге побросали все: квартиры, работу, учебу. Вот я, например, учусь на пятом курсе университета, отпросилась до январской сессии, — говорит одна из них.

— Я слышал, что жена командира тоже студентка филфака рижского университета...

— Была. Однажды ректор заявил: "Студентка Млынник больше у нас учиться не будет". И все. Появился приказ: отчислить, без всякой мотивировки.

— А сколько ваши мужья получали в Риге?

— Мой с первого дня в отряде. Сначала у него был оклад 145 рублей, потом 240, а перед отъездом сюда, в августе, — 390.

— Здесь им дали по четыреста. Вам хватает этих денег?

— Вот у меня семья четыре человека, — говорит Маша, — двое детей. Разве мне хватит этих денег? А одежда? У нас, в Прибалтике, зиму можно и в куртке проходить, а здесь же надо покупать теплые вещи.

— И подработать нельзя?

— У нас до сих пор нет ни прописки, ни мест в детсадах и яслях, ни талонов на продукты. Вот напротив детсад, как-то я зашла туда с ребенком поиграть на площадке, так тут же выскочила воспитательница какая-то и меня в присутствии ребенка четырехэтажным матом покрыла и за забор выгнала.

— Да, к Тюмени надо привыкать. Это не Рига.

— Я не знаю, смогу ли я к этому городу привыкнуть, — вдруг заговорила белоруска. — Стоим мы с подругой на автобусной остановке, и к ней один ханырик подходит, иначе его не назовешь: "Семечки хочешь?" — спрашивает. Она головой покачала. А он сплюнул шелуху и так запросто: "Ну тогда пойдем за угол трахнемся"...

— А вот как с продуктами, ведь здесь же все по талонам.

— Нет у нас никаких талонов, и неизвестно, будут ли они. Здесь в автобусах давка ужасная, а в магазинах хамство невиданное. Вот я сама продавщица, и меня в училище учили молодому человеку, даже если ему одиннадцать лет, "вы" говорить. А здесь продавцы без мата слова не скажут. Отношение к женщине ну просто ужасное, на рынке их торгаши прямо по лицу их же авоськами бьют.

— А я слышал, что вашим мужьям не то в Америке, не то в Канаде работу предлагали. Вы бы поехали с ними?

— А чем Канада хуже Тюмени? — смеется Анитэ. — Нам, женам, лично никто не предлагал. Предлагали договоры на несколько человек по разным странам, но мы на все пошли и пойдем до конца ради того, чтобы отряд сохранить. Ради этого мы все сюда семьями и приехали. Мы еще в Латвии взводами держались: дни рождения вместе отмечали, ездили на природу, на шашлыки, на рыбалку...

— Видимо, пора и вам форму омовскую надевать?

— А что, мы согласны, — улыбается Анитэ. — Но пока наших мужей хватает.

— Я понимаю, что вы готовы терпеть лишения до конца и даже тогда, когда терпение кончится. Но жизнь есть жизнь. Может быть, вам вернуться в Ригу?

— Вернуться мы, конечно, очень хотим. Но в Латвии наших мужей нигде на работу не примут. Там же на них столько грязи вылили, хотя мы уверены, что они везде поступали правильно.

— А может, им вообще уйти из ОМОНа?

— Если бы мой муж это сделал, — вдруг заговорила самая тихая омовка, — то я бы после этого перестала его уважать...

БЫЛ ЛИ "РОБИН ГУД"?

В Прибалтике командира ОМОНа Чеслава Млынника

часто сравнивали с легендарным героем английских баллад Робин Гудом — борцом за справедливость, защитником бедняков и непримиримым врагом шерифов и епископов. И это было не случайно. Буквально до сентября прошлого года (до того, как отряд оказался в пике политического конфликта в республике) ОМОН, можно сказать, на руках носили: он помогал городу поддерживать порядок, дежурил в ресторанах, СИЗО, помог раскрыть десятки преступлений. Вот только в отличие от английского Робин Гуда и его стрелков Чеслав Млынник и его команда не кончали свои операции попойками. Не пьют эти ребята. И скорее всего потому, что видят в своем командире личность, я бы сказал, уникальную.

Я встретился с Чеславом на улице. Этот невысокий тридцатилетний парень в кожаной куртке оказался почти седым человеком с глубоко посаженными недоверчивыми глазами. Я уже знал, что он воевал в Афганистане, был ранен, орденоседец. По званию — майор милиции.

Мой сопровождающий — подполковник милиции В. Пелевин изложил ему суть моего приезда. Командир с минуту помедлил, потом пригласил нас к себе.

— Время у меня есть, — пояснил он по дороге. — Сегодня я взял у генерала пару дней, чтобы прийти в себя. Слишком уж зашельмовала нас тюменская пресса, что даже ребята занервничали. То и дело подходят и спрашивают: "Что будем делать, командир?"

Когда мы пришли к нему, расположились в небольшой комнате, я включил диктофон.

— О вас гуляют легенды, Чеслав Геннадьевич. Расскажите, кто вы, что вы и откуда родом?

— Отец мой поляк, дед кадровый военный. Родился я в Белоруссии, вырос в Латвии. Воспитывала меня бабушка, она из старинного княжеского рода. То, что она в меня вложила в детстве, определило всю мою нравственную позицию в жизни.

— Интересно, что же?

— Ну прежде всего она меня поднимала в пять часов утра. Сверстники надо мной смеялись: "Ты что дурак, что ли, в пять часов вставать? Мы за десять минут до школы вскакиваем и бежать!" Потом она не позволяла мне читать книги за обеденным столом и в туалете. Она мне говорила, что у меня обязательно должно быть три папки: белая, где должны быть все бумаги на сегодняшний день; зеленая — по личным делам; красная — по служебным. Кабинет, заверяла она, должен быть боль-

шим, в нем не должно быть ничего лишнего, стол должен быть огромным, и за ним ты должен чувствовать себя хозяином. Это все имеет психологическое воздействие на человека, зашедшего к тебе, и подчеркивает твою ответственность. Нельзя приходить к начальнику и притягивать ему жеваную бумажку, от которой он лишь брезгливо поморщится, что бы там на ней не было написано. Желание добиться какой-то цели должно быть тактически построено очень грамотно: ты не унижаешься и вместе с тем добиваешься своего... В общем-то, она учила меня тому, что есть определенная грань, которую ни в коем случае переступать нельзя, иначе ты потеряешь человеческое лицо. И это воспитание выработало во мне другие черты.

— Какие, например?

— Ну, если я, положим, ел вилок селедку, то другой пищи я ею не касаюсь. А у нас в ресторане говорят: "Подумаешь! Возьми да вытри!" Вот в ГАИ, например, я не могу работать, потому что сам люблю быструю езду. Как я смогу штрафовать людей за превышение скорости? Так же я не смогу сидеть и торговать в киоске. Может, это и ничего, но я лучше застрелюсь, чем стану торгашом. Я не могу унижаться и не допущу, чтобы кто-то унижал меня.

— Хорошо. А вот как из вас вырос "особый" милиционер?

— Где-то класса с четвертого я начал тренироваться, но, конечно, не в корыстных целях. Все приходило естественно.

В 1978 году закончил школу, пошел в армию. В декабре 1979 наш батальон отправили в Афганистан, потом ранение, госпиталь. 28 ноября 80-го демобилизовался, а 15 декабря уже пошел на работу в милицию. Закончил рижскую среднюю школу милиции, потом Высшую школу МВД СССР в Минске, проработал год участковым, год опером, командовал оперативным отделом поисковой группы. 1 декабря 1988 года был создан рижский ОМОН. С первого дня в отряде. Наш начальный костяк — 17 человек — уже на третий день поехал на первое задание без оружия, хотя там были убийства.

— А кто вошел в этот костяк?

— Преимущественно "афганцы", десантники, были и те, кто служил в Анголе. Мы работали по 15 часов в сутки: полигон, морально-психологическая подготовка и прочее. И, представьте себе, выработали те неписанные

законы, касающиеся прежде всего отношения к своей работе: ты — ОМОН, ты должен этим гордиться, ты должен составлять совокупность определенных элементов, то есть делать то-то, то-то и то-то, ты не имеешь права делать того, даже если это имеет право делать работник милиции. Тебе позволяет закон применять оружие, но ты должен найти возможность, чтобы его не применять, потому что ты омовец, ты специально к этому готовился. Всегда можно изыскать такую возможность в любой ситуации. Однажды мы как-то воров брали, и был такой момент: у него патрон в патроннике, он стреляет, мы выворачиваем, сбиваем его с ног, ломаем. Ведь такие действия сразу вдвойне поднимают авторитет омовца, хотя люди нас поймут, если мы при захвате насильника или убийцы применяем оружие. Но мы стараемся этого не делать — жизнь есть жизнь. И у нас нарабатывается опыт, появляется уверенность в себе. Взять хотя бы ту же резиновую дубинку. Мы старались ее не применять, разве что уж в крайних случаях: не могут 2-3 омовца бить одного ею, а вот один троих может. Или та же форма — это же лицо ОМОНа, поначалу ее боялись, потом, когда у нас появился авторитет, ее стали уважать. У нас же существует целый ритуал выхода на дежурство, свои традиции, свои правила. А чтобы значок получить — надо прослужить не меньше года. Мы подобрали целую тематику видеофильмов, стараясь что-то перенять, внедрить. И получалось. Помимо уверенности в себе, появлялось сознательное чувство того, что ты действительно стоишь на страже порядка. У нас только совершенно случайно один человек погиб — сам баловался с автоматом. А остальные, в какие точки нас ни бросали, — ни одного раненого. А ведь были очень серьезные операции, чисто войсковые. И есть мечта создать специальное подразделение, в основе которого был бы наш костяк, который я хочу сохранить любой ценой. Понимаете, отрядов можно создать и десять и двадцать, но возможно ли будет собрать всех вместе именно этих людей? Порою, когда мы проводили разбор операций, мы удивлялись: заснять бы все это, и готовое кино. А иногда мы были просто восхищены: у нас было лучше, чем в любом другом кино...

— Скажите, у вас есть, наверное, какая-то система отбора людей, и вы, видимо, фиксировали то, что сделали?

— Конечно, я старался все сохранить и спрятать в надежном месте. Этот отряд нельзя вычеркнуть и за-

быть, он уже принадлежит истории. Хотя, знаете, в Прибалтике мы не примыкали и ни к тем и ни к другим. Мы были сами по себе. И тем не менее. Какие бы опасные операции мы ни проводили, например, по захвату вооруженных преступников и тому подобное, — все это умалчивалось, как будто этого и не было. А стоило допустить нам какой-то малейший нюансик, он мгновенно раздувался — кто-то зорко следил за нами и ловко наработывал себе политический капитал. Ну, а что касается наших тестов, я это со временем могу показать. Дело в том, что все в человеке начинается с элементарных вещей. И они видны без тестов. Мы наблюдаем за человеком. Как он себя ведет в совершенно банальных ситуациях. К примеру, человек, входящий в помещение, обязан пропустить человека из него выходящего. Или как он садится в машину. Почти все стараются плюхнуться на переднее сиденье, а сзади дедуля с палочкой втискивается еще с двумя пассажирами... У нас есть определенные математические расчеты, кое-что мы взяли из китайской школы, но не фанатизм, разумеется. Когда мы принимаем человека, мы уже видим, как ему лучше специализироваться: может, он войдет в группу захвата, а может, в другую. У нас есть свои специальные станки, мы их всюду с собою возим и можем заниматься даже в лесу. А потом выход на службу — это как священный ритуал: форма, оснащение... В операциях часто приходится использовать тактику Штирлица, комбинировать, играть. И вообще у нас есть много идей, которые по возможности хотелось бы внедрить. Дело в том, что в нас не надо ничего вкладывать и не надо нас ни с кем сливать. Это будет смерть отряду как единому целому. Нам надо просто помочь устоять. И наоборот, нас надо расширять — к нам надо вливать тех же людей, и мы будем совместно расти. Вот осталось от вильнюсского ОМОНа 40 человек, которые готовы приехать сюда, а мы их не можем принять.

— Почему? Я думал, что все будет нормально. Сам видел у УВД тех двенадцать человек, которые приехали договариваться.

— Генерал не хочет. Я ему и так и эдак, что это готовые профессионалы, а он ни в какую...

Млынник опустил голову. Как тяжело ему было сохранить отряд. Ведь вильнюсский ОМОН не устоял, развалился, и ему даже остатки не дают.

— Расскажите, как вы из Риги уезжали?

— Мне нужно было снять шляпу, а я не смог это сделать. Ведь нам же деньги предлагали, и немалые. Приехал целый полковник, бугай такой, с предложением от Верховного Совета республики. Но с чем это можно было сравнить? Как потом жить и с совестью смиряться?

— А что значит снять шляпу?

— Министр МВД Латвии Вазнис говорил: "Приди с поклоном, и все будете жить, как жили, работать, как работали". Но я не смог поклониться. Такие понятия как Родина, Отечество были, есть и будут, их нельзя предать или продать. У многих ребят было все: личные автомашины, дачи. Хорошо мы там жили. У меня, например, была квартира в доме Совмина республики, 85 квадратных метров. Пришли с женой и гадаем: ну что будем брать? И то красивое, и это. А я говорю: давай ничего не будем брать. Возьмем телевизор, и все. У меня на этом поставлен крест. Возврата не будет. Конечно, кто-то из наших не смог так поступить, остался. А я не смог остаться, хотя было много интересных предложений. Но я не смог, не там мое место, не принесу я пользы. Я же всегда относился к работе с вдохновением, деньги — это не главное, хотя и без них, конечно, тоже нельзя. Ведь мы личности, а не молекулы, замкнутые в себе. Поистине: "Человек, зачем ты рожден был на свет?" — "Для мук". И никуда нам от этого не деться. Как говорил один из симпатичных мне литературных героев: "Лучше умереть через 25-30 дней в постели, чем через 25 лет в бездействии". Мы верим, что человечество должно возродиться, и за это будем стоять до конца. Мы не можем позволить скатиться России в каменный век. Однако, если нам сейчас не помогут, то мы растворимся на территории полтора миллиона квадратных километров и не сможем сделать что-то новое, не сможем возродить то, о чем мечтаем. Наш опыт могут купить, и тогда вопрос пойдет о 20-30 тысячах в месяц на брата. Уже отрабатывается создание таких структур из совместных предприятий и бирж. Но тогда мы сольемся с теми же теневиками и похерим наше святое дело. Мы начнем отмирать как народ, как часть нашего великого народа... Неужели это можно допустить? Неужели Президент это допустит?! Ведь он-то кто? Он же не француз и не поляк! Неужели наши отцы и деды, погибшие за идею, были настолько одурманены и оболванены? Или они были сплошными идиотами? Или фанатиками?.. Почему Президент то и дело окружает себя пресмыкающимися? Взять хотя бы

того же А. Яковлева. Как-то он приезжал в Ригу. Я его послушал и понял: каждый пытается по-своему преподнести свою честь и пойметь свою выгоду. Не преданность — нет! Нет ее. У каждого своя игра. И каждый пытается пресмыкнуться так, чтобы ему было удобно и выгодно. Есть профессионалы по созиданию, есть по развалу. И Президент наш тоже спец по этому, и это, видимо, его устраивает. Есть и второй президент. Посмотрим. Ближайшие месяцы что-то должны проявиться. Но я уверен в одном: Россию должны уважать и ее будут уважать. Но, наверное, через кровь. И очень большую... Нельзя себе наживать добро на горе других. Никогда! Ведь все мы от природы и никуда нам от этого не деться. И существует ЧТО-ТО над нами, и такого не может быть, чтобы ЕГО не существовало. Сейчас дикое преимущество темных сил. Почему здравомыслящие люди не понимают этого? Идет процесс не возрождения, а порабощения, превращения моего народа в серое безликое стадо. Даже дети, насмотревшись этих фильмов, играют в страшные игры... Девчонки насилуют мальчишек во имя какого-то превосходства над ними, запросто убивают друг друга. Мы знаем десятки таких случаев. Это ни в коем случае нельзя порождать, а у нас на это подталкивают. А ведь взять нас. Мы не озверели. И в ситуациях побывали, ох, каких жестоких. И опыт у многих такой, что нам, вроде бы, было бы и простительно: Афганистан, Ангола... Но мы всегда жили и старались жить для того, чтобы помочь человеку, напомнить ему о том, что он человек... Народ не должен жить этими 72-мя годами. У него же большая история. Ну почему мы не черпаем лучшее из нее? Почему мы даже не умеем восхищаться природой? Многие ее вообще не понимают. Вот я даже боюсь своим близким признаться: вожу с собой какой-то цветок, где он только со мной не был, куда не ездил. А мне его так жалко, он для меня как символ какой-то. Я его чувствую, он — меня. У меня неприятность — у него листок желтеет. Вот есть какое-то поверье у людей, и они должны им жить... Жить и стоять. Хотя шансов остается все меньше и меньше. И если ты не сломаешься, не станешь на колени, есть способы и методы тебя уничтожить. В Риге можно было на что-то опереться, а здесь опереться не на что. Нет ни базы, ни понимания. И, возможно, завтра придет приказ и отряда больше нет... Как быть дальше? Я с этими мыслями ложусь и встаю. Мне постоянно задают этот вопрос: "Командир, что будем

дем делать?" Мы не можем смириться. Но и не идти же на штурм? Сегодня он бессмысленен. Умереть? Сжечь себя на площади? Нет. Но смириться со своим положением мы не можем...

— Я слышал, у вас были предложения из-за границы.

— Да. В свое время нам предлагали Канаду, Штаты, Японию, ЮАР. Когда они изучили нашу методику подготовки, они обалдели. А где, говорят, вы все это выкопали? Они просто не верили, они думали, что все это туфта. Нам предлагали контракты по несколько человек. Но никто не поехал. Отряд — это семья, спаянная кровью, а семью разрывать нельзя. Увеличивать — пожалуйста. А самое главное — мы не можем уехать из Союза, мы не можем смириться с тем, что здесь происходит. Ведь наши дети, дочь моя вырастет и спросит: "Папа, а что ты делал? Зачем жил тогда?" И что я ей отвечу?..

Долго мы говорили с Чеславом и в тот день и на следующий. Немало я встречал смелых и честных людей, но такого, как Чеслав, впервые. И поэтому, конечно, ни о каком "Робин Гуде" — благородном разбойнике — не может быть и речи. Надо брать глубже — этот человек от Бога.

ОХОТА НА ВЕДЬМ

Знакомые спецкоры рассказывали, что в январе по Риге были развешаны списки омовцев с их домашними адресами и призывами расправы над "черными беретами" и их семьями. А в спецвыпуске НБГ "ОМОН" был опубликован большой материал под заголовком: "Самый известный омовец Риги подвергся нападению. КТО СТРЕЛЯЛ В ЧЕСЛАВА МЛЫННИКА?" В нем приводились слова некоего "верующего": "Богу угодно очистить душу этого человека. Я знал, что это случится, но не думал, что так быстро". "За последние полтора месяца, — писали газетчики о "верующем", — он несколько раз встречался с Млынником в домашней обстановке, что помогло ему как человеку глубоко верующему, разглядеть в командире омовцев страшную душевную борьбу. Борьбу, как он выразился, добра и зла. Наш собеседник заявил, что в душе Млынника живет дьявол и "очищение возможно только через физические страдания". По словам "верующего", как мы его окрестили про себя, он ждал этих выстрелов."

Как возродилась в демократической Латвии "святая

инквизиция": совершенно неприкрытая пропаганда расправы над людьми от имени Бога. Этот прием с "верующим" вытащен на свет из средневекового арсенала охоты на ведьм. Дескать, Млынник заслужил эти пули, даже ждал их, поэтому давайте, ребята, стреляйте: чем больше он будет физически страдать, тем скорее его покинет дьявол...

Однако это было только началом. Едва я вернулся в Москву, из Тюмени пришло сообщение, что в Сургуте арестован латвийской криминальной полицией С. Парфенов — заместитель командира ОМОН. Ему предъявлено обвинение в попытке свержения конституционного строя в республике, а санкция на арест "согласована" с прокуратурой РСФСР. Но Млынника им взять не удалось: говорят, он с женой ушел в лес, подав официальный рапорт об отпуске, где просил начальство не увольнять его из органов МВД до выяснения обстоятельств двойного предательства...

В самом деле двойного. Сначала руками рижских "особых" делали свою губительную политику Центр и союзное МВД, подло подставляя ребят под нелепые авантюры, потом их предало демократическое руководство России. Не слишком ли много несчастий выпало на долю этого отряда? Ведь ребята, по сути дела, выросли в условиях войны: после школы — Афганистан или Ангола, потом — боевые операции в условиях чрезвычайного положения, травля и издевательство прессы, аресты...

А в Тюмени вскоре проснулось. В городе прошел митинг в поддержку ОМОНа, народным депутатом СССР С. Васильевым собраны тысячи подписей в его защиту. Тюменцы глубоко возмущены: почему полиция иностранного государства спокойно разъезжает по России и арестовывает русских людей? Местная пресса изменила свое отношение к ОМОНу прямо-таки на противоположное. А глава Тюменской администрации Ю. Шафранник вроде бы взял под свою опеку отряд и их семьи, переподчинив ОМОН из УВД области городу. Но... у отряда отобрали всю технику и оружие, раздав райотделам. Омоновцы остались с одними резиновыми дубинками, а боевая задача поставлена как бы в насмешку: охрана общественного порядка на рынках и толкучках. Что ж, когда-то, может быть, и нужно переходить от работы в условиях чрезвычайного положения на условия мирнорыночные, но не в такое же критическое время с бешеным ростом преступности?! Однако кому-то по-прежнему виднее.

А пока охота на ведьм продолжается. Вспомним судилище над Парфеновым — заместителем Млынника. И это говорит о том, что мы уже вступили в трагическую пору, породившую трагических героев, среди которых омовцы — дети войны. А они, как известно, могут жить либо в военное, либо в экстремальное время. Так что, видимо, прав Млынник: неразрешимый конфликт нашего времени будет решаться через очень большую кровь. Ибо уже выросли люди войны.

Октябрь 1991 г.

ОБОЮДНОЕ ОЗВЕРЕНИЕ

Армяно-азербайджанский конфликт

"...Когда пришли деникинцы, они вытащили из общей ямы 16 разлагающихся трупов и положили их на показ. Впечатление было ужасное, но — к тому времени они сами уже расстреляли без суда несколько человек, и я спрашивал у их приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид? Да, обоюдное озверение достигло уже крайних пределов..."

Это строки из письма Короленко к Луначарскому от 19 июня 1920 года. Там русские убивали русских, опьяненные сатанинской идеей борьбы за власть. Победила сила. Власть, восторжествовавшая на крови, порождает всё новые преступления против народа. И вот Карабах, где, помимо демонстрации той и другой стороной разлагающихся трупов, пещерный вандализм: с живого человека снимают скальп, у мертвых отрезают уши, женщин насилуют дулом автомата и черенком лопаты... В какой стране мы живем? По чьей вине гибнут простые, ни в чем не повинные люди: женщины, старики, дети?..

Как известно, по проблеме Нагорного Карабаха две враждующие стороны обвиняют во всех своих бедах Горбачева и высшее руководство страны. А что же могут и делают сами руководители республик?

— Подобные проблемы, — заявляет Председатель Верховного Совета Республики Армения Левон Тер-Петросян, — решаются либо войной, либо диалогом. Войны никто не хочет: ни Армения, ни Азербайджан. Значит — диалог. Мы на него пошли. Я неоднократно встречался с Президентом Азербайджана А.Муталибовым, имеют контакты и наши парламентарии. Толку пока от этого мало. Время идет, и это, по всей видимости, устраивает азербайджанскую сторону.

— Мы дали слишком много времени всем сменившим-

ся в последнее время армянским руководителям, чтобы наладить диалог, — утверждает Аяз Муталибов. — Увы, пока они этого не хотят. И недавно Тер-Петросян так и заявил: "Мы не можем договориться с коммунистическим руководством Азербайджана, потому что у нас демократический строй, а там коммунистический режим".

Так кому все-таки верить? Почему льется кровь и изгоняется мирное население из Армении и Азербайджана? Кто заварил эту кашу и кому это нужно? Как можно было так расстрелять людей, чтобы завести в тупик два народа, в тупик, из которого уже не видно никакого выхода?

ИЗ-ЗА ЗЕМЛИ...

Нагорный Карабах (4 400 кв. км) — предмет извечного спора армян и азербайджанцев.

Армяне утверждают, что испокон веков Арцах всегда был армянской землей, печатают в своих газетах фотографии древнеармянских церквей VII века, расположенных на территории нынешнего Нагорного Карабаха, изобличают в подлоге документов Совет по делам религий при Кабинете министров СССР, который подтверждает, что подобные памятники принадлежат кавказским албанцам. По заявлениям официальной печати Армении "5 июля 1921 года исконно армянские земли Нагорный Карабах и Нахичевань были переданы Азербайджану... решением Кавбюро РКП(б)". Фактически, утверждает армянская пресса, то был государственный переворот, совершенный Сталиным и кучкой большевиков в восемь человек. С тех пор, по их словам, Нагорный Карабах формально считался автономией, а на деле же был колонией. Азербайджанские власти ущемляли карабахских армян в экономике, культуре, социальной сфере... А нынешние заявления Президента Азербайджана А.Муталибова по карабахскому вопросу — "это голос диктата, выкрик колонизатора с плетью из человеческой кожи, изготовленной в средневековых живодернях Сумгаита и Баку" ("Зов Арцаха", №2 (18), июнь 1991г.).

Азербайджанские ученые, общественные и политические деятели глубоко убеждены, что Карабах — истинно азербайджанская земля, что на ней просто разрешили "пожить армянам, спасавшимся от турецкого геноцида, полтора века назад". А теперь эти армяне, которых приютили азербайджанцы, отнимают у них землю

предков. Статистические данные, говорил Муталибов, свидетельствуют о том, что по многим показателям социально-экономического обеспечения жизненный уровень Нагорного Карабаха был выше Азербайджана, Армении и всего Союза. В феврале и марте 1988 года был собран "круглый стол" из ученых, экономистов, выходцев из Нагорного Карабаха, где обсуждалась "проблема ущемления карабахских армян в экономике, культуре, социальной сфере". Академик Т.Хачатурян упирал на то, что удельные капиталовложения на душу населения области отстают от Азербайджана в целом. Азербайджанская сторона заявила, что такой показатель — не критерий для оценки состояния экономики и социальной сферы. И привела пример: если в Степанакерте построили бы атомную станцию, то показатели области по удельным капиталовложениям на душу населения были бы самими высокими на всей планете. И хотя вскоре было принято союзное постановление о выделении полмиллиарда рублей для снятия проблемы НКАО, лидеры карабахского движения официально заявили, что их не волнуют экономические проблемы, что цель у них политическая: "Мы не хотим быть в составе Азербайджана, а хотим соединиться с матерью-Арменией".

Началом этого сепаратизма в советские годы послужила правозащитная деятельность почетного члена Академии наук Азербайджана В.Амбарцумяна еще в 1957 году. Азербайджанские академики до сих пор в недоумении: как они могли терпеть в своих рядах человека, который боролся за присоединение Карабаха к Армении и "шел против азербайджанского народа"?

Другой документ — секретное донесение в КПК при ЦК КПСС бывшего председателя КГБ Азербайджана Гейдара Алиева от 29 апреля 1969 года свидетельствует о том, что карабахская проблема стояла достаточно остро, но о ней практически умалчивалось. Г.Алиев пишет в справке следующее: "Проявления националистического характера имеют место в Нагорно-Карабахской автономной области. В последние годы националистические элементы, проживающие в этой области, а также некоторые жители Армянской ССР предпринимают попытки к разжиганию среди населения тенденций к выходу области из состава Азербайджана и присоединение ее к Армении.

Под влияние националистических элементов попадает определенная часть молодежи, в том числе и комсомольцы... Националистические проявления молодежи в НКАО

имели место и в 1968 году".

И вот — перестройка. Однако чем обернулось начало этой "мирной революции" для азербайджанского и армянского народов свидетельствует сжатая хроника.

1988 год:

25 января

В Азербайджан стали прибывать первые сотни беженцев-азербайджанцев, изгнанных из Кафанского и Мегринского районов Армянской ССР.

12 февраля

В Степанакерте состоялся первый митинг, участники которого потребовали присоединить НКАО к Армении.

18 февраля

Количество беженцев-азербайджанцев, в результате насильственных действий покинувших Армению, достигло четырех тысяч человек.

22-23 февраля

Первые митинги в Баку и Сумгаите под лозунгами: "НКАО — неотъемлемая часть Азербайджана!"

24 февраля

На дороге Степанакерт — Агдам в ходе стихийной демонстрации состоялось столкновение жителей Агдама и Аскерана. Убиты два азербайджанца.

26 февраля

К трудящимся, к народам Азербайджана и Армении обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев.

28-29 февраля, 18 марта

Погром и массовые беспорядки в Сумгаите. Пленум Нагорно-Карабахского обкома Компартии Азербайджана принял решение о присоединении НКАО к Армении.

Первая декада мая

В Азербайджан прибыла еще 1 тысяча беженцев из Армении.

Первая декада июня

Еще волна беженцев в Азербайджан. За несколько дней прибыло до двух тысяч человек. В НКАО на рабочие места не допущены азербайджанцы. Им предложено покинуть область.

14 июня

По сообщению Госкомстата Азербайджана в республику прибыло еще 4 тысячи беженцев.

Последняя декада июня

Сложная обстановка в Армении вызвала новые потоки беженцев. Их приходится размещать в палаточных го-

родках.

12 июля

Сессия областного Совета народных депутатов НКАО приняла решение о выходе из состава Азербайджана.

13 июля

Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР признал незаконным решение Сессии облсовета от 12 июля 1988 года.

18-21 июля

Расширенное заседание Президиума Верховного Совета СССР подтвердило принадлежность НКАО Азербайджанской ССР.

3 сентября

Из охотничьих ружей обстрелян азербайджанский район Степанакерта — Киркиджан. Распространяются листовки: "Азербайджанцы! Вам нет места на Арцахской земле!"

18-21 сентября

Несколько сот степанакертцев пытались поджечь дома азербайджанцев. Люди были вынуждены бежать в Шушу. На территории НКАО и Агдамского района введено особое положение.

Вторая половина декабря

Самые массовые потоки беженцев из Армении. Многие вынуждены идти пешком через перевалы, Их снимают вертолеты гражданской авиации. Как сообщил Госкомстат республики, в Азербайджане 165 тысяч беженцев из Армении.

Так началась карабахская трагедия, длящаяся уже три с половиной года. События развивались по нарастающей — от оскорблений, унижения, изгнания с родных мест до жестоких убийств и издевательств над трупами! Азербайджанцы называют конфликт "необъявленной войной со стороны Армении". Армяне (Л. Тер-Петросян) заявляют: "Советский Союз фактически объявил войну Армении"... А та и другая сторона обличают лидеров республик в лжи, а центральную прессу и телевидение — в тенденциозности и искаженности информации о конфликте. Азербайджанцы обвиняют московское армянское лобби, которое якобы влияет на Горбачева и его окружение. Армяне считают, что Кремль подкуплен Азербайджаном... Трудно разобраться в этой мешанине взаимных обвинений, трудно проверить факты, к которым апеллируют та и другая сторона.

Итак, две поездки — сначала в Баку, потом в Ереван —

в надежде сопоставить разные точки зрения на одни и те же события.

Говорит Президент Азербайджана

АЯЗ НИЯЗИ ОГЛЫ МУТАЛИБОВ

— Никаких террористических групп на территории Азербайджана мы не потерпим ни сейчас, ни в будущем. После того, как мы очистим свои земли от бандформирований, мы сядем за стол с армянами, проживающими у нас. Именно с теми, кто боится сейчас пойти на встречу с азербайджанцами под страхом моментального возмездия, и обговорим все вопросы, связанные с восстановлением мирной жизни и правопорядка. Мы поставим задачу укрепить существующий статус-кво Азербайджана в отношении НКАО. А для этого надо, чтобы Армения впредь не вмешивалась во внутренние дела Азербайджана. Это суверенное государство со своей Конституцией, и мы будем защищать каждую пядь своей земли от любого вида аннексии и агрессии, в какой бы форме они ни выражались. Я очень хотел бы, чтобы была показана азербайджанская Хатынь — "Баянис Айрум", где сожжена деревня во время обстрела, хотел бы, чтобы посмотрели на жильцов тех кварталов, куда были запущены 12 ракет "Земля-Земля". Но рано или поздно армянский народ сам вынесет приговор своим лидерам, учинившим кровавую бойню в Азербайджане. Мы сожалеем, что первых еразов*, не отравили в НКАО. Тогда бы они взмолились и сказали: не надо, мы больше никого из Армении гнать не будем, только не надо в НКАО, потому что там изменится структура. Мы оказались виноватыми, потому что всегда были законопослушными. А теперь нашему терпению пришел конец, и азербайджанский народ имеет право требовать исполнения конституционного долга Москвы. Это не наша прихоть. Это конституционная обязанность Союза, и будьте любезны ее обеспечить, потому что наш народ высказался на референдуме за целостный СССР.

Я предлагал Тер-Петросяну: что ты из меня делаешь бандита, врага армян, давайте объявим мораторий на взаимные оскорбления в печати. Увы, мое предложение так и повисло в воздухе. Но меня это не очень волнует. Беспокоит другое: у меня есть сведения, что армяне, живущие в Армении, не знают, сколько и как было убито людей в их республике. Они лишены возможности узнать об откровениях боевика Авеля, услышать голоса

* Ереванские азербайджанцы-беженцы.

людей, у родственников которых вырезаны груди, вспороты животы, выколоты глаза. Конечно, с нашей подачи этого делать нельзя. Это надо было делать с подачи Прокуратуры СССР, которая вместе с МВД СССР совершенно безответственным образом вела свою работу здесь: скрывала факты, бойкотировала, вообще ничего не делала. Поэтому мы в последнее время заявили, что на территории Азербайджана будут функционировать прокуратура Азербайджана, МВД Азербайджана. Мы уже сейчас сами ведем следствие и дознание, потому что в союзной прокуратуре есть всякое: взятки, коррупция и все что хотите. Повторяю, кому-то невыгодно знать правду о том, что здесь творится, в том числе и в Центре. Ведь мы неоднократно обращались в Москву с просьбой оказать содействие и повлиять на армянскую сторону в установлении 5-километровой демаркационной линии. А Москва в соответствии с Конституцией и правами республик отсылала нас к Верховному Совету Армении, дескать, это прерогатива парламента республики. Однако в январе прошлого года та же Москва не соизволила спросить согласия у нашего парламента на ввод войск в Баку, который, кстати сказать, оказался запоздалым, да к тому же кровавым. На совещании "Девяти" я поднимал этот вопрос. Я сказал: если девять республик в лице своих высших представителей собрались решать вопрос громадной важности, касающийся существования государства, то с этого момента и далее все, что будет происходить на территории любой из этих девяти республик, должно обсуждаться на расширенном совещании, и в дальнейшем мы не будем замыкать проблему Нагорного Карабаха на диалоге Горбачева и Муталибова. И все руководители, в том числе и Борис Ельцин, высказались за то, что надо остановить кровопролитие, в результате которого гибнут мирные граждане.

Легализация "Карабахского движения", тщательная разработка поэтапного плана отторжения НКАО от Азербайджана, — считает А. Муталибов, — целиком и полностью вина Центра. Надо было четко разграничить вопросы социальной проблематики и территориальные притязания и твердо заявить, что границы, сформированные в рамках Конституции 1924 года, не подлежат пересмотру, и любая попытка в этом направлении будет строго пресекаться законом. И хотя Политбюро сделало подобное заявление, оно, к сожалению, было совсем не категоричным и оставляло просвет. А основная беда была

в том, что после этого заявления не последовало никаких решительных действий по пресечению сепаратизма. И в центральной печати до сих пор доминирует система равной вины и равной ответственности обеих сторон. Это вызывает недоумение и возмущение азербайджанского народа и работает не на локализацию конфликта, а на его развитие и продолжение. Ведь надо же наконец сказать, кто прав, а кто виноват. Но кому-то это по-прежнему не нужно, и в чьи-то планы это не входит. Разумеется, могучие политические силы задействованы в этом конфликте, сверхзадача которого поднять ислам на борьбу с Россией, вбить клин между мусульманской и православной частями Союза. А Армении в этом случае отводится роль троянского коня в советском стане...

К концу 1989 года в Армении не осталось ни одного азербайджанца: 165 тысяч человек в течении всего одной недели были изгнаны с родных мест. А мировая и союзная общественность проигнорировала эту трагическую акцию. Как и тот факт, что к этому времени Азербайджан приютил 50 тысяч турок-месхетинцев, на обустройство которых союзное правительство выделило мизерную, чисто символическую сумму.

— Я не понимаю логики тех людей, — возмущается Президент Азербайджана, — которые с территории Армении осуществляют артиллерийский обстрел воинских подразделений на земле Азербайджана, охраняющих мирное население. В ответ на это Советская Армия поднимает вертолет и гасит эту огневую точку. После этого поднимается крик и вой: "Убивают армян!" Но не надо же стрелять первыми! Неужели это невозможно понять? Какое-то вселенское затмение, ей-богу! А в то время Тер-Петросян и его окружение лицемерно заявляют, что их республика самая спокойная. Мы устали предупреждать и Армению, и Центр, что надо кончать это кровопролитие, что мы перед лицом катастрофы. Мы устали удерживать наших людей от непродуманных действий, хотя мы и контролируем ситуацию.

В Азербайджане, вопреки слухам, нет ни боевиков, ни боевых формирований. Поинтересуйтесь в МВД, КГБ, у военной разведки. Однако армянское руководство искусственно нагнетает среди населения Армении страх перед грядущим наступлением азербайджанцев, чтобы был повод для сбора денег у населения на вооружение и формирование бандитских отрядов, которые в последнее время легализованы решением Верховного Совета

Азербайджана и Верховного Совета Армении. Тогда мы предложили образовать демаркационную линию — полосу отчуждения по 5 километров на всем протяжении между Арменией и Азербайджаном. Мы хотели провести это совместным решением Верховного Совета Армении. Но армянская сторона проигнорировала это решение. Мы такую полосу создали у себя. Она функционирует с середины прошлого года. Там же созданы сорок пять застав. Кто бы мог предположить, что между советскими республиками будут военизированные заставы? Но мы должны были пойти на это, потому что армянская сторона не ответила ни на одно наше конструктивное предложение.

Азербайджанскому народу и его интеллигенции хватило мудрости, чтобы не принять решения о расформировании НКАО, как это сделала Грузия в ответ на заявление Юго-Осетинской области, объявившей себя автономной республикой. Мы не сделали этого, потому что это была бы провокация, понимая, что ею воспользуются "темные силы" в своих целях. Мы часто заявляем, что вмешательство во внутренние дела Азербайджана тормозит процесс нормализации в НКАО.

Меня обвиняют в "депортации" армян из НКАО и приграничных районов. Только какая это депортация? Обыкновенные мероприятия по проверке паспортного режима: если ты прописан в Армении, а болтаешься в Азербайджане — будь добр покинуть территорию республики. Теперь армянским боевикам в НКАО приходится туговато — надо скрываться в лесах и горах.

Как осуществляется проверка паспортного режима, мы расскажем чуть ниже, а сейчас вернемся к Сумгаиту — точке отсчета "необъявленной войны" Армении и Азербайджана. На пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в мае этого года, на вопрос финского корреспондента по поводу расследования сумгаитского дела отвечал генеральный прокурор Азербайджана

ИСМАТ ГАИБОВ

— По сумгаитским событиям я лично санкционировал привлечение к уголовной ответственности 104 человек. Кстати, среди погромщиков был и один армянин. В Сумгаите, где проживает около 250 тысяч человек, погибло 26 лиц армянской национальности, а в Гугарском 40-тысячном районе Армении убили 21 азербайджанца, и ни один из убийц не был привлечен к ответственности.

То же самое в Кировокане и других населенных пунктах.

Следуя неизвестно чьим указаниям, пресса старается поставить азербайджанцев и армян на уровень равной ответственности. А ведь на территории Армении нет ни одного азербайджанца боевика или милиционера. Все вооруженные столкновения происходят на земле Азербайджана. Армения блокировала Указ Президента СССР о незаконных вооруженных формированиях. Кроме того, Армения не выполняет Закон о всеобщей воинской обязанности. Она приняла решение организовать призыв в Советскую Армию на территории своей республики и не посылать призывников в другие регионы страны. А те дезертиры, которые оставили свои воинские части, принимаются в вооруженные формирования республики. Таким образом, они создали из дезертиров свои бандитские вооруженные формирования. 116 задержанных боевиков, которые засланы к нам со стороны Армении, содержатся под стражей и находятся под следствием. У них изъято большое количество гранатометов, минометов, градобойные орудия, огромное количество автоматов и пистолетов.

Теперь перенесемся в Армению и выслушаем другую сторону, участвующую в вооруженном конфликте. Здесь, в центре Еревана, на большом красивом здании вывеска "Совет Министров Республики Армения, Госкомитет по осуществлению специальных экономических программ". Некоторые армяне говорили мне, что это и есть "истинное правительство" Нагорного Карабаха, возглавляемое председателем комитета Г.Арутюняном, который передал меня под опеку своего заместителя. Говорит

ФИЛАРЕТ БЕРИКЯН

— Вы все равно не напишете правду! — категорично заявил он, поднявшись со мной этажом выше в отдел информационной группы. — Если бы вы представляли независимую прессу, тогда еще куда ни шло. А официальное издание —дохлый номер. Ни за что не напечатают. Сколько у нас было журналистов, и самые честные из них вообще ничего не писали, а те холуи, которые служат, как верные псы, пишут то, что нужно Центру.

— Я представляю журнал аппарата Президента СССР.

— Этого главного фашиста, уничтожающего армян?!

— У вас есть основания так утверждать?

— Да, есть. И полно! Это его приказ на террор выполняют армия, КГБ и внутренние войска. Вон, в коридоре, толпятся беженцы. Они вам расскажут!

— Погодите. Начнем с того, что мне говорили в Баку. Муталибов, например, заявил, что в Армении к сегодняшнему дню не осталось ни одного азербайджанца, а в Азербайджане проживает около 20 тысяч армян, в том числе и в Баку. Генеральный прокурор Азербайджана Гаибов официально заявил, что в вашем Гугаркском районе убили 21 азербайджанца, и ни один из убийц не привлечен к уголовной ответственности.

— Это наглая ложь! 200 тысяч армян — это население Нагорного Карабаха и Шаумяновского района. Это наша земля, там армянские церкви четвертого века стоят. А Гаибов пусть не врет на весь мир. Сейчас поедem в прокуратуру, и я вам покажу все дела по Гугаркскому району.

— Но ведь то, что вы называете "депортацией", это, по утверждению Муталибова, обыкновенная проверка паспортного режима...

— Это второй Афганистан! Вот документы...

И на моем столе появились пачки бумаг с печатями и без оных, информационные справки, отчеты и заявления, а в дверях толпились женщины в черном с детьми на руках и слезами в глазах. Слушать их было невыносимо...

Почти все жители НКАО, с которыми я беседовал и в Ереване, и в приграничных районах, начинали свой рассказ почти с одной и той же картины

ПРОВЕРКИ ПАСПОРТНОГО РЕЖИМА

хотя являлись жителями разных сел. Рано утром селение окружалось подразделениями СА или внутренних войск МВД СССР. Из танков и бронетранспортеров делалось несколько залпов по центру села, над которым вскоре появлялись боевые вертолеты, и с помощью мощных громкоговорителей объявлялось о паспортной проверке. Затем в селе появлялись азербайджанские омовцы и приступали к операции. Все мужчины немедленно брались в заложники и отправлялись в тюрьмы. Женщин, стариков и детей сгоняли в кучу для отправки на вертолетах в Армению. Их паспорта рвали у них на глазах, обыскивали, забирали ценности, кольца, деньги. Кто сопротивлялся — убивали. Расстреливали прямо в постели больных и стариков, среди которых были участники войны. Дома переворачивали вверх дном, под дулами автоматов заставляли писать расписки в том, что та или

иная автомашина, стоящая во дворе дома, продана такому-то за пять тысяч. Вслед за омовцами появлялись жители соседних азербайджанских сел, которые на подводах и машинах увозили ковры, холодильники, стиральные машины и прочее. К ночи село разграблялось подчистую, многие дома поджигались...

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Эмилия Фарамян: — В наш дом, где я находилась с 70-летней матерью и 13-летним сыном, вошли русский капитан и около 20 омовцев. Капитан потребовал наши паспорта, затем стал кричать: "Будете подчиняться азербайджанской конституции или нет?"... Он заставлял нас расписаться в том, что мы якобы добровольно покидаем село. Потом в доме начался погром: избили мою мать, сына, разгромили буквально все. Меня обыскали, отобрали 4200 рублей, которые я хранила у себя под одеждой. Потом нас провели туда, где собрались мужчины...

Аркадий Налбандян: — Я был среди заложников. Нас избивали и омовцы, и солдаты внутренних войск. Среди нас был инвалид с костылем. Когда им надоело нас бить, они устроили для себя такую забаву: "Бейте друг друга", — приказал нам какой-то чин, угрожая в случае неподчинения расстрелять на месте. И мы под дулами автоматов вынуждены были драться друг с другом. "Откройте рот!" — следовала команда, и, когда кто-то исполнял ее, омовцы плевали ему в рот. Людей заставляли облизывать подметки солдатской обуви.

Кнарник Китчан: — Почти все дома были полностью уничтожены. С Межлума Чилингаряна омовцы сняли скальп, он сейчас в больнице в очень тяжелом состоянии. На наши крики о помощи какой-то офицер внутренних войск СССР пожал плечами и сказал: "А почему вы до сих пор здесь? Почему не уезжаете? Ведь здесь азербайджанская земля".

Михаил Джамбарян: — Омовцы врываются в дома вместе с мародерами из ближайших азербайджанских сел. Они убивали, жгли, грабили. Убивали со словами "Независимости хочешь? Получай!" Топором был зарублен Мельсик Согомонян. 70-летнюю больную Рипсимэ Минасян, лежавшую дома, застрелили прямо в постели.

По селам Ханларского района Азербайджанской ССР были распространены

ОБРАЩЕНИЯ:

"В соответствии с многочисленными обращениями жителей сел Чайкенд и Мартунашен о выезде на постоянное место жительства в другие районы Ханларский райисполком гарантирует:

1. В строгом соответствии с законом обеспечить оформление документов на продажу личных домов, имущества и произвести выдачу денежных сумм в течение ближайших трех суток.

2. Внутренними войсками МВД СССР будет обеспечена безопасность всех граждан во время их передвижения по территории Азербайджана.

3. Вышеизложенное согласовано с руководством республики и МВД СССР.

Председатель Ханларского райисполкома Н.МАМЕДОВ".

Аналогичное обращение было подписано Первым заместителем министра МВД республики Р.МАМЕДОВЫМ и зам. командира дивизии МВД СССР полковником Е.МИШИНЫМ. На нем пометка: "17.25. Пакет передал капитан Ягодкин 1.05.91".

А вот документ, который буквально с телетайпа оказался в моих руках:

"За последнее время в а/п Степанакерт участились случаи грубого обращения с пассажирами и членами экипажей со стороны ОМОНа Азербайджана. Вымогательство, издевательство, изнасилование женщин стали для ОМОНа нормой поведения. Не обеспечиваются элементарные условия безопасности полетов. Часто загоняют в салон самолета 55—60 безбилетных пассажиров и под угрозой ареста пытаются заставить экипаж вылететь. Ежедневно мы получаем массу жалоб со стороны экипажей и пассажиров.

В подобных условиях дальнейшее продолжение полетов невозможно.

Начальник аэропорта — командир ОАО

К.Н.Мнацаканян,

17.07.91 г."

В информационном центре Госкомитета по специальным экономическим связям мне заявили:

— В интервью газете "Известия" 5 мая командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Юрий Шаталин утверждал, что военнослужащие стараются не вмешиваться в конфликт. Но мы в ходе боевых

действий в селах Геташен и Мартунашен захватили заложниками 14 военнослужащих во главе с полковником Машковым, у которого изъяли документ, где содержится перечисление и радиопозывные подразделений, участвующих в операции "Кольцо". Так передо мной легла на стол

"ТАБЛИЦА ПОЗЫВНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ", участвующих в операции, которую армяне называют, как всегда, образно "Блицкриг против карабахских крестьян". В таблице значилось:

"Руководитель операции (позывной "Яхта");
полковник Машков ("Залив");
полковник Мишин ("Курган");
командир в/ч 5478 ("Вираз");
командир роты этой же части Завадский (Вираз-1");
командир роты этой же части Рябов ("Вираз-2");
командир в/ч 5477 ("Обрыв");
командир роты этой же части Данилов ("Обрыв-1");
командир роты этой же части Абдулов ("Обрыв-2");
рота спецназа МВД СССР ("Финал", "Финал-4", "Финал-5");
рота ОМОНа МВД СССР ("Дозор");
вертолетно-истребительное звено ("Финал-1", "Финал-2", "Финал-3", "Кроме");
танковое подразделение СА ("Костер");
огнеметный расчет ("Пламя");
подразделения ОМОНа Азербайджана (без указания позывных)".

18 июля во Дворце камерной музыки Еревана состоялась пресс-конференция патриотического общества (землячества) "Арцах", посвященная нарушениям прав человека в НКАО. Выступавшие — депутаты Верховного Совета СССР — требовали прекратить "истребление и депортацию армянского народа, освобождения всех заложников и немедленного начала четырехсторонних переговоров". Помимо десятков убитых, приводились следующие цифры: всего арестовано — 800 человек, цена за выкуп — от 5 до 88 тысяч рублей, изъято личных автомашин — более 1100, депортировано 24 села и т.д.

"Судьба Армении решается в Москве, — заявил в своем выступлении Т.Гадалян, — она должна нам дать право на самоопределение. К сожалению, до сих пор у нас была только идея, не было концепции. Но при всей моей ненависти к лидеру коммунистического режима и антинародному президенту Горбачеву, я готов подружиться с ним ради Карабаха". Ситуация, сложившаяся

в НКАО, называлась не иначе как вторым Афганистаном. Массовые нарушения законности и преступления совершают, по словам выступавших, подразделения ОМОНа МВД Азербайджанской Республики, среди которых наряду с кадровыми милиционерами большую часть составляют выпущенные по амнистии уголовники и бывшие боевики НФА. При проведении операций часто привлекается местное азербайджанское население, которому передаются автоматы и форма омовцев. Практикуется и обратное: ОМОН проводит операции в гражданской одежде, под видом местных жителей.

Там, на пресс-конференции, я познакомился с экспертом Верховного Совета Республики Армения, который передал мне обширную справку о действиях азербайджанского ОМОНа с момента его создания (сентябрь 1990 года).

ЭКСПЕРТ БАГРАТ САДОЯН

систематизировал данные следующим образом:

За период с момента организации ОМОНа до конца 1990 г.:

убиты — 9 (список прилагается) — из них: 1 женщина сожжена, у 1 мужчины отрезано ухо; ранены — 3;

избиты с нанесением тяжких телесных повреждений — 8 (из них: 2 постовых ГАИ);

арестованы и увезены в азербайджанские пункты — 14; попытки захвата важных объектов области — 3 (аэропорт, отдел связи, ГОВД);

нападение на населенные пункты — 5;

нападение на другие объекты, разгром, кража — 8; разрушение и сожжение — 12.

За январь — март 1991 года:

убиты — 18 (список прилагается) — из них: один избит до смерти, потом убит прикладом, другой измучен и истерзан;

смерть в результате действий ОМОНа — 1;

ранены — 13;

избиты с нанесением тяжких телесных повреждений — 12;

арестованы и увезены в азербайджанские пункты, взяты в заложники — 22, из них: один убит, о двоих ничего не известно;

нападение на населенные пункты — 13;

нападение на другие объекты — 5;

обстрел населенных пунктов — 8;

стрельба по машинам — 6.

За апрель — май 1991 года:

убиты — 33, многие истерзаны (список прилагается);

смерть наступила вследствие действий ОМОНа — 1;

ранены — 41 (в том числе два солдата);
пропали без вести вследствие действий ОМОНа — 23;
арестованы и увезены, взяты в заложники — 102;
избиты на месте — 14;
нападение на населенные пункты, их вооруженное окружение, длительная блокада — 23;
разрушение и сожжение — 7, из них: домов — 5, школ — 2;
нападение на другие объекты — 5;
обстрел населенных пунктов — 23, из вертолета — 5;
стрельба по машинам — 22;
насильственная депортация, сопровождаемая убийствами, избиениями и грабежами — 4;
то же без убийств — 17;
нападение на военные посты и части, перестрелка с военными — 6;
обстрел сельхозугодий — 6.

В списках убитых люди разных возрастов и полов от 12 до 70 лет. Основные профессии погибших: тракторист, зоотехник, председатель колхоза, сторож, сельхозработчий, кооператор, чабан, учитель, пенсионер, пекарь и другие.

В конце справки — перечень депортированных сел, половина из которых сожжена и полностью заселяется азербайджанцами. В мае их было 12, в конце июля — 24.

С кем же все-таки воюют подразделения СА? С кем воюют ВВ МВД и азербайджанский ОМОН?! Конечно, с боевиками, — утверждали в МВД Азербайджана. Мне показывали многочисленные эпизоды допросов бородатых армянских боевиков. Среди них дезертиры из СА, люди без определенных занятий, милиционеры из приграничных районов Армении, переброшенных для защиты армянского населения от азербайджанцев.

Я видел своими глазами автоматы, пистолеты, пулеметы, гранаты, взрывчатку, взрыватели, часовые механизмы, ракеты "Алазань-2" и пусковые установки к ним, консервы, прибывшие из-за рубежа пострадавшим от землетрясения в Армении, но обнаруженные в засадах боевиков.

Но если в Азербайджане мне показывали армянских боевиков и их снаряжение, то в Армении заявляли что боевиков как таковых нет. И показывали фотографии столетних старух, якобы депортированных из Карабаха под видом боевиков. Ну а если серьезно? — допытывался я.

Серьезно, говорили армяне, это все взрослое мужское

население армянских сел, которое защищается от русских и азербайджанских террористов охотничьими ружьями и вынуждено скрываться в лесах.

Извините, но откуда у них боевое вооружение?

Понимаете, в каждой республике есть криминогенный контингент, бывшие уголовники. Они сколачивают небольшие банды и занимаются грабежами и убийствами. Есть они в Азербайджане, есть и в Армении...

Непонятно! То армяне заявляют, что у них никаких боевиков нет, то иногда прихвастнут, что их вооруженные формирования научились вести партизанскую войну. И поэтому мне пришлось самому по отдельным зацепкам и незначительным эпизодам попытаться выяснить для себя

КТО ТАКИЕ БОЕВИКИ?

Вначале приведу небольшие выдержки из сообщений Информационного центра Совета Министров Республики Армения.

"15.07.1991г. с 11.30 по местному времени подразделения Советской Армии и азербайджанского ОМОНа начали массированную атаку армянского села ЭРКЕЧ Шаумяновского района Азербайджанской ССР, которому накануне был предъявлен ультиматум — депортация жителей под угрозой смерти. Село подверглось мощному артиллерийскому обстрелу из полевых и танковых орудий, боевых вертолетов. В селе много разрушенных домов.

Попытки наступавших подразделений войти в село встретили отпор местных жителей, после чего нападавшие отошли назад, к азербайджанскому селу Тодан. В результате артобстрела погибли жители села ЭРКЕЧ Абгар и Роза Закарьяны. Ранено около 10 человек, в том числе 4 женщины: Дадян Альвина, Мартиросян Ермония, Казарян Кнарик, Манукян Маня. По предварительным данным, с нападавшей стороны убито трое, ранено более 10 человек. Двое жителей села пропали без вести.

13.07.1991 г. 10 ч.30 м. У деревни Манашид садятся военные вертолеты, из которых выходят солдаты в черной форме. У деревни Безлук большие скопления бронетранспортеров с военными.

На телефонный запрос и.о. министра МВД РА А.Манучаряна к МВД СССР, КГБ СССР, военному руководству страны был получен ответ, что они не в курсе того, что это за войска на территории Шаумяновского района. Так как аналогичный ответ был получен и от руководства Азербайджана, руководством МВД РА объявлена боевая тревога и начата переброска

сил МВД для защиты своих соотечественников от агрессии со стороны неопознанных воинских формирований.

7.07.1991 г. МАРДАКЕРТСКИЙ РАЙОН. Сегодня в селах АРАЧАДЗОР и КИЧАН азербайджанцы пытались выкрасть запасы сена. Жители застали их врасплох. Четверо воров, оказавших сопротивление, были убиты.

Прибывшие на место азербайджанские омовцы и войска спецназа с БТРов открыли стрельбу по мирным безоружным жителям.

27.06.1991 г. МАРТУНИНСКИЙ РАЙОН. Подробности нападения на КАРАГАНДУ. Убито 6 азербайджанцев (3 мужчины и 3 женщины) — трупы затем обгорели в результате поджога фермы и других зданий. Ранено двое. Угнано 36 голов крупного рогатого скота."

Что бросается в глаза в этих тревожных сводках, целую кипу которых я привез из Армении? В сообщении от 13 июля говорится об объявлении боевой тревоги и переброске сил МВД Армении на территорию Азербайджана. Значит, официальная армянская милиция действительно уже выступает в роли боевиков, коли ведет боевые действия на земле другой республики. А в сообщении от 27 июня об убийстве 6 азербайджанцев приписка: "Не исключено, что нападавшие — азербайджанцы. Накануне из близлежащих армянских сел было угнано 160 голов крупного и мелкого рогатого скота. Возможно, это дело рук одной и той же банды".

В МВД Армении я встретился с начальником отдела охраны общественного порядка. Рассказывает полковник милиции

ПАЙКАР ГАЛУМЯН

Едва мы начали разговор, он получил сообщение о том, что в одном из приграничных районов Армении обнаружены тела двух чабанов, отцов четверых детей, а стада угнаны. Полковник засобирался в дорогу и попутно высказал мне несколько своих соображений:

— В последнее время налицо сознательный захват армянских работников милиции под видом боевиков. Армейские подразделения и азербайджанский ОМОН вторгаются на территорию нашей республики до 8 километров. Так, с 6 мая по 9 июля взяты в заложники 64 наших сотрудника. 59 нам удалось освободить, пятеро томятся в азербайджанской тюрьме по сегодняшний день. Мы даже пошли на то, что сами захватили в заложники несколько военнослужащих и обменяли их на своих людей. Но разве это дело?

— Какая же цель всех этих операций? — удивился я.

— Цель одна: разместить в центре Азербайджана армейские подразделения, а окраины отдать азербайджанским формированиям и тем самым дестабилизировать обстановку. Спровоцировать столкновение с Арменией. Конечно, после этого все армяне стали боевиками.

От этих слов мне стало страшно: если все армяне стали боевиками, значит действительно идет настоящая война. Только кому она нужна? Семьям убитых чабанов? Сотням тысяч азербайджанских и армянских крестьян? Изгнанных с родных мест?..

Мы проезжали по небольшому армянскому селу, и над зданием магазина я увидел развевающийся национальный флаг.

— Что это?

— О, у этого магазина есть три преимущества.

— Какие?

— Во-первых, товары сюда завозятся вне очереди. Во-вторых, продавец какую цену захочет, такую и назначит. Ну, а в-третьих, ни МВД, ни КГБ не имеют права проверить его.

— Значит, и сам продавец вооружен?

— Конечно. Днем у него ружье, потому что в кармане охотничий билет, а как стемнеет, он берет в руки автомат...

Больше в Армении я никого о боевиках не расспрашивал.

НА ЧЬЕЙ КРОВИ?

В начале этих заметок я привел строки из письма Короленко, где он говорит об озверении, достигшем крайних пределов. И если в гражданскую войну воюющие стороны дрались за идею некой социальной справедливости, то теперь льется кровь во имя "национально-освободительной борьбы". Однако так ли это на самом деле? Сколько бы ни притягивали за уши карабахский конфликт к эпитету "межнациональный", все равно по сути своей он таковым не является: эта проблема прежде всего политическая. Этнические и религиозные факторы не имеют в нем сколько-нибудь заметного значения: столетиями на карабахской земле формировались десятки тысяч совместных семей с людьми самых разных национальностей, независимо от их религиозной принадлежности и вероисповедания.

Армяне уперлись в решение Кавбюро РКП(б) от 5

июля 1921 года и увидели в перестройке исторический шанс исправить семидесятилетнюю несправедливость ("Умрем, но заберем Карабах!"). Азербайджанцы, следуя духу и букве Конституции СССР, решили отстаивать каждую пядь своей земли ("Умрем, но не отдадим Карабах!"). Гибнут горячие головы с обеих сторон, гибнут солдаты и офицеры Советской Армии. Забили тревогу члены Комитета солдатских матерей: "Уберите наших детей из этой проклятой бойни! Не делайте из них убийц. Не калечьте их жизни!" Некоторые обозреватели действительно полагают, что с территории Азербайджана надо убрать все армейские подразделения и внутренние войска — пусть, дескать, армяне и азербайджанцы пере-режут друг друга. А в среде генералитета я слышал такое суждение: надо вообще всех разогнать в Карабахе, чтоб двести лет никто там не жил, пусть это будет ничейная земля...

Увы, увy... Дорогой ценой обходится нам карабахский тупик. Не расплата ли это за тупость и амбициозность бывших руководителей НКАО?

Действительно, если в области 60% армян и они просят установить ретранслятор, чтобы смотреть передачи армянского телевидения, то почему бы его не построить? Ну почему? Если не хватает армянских школ, то почему бы их не открыть? С какой стати постановка подобных вопросов называлась националистическими проявлениями? Об этом надо прежде всего спрашивать с бывших руководителей Азербайджана и в первую очередь с Гейдара Алиева, триумфально шествовавшего впереди.

А новые руководители Армении? От демократических устремлений некоторых из них так и веет необошe-визмом. Откройте любую армянскую газету, и вам станет не по себе: националистический накал едва ли не в каждом заголовке самой незначительной статьи. Ни одного трезвого суждения, не говоря об альтернативном. Я попросил депутатов Верховного Совета Армении, должностных лиц, общественных деятелей сказать хотя бы пару слов о Тер-Петросяне. В ответ получил только одно: "О чем угодно — только не о нем!"

— Но почему? — недоумевал я. — Где же ваша хваленая демократия?

А академики, писатели и министры, так красноречиво выступавшие с экранов армянского телевидения, отворачивали головы. Они боятся! Они ждут референдума. Ах, вдруг Левон Акопович не пройдет, и тогда противники им припомнят их высказывания?! Вот она, принципиаль-

ность!

А тирады местной печати, а карикатуры на Президента СССР, которому они обязаны тем, что вообще-то появились на свет как общественные деятели? Вот, к примеру, что пишет известный деятель С. Шакарянц, дающий из номера в номер обзорный анализ прессы: "Звериный оскал "горбачевизма" все более напоминает манеру действий предыдущих большевистских лидеров. Нет более сомнений, что Горбачев переходит к главному пункту своей программы решения проблемы вопроса Карабаха и армянского вопроса в целом — это УНИЧТОЖЕНИЕ АРМЯНСКОЙ НАЦИИ..." ("Зов Арцаха", №3(20), июль 1991 г.).

Вы скажете — бред сумасшедшего? Нет! К сожалению. Это пишут на всю Армению и Карабах вроде бы нормальные люди. Создается впечатление, что Тер-Петросяну действительно хочется попасть на скрижали истории, оставить свой след в судьбе "Великой Армении". Однако если он истинный народный страдалец, то как он не мог просчитать все последствия своей нынешней политики? Что же он не смог уберечь свой трудовой народ от крови, от горя и унижения? Что он делает для того, чтобы остановить кровопролитие? К чему эта национально-шовинистическая истерия?..

По дороге из Еревана я заехал в Геленджик, куда прибыл с визитом Премьер-министр Греции К.Мицотакис. Со мной туда приехали из Армении посланцы нескольких греческих сел, до сих пор мирно жившие среди армян. Эти ходоки добивались встречи с Мицотакисом просить его, чтобы он "забрал в Грецию" хотя бы их детей, а они — женщины и старики — как-нибудь скоротают старость где-нибудь в России. Ну, ладно, — соглашался я, — азербайджанцев выгнали из Армении, потому что "мусульманские твари", русских гонят, потому что они фашисты, а вот греков-то за что? Ведь они же православные, и их судьба схожа с судьбой армянского народа — вместе пострадали от турецкого геноцида?.. "Гонят, — плакали женщины, — местные власти гонят, простые армяне выпихивают под зад из автобусов: "Убирайся отсюда, греческая морда!"

В Ереване я часто пытался сопоставить точки зрения Муталибова и Тер-Петросяна. Однажды один из моих высокопоставленных в Армении собеседников не выдержал:

— Да Муталибов сам первый от Союза отделится.

— Как?

— Он сейчас наладит тесные контакты с Южным Азербайджаном, то есть с Ираном. Руками русских выдворит всех армян из Карабаха, упразднит НКАО... И первый пошлет всех вас... Подальше!

Я не знал, что ему ответить.

Вечером, читая армянские газеты, наткнулся на комментарий к одной из заметок Тиграна Фарманяна: "...против избравшей путь демократии и независимости Армении ведется игра, которая напоминают ламбаду, где центральной танцевальной парой являются Горбачев-Муталибов. Танцующих много. А музыка, как вы догадались, коммунистический "Интернационал".

Ну что ж, коли затмение и умопомрачение, то тут делать нечего. Пусть гибнут простые люди — они всегда были пешками в игре королей, а что касается Горбачева и Муталибова, то на этот счет скажу просто — старой русской пословицей: "Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива!"

Пусть отделяется Армения, где семьдесят процентов ввозных продуктов питания и смехотворная площадь — даже на взгляд армянской диаспоры — для рынка сбыта зарубежных товаров. Говорят, что внешняя граница Армении и так Бог весть на что похожа — паспорт гражданина здесь стоит всего 5 долларов: "Входите, гуляйте!" Но все это на чьей крови?!

Кровавой свободы армян или азербайджанцев, русских или осетин, грузин или абхазцев... Не бывает... Свобода на крови не вырастает!

ВЛАДЫЧИЦА ГРУЗИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

То, что случилось с Грузией, в привычные рамки обыденного сознания, увы, не укладывается. Реактивное состояние национальной психопатии? Роковая судьба? Возможно, в будущем это явление станет предметом исследования социопсихиатров. А пока иностранные кинематографисты называют свои документальные фильмы "Грузинским кошмаром", "Синдромом дракона".

Нелегко совладать с обезумевшим человеком. Ужасен бунт в сумасшедшем доме. А когда сходит с ума нация, славившаяся добропорядочностью и гостеприимством, невольно всплывают аналогии: большевизм 21-го, гитлеризм 33-го, карабахская и югославская бойня сегодняшнего...

Лозунг Звиада Гамсахурдиа "Грузия для грузин!" за очень короткий отрезок времени трансформировался в сознании грузинского народа в звериный клич "Грузин, убей грузина!". Вопреки чрезвычайному указу Католикоса — Патриарха Всея Грузии — о предании проклятию и осуждению граждан, убивших соплеменников. Вопреки канонам христианской морали, принятым в Грузии еще в четвертом веке. Вопреки естественному человеческому праву...

Да, горько, но факт. Братоубийство стало в этой стране, я бы сказал, бытовым явлением. Высшие нравственные ценности смещены и извращены. Бог забыт. "Белый Георгий" — символ Грузии — весь в крови. Кровь высохла и почернела. Черны лица грузин. Черный всадник на черном коне несется по Грузии. И там, где он появляется, властвует смерть. Однако торжествующие властолюбцы и поверженные посткоммунистические правители почему-то называют это борьбой за демократию. Но демократия и смерть — вещи несовместимые. Как Бог и дьявол, как жизнь и нежизнь...

"Кто мы и куда идем?" — эту фразу из романа "Дата Туташхия" выпускники группы телережиссеров Тбилис-

ского театрального института взяли для названия своей документальной ленты.

— Что вы — бараны, чтобы за кем-то идти? — удивляется лидер “Мхедриони” Джаба Иоселиани. — Идите вон за трамваем!

— Джаба Константинович, да ведь свыше двухсот молодых смертей! — вскрикиваю я. — Вам надо в монастырь идти и каяться!..

Джаба смеется:

— Жертв могло быть и больше. Это все по вине Гамсахурдиа. А ребята погибли за демократию. Сознательно!

— Какую демократию? Под дулом автомата?

— Погодите. Такой вариант ждет и Россию, — угрожающе говорит Джаба и встает.

— Никогда! — вздрагиваю я. — У нас еще не совсем крыша поехала.

Пятеро обросших щетиной телохранителей с короткоствольными автоматами наступают на меня: уходи, у Джабы больше нет времени, он же тебе сказал: приходи во вторник, два часа обещал посвятить, ишь, пробрался из какого-то журнала аппарата бывшего президента бывшего СССР...

Бывшие не в счет. Уважают тех, у кого власть и автомат наперевес. Уважают силу. Здесь она царствует.

Батоно Джаба, профессор, драматург, отсидел большой срок за соучастие в убийстве (он не убивал, он просто держал старого еврея). Его боготворят. Он не кланяется пулям, потому что он имеретинский князь, а теперь глава “Мхедриони” — десятков тысяч вооруженных автоматами грузин, среди которых добрая половина бывших или сбежавших уголовников. Джаба — “крестный отец” грузинской демократии. Он сверг Гамсахурдиа.

НОЧЬ В “ОСОБО ВАЖНОМ”

Перед отъездом я заходил в постпредство Грузии в Москве. Секретарь посла тогда возмущалась материалами, публикуемыми в центральной прессе. “Никакой любви к Грузии в них нет! — негодовала она. — Возьмите хотя бы последнюю статью в “Собеседнике”. А заместитель постпреда Вольский, назвавший Тбилиси “несмеющимся городом”, вначале потребовал от меня официальную бумагу на имя господина Чхеидзе, а потом, смягчившись, все же обещал помочь. Но самого элементарного содействия ни от постпредства, ни от МИДа Грузии я так и не получил, хотя все было обещано

и согласовано. Потом убедился: был бы американским журналистом, они бы мне ковровую дорожку постелили. Однако я не в обиде — подумаешь, две ночи не спал.

Около двух часов пополудни самолет сел в Тбилисском аэропорту. Гололед, снег, ветер. Комендантский час. Аэропорт не отапливается. Депутатский зал, куда мне велели обратиться, закрыт. Иду пешком до "особо важного" (аэропорт международных линий). Он пуст, от ветра скрипят двери, холод собачий. Изредка появляющиеся из-за углов автоматчики о мидовской машине ничего не знают, хотя я слышал по телефону из Москвы, как заказывали на нее пропуск в МВД. "Наверное, бензин нету", — хмуро пробормотал один из охранников и посоветовал обратиться в уголовную комнату.

Дверь открыл майор милиции с автоматом, пригласил войти. В комнате чуть теплится обогреватель. На стульях и креслах — автоматическое оружие. Заросший грузин спит на диване, отцепившаяся кобура с пээмом болтается у пола. Сквозь окна свищет ветер, отверстия от пуль заткнуты бумагой. Бедро грузинки на чеканке, некогда украшавшей этот зал для официальных гостей, прострелено.

Майор, старший преподаватель высшей школы национальной безопасности Юрий Борисович Дьячков-Думбадзе, интеллигентный человек. Его подразделение из слушателей школы уже второй месяц охраняет аэропорт. Он подливал мне горячего чаю, рассказывал о кошмарной ситуации в республике. Писать стало нечем — паста в ручке замерзла. Я включил диктофон.

— Самое страшное, что врага не видишь. Сначала врагами были русские и прочие негрузины. Потом среди грузин пошло расслоение по религиозно-этническому признаку, чистоте расы. Сваны и мингрелы стали высшим цветом нации. Потом началась война и между ними. Даже мне, прожившему в Тбилиси всю жизнь, совершенно непонятно: как может президент подстрекать народ к взаимному истреблению?

— А с чего началась шовинистическая политика Гамсахурдиа?

— Сперва всех осетин стали гнать с работы: в районе, в городе, хороший человек или плохой — неважно. Езжай, куда хочешь. Выехали очень многие. Потом стали убирать людей из центрального аппарата МВД, где министром был Хабулиани. Убрали все самые светлые

головы, со связями, стажем, опытом. Я очень сожалею, что из Грузии выехало огромное количество русских ребят — отличных специалистов. Взять хотя бы 31-й авиационный завод и другие, где нужны высококлассные станочники. Среди них грузин было очень мало. В основном это русские ребята, у которых генетически заложено условие существования — жить, чтобы работать. А характер грузина иной: хорошо провести время, поработать для того, чтобы жить. У кавказских людей, да и южных народов вообще, там, где намного легче достаются продукты питания и многое другое, совершенно другая психология. Видимо, на этом и грузинское гостеприимство основано — почему бы не угостить, когда есть чем. Словом, этих специалистов-работяг негрузин у нас было больше. В сельском хозяйстве, как ни странно, азербайджанцы более работоспособны, чем грузины. Я имею в виду районы, прилегающие к Азербайджану, где их сравнительно много. И здесь возникла проблема с приватизацией.

— Гамсахурдиа ее увязывал с законом о гражданстве?

— Да. Все делалось для того, чтобы ни земля, ни какая-либо другая собственность не могли попасть в руки негрузин. Неважно — работаешь ты на ней не разгибаясь и кормишь людей, или паразитируешь. Важно, что ты чистокровный грузин.

— Это же настоящий фашизм!..

— В том-то и дело. Звиад очень долго мудрил с гражданством. По первоначальному проекту он предполагал предоставить грузинское гражданство всем жителям республики, родившимся в Грузии до 1921 года, и их прямым потомкам, потом всем, кто докажет, что их родственники жили до 1801 года, когда царским манифестом Грузия была присоединена к России, потом до 1783... В некоторые районы он начал переселять сванов для их грузинизации. Естественно, это повлекло за собой конфликтные ситуации с местным населением. И дело даже дошло до того — совершено преступление, все хорошо знают, кто и что, но из-за того, что он сван, никаких мер не принимается. В Тбилиси, например, я провожу ночной рейд и останавливаю машину для проверки. А из нее выскакивает водитель и кричит: "Что ты от меня хочешь? Я сван!" И все. Это было как пропуск, потому что за этим стоял Хабулиани, сван по национальности, собравший вокруг себя таких же сванов. Они прямо-таки беспредел в городе творили. Даже во время рейдов они и с нашими людьми переходили

в рукопашную. А однажды напали на наших ребят, разбили одному лицо, отобрали у него пистолет и уехали. Министр на следующий день возвращает это оружие начальнику райотдела, на территории которого все это произошло, и не возбуждает уголовное дело. После этого наши отказались выходить на службу. И когда через несколько дней начался конфликт с домом правительства, в котором постоянно находились 60-80 человек нашей школы, мы не сделали ни одного выстрела. Я вывел свое подразделение подземными ходами, потому что все мои люди наотрез отказались участвовать в стрельбе и защите президента и его министров, которые элементарно не давали нам возможности выполнять свои служебные обязанности.

— И что вы думаете о 16-тидневной войне?

— Я уже говорил, что главное в ней то, что врага не видишь. Я живу в двух кварталах от Дома правительства. Мой дом переходил из рук в руки — то красные, то белые... И с одними я в хороших отношениях — заходили ко мне чаю попить, потому что холодно на улице, мороз... И других подкармливал. Молодые ребята. И одних знаю, и других... Ну кто для меня враг? И они же знают друг друга хорошо! Так же мне было непонятно происходящее в Осетии. Полгода я провел в Цхинвали. Полгорода знал в лицо, со мной здоровались, были в очень хороших отношениях. И что же, после этого я должен был по команде "Фас!" прыгать на этих людей?

— Так кто же воюет в Осетии?

— В основном мингрелы. Самая криминогенная часть грузинской нации, так называемая "голубая кровь" ее, "высшая раса". Это уроженцы Зугдиди, Гали, Очамчиры и почти всех абхазских районов. Кстати, Гамсахурдия тоже мингрел, а защищал Дом правительства зугдидский батальон национальной гвардии — почти все мингрелы. В Горийском районе, например, есть село Руси. Так в нем вы не найдете ни одной семьи, члены которой не сидели бы в тюрьме или не "гастролировали" где-нибудь в России. Сейчас мингрелы "специализируются" в основном в своих регионах и прежде всего в Осетии. Был период, когда председателем комитета национальной обороны и правопорядка был некий Важа Адамия. То, что его команда творила в Осетии, — уму не постижимо. Я видел, как самосвалами трупы сбрасывали в яму и закапывали. После этого я без оружия полгода во двор не выходил. Полгода из рук автомат не выпускал. Еду по городу в

машине — автомат на переднем сиденье. Даже когда еще в Тбилиси тихо и спокойно было. Они знали, что я кое-что видел, и подсылали, проверяли, перепроверяли: скажу — не скажу? Но я делал вид, что ничего не знаю. И поэтому я с вами сейчас и разговариваю. Были все сто процентов, что меня отправят на тот свет. Это очень жестокие люди. Хотя среди них не только мингрелы были. Там были и сваны. И небезызвестные братья-рецидивисты Ростомияни. Они по министерству внутренних дел как по своей квартире ходили. К министру в кабинет ногой дверь открывали. Я иной раз в штатском туда захожу, так у меня документы требуют. А эти — как хозяева. Заходят к Хабулиани и свои дела решают при его непосредственном участии, руководстве. Я не забуду, как Важа пытался спровоцировать усиление конфликта, когда мы в Цхинвали в составе тринадцати человек попали в заложники в бывшем здании МВД. И сложилось так, что мы уже видели и принесенные гранаты, и бутылки с бензином. Тысяч пять человек окружили здание... Но связь еще была, еще не прервали, она была прямая, мимо них проходила. А свет уже отключили, рации не работали. Но мы дозвонились до Гамсахурдиа и Адамиа. Спрашиваем: что нам делать? А они: "А что у вас есть, чем располагаете?" Мы ответили, что пистолеты есть у каждого. И они отдают приказ: "Используйте!" Пять тысяч человек, женщины и дети. И не так уж много мужиков. Значит, мы должны были стрелять, чтобы нас затоптали или убили... И мы поняли: Гамсахурдиа и Адамиа нужен был инцидент с жертвами, чтобы потом заявить: вот видите, что происходит, наших людей убили! Так что я несколько раз уже был потенциальным покойником. Может быть, вы слышали, что, дескать, осетины поймали четырех грузин, убили и сожгли? А я точно знаю, что это сделали свои и даже знаю кто... И сожгли не так, как утверждалось, что бензин с машин слили, масло, облили и подожгли. Сожгли огнеметом. Я был через два часа на месте, и я знаю, какие следы остаются от огнемета. Тела были обожжены только с одной стороны... Представьте себе, когда человека обливают и он лежит в горячей луже, то как у него не обгорит спина и бок? А сколько раз меня сам министр подставлял. Лично вызывал и просил: тяжелая ситуация, поезжай туда, разберись. А там меня уже ждали. Видимо потому, что я никогда не доверял ему, и жив остался... — И сколько этот кошмар будет продолжаться?

— До тех пор, пока жив Гамсахурдиа.
— Ну, а если он отречется от власти?
— Этого никогда не будет.
— Почему?
— Потому что его жена Манана заявила, что, если он это сделает, она в тот же день убьет детей.

— Так она ненормальная?

— А он нормальный?.. Я очень хорошо его знаю. Одно время ходил к нему в гости, он у меня бывал дома. Но тогда он был не таким. Правда, замкнутый какой-то, женщины от него шарахались. А как стал президентом — совсем свихнулся. По-русски вообще ни с кем не разговаривал, ни одной бумаги на русском не читал. Поначалу я очень удивлялся: смотрит на меня в упор — ни “здравствуй”, ни “до свидания”. Потом дошло: я же чистый “ариец”. А последний раз я со своими людьми попал на охрану его дома. Стою на крыльце, он мимо меня прошел, как мимо дерева. Потом окно открывается, и его сын мне под ноги куриные кости бросает: жри, мол, собака, и знай свое место. У меня даже в глазах потемнело. Так вскипел, что даже затвор на автомате передернул. Пришел к Кванталиани, заместителю министра внутренних дел, сейчас он зампредседателя КГБ и начальник нашей школы, и сказал: заberi меня оттуда, иначе я не знаю, что могу сделать; когда я взрываюсь, сам себя боюсь. Хорошо, Кванталиани, умный мужик, сразу все понял и перевел меня на другой объект. Больше я с этим шизофреником не встречался. Хотя когда-то он мыслил своеобразно и умел воздействовать на толпу. Но ближайшее окружение и сильное влияние жены и ее сестры сделали его идиотом...

К утру мы выпили с Дьячковым-Думбадзе целый чайник. Однако холод брал свое. Я продрог до костей. Больше всего хотелось спать — все-таки вторые сутки на ногах.

Мы перебрались в комнату, где дышал на ладан обогреватель. И хоть толку от него было мало, здесь было поживее. Появились люди, уже который день ожидавшие самолета в Западную Грузию. На машинах и автобусах ехать бояться — обстрелы и грабежи. На железной дороге — взрывы. Хмурые, неприветливые, обросшие щетиной люди убирали автоматы со стульев, печальными глазами поглядывали в мою сторону. Узнав, что я из Москвы, сидящий у обогревателя мужчина оживился:

— Как доехал сюда?

— Доехал вот...

— А у меня жена с дочкой полтора месяца в Москве сидит, выехать не может. А если сюда прилетят, как до Кутаиси ехать? Плохо теперь в Грузии. Холодно, кушать нечего.

Пришел мой майор, удивительно светлый человек, словно посланный мне Богом в преддверии раненой Грузии, посадил меня в милицейскую машину с замерзшими окнами. Впереди были руины, горе и слезы тбилисцев да кучки расхристанных парней с двойными рожками на “калашниковых”.

ТБИЛИСИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

“В результате военных действий, развернувшихся в центре города, погибли люди, разрушены дома, огонь унес нажитое десятилетиями. 260 семей остались без крыши над головой — это 780 человек.

Нас, погорельцев, условно именуют жителями “прилегающей к Дому правительства территории”. Мы же считаем себя непосредственными участниками вооруженного столкновения, ведь оказались под двойным обстрелом воюющих сторон.

Сколько произошло трагедий... Заживо сгорел отец Ги Абашидзе. Его невозможно было вынести — дом находился под обстрелом. Огонь унес жизнь Бабилины Хахубия, когда она вернулась в дом за своими скромными сбережениями. Отец двоих детей Мираб Ростиашвили ранен в легкие.

Конечно, помощь поступает. Но разве можно укрыть шестерых одним одеялом?

Мы живем в цивилизованном государстве и вправе требовать от него обеспечить нас квартирами, получить компенсацию за нанесенный ущерб: потерянную мебель, машины, все то, что копили многие годы.

Н.Чохонелидзе, Т.Ломтадзе,
Р.Читиашвили, М.Кварацхелия,
И.Бочарова, К.Барсегов и другие”.

Таких писем немало в редакциях газет, телевидения в мэрии. Вместе с тем власти выражают беспокойство по поводу самовольного вселения 60-ти семей, оставшихся без крова во время декабрьско-январской войны, в новые квартиры. Погорельцы мешают директорам гостиниц. Те, в свою очередь, предлагают переселить всех в коттеджи в Минглиси, Коджори, Цхваричамия. Но там

возникнут те же сложности: отсутствие воды, тепла, электричества, транспорта...

В гостинице "Аджария", куда мне удалось поселиться по командировочному удостоверению, ничуть не лучше. Отопление выключено, мокрую обувь высушить негде, пару раз пришлось умываться снегом. Спать приходилось в пальто — одеяла якобы розданы погорельцам. Поди проверь. Где горе, страдания, там нажива и зло.

В метро толпы людей, все надписи только по-грузински. Хоть бы на английском или немецком указатель какой-нибудь. Наземный транспорт практически не функционирует: для автобусов нет бензина и цена на проезд — 2 рубля, троллейбусов почти не видно — отключена электроэнергия. Самый надежный способ передвижения — на своих двоих. По снегу и лужам. В подземном переходе — обгоревший "Мерседес". Как он сюда залетел, вообразить трудно.

Центр города... Говорят, тбилисцы, пришедшие на проспект Руставели после окончания войны, плакали. И есть от чего. Несколько лет назад, когда в издательстве "Мерани" выходила моя книжка, я так любил бродить по этому городу. Особенно по проспекту Руставели. Весь залитый разноцветными огнями и улыбками, музыкой и смехом, мне он казался одним из лучших европейских проспектов. В нем было что-то от Испании, Италии и что-то такое, чего не найдешь ни в одном городе мира. Здесь жила душа самой Грузии. А теперь...

Теперь он варварски разрушен. Самими же грузинами. Опьяненные Сатаной дети изуродовали отчий дом. Чернеют руины гостиницы "Тбилиси", архитектура которой была отмечена серебряной медалью на всемирном конкурсе в Париже. Среди жертв — Дом художника, Картинная галерея, кинотеатр Руставели, Дом связи, первая школа... Изрешеченная пулями красивейшая Кашветская церковь, выбиты стекла и витрины, искорежены элементы архитектурного декора у здания оперы, театрального института, театра Руставели, городской мэрии, Русского Драматического театра, от целого жилого квартала — груды обугленных кирпичей...

Перехожу дорогу у "Грузинформа". Кварталом выше от проспекта горит Академия художеств. Кучка прохожих грустно смотрит на клубы дыма.

У развалин рычит экскаватор. Оставшиеся без крова люди следят за его ковшом — вдруг попадетя уцелевшее

добро. Неподалеку — сидящий на чемодане малыш обнимает обгоревшего плюшевого мишку.

— Наш дом оставался нетронутым до последнего дня, — говорит Михаил Цинцадзе. — Зажигательный снаряд поджег его, и он сгорел минут за двадцать. Мы с женой успели выскочить. В чем были, в том и остались. Сколько лет собирали, годами копили, все прахом. Сейчас хожу по улицам и во время стрельбы даже не пригибаюсь. Убьют — ну и хрен с ним. Что это за жизнь, чего она стоит!..

Рядом, у уцелевшего магазина, женщины. Одна чуть не плачет. На прилавках только спички по 60 копеек и маленькие пачки чая по 20 рублей. Говорят, иногда привозят сливочное масло по 250 — 400 рублей за кг. А зарплата, знаю, у них еще “павловская”, и никаких компенсаций.

— У меня четверо детей, — говорит всхлипывающая женщина. — Младшему — два с половиной. Чем кормить? Бутылку подсолнечного масла почти на ведро воды развела и на нем овсяную кашу варю. Как жить дальше?

Встречаю знакомого литератора Бенна. Его жена — Ия Месхи, бывший спецкор “Огонька” по Закавказью, лежит с воспалением легких, в квартире как на улице, лекарств нет.

— Зачем ты сюда приехал? — недоумевает он. — Видишь, что натворили. И все архивы пожгли. Я собирал документы по истории Грузии 20-30-х годов и, что не использовал в своей последней книге, сдал туда. А теперь они ко мне сами обращаются: может быть, у вас что-то дома осталось?

— Так что же произошло, Юрий Иванович?

— Безумие, дорогой. Иначе никак не назовешь. Памятник Гоголю свалили. Вон, напротив, в Александровском садике. Ну, а рядом надгробие члена ЦК — приехал, понимаешь ли, один еврей с Берией работать. Так стреляли в Берию, а попали в него, и здесь с почестями похоронили. Его памятник — не тронули. Кто такой Гоголь, не знали. Видишь, уровень звонков? Свою историю не знают. Вместо коммуниста Гоголя поломали.

— Как же вы тут живете?

— Лучше не спрашивай. Русскую редакцию в “Мерани” разогнали. Ты, кстати, туда зайти в бухгалтерию. Тебе гонорар за грузинский перевод повести не присылали?

— Договор получал, а деньги нет.

— Ты зайди, потребуй. А потом — ко мне. Хоть горячего поешь.

В издательских коридорах мрак, уже какой день нет света. На ощупь нашел бухгалтерию. Я и забыл, хорошо, что Бенн напомнил.

— Что ты, дорогой! — восклицает бухгалтерша. — Деньги совсем нету. Тут за октябрь больному писателю-старiku просили. Директор бумаги все написал — нету...

Этажом выше редакция "Свободной Грузии". Тоже номер никак не выйдет — из-за отсутствия электроэнергии. Смотрю последние гранки.

"...На нашей улице давно уже не зажигают ночных огней. А оттуда, с развилки дорог, где стоит комендантский патруль, глубокой ночью слышны выстрелы. Кто в кого? Этот звук выстрелов стал привычным. Нечто дикое приключилось с народом, который умел любить и радоваться жизни...

Лиана Джанилидзе".

"В то время поплыл с постамента памятник Николая Васильевича Гоголя, говорят, до этого сбивали с фамилии его инородный мягкий знак, бомбили ставший вдруг заметным длинный нос, говорят, министерство культуры само убрало его подальше от греха. Так вот, тогда же нависла угроза над Смирновским домом, уже несколько лет звавшимся Пушкинским. Не кооператив, не модная фирма, не лавочники покушались на него, а Союз писателей, тогдашний, и дознание с пристрастием велось их собратом: об имперских амбициях поэта...

Лили Оганезашвили".

Вот так. Каких-нибудь два месяца назад "Свободная Грузия" рабски лизала.. Гамсахурдиа, теперь та же "Свободная Грузия" его изничтожает. Кто следующий? И о какой свободе говорить, когда эти люди, кажется, лишены внутренней свободы? Они еще не могут нормально жить. Несчастное поколение, оно способно или бить или унижаться... Но все же на сегодняшний день главное зло — Гамсахурдиа. Еще кровоточит Грузия. Еще даже нет рубца на трещине сердца нации. И ей требуется время для того, чтобы осмыслить и понять, что произошло с ней вчера и как она оказалась на краю гибели.

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ЗВИАДИАДА

Феномен Гамсахурдиа займет в истории Грузии одну из ее самых черных страниц. Его появление на этой земле было фатальной неизбежностью, обусловленной историческими процессами трагикомедии “Сакартвело XX века”, написанной сразу набело самой жизнью. Много известных миру людей рождала грузинская земля. Одни свой талант обращали в добро, другие во зло. Гамсахурдиа — в ряду последних. И поэтому, естественно, с патологией. Отец его, Константин Гамсахурдиа, классик советской грузинской литературы прилично “наследил” еще в тридцатые годы. Грузины большие мастера уничтожать улики, но, думаю, все-таки еще найдутся литераторы и проведут литературоведческое расследование его деятельности в нормальных условиях нормальной Грузии.

Кто вырастил Звиада? Отец? Среда? Эмигрантская литература, издаваемая “Тэтри Гиორги” (“Белый Георгий”) — грузинской крайней националистической организацией? А может, коммунисты, КГБ, ЦРУ и средства массовой информации? Все понемногу. В том числе и Шеварднадзе, высылавший его на поселение в местечко Кочубей — район пастбищ на территории Дагестана, арендуемых Грузией.

Руководитель одного из отделов “Сакинформа” Ю. Гольдман рассказывал о своих поездках в те края:

— Управляющий этих земель назначил Звиада замзавклубом. Когда мы туда приехали, его Манана нам в пояс кланялась, а сам диссидент прислуживал: тарелки менял, вино наливал. Я ему говорю: сядь, посиди, чего ты бегаешь как официант? Есть у тебя человеческое достоинство или нет? А он — на краешке стула и собачьими глазами глядит: чего изволите? Управляющий его в дальние аулы отправлял готовить стол для приема гостей. Дня за три до нашего приезда у него был полный порядок — и вино, и еда, и еще кое-что... Вот чем он в ссылке занимался. Я иной раз ребятам рассказываю, а они хмурятся: “Не болтай, он сейчас у власти, не дай Бог, вспомнит тебя!”

Как и прочая “золотая молодежь” из сынков административно-партийной номенклатуры, Звиад Гамсахурдиа никогда не знал цену хлеба. Разве что в студенческие времена. Но кто из нас не наблюдал сцену на плодово-овощной базе: сидит какой-нибудь “Звиади” на мешке картошки, потом и кровью собранной на поле, и тычет

в него ножом с садистской радостью; или с братьями затевает игру в "футбол" крупной картошкой, свеклой или кочаном капусты... А работал ли кто-нибудь из них на заводах, шахтах, приисках? Конечно, Богу Богово, кесарю — кесарево. Но поразительное дело: из "золотой молодежи" зачастую вырастают два типа людей — либо холуи, либо властолюбцы. Последние, как нередко бывает в нашей системе, на каком-то этапе своей эволюции проходили через сумасшедший дом. Этой участи не избежал и Гамсахурдиа. Удивительным образом сохранился документ, рассказывающий о его пребывании в подобном заведении.

"Стационарный"
Секретно
Экз. № 3

А К Т № 20/с

*судебно-психиатрической экспертизы на
ГАМСАХУРДИА Звиада Константиновича*

Мы, нижеподписавшиеся, 26 сентября 1977 года в Центральном ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательском институте судебной психиатрии им.проф.Сербского свидетельствовали ГАМСАХУРДИА Звиада Константиновича, 1939 года рождения, обвиняемого по ст.71 ч.1 УК Грузинской ССР. На стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в институт Гамсахурдиа З.К. направлен согласно постановления Следственного отдела КГБ при СМ Грузинской ССР от 16/VII 1977 г. в связи с сомнениями в его психической полноценности. По словам испытуемого, из материалов уголовного дела и имеющейся в нем медицинской документации известно следующее. В детском возрасте испытуемый перенес ряд детских инфекционных заболеваний, которые протекали в тяжелой форме. В последующем развитии не отставал, своевременно начал учиться в школе, окончил 11 классов, Тбилисский государственный университет. Работал затем в качестве филолога, преподавал английский язык. С 1965 года он являлся членом Союза писателей Грузии. В 1956 и 1958 гг. ис-

пытуемый привлекался к уголовной ответственности (ст. 58-10 и ст. 75 ч. II УК Груз. ССР). В материалах уголовного дела имеется история болезни № 1056 Республиканской клинической психиатрической больницы, в которой указано, что Гамсахурдия с 1956 г. проявлял странности в поведении и лечился у психиатров. С 2.12.58 г. по 27.01.59 г. он проходил стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Республиканской клинической психиатрической больнице г.Тбилиси. Эксперты-психиатры пришли к заключению, что Гамсахурдия З.К. представляет собой глубоко психопатическую личность, "в прошлом перенес шизофреническое состояние". Во время совершения правонарушения признаков временного болезненного расстройства душевной деятельности не обнаруживал, находился в состоянии простого алкогольного опьянения. После совершенного правонарушения перенес реактивное состояние. С 1975 г. испытуемый работал старшим научным сотрудником в НИИ литературы. Испытуемый сообщает, что с 1970 г. у него появились мысли о преследовании его органами КГБ. После смерти близких родственников стал подозревать, что вся его семья и он сам находятся под воздействием "микроволновой радиации". С 1972 г. начал писать заявления в следственные органы, в которых требовал "расследовать дело с облучением" (заявление испытуемого в уголовном деле). В процессе следствия по настоящему делу, он отказывался отвечать на вопросы, давать показания по делу, заявляя, что его хотят отравить "канцерогенными веществами". При обследовании в Институте обнаруживается болезненность при пальпации в правом подреберьи. Печень несколько увеличена. Нервная система — определяется вегетативная дисфункция. Психическое состояние. Испытуемый формально правильно ориентирован в окружающем. Понимает цель обследования его в институте. При беседах с врачом он заметно насторожен, недоверчив. Наряду с этим довольно активно говорит о преследовании его сотрудниками КГБ, заявляет, что с помощью специальных аппаратов его дом и он сам подвергались "облучению" радиоактивными вещества-

ми. На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что для решения вопроса о психическом состоянии и вменяемости испытуемого срок его обследования в Институте следует продлить.

Председатель комиссии: психиатр-эксперт
профессор Т.Н.Печерников

Член комиссии: психиатр-эксперт М.Я.Тальке

“Докладчик” психиатр-эксперт, ст.научн. сотрудник
Л.И.Табакова

Отпр. 3 экз.

1-й в След. отд.КГБ при СМ Грузинской ССР

2-й в ист.бол.

3-й в личное дело”.

Вопреки слухам о том, что Гамсахурдия чуть не полжизни провел в заключении (особенно усердствовали на этот счет радиостанции “Свобода”, “Голос Америки”, “Немецкая волна”, а я знал некоторых их информаторов и знаю, на что они способны), его бывшие друзья-диссиденты определяют этот срок в полтора года, включая психбольницы и ссылку. Я говорю — бывшие, потому что в 1978 году Звиад публично покаялся и предал всех своих друзей по правозащитному движению. Остается предположить, что это было результатом того “радиоактивного облучения”, осуществленного КГБ Грузинской ССР, которым тогда руководил Эдуард Шеварднадзе. После воздействия “микроволновой радиации” у будущего Президента Грузии даже появилась мания преследования — благоверной Манане приходилось водить супруга в туалет, а митинги он наблюдал с помощью бинокля или из телефонной будки, убеждая, что он на прямом проводе с Лондоном или Нью-Йорком и от него ждут оперативной информации...

Его соратники рассказывают, что Манана нередко избивала своего супруга. Мне показывали женщин, “спасших” будущего первого президента республики. Одна, прикрыв собою Звиада, получила веником по голове, другая повисла на швабре, занесенной над его головой. Разгневалась Манана из-за того, что в ее дом явилось слишком много гостей на день рождения супруга.

Бывшие диссиденты — члены общества имени Ильи

Чавчавадзе — как-то решили навестить собрата, объявившего очередную голодовку протеста. Дверь долго не открывалась. Но уже в прихожей чувствовался запах харчо из кухни, где хозяйничала Манана. А самого Звиада удивленные друзья нашли под кроватью. “Ты чего туда залез?” — удивились они. “Моя квартира, где хочу, там и сижу!” — рассердился на неожиданных гостей хозяин.

Каким образом такой человек мог прийти к власти? Этот вопрос не давал мне покоя. Но вскоре ситуация прояснилась.

Он устраивал тогдашних руководителей Грузии: захотели демократию — получайте ее в лице Гамсахурдиа. Вы еще попросите нас об одолжении — занять соответствующие места в руководстве республикой. Что, собственно, и произошло.

Он выплыл на волне 9 апреля 1990 года стараниями тех, кто потом и свергал его в декабре 1991-го, январе 1992-го. Тот же Тенгиз Сигуа, нынешний премьер-министр временного правительства, был председателем избирательной комиссии на выборах президента. И он-то позаботился о том, чтобы иностранных наблюдателей привозили на нужные участки. Его близкий соратник, зашедший ко мне вечером в гостиницу, неожиданно об этом проговорился.

Развернувшаяся национал-шовинистическая истерия в 1989-90 годах экзальтировала Грузию. Постановление Верховного Совета Грузинской ССР “О заключении Комиссии по вопросам политической и правовой оценки нарушения Договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920 года”, подписанное Г.Гумабаридзе в ноябре 1989 года, декларировало однозначно: с 1783 года Россия оккупировала и фактически аннексировала Грузию. Необходимо сбросить оковы “рабства”. В первоначальной программе Гамсахурдиа был даже такой пункт: вывесить в людных местах для презрения списки с домашними адресами всех преступников — грузин, отдавших своих детей для обучения в русские школы... По всей республике стал усиленно насаждаться образ врага: все русские и прочие негрузины. А в киосках “Союзпечати” появились карты Грузии с границами 1921 года. В них территория республики включала: А) часть Черноморского побережья России, включая Сочи, до Туапсе, а также несколько российских районов, граничащих с Южной Осетией; Б) две области Западного Азербайджана; В) часть Северной Армении; Г) часть Турции.

Таким образом подчеркивалось, что врагами и оккупантами Грузии являются все соседние с ней государства, и борьба за восстановление независимой Грузии в рамках конституции 1921 года связана с возвращением исконно грузинских земель.

В акции 9 апреля приняли участие все оппозиционные коммунистическому правительству политические силы под общим лозунгом борьбы за национальную независимость. И когда возник инцидент у Дома правительства, гамсахурдисты намеренно перегородили проспект груженными самосвалами, чтобы не допустить ухода потока людей от столкновения с солдатами, чтобы столкнуть толпу и армию. Что же касается погибших, специалистами поставлен один диагноз: синдром сдавливания, связанный с сильным психическим потрясением и нарушением сердечной деятельности. Это подтвердили врачи больницы 4-го Управления Минздрава Грузии, куда гамсахурдистами направлялись группы народа для освидетельствования. "Отравленный" народ пьянствовал в больничных палатах, переломал мебель, потом по команде покинул изгаженную больницу. Факт пребывания отравленных "русским газом" в больницу состоялся. Депутаты Верховного Совета СССР от Грузии подняли такую бучу в парламенте, что на нее "клюнул" даже Андрей Дмитриевич Сахаров. Когда он приехал в Тбилиси как член комиссии по расследованию трагедии 9 апреля, его несли на руках целых два квартала. Но, увидев все своими глазами, он не проронил ни слова, а по возвращении в Москву вышел из состава комиссии. За это пришедший к власти Гамсахурдиа облил почтенного академика такой грязью, что держать в руках газету с "заявлением" Звиада просто противно. Но — были еще цветочки.

Как большевики в 1917-м, так Гамсахурдиа, а вслед за ним его низвержители, а за ними и Шеварднадзе часто апеллируют к народу: народ захотел — народ не захотел... Кто же такой — "народ"? Сегодня грузинский народ — заложник и жертва популизма — болезни общества, жаждущего свободы и демократии. У Гамсахурдиа популизм способствовал упрочению его социальной опоры среди рабочих и крестьян: в то время как в нашем рублевом пространстве росли цены, в Грузии стоимость хлеба падала с 1 рубля до 40 копеек, проезд в общественном транспорте — с 10 до 5 копеек, замораживались цены на мясо и молоко. Это вело к экономической изоляции, а в результате врагом объявлялся Кремль. Под

видом борьбы с происками “агентов Кремля” Гамсахурдиа запретил все политические партии и единоличным решением подчинил себе парламент, низведя суд до регистратора политзаключенных в качестве уголовников. “Это был маленький сталинизм, — утверждал Джаба Иоселиани, — но ему не дали стать диктатурой”.

Популизм и национал-шовинизм в окружении Гамсахурдиа сопровождались событиями, не укладывающимися в сознании людей. Один мой тбилисский знакомый рассказывал, например:

— В моем доме снимал квартиру человек, с которым два слова не о чем было сказать. Это был образец тупости и невежества. И вдруг его назначают префектом в один из районов республики. Мы с соседями за головы схватились. В чем дело? Оказывается, его жена участвовала в акции протеста — сидела на ступеньках Верховного суда и не пускала в двери председателя. За это и она какую-то должность получила. А каким образом Манана Дзодзуашвили стала министром здравоохранения? Для ее назначения достаточно было какого-то документа о медицинском образовании. С трудом удалось отбиться коллективу Университета от бывшей секретарши Гамсахурдиа, которую он хотел посадить ректором. Она ничего не могла в жизни, кроме как печатать на машинке чужие мысли... Но он ее настойчиво проталкивал, и, может быть, если бы остался у власти, она не сегодня завтра стала бы ректором. А как был назначен Хабулиани на должность министра внутренних дел. Как-то он возвращается домой и объявляет жене: “Завтра меня Звиادي назначит министром культуры”. А жена — хорошая знакомая Мананы — на него: “Мне не надо, чтобы ты был министром культуры, надо, чтобы ты был министром внутренних дел!” Собралась, поехала к Манане, такой шум подняла, что даже президентша испугалась: “Не кричи, дорогая, Звиادي уже спит. Будет твой муж милицией командовать. Утром я Звиادي скажу, и все будет нормально.” И точно: на следующий день объявляют по радио о новых назначениях, среди которых Хабулиани — министр внутренних дел Грузии. А министром культуры был назначен такой тип, который публично в прессе заявлял: “Да, я раб Гамсахурдиа и делаю то, что угодно моему господину!” Он-то и давил на Католикоса-Патриарха, требуя, чтобы тот немедленно причислил к лику святых президента и его сына...

Дорвавшийся до власти Звиад щедро одаривал сорат-

ников чем мог. Например, дочери известного диссидента Ошария, сбежавшего за границу и работавшего на радиостанции "Свобода", он сразу подарил новую "Волгу" и четырехкомнатную квартиру. При этом, разумеется, не обижал и себя: два бронированных "Мерседеса", приобретенных за полмиллиона долларов, он оформил на себя и на имя своей супруги, которая тоже развернула бурную деятельность (это по ее распоряжению из столичного зоопарка были тайно перевезены экзотические животные в специально подготовленные вольеры на территории правительственной резиденции. К сегодняшнему дню животные возвращены в зоопарк, но не без потерь: не выдержал мытарств переезда тигренки). Подачками из государственного кармана и щедрой раздачей должностей "царица" Манана создала свой боевой отряд для морально-психологического давления на врагов семьи. В Грузии его называют

"ЧЕРНЫЕ КОЛГОТКИ"

Это несколько сот экзальтированных женщин в возрасте около 50 лет, преимущественно незамужних или разведенных, среди которых немало учительниц грузинского языка, экскурсоводов, секретарей-машинисток, администраторов гостиниц, продавщиц, телефонисток... Когда надо было оказывать давление на строптивых депутатов из оппозиции Гамсахурдиа, они разбивали палаточный городок у Дома правительства и ждали команды Мананы по правительственному телефону, соединенному "полевиком" со штабом-палаткой. Они кидались на депутатов, сбивали их с ног, скандируя: "Звиади!" Когда намечалась широкомасштабная акция, десятки автобусов с "черными колготками" съезжались в Тбилиси со всей Грузии, в основном из западных районов и Абхазии.

Среди них встречались и представительницы интеллигенции, даже известные в Грузии актрисы. В своих выступлениях на митингах в поддержку президента они доказывали всем, какой он хороший. Для тбилисцев были полной неожиданностью слова одной известной особы: "Звиаду совсем не нужна интеллигенция — он сам слишком интеллигентен!" А другая заявила еще похлеще: "Он не может быть тираном, потому что перевел на грузинский великого Бодлера!"

По информации, анонимно предоставленной мне из спецслужбы республики, на митингах в поддержку Гамсахурдиа собирались огромные суммы денег, и сборщики, сносившие их на определенные квартиры, за которыми

уже велось наблюдение, получали “жалованье” от 350 до 400 рублей в день. Из этой суммы выплачивался “гонорар” ораторам — 2-3 тысячи рублей за выступление — и голодающим — 150 рублей в день. Национальный психоз, нагнетасмый “черными колготками”, к концу прошлого года дошел до апогея. В кампанию включилась и Лели — сестра “царицы” Мананы. Она-то и спровоцировала первые выстрелы...

— Митинговали по обе стороны улицы, перегороженной баррикадой, чтобы не допустить столкновения, — вспоминал грузинский журналист Ю. Гольдман. — И те и другие открыто призывали к войне. Конечно, и я был на стороне оппозиции, потому что откровенный фашизм уже невозможно было терпеть. Мои подчиненные, ливотики-машинистки, говорили только на грузинском, швыряли листки прямо мне в лицо, словно подчеркивая: скоро и тебя, еврея, к ногтю. Мне стало страшно, и я не знал, куда деваться. Озверение достигло крайних форм. Вот-вот начнется...

И началось! Едва открыли стрельбу, Гамсахурдиа велел раздавать своим защитникам по мешку сахару из подвалов Совмина, где была складирована вся гуманитарная помощь, направленная из-за рубежа в пострадавшие от землетрясения районы Грузии (кстати, ничто из присланного так и не попало по назначению). А миллионы банок пива были оптом проданы кооператорам...

“ПУТЧ ХУНТЫ УГОЛОВНИКОВ” ИЛИ “ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ”?

Нелегитимная власть всегда вызывает неприятие. Во все времена. Талейран досадовал: штыком можно сделать все, но на нем очень неудобно сидеть. Тем не менее нынче Военный Совет устроился неплохо. Это объясняется тем, что Гамсахурдиа настолько дискредитировал себя, что его феномен законно избранного президента уже мало кем воспринимается всерьез. Судите сами.

В письме, адресованном Борису Ельцину, он выражает недоумение: “Что заставило вас занять враждебную позицию по отношению к избранной народом власти и молча признать хунту уголовников, которая пытается насильственно захватить власть и объявить себя правительством Грузии?” Он прямо заявляет, что оружие свергнувшей его оппозиции поставлял и поставляет Закавказский военный

округ по приказу президента России. Гамсахурдиа считает, что налицо вторая оккупация Грузии, которая осуществляется не коммунистической, а демократической Россией посредством наемных банд псевдоопозиции, бывших советских воинов.

Однако, как известно, ни один солдат в боевых действиях участия не принимал. Свергали Гамсахурдиа им же сформированная национальная гвардия во главе с Тенгизом Кетовани (которую сам Гамсахурдиа пытался незадолго до событий разоружить с помощью той же Советской Армии) и вооруженные отряды “Мхедриони” (всадники), насчитывающие еще до избрания Звиада президентом более 15 тысяч человек. И вооружал их сам президент (оружие свозилось со всей страны и приобреталось через депутатов парламента, на что было потрачено, по некоторым документам возбужденного уголовного дела, более 5 миллионов рублей). Кроме того, отдельные гвардейцы приобретали оружие “своими каналами”: автомат Калашникова стоил год назад 25 тыс. руб., в декабре уже 100 тыс.

Наблюдатели определенно заявляли, что финансировали и поддерживали вооруженную оппозицию в Грузии две мощные силы: мафия и бывшая партийная номенклатура. Джаба Иоселиани свою связь с мафией не отрицал, а коррумпированные элементы прежней коммунистической номенклатуры достаточно прочно срослись с “новыми богатыми” (кооперативами, СП, коммерсантами), традиционно тяготевшими к российским рынкам, а вот их-то, рынков России, и собирался лишить Гамсахурдиа. Объявленный им смертный бой “империи” вошел в полное противоречие с устремлениями молодой грузинской буржуазии. Все это верно: легализовавшиеся партийные функционеры и теневики, наконец-то отбросившие декорации из коммунистических идеалов, оказались блокированными политикой самоизоляции Гамсахурдиа. Она препятствовала в главном — ограблению народа, для осуществления которого им представилась редчайшая в истории возможность (перестройка, начатая Горбачевым, взяла курс от “развитого социализма” к дикому капитализму). Настало золотое время для разбойных натур, в высшей степени деятельных и постоянно ищущих случая утвердить свое господство в какой-нибудь из форм справедливости. Такой натурой оказался Джаба Иоселиани, заключенный Звиадом в тюрьму как особо опасный государственный преступник...

“Джаба — это вор в законе... Главный грузинский

мафиози!.. "Крестный отец" мафии!" — убеждали меня сторонники Гамсахурдиа, собиравшиеся каждую субботу на привокзальной площади.

"Джаба — это настоящий мужчина! Человек необыкновенного мужества и смелости, — утверждали другие. — Когда мы выезжали в Западную Грузию, он шел на пули впереди гвардии! А звиядисты, бросая автоматы, разбегались в разные стороны. Это очень одаренный человек, который может говорить на любых уровнях. Он профессор и драматург, в театрах идут его пьесы. Еще в тюрьме он написал роман "Страна Лимония".

В том, что этот человек умен, я убедился, встретившись с ним в обширном кабинете на 5-м этаже бывшего здания ЦК Компартии Грузии. И, сдается мне, сценарий "демократического восстания" был написан им тоже в тюрьме. Ибо другого времени не было. Все остальное было бы либо путем, либо дворцовым переворотом. Либо заговором с целью свержения законно избранного президента... Надо было "поднять народ", пролить кровь, создать имитацию восстания хоть в каком-то соответствии с нормами международного права.

Ну и что, что погибли люди?! В борьбе за свободу во все времена проливалась кровь. Это естественно... Уставом же ООН узаконено право народов получать поддержку против мер, к которым прибегает власть в целях подавления права на самоопределение и почти узаконено право сопротивляться подобной власти. Всеобщая Декларация прав человека, в конце концов, признает такую форму сопротивления, как восстание. В ее преамбуле записано: "...необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения".

Грузинский народ был вынужден прибегнуть именно к этим крайним мерам, потому и разразилось народное восстание... Такова правда сценариста Иоселиани! Она ныне почти органично соединилась с правдой жизни. К ней, кажется, не подкопашься. Ее можно или принять, или не принять...

Я не принял. И прямо сказал ему об этом.

— Если я буду говорить о том, что мне понятно, вам это не будет понятно, — сказал он после небольшого раздумья. — Все будет выглядеть иначе, чем вы себе представляете. Наша сущность совсем другая, чем ее

представляете себе вы — писатели и журналисты. Выводить ее из одних рассказов — дело безнадежное. Это все надо прочувствовать, пережить.

— Вы знаете, со стороны кажется, что грузины деградировали как нация. Рвутся социальные связи. Теряют устойчивость личности, превращаясь в каких-то оборотней. Истребляют друг друга в братоубийственной войне, разрушают свои национальные святыни, церкви, памятники архитектуры, школы...

— Это совсем не так. Дело в том, что мы — единственная страна, которая не потерпела диктатуры более 6-ти месяцев. В другой стране это могло продолжаться годы. Это — главное! Тем более после такого коммунистического рабства. В этом, если хотите, наша “дикость”! И если бы мы не предприняли это сейчас, мы в будущем понесли бы гораздо больше жертв. Это надо очень хорошо освещать и хорошо подавать народу. Потому что народ еще в рабстве, он все еще ищет себе диктатора. Я это хорошо узнал, когда ходил пешком по грузинским селам в районах Ланчхути, Кутаиси. Я беседовал с людьми, и они со мной соглашались. Публиковал статьи еще полтора года назад, предсказывая в них те события, которые происходят сейчас. У меня тогда спрашивали: что делать, за кем идти? А я говорил: ни за кем не надо идти, как баранам. В грузинском языке есть игра слов, смысл которой в том, что если кому-то не удается за кем-то идти, то пусть он идет за трамваем. И народ пошел за трамваем Гамсахурдиа, остановившись у самой пропасти.

— Когда вы пришли к мысли, что Гамсахурдиа надо убирать с политической сцены?

— Я воюю с ним с тех пор, когда он публично покался и предал своих друзей. Наиболее активно — последние полтора года, особенно после его прихода к власти. Возглавляемый мною “Мхедриони” в то время имел возможность с помощью силы устранить с политической арены Гамсахурдиа, но я не хотел проливать кровь собственного народа. Я для себя решил: лучше буду сидеть в тюрьме, пока он у власти. Такого мнения я придерживался и в первый день кровопролития, когда мне предложили выйти на свободу из тюрьмы, куда меня упрятал Гамсахурдиа. Но когда стало ясно, что он не согласен уйти малой кровью, я написал заявление на имя начальника тюрьмы, что с приходом новой власти по первому же требованию займу место в камере. Что касается демократического президентства, то его

просто не было. Он узурпировал все, без угрызения совести заявляя: "Закон — это я". А ведь придя к власти, упирал на верховенство Декларации ООН о правах человека. Власть своими действиями не должна привести народ к вооруженному восстанию!

Более обстоятельную аудиенцию Джаба Иоселиани обещал мне во вторник. Я ожидал услышать от него факты его "сказочной" биографии, "суть" декабрьско-январской войны, перспективы возрождения из пепла души грузинского народа. На прощанье оставил один из номеров нашего журнала.

Но, увы! Во вторник я был объявлен "агентом Кремля" и под дулами автоматов выдворен из КПП Военного Совета вон. Как ни хлопотали за меня коллеги, аккредитованные в пресс-центре ВС — корреспонденты ИТАР-ТАСС, "Комсомольской правды", "Вестника ЗАКВО", радиостанции "Свобода"... "Тебя велено не пускать!" — шепнул мне на ухо один из них. "Почему?" — "Очевидно, усмотрели в твоих вопросах имперский снобизм".

Я не в обиде на демократов с автоматами: приняли — хорошо, выгнали — пусть. Так и напишем. Для меня было важно понять, что произошло с Грузией и кто пришел к власти. Кажется, понял: демократический путч и восстание бывших уголовников. А к власти пришли по сути своей гангстеры. Мы знаем их по сценарию, написанному на нарах. Уж эти-то ее не упустят. А Гамсахурдиа они выпустили не случайно: чтобы держать в страхе вновь избранное тоже демократическим путем новое правительство. Держать в страхе даже самого Шеварднадзе! Не будешь нас слушаться, посадим назад покаявшегося "законного президента", а тебя выкинем назад в Москву. Мы не хотим крови. И пусть живет себе Гамсахурдиа. А пока? Пока пусть научной работой занимается. Мы ему даже степень доктора наук дали... И с Россией будем дружить. Пока...

Неделю назад, когда поднимался в лифте в приемную Сигуа с пресс-секретарем Военного Совета, я обратил внимание на людей, чувствовавших себя по-хозяйски в бывшем здании ЦК Компартии Грузии.

— Много бывших сотрудников аппарата ЦК здесь работает? — спросил я.

— Почти все, дорогой. Зачем новую бюрократию выращивать, когда старая все осознала и исправилась. Они же все с большим опытом. А для полного комплекта не хватает Амвросиевича. Но он скоро придет.

— Значит...

— Значит то, что так хотят Буш, Ельцин и другие. Так надо. И даже, если я что-то знаю, все равно тебе не скажу...

Ну а теперь полный комплект — Шеварднадзе в Грузии.

Значит? Все было сделано, как надо!

КАТАРСИС ПО-ГРУЗИНСКИ

Грузия пережила трагедию. Пришло время очищения, покаяния. Может, еще новых смертей. Здесь по-прежнему неспокойно. За ночь до моего отъезда на железнодорожном перегоне Зугдиди — Сухуми было совершено 9 взрывов, повреждено 10 километров пути, доставка продовольствия и стратегических грузов в Армению полностью блокирована. В Тбилиси проникли двадцатка террористов — чеченцев и гамсахурдистов — для провокационной стрельбы из митингующей толпы и взрывов гособъектов. В Сухуми объявился двойник экс-президента (сталинские лавры не дают покоя Гамсахурдиа). Грабежи и разбои каждый день и каждую ночь. Голод, холод и надежда на Шеварднадзе. Он поможет Родине — Коль и Буш, говорят, уже спешат на помощь... Тоже — популизм — успокоить и наобещать. А пока Джаба амнистировал 4 тысячи уголовников — грузинская милиция в ужасе.

— Мы занимались только охраной общественного порядка, стараясь не вмешиваться в политику ни в период правления Гамсахурдиа, ни в момент его свержения, — говорил начальник уголовного розыска МВД Грузии Демур Микадзе. — Чем и подняли авторитет милиции среди народа. Но теперь у нас опускаются руки: 2500 осужденных, совершивших побеги из тюрем и ИТК, в розыске, границы открыты, доступа к общесоюзной картотеке МВД нет, почти все преступники вооружены... Гамсахурдиа создавал свои вооруженные подразделения, куда входили лица из уголовного мира и с уголовным прошлым, и оружие раздавалось всем, кому угодно, без фиксации владельца. В прошлом году было зарегистрировано более 400 убийств, а сейчас ежедневно по 3-4 убийства. И если раньше на похороны собиралось по полгорода, то сейчас не более 20 человек. Жизнь человека в Грузии потеряла ценность! Конечно — для правительства! — 200 смертей — ерунда. Ведь страной и органами МВД правила шайка преступников. Ни тогда,

ни сейчас раскрытием преступлений никто не интересовался. Их не волнует: сколько ограблено, сколько убито людей! Раньше за каждое нераскрытое преступление надо было отвечать перед начальством или парторганизацией. А теперь...

Вахтанг Размадзе, прокурор Грузии:

— Наша республика всегда была дружественной и гостеприимной. Но всего лишь за один последний год она потеряла свой авторитет не только среди бывших союзных республик, но и во всем мире! Бывший президент сделал все, чтобы этот авторитет был полностью утрачен. В отношении президента и некоторых членов бывшего правительства ведется следствие. Гамсахурдиа обвиняется в злоупотреблении служебным положением, разжигании межнационального конфликта осетин и грузин, хищении госимущества. Обвинение предъявлено. В отношении его министров: они обвиняются в хищении госсредств на сумму свыше 36 миллионов рублей, обвиняются по фактам избиений, пыток 35 человек в бункере. Объявлен розыск и имеются санкции на арест одиннадцати членов бывшего правительства...

Тамара Чхеидзе, диссидентка, председатель общества Ильи Чавчавадзе, дочь известного режиссера Реваза Чхеидзе, автора фильма "Отец солдата":

— Девяносто первый год — черный год в истории Грузии. Столько лет проходило накопление реваншизма. И мы должны были пройти, как любая западная страна, период грузинского фашизма. Каким-то силам нужна была стрельба. Но мальчики сознательно погибли за демократию. Кровавые события уже изначально были заложены в феномене Гамсахурдиа. Но теперь каяться и идти в монастырь — нереалистично. Это была наша трагикомедия. Президента свергли его же соратники, его "круглый стол". А вот то, что выпустили, — это было организовано извне. Это входило в условия игры. Кто-то спекулировал фактором Гамсахурдиа, который развивал в людях зло, олицетворяя собою дьявола Грузии. Я не могу прямо утверждать, что ему дали убежать русские, но согласитесь, у вас тоже есть свои интересы на Кавказе. Это прочитывается в передачах российского телевидения. Там присутствуют разного рода мистификации, и живой Гамсахурдиа — это козырь в чьих-то руках, приготовленный для шантажа нового правительства.

Я привел слова только лидера одной партии (а их в Грузии сотни две). Но у всех у них есть какие-то

соображения относительно “руки Москвы” в делах Грузии. Одни требуют вывода войск СНГ; другие — компенсацию за последствия оккупации Грузии русскими; третьи обвиняют в поддержке Северной Осетии... Дескать, внутренние войска предоставляют осетинам автоматы с одним рожком на ночь за 35 рублей для убийства мирных жителей грузинских сел.

Но вот только один эпизод, рассказанный мне работником службы безопасности, и все становится на свои места. Зачастую в задержанных машинах на перевалах Северной Осетии попадают по два грузина и два осетина в каждой. И те и другие — мафиози. Ибо там, где война, там и большие деньги. То же самое в Абхазии и Аджарии. Так пусть они, в конце концов, разбираются сами. Без русских и без нашей армии, на которых всегда удобно и выгодно валивать.

Семьдесят лет назад Короленко писал о похожей ситуации в России, охваченной гражданской войной: “Мрачная страница, вся залитая человеческою кровью. Экономии грабили, имущество захватывали и делили... Но было слишком все-таки много мест, где делом заправляли люди из уголовных тюрем... Казалось, что именно они творят волю новой владычицы революции. Новый порядок может возникнуть только из свободного сознания если не всего народа, то огромного его большинства... А для этого нужна свобода для всех и справедливость тоже для всех. Иначе революция превратится в свалку и наступит замена одних притеснителей другими”.

Пока, к сожалению, посткоммунистическая и постгамсахурдиевская демократия Грузии еще далека от того, чтобы дать свободу Осетии или Абхазии. Еще слышны в абхазском парламенте заявления: “Мы за права человека. Но права грузин на грузинской земле шире прав человека”. А кто спросит у сварщика-работяги, который на морозе корячится у развалин в центре Тбилиси, что он думает об абхазцах или осетинах? Да никто его не спросит! Как не спросят и у пьяных грузин с расстегнутыми ширинками на пепелищах своих домов.

Раньше грузины смеялись над русскими алкашами, а теперь такие “символы” у них самих не редкость. Опять скажут, русский клеветает?

Так пойдите же и посмотрите, до чего вы довели свой народ! Потемневший и обезумевший! От горя! От боли! Что это — демократия? По-грузински?

Нет, это просто смерть — по-грузински!

А до демократии по-прежнему далеко. И Грузии, и нам.

Не дай Бог сбыться предостережению Джабы Иоселиани. Упаси, Господь, Россию от грузинского кровавого сценария — даже на пути к якобы Демократии.

Вспоминая февральский Тбилиси, я поймал в памяти три запечатленных образа.

Тенгиз Китовани. Вопрос на пресс-конференции: "По профессии вы художник и архитектор. Скажите, где можно посмотреть ваши работы?" Ответ (с улыбкой): "Сходите сейчас на проспект Руставели и посмотрите на дома после войны. Это мое последнее произведение!"

Джаба Иоселиани. Вопрос корреспондента: "Говорят, вы были судимы и отсидели большой срок. Скажите, за что?" Ответ (с улыбкой): "Это со мной случилось по молодости лет. С кем не бывает! Потом я закончил институт, защитил диссертации, стал профессором и драматургом. А вот Гамсахурдия стал преступником, уже будучи членом Союза писателей. Это очень большая разница".

Эдуард Шеварднадзе... После его возвращения на родину появилась надежда на стабилизацию в республике. Благодаря международному авторитету Эдуарда Амвросиевича в Тбилиси стала поступать гуманитарная помощь, Грузию приняли в члены ООН, достигнута сочинская договоренность по Осетии... Но на этом все кончилось. Вскоре Шеварднадзе ввел войска Госсовста в Абхазию. Думаю, здесь не последнюю роль сыграла личная месть Эдуарда Амвросиевича за тухлые помидоры, которыми его забросали абхазцы в 1978 году в Сухуми. Дело в том, что в ту пору Шеварднадзе занимал пост первого секретаря ЦК Компартии Грузии и проводил такую прогрузинскую политику в Абхазии, что руководители Совмина, КГБ и многие негрузины автономии изъявили желание присоединиться к Краснодарскому краю. Эдуард Амвросиевич прилетел в Сухуми наводить порядок, но ему обрезали микрофон, машину и его самого забросали тухлыми яйцами и овощами. Тогда конфликт загасила Москва — "сняла головы" руководителям обкома, Совмина и КГБ. Но, говорят, обида у первого человека Грузии на Абхазию осталась. Однако это мои предположения. Как и следующее, кто как не такой крупный партийный идеолог мог внушить руководителям горских народов, что у России есть конкретный план их уничтожения? Ведь кабардинцы, балкарцы, чеченцы

только и твердят об этом, вызывая страх у русского населения по всему Северному Кавказу! Неужели грядет новая волна беженцев? Неужели России нужна война на Кавказе?!

“ТРОЯНСКИЙ КОНЬ”

Мы приехали в Тирасполь в конце марта, когда война на Днестре была уже в самом разгаре. Оборону левого берега держали казаки-добровольцы (донские, кубанские, черноморские, сибирские), бойцы национальной гвардии и подразделения батальона “Днестр”. И хотя Снегур объявил чрезвычайное положение, предусматривающее особые меры и комендантский час, город старался жить нормальной жизнью: газоны вскопаны, деревья ухожены, подбелены, на тротуарах чистота. Правда, здания Верховного Совета, УВД и некоторые другие были надежно забаррикадированы мешками с песком, а на улицах каждый третий прохожий с автоматом. Обстановка взрывоопасная: по агентурным данным несколько диверсионных групп с большим количеством взрывчатки проникли в столицу ПМР и затаились в ожидании сигнала. “Они уже здесь, — говорил нам знакомый майор милиции Н., — ждут своей “Белой акации”. У них давно все адреса расписаны — кого в первую очередь. Поэтому сегодня руководители нашего парламента и правительства вывозят свои семьи — жен, стариков и детей. Кто куда. Школы, училища, институты закрыты...”

В Пресс-центре правительства полно корреспондентов и журналистов из США, Великобритании, Швейцарии, Японии, Южной Кореи и даже Филиппин. Делаем копии последних сводок из района боевых действий. По трагизму и ледянящему душу дыханию смерти они не уступают карабахским.

“20.03.92 г. Имеются сведения о переходе из Румынии вооруженных формирований, бронетехники. В бою вблизи села Кошница гвардейцами захвачено два БТР-80. По заявлению командования СНГ, на вооружение в европейскую часть СССР они не поставлялись, что свидетельствует о поставке вооружения и боевой техники в Молдову из-за пределов СНГ.

23.03.92 г. Трагедией закончился обстрел полицейски-

ми Молдовы группы подростков в пригороде Дубоссар. В результате — Виталий Борсук, 1976 года рождения, убит, Виталий Енакий — ранен...

11.00. В районе сел Дороцкое и Погребье (южнее Дубоссар) начался интенсивный обстрел обороны и постов гвардейцев Приднестровья. В настоящее время, по местному времени в 13.20, идет бой. Огонь ведется с правого берега Днестра из БТРов и стрелкового оружия. В результате обстрела сожжена машина "УАЗ", в которой находились журналисты. Их судьба пока неизвестна.

В результате ночного обстрела Дубоссарской плотины ранен гвардеец Арел Полихромов.

По детям преднамеренно стреляли опоновцы, находящиеся в микрорайоне Коржово (северная окраина Дубоссар), приняв их за казаков, так как на голове одного из ребят была шапка, похожая на казачью.

30 марта. В ночь с 29 на 30 марта в селе Ташлык Григориопольского района, где была ранее взорвана электроподстанция, совершено нападение и обстреляна машина "скорой помощи", которая везла из села Тея роженицу. Машина попала в засаду, устроенную диверсионной группой.

Тяжело ранен водитель Алексей Руснак, 1964 года рождения, убита акушерка Виолетта Рожко, 1941 года рождения. Ранены роженица Светлана Симаченко, 1972 года рождения, и родственники, сопровождавшие ее: Нина Лазаренко, 1960 года рождения, и ее сын Сергей, 1985 года рождения, — пулевое ранение правого плеча. Убитые и раненые доставлены в Григориопольскую больницу.

Неизвестные, совершившие нападение, переправились на лодке в село Бугачены на правый берег Днестра. Есть свидетели, которые видели все своими глазами.

31 марта. В 7.10. Дубоссары. Во время боя у села Кощица, о котором докладывалось ранее, получив тяжелое ранение в грудь, скончался казак из Краснодара Берзилов Александр Евгеньевич, 1953 года рождения.

8.00. Бендеры. В районе Притягайловки обстрелян автобус, направляющийся в город. Два человека погибли (мужчина и женщина), 7 ранены.

10.30. Бендеры. На станции Бендеры-I выгрузились ОПОНовцы в количестве примерно ста человек. Вооруженными формированиями Молдовы занят мост Веодук. Борисовка отрезана от города. К Бендерам со стороны

Кишинева подъехала военизированная машина типа "Град". В это же время у Варницы идет бой между ОПОНовцами и гвардейцами. Представители Народного Фронта Молдовы разъезжают по городу на служебных автомашинах и ведут беспорядочную стрельбу из автоматического оружия.

1 апреля. Бендеры. В 6.15 утра шесть БТР Молдовы подошли к городу Бендеры. Два из них ворвались в город со стороны сел Гырбовцы и Притягайловка и на улице Бендерского Восстания в районе лечгородка расстреляли в упор три автомашины. Из них автобус с гражданскими людьми. Затем, стреляя в воздух, они выехали через Притягайловку и остановились за городом. В результате этой бойни 5 человек убито, в том числе одна женщина. 12 человек ранено, из которых пять находятся в тяжелом состоянии.

Идет концентрация полицейских сил вокруг города.

2 апреля. Бендеры. В районе поста гвардейцев при выезде на трассу в сторону Кишинева. 15.30 — 16.00 обстреляна машина гвардейцев. Двое ранены.

Дубоссары. 11.20. Группа казаков попала в засаду. Они вывозили детей из детского сада, находящегося в зоне конфликта. Убит атаман дубоссарских казаков Пантелей Сазонов. Заведующая детским садом обнаружила в разбитом окне своего здания вооруженных людей и сообщила об этом казакам и гвардейцам. При выяснении их личности был открыт огонь. В результате два казака ранены".

Все местные газеты похожи на боевые листки. Сколько в них боли и горя. Несколько последних номеров "Днестровской правды" — сплошь в гробах, похоронах и фоторепортажах с передовой. "За Приднестровье" печатает на первой полосе списки убитых. Вглядываемся в имена: молдаване, евреи, русские, украинцы — представители всех слоев населения Левобережья. А как молоды!..

"Юрий Семенович Ренгилевич, старший сержант Дубоссарского батальона. Родился в 1971 году. Погиб 14 марта 1992 года.

Юрий Степанович Афанасьев, рядовой Дубоссарского батальона. Родился в 1963 году. Погиб 14 марта 1992 года.

Павел Иосифович Гашок, рядовой отдельной Григориопольской роты. Родился в 1971 году. Погиб 14 марта 1992 года.

Борис Васильевич Канкан, рядовой Дубоссарского ба-

тальона. Родился в 1959 году. Погиб 14 марта 1992 года.

Сергей Георгиевич Роман, сержант отдельной Григориопольской роты. Родился в 1970 году. Погиб 14 марта 1992 года.

Сергей Николаевич Красуцкий, рядовой Бендерского батальона. Родился в 1960 году. Выкраден и зверски замучен в Гербовецком лесу в марте 1992 года".

Газета "Трудовой Тирасполь" печатает анонимные письма в редакцию, сохраняя всю прелесть орфографии и пунктуации. Боже, как все похоже на прибалтийский вариант:

"РУССКИЕ СВОЛОЧИ!!!

Ваша родина и республика
в России.

Окупанты!!! Вы оторвали
нас от наших кровяных
молдован. Вы съедаете наш
хлеб, топчите нашу землю,
и стреляете в наших людей,
как стреляли когда-то ваши
деды, когда делали революцию —
будь она трижды проклятой,
а вместе с ней и все подонки —
русские окупанты, против
которых воюет вся страна,
а вместе с ней и вся земля.

Окупанты — против вас все
народы земли. А называетесь
сами себя трудолюбивыми.
Россия ваша здыхает с голо-
да. Вы у нас, прицепились за
наш кусок хлеба. И бьете
себя в грудь — защитим
молодую республику.

Воры, гады, обжоры
вонючие. Вон!!!

С нашей молдавской
земли — наших дедов
и отцов!!!

Ваша Родина —
Россия!!!

Этот анонимный адресант — слепое орудие историка Мошану и поэта Хадырке. Знал бы он, что после освобождения Молдавии от немецких и румынских оккупантов, в республике, несмотря на малочисленность

ее населения, были созданы своя Академия Наук, Союзы писателей, художников, журналистов, кинематографистов, где была возвращена маргинальная прослойка псевдоинтеллигенции, ставшая питательной средой для тех же Мошану, Хадырке и Друка. А между тем в России, даже в областях с населением большим, чем Молдавская ССР, никаких “Академий наук” не создавалось (да и Российской-то не было!), на деятельность областных творческих организаций отчислялось средств в сотни раз меньше, чем выделялось творческим союзам Молдавии, Литвы, Эстонии или Грузии! Ни в одном городе России не создавались льготные условия по приему в вузы лицам “коренной” национальности, как это делалось в Молдавии для молдаван, где были установлены дискриминационные ограничения по приему русских, украинцев, болгар и гагаузов, хотя они являлись такими же “коренными” уроженцами этого края! И вот те внеконкурсные абитуриенты, получив дипломы о высшем образовании, пишут эти письма. Интересно, кем они надеются стать в Румынии, владея румынским еще хуже, чем русским? Видимо, автор этого письма рассчитывает занять хороший пост, подобно тому, как бывший член Политбюро ЦК КП Литвы Р. Озолас, едва заявив, что “русские дебилы в национальном отношении”, сразу был назначен главным идеологом “Саюдиса” и заместителем премьер-министра Литвы, а суперпрогрессивный журнал “Огонек” тотчас же объявил его “совестью литовской нации”. Аналогия с Прибалтикой не случайна, ведь НФ Молдовы буквально копирует народные фронты Латвии и Литвы, но, к своему несчастью, не видит разницы геополитической ситуации.

Однако пропаганда и националистическая истерия — одно, а война — совсем другое. Здесь уже не болтают, хотя смеются и шутят. А что поделаешь — жизнь есть жизнь. Словом, утром следующего дня мы выехали на передовую. Первым, кого мы увидели в окопах, были казаки, этот удивительный народ из разных уголков нашей еще недавно могучей державы.

Они мигом проверили наши документы, не позволяя притронуться к фотоаппарату, потом разрешили снимать, чтобы не было видно лица.

— Значит, правильно говорят на том берегу, что вы наемники и приехали сюда сорвать деньги?

Первый казак: “Какой я наемник. Я работал на шахте, получал 20 тысяч, а здесь — полторы. А фотографировать нас не надо потому, что на родине на

нас заведены уголовные дела, по семь лет обещают. Вот и судите сами, за что мы воюем”.

— А с кем воюете?

Второй казак: “Если вы видели пленных с того берега, то вам объяснять не надо. Половина из них — сплошь в наколках. Это уголовники с большими сроками. Их направили на передовую, пообещав амнистию или пересмотр дел на условную меру наказания. В штабе есть протоколы допроса и их показания следственным органам. Почитайте. Попадают, конечно, озверевшие от национализма молдаване. Был и один русский, ”афганец”. Я у него спрашиваю: ты чего в своих братьев стреляешь? А он: “Куда мне деваться? С работы меня выгнали, жена не работает, двое детей, квартира в Кишиневе. Куда я поеду, если у меня нигде никого нет и денег нет. А здесь мне три штуки платят. И я стреляю, не целясь. Вот только когда в рукопашную, вы уж, братцы, извините...”

Родная мать у меня на Дону. А эта, что шила мне жилетку для рожков и лимонок, — в Дубоссарах, как бы усыновила меня. Одна она живет, ноги у нее больные. Старушка уже. Всю ее родню в войну румыны убили. Она на меня свой дом переписала и сыном называет. Будете в Дубоссарах, зайдите к бабке Клаве, там вам скажут, где она живет. Поклонитесь от меня, скажите, что живой ее сынок Саша и вернется с победой и славой. А если погибну — еще больше славы, потому что за русский народ и русскую землю...

— А румыны из-за Прута вам попадались?

Второй казак. “Как распознаешь по мертвому — кишиневский он или бухарестский? Нашли у одного старшего лейтенанта документы на румынском, а Кишинев говорит, что это новые документы Великой Румынии. О своих потерях они официально процентов на двадцать сообщают. В недавних боях у них около тридцати убитых было, а похоронено пятеро. Значит, остальных увезли в Румынию. У нас есть документальные свидетельства, что туда отправляют гробы.”

Попрощавшись с казаками, мы поехали дальше. Наш водитель рассказывал по дороге:

— Когда опоновцы атаковали полк гражданской обороны 14-й армии, наши “доблестные” военнослужащие и пальцем не пошевелили, хотя кроме нескольких сотен автоматов, румыны захватили в заложники жен и детей офицеров. Что же это за армия, которая ждет приказа: можно ей освободить свои семьи?! У Белого Дома при-

каза Язова не ждали, хотя там был только вопрос власти. А здесь — жизнь своих детей. Дерьмо, а не люди. Ходят по магазинам в форме, руки в карманах. Я еще удивляюсь, как им люди в морды не плюют...

— Так кто семьи-то отбил?

— Казаки. Несколько человек погибли...

У села Кошница, не доезжая Григориополя, — самый опасный участок. От Днестра до шоссе — километра полтора фруктовый сад. Румыны переправили на левый берег большие силы и окопались в саду, держа под огнем трассу. Они рассчитывают прорвать здесь оборону, чтобы отрезать Дубоссары с Григориополем от Тирасполя. Вдоль дороги, обрамляющей сад, окопы с нашими гвардейцами. Мы попали в пересмену, когда меняли подразделение, отстреливающееся всю ночь по колено в воде. Мужики хмурые, неразговорчивые. От объективов отворачиваются. Но благо, на казачьих позициях к нам присоединился тираспольский фотокор Валерий Кругликов. Он для нас — лучше "Охранной грамоты" ПМР.

— Как ночь? — спрашиваем.

— Более-менее спокойно, — отвечает один из них. — Только снайперы, гады, глаз сомкнуть не давали — наступающих прикрывали. Вон, видишь, напротив меня уже посередине сада окопчик себе отрыл. Всю ночь ковырял. А теперь пристроился. Часа через два поливать начнет. Но я ему, суке, дам.

— Значит, они потихоньку сюда лезут?

— Не видишь, что ли?..

У бетонной опоры ежится радист лет за шестьдесят. На его телогрейке — рация. Называть себя не хочет.

— Почему не оденетесь?

— Рацию жалко, чтоб батареи не отсырели. Связь на войне — цена жизнью.

— Вообще, дела-то как?

— Что — дела... Уже две недели не могу за пенсией съездить. Некогда, понимаешь. Как тут без меня...

С правой стороны шоссе — несколько КамАЗов. На их кузовах установки "Град" и "Алазань". Подходим к одному экипажу. Водитель татарин, операторы — молдаванин и украинец.

— Как дела, ребята?

— Вон у него сегодня сын родился, — показывают на молдаванина с автоматом, — а он здесь.

— Ну, а воюется-то как?

— Наша установка — это просто большой пугач. Много грохоту, и только. А пока ракета до цели долетит — вся

в воздухе стораает. Ну разве что подпалит чего. А ру-мыны по нам “шилкой” сажат. КамАЗ насквозь. Вон, поглядите. Так прошил, что даже трубки гидравлические под сиденьем перебил... И еще пулями со смещенным центром тяжести поливают. Это же пули, запрещенные международной конвенцией. Она, если в руку попадает, меняет направление и проходит через все тело...

При въезде в Григориополь — известный пост ГАИ, разрушенный минометным огнем. Второй этаж здания подпирают только что возведенные из блоков стены. Окна уже вставлены. На “кругу” — напротив моста — сваренный из стали бункер, у него — несколько бойцов с автоматами. Поднимаемся на второй этаж поста ГАИ к начальнику подразделения. Он выделяет автоматчиков для прикрытия, чтобы мы смогли пробраться к взорванному мосту. Продвигаемся вразбивку друг за другом. Место открытое — в любую минуту готовы кубарем скатиться в канаву на обочине. Под ногами хруст гильз; зловещая тишина. Добрались. Перед амбразурой разбросаны мины, гильзы сигнальных ракет, автоматные гильзы — словно семечки под ногами.

— Кто взорвал мост?

— Да мы со своей стороны край подорвали, чтоб они на бронетехнике не прорвались. У нас же одни “акаэ-мы”.

— А мины?

— Мины учебные. Но им через бинокли не разглядеть. А потом на них нужна нагрузка не менее 90 килограммов, чтобы она рванула. Это против БТРов и танков.

Прямо перед мостом поперек дороги стоит густо прошитый пулями БТР с надписью на борту “ЗА РОДИНУ! ПМР!”. С той стороны моста видны такие же бронетранспортеры. На них надписи безобразно размашистые и злые: “СМЕРТЬ КАЗАКАМ!”

Снова перебежками возвращаемся на “круг”. Впереди Дубоссары. На площади перед горсоветом — женщины. Здесь же “Сбор денег в помощь семьям погибших и раненых”. Узнав, что мы из Москвы, женщины обступили нас.

— Шо ж, Снегур, не придэ до нас и не спросыть: хотим жить у Римынии чи ии?! — стала нам рассказывать одна из них. — Сюды вин ни идэ, а собрав три чоловіка и постановыв защищать едину Молдову. И крычить на усю Европу, шо на Кишинев идут коммунары с красным флагом и их надо убывать. Найшлы

якого-то дебильного с дурдому и показывать його по молдавскому телевидению. А вин говорить: “Я з России, я прийхав за красный флаг воевать”. Та дэ ж воны його найшлы? Невжели у вас у Москви таких богато? Нам таки помощники не нужны, козаков бы ще. А увись народ за Смирнова. На смерть стоять будемо! Як же воны над ным издевались! А мы у сентябре на рельсах сидели, його отбивылы. И отбили! А нас пять тысяч опоновцев атаковали, разгоняли. Колы мини дубинков по голови саданулы, я очухалась, пишла до дому, узяла сапу, прийшла сюда на площадь и села. Як воны дубинкой замахнуться — я сапой! Собакамы нас травили, женщинам наручники надевали, давали маленький винек и заставляли заметать туточки та перед полицией. Мини семьдесят лет, я дви ночи подряд на ногах стояла и ще буду стоять. Це наша земля и николы вона румынской ни була. Це Сталин нас до Молдавии пристегнул. Так спасибо казакам, шо на помощь прийшлы...

— Пушай воны у нас остаюця! — заговорила другая старушка. — Мини тоже семьдесят. — Землю им дадим, та я сама из своей хаты уйду, нехай у ней казаки жить!

Здесь же, на площади, к нам подвели седого мужчину с красными от слез глазами. “Вы вот його послушайте!”

— Меня зовут Величко Велентин Федорович, тридцать третьего года рождения, венгр, жил и учился в Венгрии до сорок пятого, потом с Закарпатской области пошел в пятьдесят втором году служить в Советскую Армию, после армии всю жизнь здесь работал, строил, проводил освещение в дома, я сам мастер электросетей из “Красного новиградара”, ищу своего сына с 14 марта, уже три недели.

— Как это случилось?

— Он недавно женился, жена на четвертом месяце беременности, и они с ней поехали из Дубоссар на Украину за семенной картошкой. А когда возвращались обратно, их у развилки остановили. Проверили машину, ничего не нашли, отпустили. А тут перестрелка с обоих берегов. Они вернулись назад, чтобы поехать другой дорогой, а у развилки уже наши ворюги и идиоты, пацаны, которые хватанули оружие, и с ними еще два-три полица. Сына вытащили из машины и начали бить ногами и чем попало. Жену его приволокли на передовую, и у плотины групповое изнасилование устроили. Потом засунули ей под платье гранату и стали пытаться угрожать, что взорвут ее, если она не скажет, сколько

там людей. Держали до утра, потом отпустили. А сын пропал. Я уже обращался и к нашему прокурору, и к кишиневскому, и к Смирнову, и к Снегуру, и к Украинскому Президенту, и к руководству России, и в Венгерское посольство в Москву бумагу повезли... Нету его нигде. Он же ни в каких митингах не участвовал, никогда оружие в руки не брал. За что?.. — старик заплакал. — Я видел войну. Немцы такое не творили, как эти! Нет молдаван хороших и плохих. Есть сволочи, которые лезут с того берега, и у нас одна бойня. Я домой заходить не могу. Как прииду, мне кажется, как в тюрьме сижу. Ночую где попало. И не только я один. Тут все дома одни ночевать бояться...

Чем мы могли помочь этому плачущему старику? Пообещали написать об этом. И все. А едва он отошел от нас, женщины прошептали на ухо: "Приезжали люди из Кочиер и говорили, что его сына повесили в лесу, но мы его жалеем и молчим: пусть у него останется надежда".

Выехав на окраину Дубоссар, шофер заглушил мотор. — Все. Здесь уже все улицы простреливаются. Бегите от дерева к дереву до того бэтэра, там штаб.

В штабе к нам присоединились фотокоры из Киева, и мы, под прикрытием автоматчика, бросками перебрались за вал, от которого начиналась плотина Дубоссарской ГРЭС.

Станция останаовлена, персонал покинул ее территорию, хотя поразительное дело — на сырой глинистой тропинке отпечатки каблучков женских туфель.

В зале пультов управления взъерошенные головы бойцов над мисками с супом. Их кормит удивительный человек — седая стройная женщина. К сожалению, подвела техника — пленка не записала ее имя и фамилию, но мы назовем ее просто Учительницей.

— Я преподавала в музыкальном училище сольфеджио и теорию музыки, — рассказывала она о себе, ведя за собой нашу группу по открытой правому берегу стороне плотины. — Потом вышла на пенсию, а как началась война, сюда перебралась: готовлю, кормлю ребяток, мою, стираю...

Автоматная очередь резанула воздух перед нами. Один фотокор упал с испугу, вся наша группа согнулась в три погибели, а Учительница глядела на нас свысока, ласково улыбаясь.

— А я пулям не кланяюсь! — весело крикнула она и побежала вперед. Ветер рвал на ней платье, обнимая

стройную фигуру, и казалось, что Учительнице не под шестьдесят, а немногим больше семнадцати.

Мы рванули за ней и, пробежав опасный участок, оказались в укрытии среди мешков с песком, кирпичей, железа. Едва начали разговор, румыны открыли по нам огонь. Все пригибались, кроме Учительницы, стоявшей у продырявленного в нескольких местах швеллера, и командира, который приказал одному из бойцов:

— Ну-ка влупи ему, Вася, по первое число.

Вася взял автомат и со знанием дела всадил обойму куда-то в правый берег. Вставил другой “магазин”, но командир остановил:

— Хватит. Не шуми.

Румын стих и дал нам возможность несколько минут поговорить спокойно. Но тут запели пули с левого берега, со стороны “гребной” базы.

— Вон, видите, это микрорайон на окраине Дубоссар, — указал рукой командир туда, откуда стреляли. — Они ночью переправились на пароме — человек девяносто и несколько бэтэров — и захватили жилые дома. Из них и стреляют. А мы не можем отвечать, потому что там наверняка люди, старики, дети. Вон они, заразы, сегодня утром пристрелялись, пообедали и сейчас начнут. Так что вы давайте побыстрее и тикайте отсюда.

— Так здесь вам с двух сторон теперь — и в лицо и в спину?

— Как видите. Оно бы и ничего, если б было-то оружие нормальное. Вон у него, — он кивнул на гвардейца, стоящего рядом с Учительницей, — карабин аж 1943 года выпуска. Что мы им можем сделать? Ну, шины у бэтэров бьем, еще что-то в этом роде.

— Этим-то против “Шилки”?

— А что поделаешь! Да еще они по своему “Месажеру” передают, что мы над ранеными издеваемся. Та если б мы издевались, не так бы обидно было. Видели бы вы их пленных! Рожи красные, квадратные, кто ранен — сразу в госпиталь. Пальцем никого не трогаем. А они?.. Знаете, когда у мертвого что-то отрубают, то кровь не затекает, потому что она уже свернулась. А у наших раненых, прямо у живых, они пальцы отрубают, что курок держат. Одному лежащему казаку прямо в упор голову изрешетили, у другого такая голова была, что я его в морге не узнал — руками не обхватишь...

— Отчего?

— Били, опухла так.

Рядом ухнула мина. Гвардейцы переглянулись. Буквально до нашего прихода предыдущая снесла полдерева.

— Если попадут в плотину, то хана, — продолжал командир. — Затопит тут все села вниз, а Тирасполь и вся Одесская область без питьевой воды останутся.

— Вы как смертники...

— А что делать? Мы готовы умереть, да вот только бы люди знали за что. И Ельцину и Кравчуку на нас насрать. Что ж это за президенты, если свой народ в беде бросают? Вон американцы за тридевять земель флот посылают освобождать своих граждан, взятых в заложники. Из-за двух-трех человек. А наши правители семьсот тысяч своих людей бросили на произвол судьбы. Убивайте всех их — хрен с ними. Или я, может быть, своим мелким умом чего-то недопонимаю? Может, нам, украинцам, за помощью к Канаде обратиться, там же тоже много украинцев. А гагаузы нехай турков зовут — тоже родственники. Должны помочь...

Перебегая плотину в обратную сторону, мы ошалели от картины: лихой гвардеец — заядлый рыбак спустился к воде и на открытом пространстве забросил спиннинг. Киевляне побледнели: что он делает! А наша Учительница с улыбкой: — Если снайпер не снимет, будет у нас на ужин уха!

К вечеру, по дороге из Дубоссар в Григориополь, мы снова попали под огонь. И хотя нас предупредили, что в Кошнице идет бой, водитель рассчитывал проскочить на большой скорости. Но не тут-то было! На дороге стояла бронетехника.

Мы прижались боком к боевой машине пехоты и на четвереньках выкатились под гусеницы БМП. Фотокор В. Кругликов переполз в окопы и стал снимать фонтанчики от пуль, вспыхивающие над головами гвардейцев.

— Пацана, пацана, твою мать, в больницу! — кричал взводный.

Пули свистели над головами, ветка дерева, срезанная очередью из румынского автомата, упала на голову. Истощенный мат и грохот очередей “калашниковых”. Чей-то истерический смех. Снова стрельба...

Уже смеркалось, когда мы приехали в Григориопольскую больницу посмотреть на обстрелянную “скорую помощь”, в которой незадолго до нас следователь насчитал около шестидесяти пробоин разного калибра. Стреляли почти в упор, хотя машина ехала с белым флагом и освещенными окнами. Ее остановили, посмотрели на роженицу, шестилетнего ребенка и почти в упор

расстреляли.

— Если сейчас диверсантам неудобно — места голые, и они орудуют по ночам, то, как только пойдет листва, — ужас что будут творить, — задумчиво пробормотал наш водитель.

А во дворе рыдала мать семнадцатилетнего гвардейца-пацана, только что привезенного из Кошницы, где мы укрывались за БМП. Ему оторвало ногу...

Это было только началом оперативного плана операции молдовских националистов и румынской “секуритате” под кодовым названием “Троянский конь”.

ЦЕНА МОЛДОВСКОЙ “ДЕМОКРАТИИ”

“Пятна гражданской войны все шире расплзаются по стране, которую мы еще недавно называли своей. Корабельный винт СНГ все гуще окрашивается кровью... В Приднестровье, где молдаване убивают молдаван, безответственная игра политиков подвела нас к страшному рубежу: убийству русских русскими...”

Так пишут в своем открытом письме писатели В. Белов, В. Крупин, В. Распутин и другие, требующие остановить братоубийство на Днестре.

Но кто их слышит? Ельцин, который предал миллион своих соотечественников в Прибалтике? Международные комиссии ООН, видящие положение русских в Латвии, Литве, Эстонии и фарисейски закрывающие глаза на истинное положение дел? Сама ООН, принявшая в свои члены Армению и Азербайджан, находящихся в состоянии войны? Видно, что не за права человека печется эта международная организация, если пошла на поводу у тех, кому так не терпелось поскорее закрепить “де-юре” распад СССР. Принятие “скопом” всех бывших союзных республик (кроме Грузии) дискредитировало в глазах нормальных людей авторитет этой организации. Ведь этим она игнорирует кровопролитие в разных регионах планеты и повторяет печальную судьбу Лиги Наций, лопнувшую от противоречий и конфликтов накануне второй мировой войны.

Как могла быть принята Молдова в Члены ООН, если она не контролировала около половины своей территории, взятой под юрисдикцию Кишинева, а именно факт такого контроля является одним из условий международного признания? Как могла ООН проигнорировать заявления Приднестровья и Гагаузии накануне решающего дня, что в соответствии с волеизъявлением их

народов, они не признают над собой юрисдикции Кишинева и вся ответственность за последствия ляжет на тех, кто проигнорирует эту реальность? Совершенно очевидно, что ООН наплевала на нормы международного права при конституировании этого объекта, который находится лишь в самом начале своего создания. Таким образом, ООН сама развязала руки кишиневскому национализму, как бы признав за Приднестровьем и Гагаузией ярлык “сепаратистов”. Ведь она узаконила сталинский произвол в отношении Приднестровья и, по сути дела, спровоцировала войну на Днестре.

А что оставалось делать Левобережью, вначале насильственно превращенному в часть Молдавской ССР, а теперь под угрозой смерти вгоняемому в Румынию? Российский Президент словно забыл, что эта региональная общность Новороссии в общегосударственном плане всегда отождествляла себя с “Большой Россией” (а в советское время с Союзом) и эту идентичность во все времена разделяли левобережные молдаване. Почему США могут какую-то Панаму объявить жизненноважной территорией, а Россия бросает свои земли и своих людей на растерзание? Потому что нет программы государственных интересов Российской Федерации? Конечно, как нет и государственного ума и чувства Родины. Хотя бы у того же министра иностранных дел России А. Козырева, заявившего на шестом съезде народных депутатов России, что в Молдове “сильны прорумынские настроения”. Но разговаривал ли он хоть с одним простым молдаванином? Его встречали должностные лица правительства и парламента, с ним общались и его в этом убедили. Видимо, для таких, как Козырев — мальчиков из спецшкол — не существует ни родной земли, ни Родины. Завтра, после развала России, они “выберут” себе другую “страну проживания” и будут преподавать в каком-нибудь университете...

Такой же подход к войне на Днестре и у некоторых “российских” корреспондентов. Они, словно, приехали в Карабах, послушали одну сторону, другую и сделали “две точки зрения”. Они — ни при чем, словно с Луны прилетели, а не в России живут. Их “метод” дублировал работу американских, английских и филиппинских журналистов. Но даже эти независимые люди столкнулись в Кишиневе с такими вещами, часто просто обалдели от нового члена ООН. Вот что, к примеру, нам рассказал японский корреспондент газеты “Асахи” Нориаки Кузуара:

— Когда мы приехали в Кишинев, власти велели нам дать расписку, что за нашу жизнь, кроме нас самих, никто ответственности не несет, и выпроводили вон, приказав ежедневно отмечаться в полиции. Это у них называется аккредитация. А когда мы, побывав на левом берегу, поехали через Бендеры в Кишинев, нас на шоссе обстреляла кишиневская госбезопасность. Мы с переводчицей выскочили из машины и укрылись в канаве, закрыв головы сумками. Потом вернулись в Тирасполь и теперь не знаем, как отсюда уехать. Уже два дня в полиции не отмечались, а в кишиневской гостинице наши вещи.

Вот такая нынче “демократия” в Молдове. И замешана она на крови ни в чем не повинных людей. И еще на лжи и деньгах. Ибо, едва мы вернулись в Москву, “Известия” помещают заметку на первой полосе следующего содержания: “Визит Руцкого в Приднестровье власти Молдовы расценивают как вызов статусу независимости государства. Председатель постоянной парламентской комиссии Панциеру через средства массовой информации обвинил российские органы безопасности и внутренних дел в подготовке, финансировании и засылке в Приднестровье досрочно освобожденных уголовников для участия в вооруженных действиях против Молдовы. По его словам, это ”свидетельствует о хорошо управляемой агрессии против независимости и территориальной целостности Молдовы”.

Мы только собирались рассказать читателям о результатах допроса в УВД ПМР арестованного Андрея Хегя, 1972 года, уроженца Страшненского района, трижды судимого, по последнему приговору получившему 7 лет за систематические угоны автомобилей и “пересуженного” тем же составом суда на условный срок взамен на то, что он согласился ходить в разведку на левый берег в составе разведгруппы, возглавляемой Игорем Фурдуюм, 1965 года рождения, уроженца Флорешт, прописанного в Псковской области, проживавшего в Витебске... как Панциеру опережает нас своими “разоблачениями” аналогичных действий МБРФ и МВД России. Пришлось незамедлительно связываться с этими органами на уровне начальников управлений с просьбой прокомментировать эту информацию. Ответ был однозначен: кишиневская безопасность работает по принципу “сам дурак”.

— Но как это печатают “Известия”? — допытывался я.

— А вы у них и спросите, — отвечали генералы. Те-

перь все покупается и все продается. Так что и удивляться нечему. Если вам нужны официальные ответы, присылайте запросы по форме — ответим за подписями своих министров...

Господи, до чего докатились кишиневские дельцы в безумном стремлении продать Родину и заработать кусок побольше! Как же их терпит молдавский народ — такой тихий, мирный и щедрый? Неужели о такой “демократии” он мечтал, седьмым потом выстраивая свою “каса маре” (в широком смысле — дом, как полная чаша, в узком — комната-зала для дорогих гостей, заставленная всем, что есть лучшее у хозяина)? И вместо вина и улыбок в “каса маре” — гробы братьев, раненый шестилетний Сережа Лазаренко и родившийся мертвым на свет ребенок раненой Светланы Симаченко...

Взгляни же, Снегур, на плоды трудов своих и сам назначь цену своей “демократии”!

ОСЕТИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Несколько дней назад я вернулся из Северной Осетии, где пробыл почти две недели. До сих пор не могу прийти в себя от увиденного и услышанного, хотя до этого побывал почти во всех "горячих точках". Много горя и крови принесли нашему многонациональному народу посткоммунистические и полуфашистские режимы, появившиеся на окраинах бывшего СССР. Их звериные лики и пещерный вандализм еще надолго останутся в народной памяти. И надеюсь, что придет еще время суда над главарями патологических уголовников, рядящихся в одежды национальных героев со значками депутатов Верховного Совета России...

ПОТОМКИ ЗАРАТУШТРЫ

Осетины — небольшой народ, численностью около полумиллиона человек, живущий в центральной части Кавказского хребта и прилегающих предгорьях. Сами себя осетины называют "ир", у античных авторов они известны под названием "алан" и "ас". По происхождению осетины относятся к северо-иранской группе индоевропейской семьи, и их язык единственный среди живых иранских языков, сохранивших фамильное имя своего великого пророка Зороастра (Заратуштры), мечтавшего о доброй власти на земле, власти, которая оградила бы скот и людей от насилия и уничтожения. Словом, осетины являются, как известно, единственным остатком скифских племен, судьба которых неразрывно связана с Русью. И поэтому до сих пор во время молитвы они поворачиваются спиной к горам, а лицом к северу — России...

Большая часть осетин — православные христиане, есть и мусульмане, но их обряды имеют устойчивую языческую доминанту, ибо главный Бог осетин — Уастырдж (Святой Георгий) — покровитель мужчин, путников, которого в шутку называют "Министром путей

сообщения". Хотя, по большому счету, вероисповедание у осетин считается личным, интимным делом и принадлежность к какой-либо религии не имеет существенного значения.

Осетинский народ первым из горских народов обратился к царю с просьбой добровольно войти в состав России. Больше всех генералов русской армии было у осетин, больше всех Героев Советского Союза (после русских) — осетины. Каждый второй мужчина, ушедший на фронт в сорок первом, не вернулся домой. Поэтому сейчас осетины горестно сожалеют, что у них нет стариков... Отечественная война унесла каждую четвертую жизнь этого небольшого народа, и не случайно эту страну называют кладбищем братских могил.

Осетия делится на две части: северную и южную. Первая входила как автономная республика в состав РФ, вторая — как автономная область в Грузию. В Осетии проживает более 100 национальностей. Плотность населения — 80 человек на 1 кв. км и 140 — 150 человек (на равнинах, без гор). Центр Осетии — в низине, провинции — в трех ущельях. В 1989 году в Северной Осетии проживало 632 тысячи 428 человек, из которых: осетин — 334876, русских — 289159, ингушей — 32783, прочих — 75610.

Таким образом, на протяжении столетий Осетия была надежным форпостом юга России с крепостью Владикавказ, основанной в 1784 году. По данным переписи 1862 года население Владикавказа насчитывало 3653 жителя, среди которых: русских — 2662, осетин — 883, грузин и армян — 99, евреев — 23, иностранцев — 26. Ингуши во Владикавказе появились лишь после 1920 года (в 1923 г. их насчитывалось 500 человек на 70 тысяч жителей).

Мировоззрение и мироотношение осетин с древнейших времен традиционно устойчиво. Первый тост в честь Большого Бога — Стыр Хуцау — осетины поднимают за высшие ценности: небо, землю, ум, здоровье... Ведь власть у праотца Зороастра персонифицируется и становится божеством, но при этом не теряет своего ясного, земного, социально-политического содержания: сильная власть нужна, чтобы здесь, на земле, победить Друджу, олицетворяющего враждебные мирному хозяйству силы.

ВОЛЧЬЕ ПЛЕМЯ

Чеченцы поют о своем происхождении: "Мы родились в ту ночь, когда щенилась волчица" (Услар, № 2, пер-

воначально: "Мы родились от волчицы"). А ингуши — одно из наиболее диких чеченских племен, получивших название от бывшего аула Ингушть. Ингуши — в переводе с ингушского — орехи, малообразованный и самый беспокойный народ на Кавказе, живший в селениях Сунженского округа Терской области, ущельях реки Камбилеевки, Сунжи и Ассы. Сами себя ингуши называют "ламур" (горцы) и разделяются на галгаевцев, галашевцев, назрановцев. Мусульмане-сунниты, хотя вроде бы когда-то были христианами. По обычаям мало отличаются от остальных чеченцев, но помимо занятий земледелием, более всех горских племен преуспевали в воровстве, грабежах, разбоях, убийствах (особенно русских), за что и были выселены в 1830 году генералом Ермоловым, считавшим, что ингушей следует уничтожить вообще, поскольку они не подлежат перевоспитанию.

В XVI веке предгорные равнины Центрального и Восточного Кавказа начали осваивать гребенские казаки (от гребней гор), в основном это были беглые люди из Рязани. Они занимали берега реки Сунжи, основывали станицы по правому берегу Терека. В середине прошлого века была построена укрепленная линия из казачьих станиц: Троицкая, Михайловская, Фельдмаршальская и др. Одновременно русское правительство, следуя принципу создания на плоскости компактного ингушского населения, позволило ему строить в районе Назрани в 1840 — 50 годах поселения: Плиево, Базоркино, Кантышево и др. Что касалось территорий, примыкающих к Владикавказу, а также у бассейна р. Камбилеевка (Пригородный район), то они были отведены под казачьи станицы — Тарская, Камбилеевское, Сунженское, и до 1917 года эти земли являлись собственностью Терского казачьего войска.

С приходом к власти большевиков началось изгнание казаков из станиц ингушами. Свидетельством того, что этот акт был санкционирован правительством, является обещание, данное в августе 1918 года съезду ингушского народа Г.К. Орджоникидзе, отдать землю ингушам в пределах Терского казачества. Так началось поголовное выселение казаков и заселение ингушами казачьих станиц. В 1920 — 23 гг. было вырезано ингушами и переселено более 70 тысяч человек казачества. Таким образом, до 1944 года все казачьи станицы принадлежали горным ингушским обществам, которые превратили эти земли в рассадник бандитизма и террора.

В 20 — 30-е годы от рук бандитов погибли сотни работников государственных и правоохранительных органов, процветало массовое скотокрадство. Только в течение нескольких месяцев 1937 — 38 гг. в целом в Чечено-Ингушской АССР было ликвидировано более 80 бандитских групп, у членов бандформирований и у населения изъято 11690 единиц огнестрельного оружия, 3 пулемета системы “Максим”. К началу Великой Отечественной войны у немецкой разведки был план корректировки политики своего руководства в соответствии с наличием антисоветских и антирусских сил на территории Чечено-Ингушетии. “Пятая колонна” на Кавказе в лице мусульманских друзей Гитлера срывала все мобилизации на фронт. Примером, свидетельствующим о масштабах дезертирства, может служить одна из попыток создания кавдивизии, которая в составе 3000 конников должна была прибыть на фронт. Но по дороге всадники “дивизии” разбежались, прихватив с собой винтовки. Очевидец этого грустного позора свидетельствовал: “Это было массовое предательство Родины, измена, о которой нынче трусливо молчат участники этого события”.

К концу 1942 года дезертиры и уклонившиеся от призыва предатели влились в ряды бандформирований, представляющих собою силу, способную дезорганизовать тыл и вести боевые действия против частей Красной Армии. В Чечено-Ингушетии были популярны лозунги: “Поражение русским, победу немцам”, “Кавказ подвластен только Аллаху и Гитлеру”, “Да здравствует спасительница Кавказа непобедимая армия Гитлера”. У ингушской газеты “Газават”, редактором которой был ныне “популярный” у нас Авторханов (“Технология власти”, “Империя Кремля”), был яркий девиз: “Гитлер с нами, Аллах над нами”. Известно, что в 1942 году Авторханов перебежал к немцам и более 30 лет преподавал в школе ЦРУ, дослужившись до профессора по антисоветчине. Но ему, как известному историку, наверняка известны секретные директивы немецкого командования следующего содержания: “Когда Грозный, Малгобек и другие нефтяные районы будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим, ввести... необходимые гарнизоны, и, когда в горах наступит относительное спокойствие, всех горцев следует уничтожить. Для этой цели там много превосходных условий — горные ущелья, и не будет надобности сооружать концентрационные лагеря”.

Банды ингушей нападали на села и аулы, жгли и

грабили колхозное добро, вырезали сельских активистов, беженцев из оккупированных районов. Самую крупную из таких банд, сформированную осенью 1941 года из дезертиров, религиозных фанатиков и мулл, возглавлял Хасан Исраилов. Захватив очередной населенный пункт, его головорезы стогнали жителей на сход. “Правовверные! — восклицал Исраилов. — Чтобы сохранить святую веру, мы должны объединиться. Наша надежда и опора — пророк Гайдар (так в бандах величали Гитлера) и его непобедимое войско!” Вот почему в критический для судьбы Родины момент, когда было дорого каждое воинское формирование, советское командование вынуждено было снять с фронта 3 дивизии (242-ю горно-стрелковую, 317-ю стрелковую и Особую Московскую дивизию НКВД) и направить их в район действия бандформирований. Десятки тысяч красноармейцев этих частей погибли в боях с бандитами Исраилова, Хучбарова, Даниева, Бадаева, Алхастова, Мсостова и др. Всего за период 1937 — 1944 гг. было изъято у чечено-ингушских банд 30556 единиц огнестрельного оружия и 24339 кг боеприпасов. Только в 1944 г., уже после выселения, ликвидировано в горах 36 банд из 338 участников...

Еще в декабре 1936 года Северо-Осетинская автономная область была преобразована в СО АССР, а Ингушская область и Сунженский округ вошли в состав ЧИ АССР. А в связи с депортацией в 1944 г. ингушей и чеченцев в Среднюю Азию, в результате которой две баржи с людьми затонули (Берия, как всегда, перестарался, чем вызвал гнев Сталина: “Я тебе сказал: переселить, а не потопить!”), ЧИ АССР была упразднена и образована Грозненская область. В дома насильственно переселенных ингушей так же принудительно заселялись жители других национальностей. Так в несколько сел и бывших станиц Пригородного района Северной Осетии были переселены жители городов Южной Осетии. Положение усугубилось в 1957 году, когда в связи с восстановлением автономии чеченцев и ингушей часть вернувшихся на Кавказ ингушей начала селиться вне территории своей автономии, в частности в Пригородном районе СО АССР и г. Владикавказе. Чтобы смягчить территориальные и имущественные споры, правительство России передало вновь созданной ЧИ АССР три района Ставропольского края под ингушские застройки, о чем почему-то сейчас позабыли. Уступки России “бедным” ингушам привели к тому, что в результате самозахвата земли и других форм давления на

местные власти с 1959 по 1990 годы ингушская часть населения Северной Осетии возросла с 6 тысяч до 32,8 тысячи человек. С адаптацией на местах прежнего 22-летнего проживания на казачьих землях часть ингушского населения начала предъявлять территориальные претензии к Северной Осетии с требованием пересмотра существующих национально-административных границ. Для разжигания межнациональной вражды дети волчицы — религиозные и националистические фанатики — задействовали различные пропагандистские и экстремистские рычаги, слухи и домыслы, выбирая базой отдельные преступления, совершенные уголовниками, и тем самым создавая почву для новых преступлений уже на межнациональной основе. Подлость, коварство, фанатизм, кровная месть пробуждались в сознании слепого и темного народа, власть над которым захватили вожаки волчьей стаи, обрядившиеся в национальные одежды и депутатские полномочия, за которыми скрывались главарь мафии и организованной преступности. Стала готовиться массовая акция резни осетинско-русского населения, аналогичная орджоникидзевской и спровоцированная Верховным Советом и Президентом России.

“ГАЗАВАТ”

Священная война мусульман — газават — была объявлена Осетии и России более десяти лет назад. Начиная с октября 1981 года, когда был убит ингушами осетинский таксист Гаглов К.И., Северную Осетию стали потрясать массовые выступления многотысячных толп людей, возмущенных ростом преступности на национальной почве. В январе 1985 г. в с.Терк (СО АССР) водитель Дзестелев Т.А., осетин, спровоцированный ингушом Ахриевым, совершил умышленный наезд на последнего. Это вызвало ряд агрессивных акций, завершившихся поджогом дома Дзестеловых. В марте 1986 г. был использован факт убийства ингушом Костоевым (в ЧИ АССР) водителя такси, жителя Орджоникидзе, осетина Хутинаева. Участились случаи групповых драк осетинской и ингушской молодежи. А создание в Чечено-Ингушетии в 1988 — 89 г. неформального объединения “Нисхо” (Справедливость) оказало сильное воздействие на ингушскую часть населения Северной Осетии, где появились филиалы этого объединения, ратующие за создание Ингушской автономии и присоединение к ней Пригородного района и правобереж-

ной части Владикавказа (где сосредоточены все учебные заведения и, по сути, вся промышленность СО АССР). Нарастанию напряженности в Осетии способствовали события 19 февраля 1989 года — коллективные посещения ингушами заброшенных мусульманских кладбищ и митинги, проведенные в республике в связи с 45-летием выселения ингушского народа.

В 1989 — 90 гг. в СО ингушами было проведено 12 крупных митингов, где основное внимание уделялось территориальным притязаниям к Осетии. Выступавшие заявляли, что ингушский народ в СО оскорблен, притиснен, унижен, что ингушам не дают возможности приобретать дома в селах Осетии, притесняют при приеме на работу, попирают их гражданские права. Особенно взбудоражил население многотысячный митинг в Назрани 13-15 марта 1990 г., где выступающие открыто призывали к вооружению населения, невыходу на работу, требовали немедленного решения территориального вопроса. В противном случае угрожали в течение 24 часов (такое же время, за которое их выселили) установить свои порядки и стереть все на своем пути. В митинге принимали участие чеченцы, кабардинцы, балкарцы, дагестанцы, азербайджанцы, грузины. Последние призывали ингушей к решительным действиям против осетин, предлагая им: "... нажмите на них с этой стороны, а мы — с другой..." Не раз подчеркивалось, что ингуши выступают под мусульманским флагом.

Руководство Северной Осетии делало все возможное, чтобы остановить назревающее кровопролитие, шло на многочисленные уступки. В ВУЗы республики ингуши принимались вне конкурса, для них освобождались места в государственных и правоохранительных структурах, выделялись земельные участки до 25 соток, власти закрывали глаза на самовольный захват колхозных пашен. Вокруг Владикавказа росли как грибы трехэтажные дома (50х50 метров, в подвалы которых свободно въезжали КамАЗы, доверху груженные ворованными товарами. Так, у одного такого домовладельца-ингуша было вывезено из подвала водки на 3 млн. рублей, а сам подвал напоминал склад районного универмага: секции ковров, хрусталя, скобяных товаров, одежды, сахара и круп, шесть видеоманитофонов... Личный скот "рядовых" ингушей исчислялся десятками голов коров и сотней овец. При этом они считались обычными сельскими тружениками, многодетными отцами и матерями!

Осетины — народ мирный и законопослушный — тер-

пели и это, надеясь, что такое потакание “несчастливым” ингушам временное, обстановку обострять нельзя. Однако когда в ингушские дома хлынул поток оружия — автоматы, пулеметы, гранатометы, а то и бэтээры в огородах, купленные и разворованные со складов Северокавказского военного округа, стало не до шуток. (Я видел своими глазами бабу на назрановском базаре, которая рядом с горкой яблок продавала лимонки по 1000 рублей за штуку.) Назревала война, остановить которую могла только сильная власть. Но в Москве мало представляли угрозу России на Кавказе и все еще играли в свои мелкие игры. А принятый Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 года Закон “О реабилитации репрессированных народов” совсем развязал ингушам руки, ибо в нем не было главного — механизма его реализации, что превратило его в пародию, которую можно толковать как угодно.

К этому времени ситуация в Северной Осетии была сильно осложнена конфликтом в Южной Осетии, входившей в состав Грузии, где к власти пришел Гамсахурдиа. Его курс на отделение Грузии от СССР подстегнул Горбачева действовать через Дзасохова — бывшего первого секретаря СО АССР. Последний не придумал ничего умнее, как спровоцировать южных осетин на отделение от Грузии и присоединение к Северной Осетии. При этом была обещана поддержка южанам в виде ввода войск СА на территорию Грузии, дабы приструнить Гамсахурдиа. Но тот в свою очередь вовсе упразднил Юго-Осетинскую автономную область и объявил войну сепаратистам. Началась война осетин с грузинами, обернувшаяся неслыханными жертвами и массовым потоком беженцев из Южной Осетии в Северную. К лету 1992 года их число превысило 120 тысяч человек.

Беженцы — кударцы — расселялись в Пригородном районе, преимущественно на туристических базах, в пионерских лагерях, гостиницах, домах отдыха. В 1992 г. им стали выделять помещения детских садов. Правительство Северной Осетии оказывало им помощь в предметах домашнего обихода, белье, одежде, продуктах питания. И хотя большинство населения СО сочувственно относилось к своим землякам, потерявшим кров, недовольство местных жителей, и прежде всего ингушей, возрастало. Прибывшие южане требовали статуса беженцев, что подразумевало предоставление льгот на получение жилья и других социальных благ, ущемляя

тем самым законные права местных очередников. Резко подскочили цены на продукты питания, промтовары, жилье. Расцвела спекуляция среди южно-осетинской молодежи. Дело дошло до того, что национальные гвардейцы СО систематически проводили рейды по рынкам, где отлавливали молодых спекулянтов кударцев и вывозили их на границы Южной Осетии, внушая “землякам”, что они должны защищать свою родину. Тем не менее криминогенная обстановка в Пригородном районе возрастала с каждым днем из-за неустроенности, безработицы, давления кударцев на грузинское население СО и, конечно, же, из-за нарастающей конфронтации уже обжившихся ингушей.

Принимаемые правительством Северной Осетии меры по ведению переговоров с руководством ЧИР по выработке механизма реализации закона “О реабилитации репрессированных народов” наталкивались на неуступчивость со стороны ингушских лидеров, которые заявляли, что согласно Закону территория должна быть отдана им и никаких переговоров они вести не будут. Эта бескомпромиссная позиция была возведена в ранг государственной политики ЧИР и зафиксирована в ст. 17 Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики, принятой Верховным Советом ЧИР 27 ноября 1990 года: “Чечено-Ингушская Республика подтверждает справедливое требование ингушского народа о восстановлении национальной государственности и необходимости решения вопроса возврата территорий, принадлежащих ему и отторгнутых в результате сталинских репрессий — Пригородного и части Малгобекского районов в пределах их бывших границ, а также Правобережной части города Владикавказа. Союзный договор будет подписан Чечено-Ингушской Республикой после возврата отторгнутых территорий Ингушетии...”

После августовского путча в Москве обстановка в ЧИР еще более обострилась. Вместо распущенного Верховного Совета был создан Временный Совет, который в октябре 1991 года сменил Исполком Общенационального Конгресса чеченского народа во главе с Дудаевым Д.М., избранным вскоре Президентом Чечни. Дудаев немедленно заявил, что Чеченской Республике суждено положить начало распаду Российской империи. При этом он-де сторонник неделимой Чечено-Ингушетии, поэтому, как только ингуши сочтут нужным присоединиться к выборам, тут же будет решаться вопрос о создании единой Вайнахской республики. Такое заявление обескуражило

ингушских лидеров, вынашивавших планы своей собственной автономии.

Едва Дудаев приступил к созданию своей национальной гвардии, незамедлительно начала создаваться Национальная гвардия Ингушетии, в которой к октябрю 1991 г. насчитывалось 15 тысяч вооруженных бойцов и конный полк. В это же время на митинге в г. Назрань, где присутствовал госсекретарь РСФСР Бурбулис, категорично заявлялось, что если парламент России не примет решения о передаче Пригородного района и правобережной части г. Владикавказа в Ингушетию, то они оставляют за собой право захвата указанных территорий вооруженным путем. Называлась даже дата выступления — 12 — 15 октября. Ситуация в Северной Осетии достигла критической черты.

В республике началась паника, распространялись слухи о захвате заложников-осетин. В приграничных с Ингушетией селах Сунжа, Комгарон жители начали рыть окопы и готовить базу для установки огневых точек. Население усиленно вооружалось. Вскоре были введены чрезвычайное положение и комендантский час. Эти меры на какое-то время заморозили ситуацию, но маховик войны уже был запущен и накопленные горы оружия рано или поздно должны были быть пущены в ход.

По оперативным данным к лету 1992 года на вооружении ингушских военных формирований, кроме автоматического стрелкового оружия, были в большом количестве минометы, гранатометы, БТР и танки. В основном оружие доставлялось из Грузии и Чечни. К этому времени на заводах Грозного приступили к серийному выпуску автомата “Борз” (Волк), по типу “Узи” израильского образца. Серьезное беспокойство осетин вызвал захват чеченскими гвардейцами склада “НЗ” конвойного полка ВВ (3,8 тыс. автоматов, 8,5 тонн боеприпасов, в т.ч. 38 тыс. гранат, 12 БТР, 4 установки “Шилка”) и нападение с целью разоружения на 15-й военный городок, где было сосредоточено современное оружие, достаточное для вооружения не менее 3-х дивизий. Все это не сулило ничего хорошего, и надо было срочно решать чечено-ингушскую проблему. И руководство России сделало вид, что ее решило, а по сути — спровоцировало войну своим очередным бестолковым законом...

4 июня 1992 года Борис Ельцин подписан Закон РФ “Об образовании Ингушской республики в составе Рос-

сийской Федерации”, который представляет из себя классический образчик безответственности и попустительства: “Статья 1. Образовать Ингушскую Республику в составе Российской Федерации. Вопрос о Чеченской Республике решить после урегулирования кризисной ситуации в Республике... Статья 4. Установить для решения вопросов, связанных с образованием Ингушской Республики, переходный период до марта 1994 года”. Как можно подписывать закон об образовании республики, не указывая ее границ и местонахождения? Что значит — в составе Российской Федерации? Россия большая. По такому закону Ингушетию и Чечню можно законно образовывать и на Колыме, и на Новой Земле, и даже в Москве. Ведь это тоже Россия. Видимо, хитроумные разработчики закона нашептывали на ухо Борису Николаевичу: пусть они там сами разберутся, перережут, перестреляют друг друга и угомонятся... Поистине, соломоново решение. И хотя через месяц (3 июня 1992 г.) Б. Ельцин подписал еще один такой Закон (“Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации”), который устанавливал переходный период уже до 1 июля 1995 года и уголовную ответственность за самовольные захваты территорий, ситуация не только не стабилизировалась, а еще более усугубилась — гнойный нарыв должен был лопнуть. Не хватило здравого смысла Президенту реально оценить обстановку на Кавказе, не пожелал он остановить кровопролитие своих подданных. Гибель сотен ни в чем не повинных людей в Северной Осетии, несомненно, и на его совести, каких бы спасительных мер он ни принимал впоследствии. Растерзанные жизни женщин, стариков и детей уже не вернешь.

АГРЕССИЯ

Они начали, как фашисты в сорок первом, ранним субботним утром 31 октября 1992 г. С четырех утра по разным дорогам из Ингушетии двинулись вооруженные боевики на землю Северной Осетии. Эта акция была заблаговременно подготовлена и тщательно спланирована. В состав бандитских формирований входили не только жители Ингушетии и Чечни, но и тысячи ингушей, специально прибывших по телеграммам из Казахстана и различных областей России. Накануне, в пятницу, все

водители ингуши, работавшие на автопредприятиях Владикавказа, угнали КамАЗы, автобусы и другой автотранспорт в сторону Назрани. Все 120 работников органов МВД СССР ингушской национальности сбежали в Ингушетию с табельным оружием. В день нападения в школы Пригородного района г. Владикавказа не явился ни один ингушский школьник, а большинство семей были заранее вывезены в Ингушетию.

Вот выдержки из хроники событий, зафиксированные в оперативном журнале Совета Безопасности:

“31 октября. 7 утра. Октябрьское. Группа вооруженных ингушей до 150 человек, прибывшая из Назрани, открыла огонь по постам ГАИ. Захвачены в заложники три сотрудника ГАИ и 10 человек войскового наряда, осуществлявших патрулирование на посту ГАИ у с. Чермен. Двое военнослужащих тяжело ранены. В с. Чермен прибыла автомашина КамАЗ, нагруженная стрелковым оружием, раздача которого местным ингушам началась тут же на дороге. В селениях Чермен и Куртат подожжены кварталы, где проживают осетины, имущество разграблено. В направлении Назрани движутся захваченные бандитами и угнанные из хозяйств скот и техника. Бандитами взято много заложников из местного населения этих сел. Со стороны Назрани наблюдается движение техники, КамАЗов, обшитых листовой сталью, БТРов, подтягиваются новые группы бандитов, вооруженные стрелковым оружием.

17 часов 20 минут. В районе с. Реданта ингушские экстремисты ведут обстрелы из минометов. В селах Куртат, Камбилеевское, Чермен подразделения ОМОН, национальной гвардии и народного ополчения ведут тяжелые бои с ингушскими бандитскими формированиями.

1 ноября, 10 утра. Продолжаются интенсивные боевые действия с ингушскими бандитами в районах населенных пунктов Дачное, Куртат, Октябрьское, Камбилеевское, Карца, Редант. Наиболее трагическая ситуация сложилась в селах Куртат и Чермен. За истекшие сутки в медицинские учреждения республики поступило 59 раненых. Четверо скончались от полученных ран. Нападавшей стороной были предприняты попытки разрушить Владикавказскую нефтебазу, уничтожить гидроузел. Бандитам помешали танкисты, охранявшие эти объекты. Начали прибывать подразделения войск специального назначения России, самолеты один за другим садятся в аэропорту и сразу — к местам боев.

12 часов дня. Число раненых и убитых точно опре-

делить невозможно. Но по поступающим сообщениям в с. Октябрьское на вчерашнее утро убитых от 9 до 12 человек, раненых более 20, в Чермене убито семь человек, число раненых установить пока не представляется возможным. Сообщено о факте зверского убийства участкового милиционера в с. Чермен Наболова и его семьи. Взорван райотдел милиции.

16 часов. Интенсивные перестрелки продолжаются в Октябрьском, Дачном, Куртате, Чермене, Южном, Реданте. Российским войскам дана команда занять позиции на границе с Ингушетией, освободить территорию Северной Осетии".

Но это были лишь слабые отголоски событий, трагизм которых еще не представляли себе жители Северной Осетии, пока не запылали дома во Владикавказе и не загрохотали танки по улицам, сносившие чердаки с засевшими на них снайперами-ингушами.

Мне удалось встретиться с очевидцами, принявшими на себя первыми чудовищный удар агрессии. Вот что они рассказали.

Н. Ахполова, русская, родом из Иванова, жена погибшего капитана милиции Ахполова:

— Мы жили в Чермене. В четыре утра муж поднялся по тревоге и ушел. И хотя дети еще спали, я тоже встала. Около восьми часов начался сильный обстрел, а мне казалось, что вроде бы ничего страшного, это у нас обычно бывало. Муж не позвонил, и я решила, что какой-то инцидент, и он занят. У нас по соседству было здание СПТУ, где я работала. И вот после девяти я вижу, что его занимают наши соседи-ингуши с оружием в руках, еще мальчишки даже. В окно я увидела подьехавшие БТРы, и тут же началась сильная стрельба. Я схватила детей, и, в чем они были, мы побежали в соседнее село. По нам стреляли вслед. За мной еще одна соседка бежала, и еще люди. Переночевали мы в соседнем селе и там находились еще дней пять. Потом пришел мой деверь и сказал, что мой муж погиб, и не просто погиб — его убили, потом сожгли, ничего не осталось. Домой мы кое-как приехали, хотя бы в гроб найти вещи, а в доме-то и ничего не осталось. Все унесли, все разбили. Похоронила я мужа, хотела вывезти кое-какой скарб, но пока эти два дня в соседнем селе была, из дома последнее унесли. Вот так я и осталась ни с чем, сейчас нахожусь то у того, то у кого... Две девочки у меня, одна в восьмой класс ходит, другая — в пятый... Сейчас хожу и прошу себе какую-нибудь кры-

шу. Там дом уже не подлежит ремонту, снарядами его бомбили, видимо, снайперы там сидели. То, что натворили, — ужасно, но что сделали с моим мужем — еще ужаснее. Дети даже не могут поверить — один гроб, и все. Вот и вся моя жизнь. Я не местная, здесь никого у меня нет, осталась вот на улице с детьми безо всего. А в селе нашем такой смертью двое погибли сразу первыми. Когда, говорят, ингуши приехали, они сразу БТР напротив здания милиции поставили, а муж мой дежурным был в этот день, он не мог никуда уйти. Вот сейчас ребят отпускают, они в заложниках были, а мой оставался, ему помощь через пятнадцать минут обещали. А этой обещанной помощи не было четыре дня, пока все село в порошок не стерли. Труп мы вывезли только через шесть дней, еле нашли его, остались только ботинки от него. И там был еще один, его друг, начальник отделения Демуров. Над ним тоже ужасно издевались, они опалили его, все выкололи, сожгли. Говорят, что когда у моего мужа пять патронов в обойме оставалось, он, наверное, автомат взял, думают люди, что у них там автоматы должны были быть, и тогда по нему гранату бросили, а потом сожгли...

З.Калагова, осетинка, жительница села Чермен:

— В субботу рано я отправила детей в школу, потом через время дети прибежали и кричат: “Война началась!” Я думаю: какая война, сама вроде ничего не слышала. Потом все начали кричать, что война. Говорят, ингуши вооруженные до зубов идут. Мы вышли на улицу, смотрим, а они на КамАЗах, и все машины, которые были в селе, уже в их руках. Потом они напали на милицкий участок, он горел первым. С того и началось. Нас пугали, ходили по домам, стреляли. В воскресенье все соседи собрались у нас, человек двадцать-двадцать пять, дом большой у нас, все боялись одни оставаться. Это было около четырех. И, видимо, кто-то им сказал, что здесь собралось много людей, и они наш дом окружили и начали стрелять. Мы решили бежать в Ольгинское. Я собрала в сумку детские вещи, и старший мой сын, ему тринадцать лет, первым вышел на улицу. Потом смотрю, его заталкивают в дом дулом автомата. Хорошо, что он не побежал. Я молю Господа, что он остановил его. Если бы он пытался убежать, его бы убили. Когда я увидела моего сына под дулом, я закричала; они забежали в дом, и я не могу вам передать, какие они были. Может, накуренные были, а может, пьяные, я не знаю. Они начали стрелять и тре-

бовать оружие. А я говорю: у меня нет оружия, откуда я его возьму! А они говорят: "Давайте, а то всех вас убьем!" Потом сосед наш бедный, шестеро детей у него осталось, забежал в другую комнату, а один бандит за ним вместе с нашим соседом Дасиговым (он сопляк еще, а уже автомат схватил, а мы же вместе с ним хлеб-соль делили, и он же над нами издевался), и эти двое начали стрелять через дверь в отца шестерых детей, думали, что там оружие. Кричали, чтоб он открыл дверь. А он не мог открыть, они уже убили его. Матперемат. Велели мне открыть дверь. Я открыла, а он уже мертвый. Потом этот сволочь, сопляк Дасигов, взял нож и при мне его зарезал, глаза выколол, а моя маленькая дочка (в первый класс ходит) со мной рядом стояла. Я думала, что она умрем с испугу. А он, подонок, взял ее платье и кровь вытирает, а ножи вот такие огромные... И что они только с нами там ни делали! Бабку мою 80-летнюю прямо в доме застрелили. За что? Потом говорят нам: "Собирайтесь и вперед!" А у меня муж со сломанной ногой, в гипсе. Я встала на колени, умоляю: оставьте его, куда же он... А они: "Давайте вперед, и все!" Нас всех вывели на улицу, стреляют всюду, дети плачут. Посадили меня с девочкой в машину, а мальчики там остались. Нас завезли в Назрань, в подвал загнали, а моих мальчиков нет. Я спрашиваю: "Где мои дети?" А они: "Ничего с ними не случится, они в другом месте". Потом там какой-то ингуш знакомый попался, он меня отвез к моим пацанам. В подвале я была семь дней, много нас там было. Не было даже, где сесть, не то что спать, и духота невозможная. Пацаны, которые нас охраняли, не могут врать, относились к нам хорошо, а те, которые с улицы приходили, готовы были разорвать нас на куски. Два раза они нам подложили взрывчатку. Девочка моя нашла ее под матрасом. С мужиками они ужас как обращались, а с женщинами — ничего. Нам без конца говорили: "Вы никому не нужны, Галазову не нужны, Чермен у нас в руках". Потом нас обменяли на ингушей. Дом наш в Чермене цел, но весь разграблен и разбит. Сейчас я в больнице с девочкой, она после этого сильно перепугалась, нервный срыв у нее. Туда я не могу возвращаться. Нам говорили: "Вы сами виноваты. Это наша земля. Почему вы не уходите? Рано или поздно эта земля наша будет. Если даже один ингуш в живых останется, все равно мы эти земли возьмем!" И все это были пацаны — восемнадцать, семнадцать, шестнадцать и

даже пятнадцать лет. Они все назрановские, но им помогали и наши местные ингуши, показывали дорогу. Мы смотрели на наших соседей, с которыми всю жизнь бок о бок прожили, и не верили своим глазам. И наш сосед стрелял в нас. Как после этого вместе жить?

Много показаний живых свидетелей привез я из Осетии в Москву. Чего там только не творили ингуши! Их отряды состояли из 10 — 15 человек, почти все под одной фамилией, все родственники или из одной семьи. Эти списки у меня перед глазами. Потрясает, что многим из них по 15-16 лет и каждый второй был с мешком анаши. Эта мерзкая шпана насильовала 10 — 12-летних девочек, отрезала им головы, которые вешали на заборах. Они четвертовали людей, снимали скальпы, сжигали, отрезали половые органы у мужчин и груди у женщин... Самым младшим не терпелось отличиться в кровавых делах: "Какой я мужчина, если я еще не убил ни одного осетина?!" Зверства и жестокость волчьих детей не знали границ. В Доме культуры с. Карца, например, в упор было расстреляно свыше двадцати заложников-осетин. И неужели все это сойдет с рук?..

Когда я прилетел во Владикавказ, мне показали свежий номер "Северной Осетии", опубликовавшей телеграмму из Назрани на имя Председателя Верховного Совета СО ССР А. Галазова: "Уведомление телеграфом гор. Владикавказ Галазову — Запомни лжец пока ингушская одна женщина будет стоять на ногах мы тебе не оставим свою родину и правый берег Орджоникидзе. Не всегда российская фашистская армия вас будет охранять и защищать российская фашистская армия найдет себе могилу на Кавказе российская фашистская армия мечтает уничтожить всех мусульман на Кавказе. Сперва мы вас уничтожим о каких переговорах с ингушами вы мечтаете — ингуши Пригородного района всего 850 подписей".

Кто же из этих нормальных, казалось бы, людей, женщин, черт возьми, сделал зверей? Кто уничтожил более пятисот жизней и сжег 3 тысячи домов, причинив ущерб Северной Осетии, более чем в 11 миллиардов рублей? Кто подкупил телерадиокомпанию "Останкино", показывающую в своих новостях пепелища и трупы осетин на осетинской земле под титрами "Ингушетия"? Следствие, конечно, установит истинных виновников этой агрессии, хотя термин "агрессия", увы, из области международного права. Но как бы ни квалифицировали юристы войну в Осетии, пытаясь подогнать дикие убий-

ства людей под соответствующие статьи УК РСФСР, — “массовые беспорядки” или “осетино-ингушский конфликт”, — ясно одно: это чудовищное преступление против конституционного строя России. И мне, откровенно говоря, не хотелось бы жить в одном отечестве с волками и тем более величать их гражданами России.

ИНГУШСКАЯ ХАМАРТΙΑ

Хамартия — это трагическая вина или ошибка, совершенная героем древнегреческой трагедии. К примеру, такую ошибку, влекущую героя к коллизии и катастрофе, совершил у Софокла царь Эдип. Подобным образцом “трагедии рока” может служить и ингушское “восстание” в Осетии, характеризующееся бессознательностью преступников, стоявших перед дилеммой, считать себя слепым орудием судьбы или принять на себя вину за свершенное. Соблазн решить проблему территорий военным путем подвел ингушский народ на грань национальной катастрофы, и теперь возможность территориальных уступок со стороны Северной Осетии становится крайне проблематичной, а конфликт, похоже, только вступает в фазу многолетнего военно-политического противостояния.

Видимо, ингуши — самый несчастный народ, ибо его судьба — цепь непрерывных трагических ошибок: в самые ответственные периоды своей истории они впадали в одно и то же заблуждение, не имея никаких иных подходов к идее выживания нации: то они все за Шамилем шли, то за большевиками, то против большевиков. Их горе-лидеры все время задирали этническую планку, без конца провоцируя свой народ перескочить через нее. Эта несоразмерность этнических возможностей и реальности приводила к гибели многие малые нации (если Моська все время бросается на слона, то слону это надоедает, и в конце концов он раздавит эту бешеную собачонку!). То же самое произошло с ингушским народом в последние годы: чечня снабжает своих братьев меньших оружием и толкает их изменить государственные границы на этнические. Поистине, средневековье! Кто сейчас в Европе возьмется вооруженным путем перекраивать Эльзас или Лотарингию — немцы или французы? Чья этническая территория Калининградская область? Мало ли что кто-то где-то когда жил? Что это за Ингушская республика из трех

районов и двух колхозов? О каком “восстании” твердят ингуши, устроив резню мирных жителей разных национальностей? По каким ущельям прячутся их лидеры, истекая желчью кровной мести? За что и кому мстить? Они поверили обещаниям Дудаева взять их в свою “Вайнахскую республику” в случае захвата Пригородного района и г.Владикавказа с его промышленностью и культурными учреждениями. Недурственно, однако! По-моему, и сам Дудаев не отдает себе отчета в том, что творит — стоит слону только поднять ногу, и не то что от Ингушетии, но и от Чечни мокрого места не останется! Отсутствие власти у ингушей, при четкой организации “восстания”, говорит о том, что руководящий и направляющий центр существует, а консультативно-координирующий орган, без сомнения, — в Грозном. Дудаев мечтает о создании Вайнахской республики от моря до моря, при этом завоевание территорий он пытается осуществить чужими руками. К примеру, руками ингушей, которым отводится роль пушечного мяса на пути русских “фашистских” танков. Достаточно вспомнить, что три района Ставрополя, выделенные союзным правительством для расселения ингушей, возвращавшихся из Казахстана в 1957 году, были захвачены чеченцами, а ингушей гнали селиться на территорию Северной Осетии. Такая же участь ждет их и в будущей Вайнахской республике — Дудаев отправит их на завоевание новых земель в Кабарду или Дагестан...

Во Владикавказе я встретился с директором Северо-Осетинского института гуманитарных исследований профессором С. Таболовым и попросил его прокомментировать ситуацию. Вот что он рассказал:

— Ложность в оценке происходящего привела к тому, что мы сегодня наблюдаем. Если бы не было законов, над которыми довлеет сиюминутная политика, все бы было иначе. Такой подход наших законодателей нарушает и Хельсинкские и все остальные договоренности. Такие указы и решения на высшем уровне провоцируют трагедии. Нигде в мире границы этнического проживания не совпадают с границами государственными. А нас сегодня всякие Ельцины и Старовойтовы призывают именно к этому. Ингуши — это не турки-месхетинцы, не татары и не немцы Поволжья. Ни те, ни другие, ни третьи не вернулись на старые места проживания. У ингушей была такая возможность, и они ею воспользовались. Но границы были скроены таким образом, чтобы не нарушались права тех, кто оказался на

этой территории после 1944 года. К середине 50-х годов Пригородный район Северо-Осетинской АССР территориально и экономически сросся с городом Владикавказом и оказался чрезвычайно плотно заселенным осетинским, русским, грузинским, армянским и другими народами. Именно поэтому вновь созданной ЧИ АССР решением советского правительства взамен маленького Пригородного района в порядке компенсации были отчуждены от Ставропольского края и включены в ее состав ранее не принадлежавшие Каргалинский, Наурский и Шелковский районы, в шесть раз больше по территории, с более плодородными землями. Но не наша вина, что чеченцы ингушей туда не пустили. И поэтому 11 населенных пунктов в рамках Северной Осетии оказались заселенными ингушами. Им была оказана огромная помощь правительства, и они получили множество льгот. Например, Постановлением СМ РСФСР от 12 апреля 1957 года каждой семье на строительство дома с надворными постройками было выдано десять тысяч рублей, на ремонт жилья — три тысячи, приобретение скота — полторы тысячи, единовременная помощь — пятьсот рублей... Кредиты для этих нужд в целом составили свыше 36 миллионов рублей, причем более 30 миллионов из них было списано государством позже. Чеченцам и ингушам было разрешено иметь в личных хозяйствах лошадей и почти неограниченное количество скота. Ингуши многие годы были практически освобождены от налогов, а сама Чечено-Ингушетия пользовалась большими льготами в снабжении материально-техническими средствами, промтоварами и продуктами. Бескорыстную помощь чеченцам и ингушам оказывали все соседние республики, края и области. Только в вузы и техникумы Осетии ежегодно на льготных условиях принимались сотни юношей и девушек чеченской и ингушской национальностей, им выделялись лучшие места в общежитиях, бесплатные санаторные и туристические путевки. По уровню обеспеченности жильем в Северной Осетии ингушское население было на первом месте по сравнению с русскими, осетинами и другими. Удельный вес ингушей в сфере распределения (торговля, бытовое обслуживание и т.д.) был самым высоким. Если взять газификацию, дороги, обеспеченность поликлиническую, то эти показатели — самые высокие в нашей республике в местах компактного проживания ингушей. Короче, говоря словами Галазова, мы пригтели на своей груди змею...

— Но Шеварднадзе заявляет, что осетины-де говорили

об отторжении Южной Осетии, а когда речь зашла об отторжении части нашей территории, то вы заявляете, что это несправедливо...

— Во-первых, Юго-Осетинская автономная область существовала как факт не одно десятилетие. А Ингушетия в составе Осетии никогда никаких структур не имела, даже сельсовета не было. Во-вторых, в Грузии все малые этнические группы выступают против основного этноса, а у нас же все этнические группы подверглись агрессии со стороны одной из частей. Это произошло по той причине, что общие нравственные тормозные колодки оказались выбиты. Отсюда и варварство и мародерство. И дело даже не в Кавказе и не в азиатчине. Проявления — да, азиатские, но сущность всего этого — безнравственность и безнаказанность. Враг номер один для ингушей сегодня (по опросам беженцев и заложников) — не осетины, а **р у с с к а я** армия! Враг номер два — чеченцы ("Мы думали, что они наши братья, а они нас предали"). И только враг номер три — осетины ("Они всегда были нашими врагами, и мы знаем, с кем имеем дело"). Вот такой расклад.

— Почему они напали? На что рассчитывали?

— Они отвечают: "Мы думали, что русский закон сработает, и мы решим все проблемы". А поскольку Чечня их не поддержала, то в течение двух недель произошло вот такое смещение ориентации...

— Какие возможности у генерала Аушева?

— Группа вокруг него очень зыбкая, рыхлая, она в любой момент может предать. Он это прекрасно знает. Он запретил все общественные движения и партии. Поэтому очень большая часть ингушей потеряла всякую надежду и на чеченцев и на русских. Эти люди будут вести партизанскую войну. А небольшая часть — муллы, совет старейшин (мы их называем Горской партией) — решила, что их спасение в Вайнахской республике. Конечно, есть еще кунтахаджисты — наиболее бедные слои населения, есть и баталхаджисты — наиболее обеспеченные ингуши. Золотой запас чеченцев-ингушей может соперничать с любой европейской страной, поэтому у баталхаджистов огромные возможности.

— Ну и какой выход из кризиса?

— Есть ингушская позиция — будем любой ценой отстаивать землю... Но я уверен, что надо наложить табу на обсуждение пределов границ на всех уровнях. Совместное проживание осетин и ингушей на территории Пригородного района на сегодняшний день невозможно.

Если Ельцин и Шахрай хотят сохранить Россию как державу, они не должны пойти на обсуждение границ. Чего делать нельзя? Нельзя вводить федеральное правление на так называемых спорных территориях. Это прямой шаг к реабилитации территориальной. Ингуши будут возвращаться, а осетины — нет...

Таким был диалог с С. Таболовым незадолго до моего отъезда из Северной Осетии. Ситуация там оставалась крайне сложной. Война продолжалась слухами и сплетнями, подкупам российских солдат, листовками и призывами чеченских и ингушских матерей. Вот одна из них, напечатанная тиражом в десять тысяч экземпляров и разбросанная по местам дислокации войск:

“СОЛДАТЫ РОССИЙСКОЙ АРМИИ!

На территории бывшего Союза ССР горят очаги межнациональной розни, и в каждый очаг бросают Вас. Это делают с целью нарушить узы дружбы и братства, сложившиеся веками между народами бывшего СССР. Вспомните Тбилиси, Нагорный Карабах, Абхазию, Таджикистан и другие очаги конфликтов, которые принесли неисчислимые жертвы противоборствующим сторонам.

За многими солдатами приехали во Владикавказ родители, а так же поступило множество телеграмм. Это все скрывают от Вас. Если есть желающие уехать домой, то можете обратиться к любому гражданину за территорией своей части и вам будет вручен билет на самолет и выданы 10 тыс. рублей на дорогу.

От имени стариков, матерей, ради жизни детей мы призываем Вас не допустить кровавой бойни на территории многострадаальной Чечни.

Мы, граждане молодой Чеченской республики, искренне хотим жить в дружбе и братстве с Россией и со всеми народами.

Да сохранит Вас Бог на благие дела на Земле!”

Приехавшие во Владикавказ родители и “множество телеграмм” — чистейшие выдумки, как и билет на самолет и десять тысяч. Сначала у солдата заберут автомат, а потом прибьют как злейшего врага. Слухи и “утки” — опасное оружие. На них неоднократно “клевали” компетентные комиссии из Москвы. В составе одной из них я ездил в указанный карьер, где якобы закопаны трупы десятков расстрелянных людей. Но там проверили каждый сантиметр земли и ничего не обна-

ружили. В депутатскую комиссию по обмену заложников поступила из Назрани информация: у вас в подвале театра и на стадионе — 6 тысяч заложников-ингушей. Сам ездил на стадион — ни души, а под театром нет никакого подвала. У ингушей в заложниках женщины и дети, у осетин — боевики. Семнадцатого ноября ездил на встречу с ними в одну из казарм. Их здесь около 60. Приводят двоих. Первому — 26 лет, коммерсант, приехал из России к матери с товаром (в конце октября!). Ничего не знает, ничего не понимает, бледен и труслив. Другому — 51 год. Тракторист, тоже ничего не знает и понятия не имеет, что происходит. Сажал в огороде чеснок, пришли и взяли. Смотришь на них — плакать от жалости хочется. А ведь оба были с оружием взяты! Ребята из охраны еле сдерживают себя: “Мы понятия не имели, чтобы заложников брать, но когда они стали целыми семьями наших вывозить, мы спохватились. Привозим их на обмен, а ингушская сторона вместо обещанного количества в два или три раза меньше людей привозит. Да и то — старух и детей. А вместо них вот таких боевичков требуют”.

Газета “Северная Осетия” опубликовала списки заложников-осетин. 231 человек, с указанием адресов их местонахождения. Генерал Аушев заявляет, что они не хотят возвращаться или их вообще нет по указанным адресам. Хотя поступают сведения, что люди содержатся в подвалах частных домов, с ними обращаются как с рабами. На следующий день я участвовал в операции по вызволению девяти заложников-осетин, которых пытались продать родственникам за 5 миллионов рублей. И ужас был в том, что погорелые и потерявшие все нажитое люди собирали по соседям деньги для выкупа. Видеть это было дико.

Из Назрани до поста ГАИ у с. Чермен — 8 километров. Ингуши подкупили солдат российской армии, и они на БТРе перевозят их туда-сюда за 50 тысяч рублей в один конец. Ингуши в военной форме ездят на БТРах с российскими солдатами и платят им за то, чтобы они подожгли тот или другой дом — русский или осетинский. Солдат подкупают и спаивают, провоцируют и держат в жутком напряжении. Судя по всему, это надолго.

Ребята из МВД привезли мне бумаги из архива одного из организаторов бандитского “восстания” Якуба Патиева из села Октябрьское Пригородного района, народного депутата ВС СО ССР. Типичнейший образец политической мафии. Вот что пишет он о себе в ре-

дакцию газеты "Кавказский край", которой предлагает свои стихи: "39 лет. Ингуш. По образованию филолог (учитель русского языка и литературы) и политолог. Пишу стихи, на русском языке. Стихи, статьи и заметки печатались в местной — Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской — печати. Бывший комсомольский и партийный работник. Как политолог и народный депутат Верховного Совета Северо-Осетинской ССР в основном занимаюсь межнациональными отношениями. Закончил очерк творчества классика ингушской литературы Идриса Базоркина (8 печ. л.)".

Здесь же собственноручное обращение "великого классика" И. Базоркина, ограбившего грозненские и орджоникидзевские издательства массовым переизданием своего "шедевра" под названием "Из тьмы веков", ни о чем не говорящего профессиональному литератору:

"Избирателям Куртатского территориального округа № 136.

Я, писатель И.М. Базоркин, обращаюсь к Вам с просьбой поддержать кандидата в народные депутаты Верховного Совета Северо-Осетинской АССР Патиева Якуба Султановича, которого знаю лично с 1972 года, как студента, историка, руководителя комсомола Северо-Осетинского госуниверситета.

Тов. Патиев, член Партии, всегда отличался в своей работе партийной принципиальностью и интернациональностью. В том числе он всегда был сторонником ингушской автономии.

Он кроме того честный и благородный человек.

21.01.90 г.

Идрис Базоркин".

Здесь же — письмо самого Патиева на имя "уважаемого товарища Суслова М.А.", в котором он возмущается событиями в Орджоникидзе 1981 года и клянется:

"...Как коммунист, прошу Вас, в Вашем лице, и Центральный Комитет нашей ленинской партии, сделать все возможное, чтобы подобные случаи не повторялись никогда! Я, как коммунист, всегда и везде буду бороться за то, чтобы каждым словом своим, каждым своим действием укреплять дружбу народов, добиваться на деле ленинского отношения ко всему передовому, лучшему и бороться против негативных явлений нашей действительности.

С уважением, член КПСС с 1978 года, зам. ком. роты по политчасти, старший лейтенант Патиев Якуб

Султанович. 15 ноября 1981 года.

Примечание: Беседа состоялась 28 декабря 81 года в Ногинском ГК КПСС".

Укрепление дружбы народов народный депутат Я. Патиев начал с требования передачи ему дома, якобы принадлежавшего его отцу до 1944 года. В заявлении на имя Председателя Совета Министров СО ССР Хетагурова С.В. он пишет: "В соответствии с Законом РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" прошу Вашего содействия в возвращении мне частного домовладения, принадлежавшего до высылки 1944 года моему отцу..." Ни справка Куртатского сельсовета, ни Центральный Государственный архив ЧИ АССР не подтвердили сведений о домовладении Патиева С.Х. в картотеках по учету спецпереселенцев за 1944 год. Наглая ложь, страсть хапнуть все и вся затмили мозги таким народным депутатам. Именно у Я. Патиева был обнаружен план вооруженного захвата пос. Южный с расстановкой танков и снайперов. Где он сейчас скрывается — это задача следственных органов. Но этого еще мало. Еще предстоит не только разыскать преступников, но и разоружить. А это вещь — чрезвычайно сложная...

Еще с лета в папке первоочередных законопроектов, которые должен был в срочном порядке принять Верховный Совет РФ, лежит Закон "Об оружии". Его принятие — наипервейшая задача наших дней. Осетинская гвардия за два дня перерегистрировала свое оружие, я видел эти списки, утвержденные временной администрацией. Но что касается ингушских бандформирований, то здесь — беда. Они скрываются в горах и ущельях, стреляют по ночам в мирных жителей и русских солдат. Они ни за что не разоружатся. Никогда! Так почему же беженец из Чермена, Куртата или Карцы должен возвращаться на свое пепелище безоружным, зная, что в любой час бандит, спустившийся с гор, может напасть с автоматом, а ему даже нечем будет защищаться?! Почему у него не должно быть оружия, если мы хотим возродить сгоревшие села и вдохнуть жизнь в Пригородный район Владикавказа? Но депутатам явно не до этого. Они заняты мордобоем по процедуре голосования...

Отсутствие власти, драчка за власть, наплевательское отношение к своим согражданам, откровенный обман простых людей спровоцировали ингушскую мафию на это кровавое "восстание". Тысячи забитых, озлобленных ингушей-неудачников сорвались с цепи, вымещая свой комплекс неполноценности на осетинах, русских, греках.

Они совершили свою очередную ошибку, и их трагическая вина требует и трагической расплаты. Теперь спасти ингушский народ от гибели может только его покаяние. Но хватит ли у него для этого ума — вот в чем вопрос. А хамартия — вещь страшная. Вспомним, что царь Эдип выколол себе глаза...

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Закон неволи	6
Воскресение Иуды Фомы	43
Дьявольская душа	58
Не гляди!	68
Закон сфрагидации	77
Юбилей	85
Серебряный Опарыш	103
Варфоломеева кость	119
Десятая заповедь	133
В плену у наркомафии	195
Как казак на Днестре качан парил	205

ОЧЕРКИ

Убийство по-борисоглебски	250
"Я хотел быть попом..."	268
Явасские однохлебки	283
Таксисты и мафия	296
Рижский ОМОН в Тюмени	314
Обоюдное озверение	337
Владычица грузинской демократии	359
"Троянский конь"	388
Осетинская трагедия	404
Ингушская хамартия	421

Логинов Владимир Михайлович

Ад криминала

Художник Максимов А.М.

Формат 84 × 108 1/32. Бумага офс. № 2
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21 + 1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 22,68
Уч.-изд. л. 23,12 Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1717

Издательство ИЧП «Мистикос Логинов»
113205, Москва, Сумской пр-д, 21

Издательское товарищество «Адамантъ»
113162, Москва, ул. Мытная, дом 23

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Государственном ордена Октябрьской
Революции, ордена Трудового Красного
Знамени Московском предприятии «Первая
Образцовая типография» Министерства печати
и информации Российской Федерации. 113054,
Москва, Валовая, 28

Книга издана на средства автора. В ней использованы фотоматериалы корреспондентов информационных агентств Азербайджана, Грузии, Приднестровья, Северной Осетии, фотокорреспондентов журналов "Воскресенье. Советский Союз", "Огонек", сотрудников МВД России и автора.

